

Елена Шелинс

ТЛЕН И ПЕПЕЛ

Первым восставшим мертвецом в моей жизни стала родная тетка, Айседора Орул, в девичестве Извич.

Я запомнила ее как улыбчивую круглощекую толстушку, которая вечно совала мне то румяное яблочко, то пирожные с кремом, приговаривая, что негоже знатной молодой госпоже походить на чахоточную. Попытки тетушки поправить мою фигуру, правда, проваливались с треском, — я всегда оставалась худой, как бы много ни ела.

Айседора все жалостливо вздыхала, сетуя на тонкую юношескую кость, да и подъедала втихаря все оставшиеся сладости со стола. Больше десертов она любила только хорошую шутку, и раскатистый хохот пышной женщины сотрясал стены фамильного поместья каждый раз, когда она навещалась к нам в гости.

За всем этим фасадом жизнелюбия, улыбками и смехом, увы, скрывалось нечто иное. Похоронив в один год всех троих своих детей, унесенных тяжелой болезнью, тетушка стала все чаще прикладываться к горячительному. И однажды она хорошенько набралась для храбрости, ускользнула от слуг и повесилась в собственном саду, прервав тем самым терзающие ее душевные муки.

Господин Сэм Орул, муж Айседоры, едва не умер от горя на том же месте, где его застала дурная весть. Сердце пожилого мужчины выдержало лишь благодаря усердным стараниям лекарей. Он смог прийти в себя к похоронам возлюбленной жены, но основные хлопоты по их подготовке успели почти полностью лечь на плечи моих родителей.

Благородный род Извечей, к которому я принадлежала, славился древними корнями, уходящими едва ли не в те времена, когда на месте Рулеви существовали лишь небольшие разрозненные поселения. Тетушка Айседора и после замужества упорно причисляла себя к нам, а не к Орулам, и не единожды выражала самое горячее желание когда-нибудь быть похороненной в обширном семейном склепе Извичей, ближе к предкам.

Сэм Орул, которого всегда это возмущало, в итоге не стал оспаривать решение моего отца выполнить волю покойной: то ли из-за искреннего намерения исполнить желание Айседоры, то ли из-за неспособности спорить в час столь глубокого горя.

Мне было двенадцать.

На церемонии прощания я стояла так близко к гробу, что различала рельеф толстого слоя пудры выбеленных щек покойницы и чувствовала неприятный запах лака, покрывающего жесткие завитки темных кудрей вдоль округлого лица.

Совсем рядом сгорбилась успевший всего за несколько дней превратиться в дряхлого старика Сэм Орул. В почерневшем взгляде господина Орула плескалась глухая невыносимая тоска, перемешанная с уже застарелой, но от того не менее мучительной болью, вызванной многократной потерей близких.

На похоронах двоюродных братьев я, по настоянию матери, не присутствовала, и до этого момента никогда так близко, лицом к лицу, не сталкивалась со смертью.

В народе говорят, что у всех урожденных некромантов есть дефект, этакая душевная патология: никто из них по природе своей не способен оплакивать мертвых и испытывать к ним даже малейшего сострадания.

Но в тот день, вопреки всем глупым сельским поверьям, я с трудом сдерживала прорывающиеся рыдания, и дело было явно не в том, что тогда я просто не знала, какими способностями одарила меня природа. Я искренне и всей душой жалела так рано ушедшую от нас тетушку, ее поседевшего мужа, с трудом дышащего от горя отца, потерявшего в лице Айседоры сестру, и, отчего-то, очень остро, саму себя.

Я не обращала никакого внимания на то, чем именно были заняты что-то бормочущие себе под нос жрецы. Их худобу, вызванную многочисленными постами, не смогли скрыть даже просторные темно-зеленые одеяния с черной окантовкой. С застывшим выражением скорби на вытянутых лицах, жрецы богини с торжественной медлительностью проводили ритуал освобождения души, обязательный для всех самоубийц.

Я заметила, как в плоской темной чаше у изголовья покойной зажгли подсыхшую ветвь, только когда в нос ударил горький едкий дым, заставивший всех стоявших рядом с гробом неприлично раскашляться.

Уже сложно сказать, где именно в тот день ошиблись служители Брианны. То ли ветку многолистника сорвали с умирающего дерева, то ли само наложенное заклинание освобождения не сработало из-за слабых способностей жрецов, — да и сотворенные не некромантами подобные чары по определению не могли быть сильны. Но, так или иначе, душа тетушки, вопреки всем прогнозам и ожиданиям, не спешила покидать тело и отправляться к сыновьям в мир Иной.

По стечению обстоятельств, на третий день после тягостных похорон я засиделась на улице допоздна.

Стоял теплый, но душный вечер середины лета. Воздух наполнял сладкий медовый запах солнечника, и стоило случайно коснуться огромных желтых цветов, как пыльная пыльца щедро сыпалась на одежду.

Мать и отец надолго уехали по делам из поместья, а моя гувернантка, всегда отличавшаяся рассеянностью и ветреностью, отлучилась на кухню, где заболталась с поварихой.

Я лежала на покрывале в саду под вишневыми деревьями, отложив в сторону закрытую книгу. После похорон тетушки я не могла заставить себя прочесть и строчки, словно все вокруг разом выцвело, поблекло и лишилось какого-либо смысла.

Двери нашего семейного склепа никогда не закрывались. Все наши предки спали самым благочестивым из мертвых снов, как и положено всем благородным. Я сидела в сумерках совсем одна, погруженная в свои мысли, и не могла даже предположить, что надо мной нависла смертельная угроза.

Из оцепенения вывел странный шорох. Шелест задетых ветвей, легкое шуршание листьев.

Я даже не обратила бы на это внимания, если бы не совершенно новое пронзительное чувство, волной прокатившееся от груди к самым кончикам пальцев. Повеяло холодом, надвигающейся угрозой и чей-то едкой, пронзительной злостью.

Мертвые могут перемещаться невероятно быстро, даже если при жизни были неуклюжи. Особенно только что восставшие, движимые еще трепещущим и обостренным чувством несправедливости. Мучимые никогда не стихающим внутренним огнем, они находят себе кратковременное и единственное утешение в том, чтобы заставить других разделить их незавидную участь.

Я успела лишь привстать и повернуть голову к источнику звука, как нечто с силой повалило меня на спину, едва не проламывая ребра.

Глухой вибрирующий рык. Отвратительная вонь.

Челюсть чудища, нависшего надо мной, была широко разинута, пудра с щек сползла, обнажая трупные пятна. Словно не видя, вперед уставились выпученные мутные глаза без единого намека на радужку.

Секунда потрясенного онемения, и я пронзительно завизжала.

Пальцы с силой уперлись в ледяной лоб мертвеца с целью как можно дальше оттолкнуть жуткую образину, в которой я никак не могла признать свою тетку, и это

ледяное прикосновение окончательно затуманило рассудок.

Единственное, чего я желала, чтобы все происходящее немедленно закончилось. Чтобы это существо испарилось, исчезло с лица земли.

И голубоватая вязь заклинания сложилась сама собой, стягиваясь в одну ослепляющую точку. Пальцы пронзило колкое тепло. Вспышка, — и меня осыпала тяжелая груда мелкого тлена с остатками костей, а над головой чуть слышно прошелестел ветер, играя листьями вишневых деревьев.

Так и ушла в мир Иной душа тетушки Айседоры, отпущенная на тот свет моей рукой.

Я с трудом выбралась из навалившейся на меня кучи. Ноги, ватные и дрожащие, не слушались.

Прах осел на волосы, тонким серым слоем лег на лицо. Тело трясло в лихорадке. Я кое-как отползла и, ничего не соображая, забилась в угол близстоящей беседки.

Там меня, рыдающую от беспомощности и ужаса, и нашла гувернантка. Когда она увидела останки нежити на разложенном покрывале, то завизжала так громко, будто сама только что не стала жертвой восставшего мертвеца.

Слово «некромантия» прозвучало на следующий день как гром среди ясного неба.

Родители стояли у серой груды тлена, бывшей когда-то моей теткой, чье исчезновение из склепа уже успели обнаружить, и, онемевшие, выслушивали хмурого жреца Брианны, худого старика в выцветшей рясе.

— Может, это ваш ритуал по упокоению не сразу набрал силу? — вежливо проговорила мать.

Ее голос оставался спокоен, но глаза выдавали животный страх. Я стояла рядом чуть поодаль ни жива ни мертва.

Даже в двенадцать лет я прекрасно понимала, что иметь врожденные способности к некромантии означало подписать себе смертный приговор.

Никакой более вид магии так сильно не порицался в Рулеви. Для борьбы с носителями темного дара когда-то создали Инквизицию, и она до сих пор проводила публичные казни на главной площади столицы, сжигая пойманных ею некромантов.

Служитель Брианны беззвучно пожевал высохшими от старости губами и посмотрел на меня, оценивая.

Я производила впечатление хрупкого и чувствительного ребенка, в действительности и являясь им в свои двенадцать. Еще не девушка, а очень худенькая девочка с огромными глазами в темную зелень и пышной шапкой кудрявых волос, я совсем не походила на отвратительного монстра, коим простые обыватели в воображении обычно рисуют некроманта.

— Это ошибка, — отрезал отец. — Вероятно, сработало какое-то старинное защитное заклинание семейного склепа. Наши предки чтит покой мертвых.

Прежде чем старик ответил, отец быстро достал увесистый кошель и решительно сунул его в ладони служителя:

— Древняя магия непредсказуема. Примите эту скромную плату за этот... бестолковый вызов.

Служитель тяжело вздохнул. Словно нехотя убрал кошель в ветхую поясную сумку.

— Конечно, господин Извич, вы абсолютно правы, древняя магия непредсказуема. В таком случае, думаю, мне придется раз в месяц за скромную плату проверять, как на склепе ведут себя... эти старинные заклинанья.

Мать с облегчением кивнула, а в глазах отца на краткий миг зажглась ярость.

Думаю, это был первый действенный шантаж в его жизни. Но он слишком меня любил, мой папа. Я была таким долгожданным и выстрадавшим ребенком, единственным, кого смогла выносить моя болезненная мать...

Тетушку вернули в склеп, который вскорости запечатали, а Сэм Орул едва не получил второй инфаркт, узнав, что за участь посмертно досталась его обожаемой жене. Моя семья постаралась как можно скорее забыть о случившемся, словно негласное табу на упоминание о восстании тетушки Айседоры могло что-то изменить...

Да, к счастью, никому бы и в голову не пришло всерьез подозревать во мне носителя темного дара. Но нельзя сказать, что я совсем не выделялась среди прочих отпрысков нашего круга.

Для маменьки оказалось непросто признать, что в большинстве занятий, которые должны выходить у благородной девушки сами собой, я потерпела фиаско. Рукоделие раздражало, пальцы деревенели, едва я брала иголку и нитку, игра на пианино не давалась, и разве что танцевать я выучилась сносно.

Точные и естественные науки, напротив, шли легко. Я часами решала математические уравнения, сидела над алхимическими зельями или читала очередные исследования о животных. Отец имел привычку при близких нам гостях удрученно качать головой и говорить, что боги даровали ему девчонку с умом мальчишки, но сам в глубине души искренне ликовал, и часто подбрасывал мне задачку-другую.

Наше состояние позволяло мне обучаться на дому. Поэтому круг моего общения в детстве складывался из чад приятелей матери и отца, а также отпрысков прислуги.

И мне, как единственному, и что уж тут, избалованному ребенку, позволялось слишком многое для дочери из высокородной семьи. Я могла, не накликав большого наказания, залезть на высокую старую яблоню и изорвать к немилостивому Вернису все платье, или же без спроса умчаться с мальчишками на заре ловить рыбу. Все это — нонсенс для воспитания девочки, единственной наследницы знатного рода.

И пусть у меня не было никаких видимых склонностей, которые могли бы повлечь за собой интерес к магии смерти, однако мой характер выделялся дотошностью и любопытством, отчасти поощряемые образом воспитания, которого придерживались родители.

После происшествия с тетушкой и слов служителя Брианны, я очень хотела убедиться, что жрец в корне ошибался, заподозрив у меня и крупницу темного дара.

Как у любого уважающего себя семейства, у нас имелась огромная библиотека, занимающая целый этаж северного крыла особняка. Я была ее завсегдатаем, и никто не обратил внимание, что через несколько дней после случившегося я засела за книги.

Но и без этих книг я кое-что знала.

Некромантов в Рулеви ненавидели и боялись. Их считали отбросами, недолюдьми, оскверненными по природе своей. Некромантия в глазах общества — некая патология, воплощение самого зла как оно есть. Носители темного дара представлялись обществу в образе полубезумных моральных и физических уродов. Ими пугали детей, истории про них рассказывали шепотом за закрытыми дверьми.

Притом, мертвецы восставали регулярно. Такова реальность нашего мира — магия, насквозь пропитавшая землю и воды, стала как великим благом, пробуждающим природу, так и великим злом, вливающей жизнь в то, что должно остаться мертвым. Если что-то бредило несчастную душу и не давало спокойно уйти, она скреплялась с телом и мучила поначалу себя, а затем и тех, кто попался ей под руку.

Жрецы богини жизни Брианны проводили специальные обряды над телами несчастно

убиенных и самоубийц, которые предотвращали превращение умершего в нежить.

Оживших мертвецов ловили и сжигали. Этим занималась Инквизиция, которая считала себя обязанной очистить мир от любого проявления скверны, будь то некромант или восставший труп.

Отчего-то среди простонародья и некоторых аристократов ходило заблуждение, что только некроманты способны использовать магию смерти. Но я, будучи действительно хорошо образованным ребенком, с детской непосредственной не понимала, почему. Некромантия, каким бы мрачным ореолом ее не окружали, была лишь одним из видов магии, пусть и строжайше запрещенным. А значит любой человек с магическими способностями мог обратиться к ней, используя самые элементарные заклинания некромантов.

Я умела делать небольшие светящиеся шарики-огоньки, так называемые светочи, которые освещали комнату лучше свечей, что было самой примитивной, но, как не крути, настоящей магией стихий. Но я никогда не смогла бы создать молнии или призвать грозу, ведь для этого требовалась особая одаренность.

И мне оставалось лишь разобраться, где в некромантии проходит та грань, за которую может пройти только природный некромант, истинный носитель темного дара, которого все так бояться.

Естественно, особого раздела по некромантии в семейной библиотеке не существовало. Но книги по противодействию некромантам не были вне закона. А как известно, если хочешь сам получить взрывчатое вещество, купи руководство на тему того, чего ни в коем случае не стоит делать в алхимии.

Большая часть из найденного о магии смерти зачем-то демонизировалось и преувеличивалось, ведь оно никак не соотносилось с существующими магическими законами. Некромантов наделяли сверхъестественными способностями, с которыми они могли давным-давно поработить весь мир и основать свою империю зла. Найти что-то толковое оказалось сложной задачей.

Но я нашла.

Подробное описание некромантского обряда с оживлением неживого я обнаружила, к своему искреннему изумлению, в старинном фолианте «Убиение нечестивцев», описывающем самые известные судебные процессы над повелителями мертвецов и гнили.

Во времена первых чисток, когда Инквизиция только начала зарождаться, некромантом могли объявить практически любого, доверяясь самому невнятному свидетельству со стороны. Так как имущество несчастных переходило доносчику, в некромантии легко обвиняли и старенького пекаря, и юную цветочницу, которые имели, возможно, чего-то чуть больше, чем их завистливые соседи. Это не самая приятная страница рулевской истории, которую не принято широко обсуждать, но у всенародного помешательства тех лет были свои причины.

Жесткие гонения начались к концу самой кровопролитной войны в истории человечества. Так называемой тысячелетней войны с вампирами, когда-то решившими, что свобода простых разумных рас изжила себя как явление. И что пища должна стать более покорной.

Простой народ Рулеви к тому времени и так сильно недолюбливал некромантов. К магам смерти относились даже хуже, чем к палачам, которым запрещалось жить в черте города.

Рулевия вместе со странами-союзниками боролась против вампиров. Те когда-то были обычными людьми, но после смерти обрели новую жизнь совершенно иного порядка, и малограмотные простолюдины часто ошибочно принимали их за восставших мертвецов. Свою ненависть народ легко переносил на тех, кто был связан с настоящей нежитью. И небеспочвенно, ведь множество некромантов действительно являлись с вампирами, благосклонно относившимися к магии смерти. Кровопийцы, желая внести раскол, обещали носителям темного дара особые привилегии в их новом мире, если повелители

мертвых присягнут им на верность.

К переломному моменту войны количество убитых перешло все мыслимые и немыслимые границы. На землях, разоренных войной, сам воздух пропитался смертью. Большая часть воинов погибла, не успев закончить свои земные дела, и просто не могла избежать участи стать восставшей нежитью.

Войско мертвецов, образовавшееся в ходе битв само собой, привлекло внимание группы некромантов, жаждущих власти. Известно, что брать под контроль уже восставших мертвых намного легче, чем их поднимать. И воистину огромная армия мертвецов вероломно ударила в спину защитникам страны, которые из последних сил бились за права смертных.

Разобрались с предателями жестоко и не церемонясь. Стерли с лица земли, развеяв пепел их сожженных тел вместе с пеплом, оставшимся от армии нежити. А после, подгоняемые гневом населения, измученного и озлобленного в бесконечной войне, принялись за глобальные чистки, объявляя, что мы никогда не выиграем, если не изгоним скверну из собственного дома. Эта была месть за предательство, которое окончательно подтвердило для общества гнилую природу некромантии.

На ряду со множеством явно сфабрикованных дел, содержащихся в фолианте, были дела и настоящих носителей темного дара. Где-то между красочными на детали пытками прачки и свидетельствами о некрофилии, будто бы учиненной едва стоящим на ногах старичком, имелись весьма интересные записи о причастности к запретной магии некоего Антуана Джорини с подробным описанием ритуала, за которым подглядела его служанка. Знатных судили значительно реже простолюдин, и только имея на руках подобные железные доказательства, а этот ритуал, как писал автор трактата, был хорошо известен Инквизиции.

Он-то мне и был нужен. И я начала свои первые тайные приготовления, в результате которых планировала лишь убедиться в том, что у меня ничего не выйдет.

Конечно, я была еще ребенком с незамутненным представлением о дозволенном. В более сознательном возрасте я вряд ли бы потащила в свой укромный закуток под крышей дома запылившийся скелет гиеноподобной собаки. Требовалось что-то относительно крупное, Антуан использовал в свое время скелет волка, благо, эти жуткие коллекционные вещицы отчего-то очень долго были популярны у знати. Тащила я этот раритет ночью, обливаясь потом от страха, что меня заметят и решат невесть что (хотя в случае моей поимки были бы верны именно самые нехорошие предположения).

В результате транспортировки у бедной почтенной собаки отвалилась задняя лапа, что стало самым настоящим неуважением к памяти несчастного животного. Этот момент настолько меня зацепил, что я уже хотела отказаться от безумной затеи.

Но скелет, пропажу которого так и не заметили, покорно стоял и ждал своего часа в моем укрытии, как и слегка подсушенная охапка утренней нечай-травы с парой горстей земли, накопанной прямо на пороге семейного склепа.

И я поняла, что мне достаточно просто попытаться провести ритуал, провалить его и окончательно убедить себя в том, что нет во мне никакого проклятого дара. Что я невиновна и вполне нормальна, без затаившейся гнильцы, которая рано или поздно может превратить меня в нечто ужасное.

Я так сильно волновалась, что даже свечки вышли с третьего раза.

Нечай-траву я сожгла в глиняной миске. Густой дым тут же поплыл под потолком и заполнил небольшое помещение.

Ритуал был ученическим и простым для выполнения, но, если верить комментариям процесса над Антуаном, требовал наличие настоящего некромантского дара, — слишком уж крупный использовался скелет.

Земля, накопанная у склепа, несла в себе свежую энергетику смерти, которой было уже так мало в иссыхающих костях реликвии. Дым нечай-травы служил превосходным

проводником, несколько упрощая задачу. От меня требовалось лишь обратиться к своей внутренней силе.

Я не пыталась создать себе особой настрой. Просто, поправив длинную юбку платья, неловко присела прямо на дощатый пол напротив пожелтевшего от времени скелета, уставилась на него и, привычно направив силу, как когда-то учил преподаватель по общей магии, пожелала.

Скелет гиеноподобной собаки чуть слышно скрипнул, ускорив ритм моего сердца. А затем, с задором задирая лапы, живо прогарцевал вправо бочком на трех оставшихся конечностях, со звонким треском ударился об стену и тут же рассыпался в мелкую крошку.

Еще с полминуты я, ошеломленная, недвижно рассматривала результат своих трудов.

Потом поднялась, медленно прошла мимо лежащей на полу кучки к небольшому окошку. Встала на цыпочки и распахнула его, чтобы развеять стоящий в тесной комнате запах.

Свежий воздух привел в чувство. Не было слез или громких истерик.

Я педантично вымела остатки скелета вместе с землей, втихоря выбросила, не забыв избавиться и от оставшейся целой конечности скелета. Самым тщательнейшим образом отмыла миску и еще раз проветрила комнату.

И только после всего этого почувствовала первое в жизни стойкое отвращение. Отвращение к самой себе.

Смотрясь в зеркало, я видела монстра. Маньяка, который только что замел следы своего чудовищного преступления.

Но ярче всего было чувство вины. Чем мои родители заслужили все это? За что боги назначили им столь жестокое наказание?

Всем известно, что не развивать свой природный магический дар чревато. Это было еще одной причиной, по которой избавлялись и от тех, кто ничего толком не умел. Подобные способности — они выше любых наших устремлений. С момента их обнаружения, именно они определяют твою судьбу, а не ты.

Но я твердо решила — пусть лучше меня в молодости сожрет изнутри недуг, не поддающийся лечению, чем я буду хоть как-то причастна к магии смерти.

Следующие пять лет я запрещала себе даже вспоминать о случившемся с теткой и проведенном обряде. Это оказалось куда легче, чем можно подумать. Заботы молодости вновь захлестнули меня и позволили выкинуть из головы тяжелые мысли.

Темный дар меж тем спал, ожидая своего часа...

***

Когда тебе семнадцать, вылазки с мальчишками уже неуместны.

С момента тех злополучных событий взгляды, кидаемые на меня представителями противоположного пола, сильно изменились, что до сих пор приводило меня в замешательство. Трансформация из девочки в девушку внесла определенные коррективы, и матушка свела на нет все мои легкомысленные прогулки с детьми прислуги.

К тому же она решила взяться за мое просвещение, и все чаще, к месту и не к месту, вела неопределенные беседы о высшем предназначении женщины. По делу маменька сказать так ничего и не решилась, а после я начала находить в своей комнате словно невзначай оставленные любовные романы, к слову, абсолютно невинного содержания.

Я же к тому времени в силу своего любопытства успела ознакомиться с нанийским трактатом «Сладкий сок персикового сада», где кроме красочных описаний были и весьма живописные картинки, на которых физическим способностям нанийцев могли позавидовать и бывалые акробаты.

Впечатление осталось противоречивое, но аура особой таинственности вокруг данного вопроса развеялась. Томно вздыхать над любовными романами, подобно многим своим сверстницам, меня так не потянуло.

Кроме странных и даже забавных бесед с мамой, которые не приносили мне особых неудобств, появились и куда более насущные проблемы.

Я была единственной наследницей знатного и, как мне казалось, богатого рода, а, следовательно, лакомым кусочком для того, кто искал выгодной партии своему отпрыску. Да и мужчины постарше моего отца, Вернис их раздери, начали выказывать заинтересованность в моей персоне. Масла в огонь подливало и то, что чем я старше становилась, тем больше походила на свою хрупкую красавицу-мать.

Я еще не выходила в высший свет в статусе потенциальной невесты, но родители уже успели получить множество предложений по поводу устройства моей судьбы. Хвала богам, отец был категорически против обсуждения этого вопроса всерьез.

Но в один день я поняла, что все не так просто...

В промозглый весенний вечер я, возвратившись с ежедневной прогулки раньше обыкновенного, привычно направилась в кабинет отца. Еще утром он обещал обсудить со мной один из заинтересовавших меня трактатов по алхимии, но в течение дня так ко мне и не поднялся, поэтому я решила напомнить ему об этом сама.

Дверь комнаты, где он работал и принимал посетителей, была приоткрыта. Я, уже собираясь войти внутрь, замерла, вдруг услышав незнакомый мужской голос.

Нет, к отцу имели привычку захаживать самые разнообразные гости, и знать их всех я не могла. Но что-то было в этом голосе такое, что я остановилась, чувствуя прозвеневшую в воздухе опасность.

И прислушалась.

— ...да и возраст вашей дочери почти подошел. А учитывая финансовое положение вашей семьи на текущий момент, замужество Клариссы будет самым разумным шагом с вашей стороны...

— Вы... — судя по тону, отец вышел из себя, чего за ним обычно не водилось. — Вы вообще отдаете себе отчет, что произнесенное вами, фактически, является оскорблением?.. Кем вы себя возомнили?.. Да что вы вообще можете знать?! Явились в столицу с неделю назад и уже делаете вид, что...

— О, извольте, я знаю о вас достаточно. И про пагубное увлечение игрой в пан чо на

деньги по вечерам четверга у почтенного господина Когнетери, и про то, как паршиво идут ваши дела. Владения не приносят прежней прибыли. Предприятие на грани банкротства из-за очевидной бездарности управляющего, и ваш двоюродный брат уже немало безвозмездно отдал вам, чтобы покрыть часть расходов. Но толку... В прошлом месяце вы продали имение покойной матери, и этого все равно не хватает. Вы живете, все так же шикарно и делая для общественности вид, что ничего не происходит... А ваша жена в курсе, что вы проедаете последние деньги? Как нерачительно...

В кабинете повисло тягостное, давящее на нервы молчание.

— Пошел вон, — четко произнес мой отец. — Пошел вон отсюда!

Я едва успела отступить назад, когда из кабинета пулей вылетел молодой мужчина в темно-зеленом камзоле, расшитом золотой нитью. Яростный взгляд его глаз цвета болотной тины прожег меня насквозь прежде, чем незнакомец успел взять себя в руки.

Он был выше меня на две головы. Его безукоризненную внешность с благородным лбом, пересекаемым выбившейся прядкой светлых волос, и высокими тонкими скулами портил, на мой вкус, лишь нос с легкой горбинкой да жесткая складка у уголка тонких губ. Эта складка, пожалуй, меняла весь его облик, придавая внешности обычного франта легкий налет хладнокровного мерзавца.

Я сдержанно кивнула и чуть присела, ровно настолько, насколько обязывал меня этикет, больше мечтая о том, как бы отвесила гостю крепкую пощечину за тон, с которым он смел разговаривать с моим отцом.

Мужчина некоторое время молчал и растерянно разглядывал меня, затем развернулся и быстрым шагом удалился прочь.

Через несколько секунд отец вышел из кабинета. Видимо, он желал убедиться, что неприятный гость ушел, а не топчется под дверью.

Встретившись со мной взглядом, папенька застыл на месте, застигнутый врасплох моим присутствием, и тихо спросил:

— Ты... ты же все слышала, да?

Я мрачно кивнула. Отрицать этого не имело смысла.

Папа замешкался, сильно бледнея, затем наклонился и крепко-накрепко меня обнял:

— Не думай об этом, Кларисса. Я решу все наши финансовые проблемы. И... только ты примешь решение, когда и за кого тебе выходить замуж. Все эти вещи тебя не коснутся, обещаю. Я что-нибудь придумаю... должен придумать. Только умоляю, не говори матери! У нее такое хрупкое здоровье, ей ни в коем случае нельзя нервничать...

Папенька много еще чего наговорил, стараясь меня успокоить, — хотя успокоение требовалось больше ему самому. Но при всех его заверениях, было очевидно, что он находится в крайней степени отчаяния, а значит, наше положение не просто плохо — оно чудовищно.

Это открытие поразило и легло на душу тяжким бременем.

Я ощутила, что вещи, казавшиеся незыблемыми в моем тесном комфортном мире, в одно мгновение рассыпаются в ничто. Что и моя семья, несмотря на все наши регалии, может оказаться в уязвимом положении.

И боги мне свидетели, я никому больше не позволю давить на отца, как это сделал тот светловолосый мерзавец.

В волнении я пришла в библиотеку, куда принесли меня ноги. В голове роилась тысяча бессвязных мыслей. Что я могу сделать? Как мне быть?

Да, гость отца был в чем-то прав. Единственное, что мне оставалось, — во имя блага семьи выйти удачно замуж за богатого человека.

Это вызывало тупое бессилие. Умом я понимала, что брак по расчету — удел любой девушки из благородной семьи, и он не так уж и плох, но меня растили в свободе и всяческом дозволении... Я не могла даже мысленно втиснуться в рамки купли-продажи, где мне была отведена роль безвольной вещи.

К тому же, даже принеся себя в жертву, я не смогла бы дать полного успокоения близким. Если наше финансовое положение так ужасно, они будут вынуждены ходить на поклон к моему будущему мужу. Какое унижение... Это раздавит моего гордого отца.

Желая выместить накопившую злобу, я изо всех сил стукнула ребром ладони по боковой стенке книжного шкафа. На мгновение мне показалось, что дерево отчего-то чуть мягче, чем оно должно быть. В ноздри ударил кисло-сладкий запах влажной гнили.

Я убрала руку и с изумлением уставилась на большую вмятину на вмиг отсыревшем дереве, стремительно разрастающуюся прямо на глазах.

Когда до меня дошло, что именно может быть причиной этого внезапного разложения, я так резко отшатнулась, что задела стоящую за спиной вазу.

Та разбилась с оглушительным звоном.

Всемиловитые боги, я опять сделала это. Использовала свой нечестивый проклятый дар.

За дверь послышался топот, и первой моей мыслью было дать деру. Я с трудом собрала волю в кулак и придала себе ошеломленный вид, когда в помещение забежала служанка.

Ее взгляд напоролся на разбитую вазу, поднялся выше, скользнул по мне и уперся, наконец, в огромную дырку в стене книжного шкафа, которая, хвала всем существующим богам, хотя бы перестала увеличиваться в размерах. Плотные утрамбованные книги грозили вывалиться вниз, вокруг отверстия темной каймой шел прогнивший слой дерева.

— Госпожа... — пролепетала девушка. — Что же это такое?

— Не имею не малейшего понятия, — отрезала я. — Это ты мне лучше объясни, что это? Что с этим шкафом? Кто допустил, что мебель здесь пришла в подобное состояние?..

Служанке явно нечего было мне сказать, она в панике открывала и закрывала рот, как выброшенная на берег бестолковая рыба.

Я для вида еще с полминуты поругалась, как того требовала ситуация, а затем, изобразив усталость, наказала убрать все это безобразие и поспешила удалиться.

Вышагивая по коридорам, я радовалась, что мне удалось избежать ненужных вопросов. Надолго ли — время покажет, но прислуге и в голову не пришло, что это именно я виновата в порче дерева.

Гниль на шкафу. Танцующий скелет. Упокоение тетушки. Боги даровали мне отвратительную, темную, но на деле абсолютно бесполезную для меня силу. Или... или же нет?

Я остановилась, ошеломленная собственной идеей. Может ли некромантия помочь решить проблемы отца и нашего положения? Вздор. Каким образом?.. Зачем гневить богов дурными мыслями?..

Но семя сомнения было заронено. В голове всплыло лицо сегодняшнего посетителя.

Я еще проучу этого подонка, который осмелился дерзить отцу, потешаясь над нашей бедой и желая ею воспользоваться. Пусть я буду монстром, зато монстром, который убережет свою семью от посягательств злых людей.

Во мне так бурно заплескалась магическая сила, что приподнялись волосы на затылке. Чтобы разрядиться, я выпустила пару светочей, на краткий миг почти ослепивших меня.

В библиотеку я вернулась ближе к ночи.

Осколки вазы и испорченный шкаф к тому времени унесли, книги из него аккуратными стопками разложили на одном из столов. Я подошла к ним и медленно провела пальцем по ветхим корешкам.

Отец когда-то хвалился, что в старой секции у нас остались фолианты еще со времен тысячелетней войны. Они были чем-то вроде реликвий, вряд ли их дотошно изучали в последнее время. Откровенно запретные книги давно уничтожены, но кто будет сжигать их при простом упоминании о некромантии?

Меня ждала долгая, кропотливая и, возможно, бессмысленная работа, — проверить все ветхие книги, которые у нас были, с целью понять, на что действительно способна некромантия, кроме поднятия мертвых и вызывания гнили.

Я решила потратить на поиски всего одну ночь. И дала себе слово, что если мои поиски окажутся безуспешны, то я забуду об этой идее раз и навсегда.

Втихоря от кухарки заварив кофе покрепче, я вновь, как четыре года назад, засела за книги с целью найти хоть что-то, что смогло бы мне помочь.

Фолианты в старой секции были хрупки, тонкие листы рвались даже при небольшом нажиме. Из-за вынужденной аккуратности с разваливающимися страницами всего на пару книг ушло полночи. Я в глубине души предполагала, что так и выйдет, и уже раздумывала над тем, что пора возвращаться к себе.

Чуть пошатываясь от усталости и откровенно зевая, я встала, взяла уже просмотренные тома со стола и подошла к высоким стеллажам. Аккуратно открыла дверцу. Поднялась на цыпочки, поставила первую книгу и потянулась, чтобы поставить вторую, поднимая руку повыше.

Через мгновение локоть обожгло.

Я охнула, выронила книгу, упавшую с гулким стуком, и поспешно посмотрела на ноющее место. Кожа не покраснела, но ощущение было не из приятных, словно меня ошпарило жгучей крапивой. Я подняла глаза, и у меня перехватило дух.

Прямо напротив моего лица один из книжных корешков теперь источал тонкий, едва заметный зеленоватый свет. Я, робея, потянула к нему руку, вновь ожидая обжигающего чувства, но в этот раз было лишь ощущение легкого холодка, пробежавшего по пальцам. На несколько мгновений мне почудилось, что книга как будто изучает меня, постепенно теплея. Я с трудом вытащила ее из плотно уставленного ряда, едва не содрав себе ногти.

Судя по внешнему виду, это была толстая записная тетрадь в добротной черной кожаной обложке. Зеленоватое свечение постепенно потухало и, наконец, сошло на нет.

Я была так увлечена неожиданной и загадочной находкой, что не услышала шагов за спиной.

— Миледи... — раздался высокий строгий голос нашего дворецкого.

Я резко обернулась, и тетрадь выскользнула из моих рук, распахиваясь где-то посередине.

Мистер Грауль, высокий и натянутый, как струна, возвышался надо мной. Его длинный широкий нос, нависающий над тонкими бледными губами и большие, опущенные вниз внешними уголками глаза придавали ему сходство с какой-то чудной пучеглазой птицей.

— Госпожа Кларисса, вы же в курсе, который сейчас час?

Я ступевалась, выдавила из себя невнятное мычание и посмотрела вниз. Упавшая тетрадь распахнулась где-то на середине, и я в ужасе вздрогнула, неосознанно прикрывая рот ладонью.

На пожелтевших страницах, прямо на развороте с большим мастерством было изображено отвратительное существо, скорее всего, какая-то человекоподобная нежить вроде гуля. Кто-то подписал части его тела мелким убористом почерком, ниже шел пояснительный текст.

Любое детальное изображение нежити, если речь шла не о специальной инквизиторской литературе, были под строжайшим запретом. Да все наше поместье могли сжечь, найдя здесь нечто подобное!

Мистер Грауль с легким недоумением посмотрел вниз и медленно поднял блокнот, с недоумением рассматривая уродливую картинку.

Я лишилась дара речи. У меня обычно не бывало проблем с тем, чтобы выкрутиться из щекотливых ситуаций, грозивших мне подчас серьезным наказанием, но сейчас... Я не смогла выдать и слова.

Дворецкий с каким-то уже неприличным интересом и без спешки пролистал несколько страниц, изредка качая головой. Видимо, из-за шока от увиденного, у него не было даже сил на меня кричать.

— Госпожа Кларисса... вот уж не мог и предположить, что вас интересует нечто подобное, — тихо пробормотал он. Затем поднял на меня взгляд, вдруг улыбнулся и захлопнул тетрадь. — Хотя это и весьма странное увлечение для благородной девушки вашего круга... но в следующий раз, если вы вдруг заинтересуетесь чем-то таким, просто спросите у нашей кухарки, она вам все покажет.

Я искренне обомлела. Что? Кухарка?.. С каких это пор наша кухарка стала сведуща в тонкостях строения нежити?.. И как давно у нас на кухне имеется парочка вскрытых и готовых к препарированию гулей?

Мистер Грауль как ни в чем не бывало протянул мне записную книжку. Я посмотрела на него, на тетрадь и снова на него. Что происходит?

— Да и не уверен я, — спокойным голосом продолжил Грауль, — что из всех этих старинных рецептов ингредиенты сейчас так просто раздобыть. Лучше уж взять какую-нибудь современную поваренную книгу.

Когда мои пальцы коснулись прохладной толстой обложки, я вдруг поняла. Охранные чары. Очень искусные, практически неощутимые.

Так вот почему от блокнота в свое время не избавились.

Неужели тетрадь показывает свою истинную сущность только тому, у кого есть проклятый дар? Но откуда такая страшная и опасная вещица в поместье Извечей? Все эти книги когда-то принадлежали предыдущим поколениям нашей семьи. Заполненную записную книгу не станут преподносить в дар, это личная вещь, и здесь не может быть никакой случайности. Так кому же она тогда принадлежала?..

Я с легкой судорогой в пальцах сжала тетрадь и сумбурно извинилась. Затем почти бегом вылетела из библиотеки и устремилась к себе по пустым темным коридорам, преследуемая собственным светочем, не успевающим освещать мой путь. Находка жгла руки, и возникало горячее желание то выкинуть ее в ближайшее окно, то прижать к груди как можно покрепче.

Неужели когда-то давно еще кто-то из моей семьи также был проклят богами и имел власть над мертвыми и их душами? Несчастный...

Но вдруг стало легче. Я не одна, кому-то из моих предков также открылась нелицеприятная истина. Этот некто из близких мне по крови тоже испытал боль и страх от ужасного открытия о собственной сущности. Или... или же, напротив, обрадовался своим способностям и самозабвенно упивался ими?..

Я прикусила губу так сильно, что почувствовала привкус собственной крови. Что ж, пусть даже так. Пусть окажется, что мой предок был злодеем. Но плод его трудов должен помочь понять, будет ли хоть какой-то прок с моего дара.

***

Отец, после того, как я все узнала, стал всячески избегать разговоров о финансах. Он находил тысячу причин, чтобы перевести тему или закончить разговор, напоминая мне в те минуты раздосадованного ребенка.

До этого он всегда был для меня непоколебимым авторитетом. Сколько же всего он знал! Рассуждал о великом множестве интереснейших вещей, мог помочь с любой математической задачей, с легкостью цитировал древних и современных поэтов, превосходно разбирался в исторических и экономических трудах. Но постепенно, вытаскивая из него скупые фразы и факты, я поняла, что если теоретик из него и превосходный, то практик — просто никакой.

Увы, в нем абсолютно не было предпринимательской жилки. Он безгранично доверял симпатичным ему людям, и перепроверять полученную информацию от управляющего семейным предприятием считал ниже своего достоинства. Кроме того, он не видел в азартных играх ничего зазорного, оправдывая это тем, что все люди нашего круга предпочитают пан чо в качестве любимого досуга. Я сжимала зубы и едва сдерживалась, чтобы не сказать, что наверняка его знатно облапошивают собственные приятели. Отец пообещал мне завязать со своим пагубным увлечением, но я так и не смогла ему поверить.

А ведь раньше я искренне считала его надежным и благоразумным человеком...

Но что я могла поделать, используя доступные мне пути? Мне было семнадцать, возраст, в котором молодых людей считали уже достаточно взрослыми, но это не распространялось на девушек. Поднять мой авторитет в глазах общества могли только замужество и рождение детей, и это несмотря на превосходное образование, о котором позаботились родители. К тому же дело, в которое я собиралась влезть, было совершенно неженским и уж тем более не касалось молоденьких девиц.

Но я проявила упрямство. Прежде чем вновь открыть найденную тетрадь, теперь надежно спрятанную в секретной секции моего письменного стола, я решила на разговор с управляющим компании, близким другом семьи, которого лично хорошо знала с малых лет.

И мне заранее не верилось, что господин Линер Эвалус действительно настолько бездарен в управлении, что смог загубить дело, перешедшее в его руки в отличном состоянии.

Я выбрала строгий темный наряд, узкое коричневое платье, которое визуально прибавляло мне минимум пару лет, небольшую шляпку и уместные украшения. И отправилась на разведку, что-то наврав маменьке про покупки и прихватив одну из своих надежных служанок в сопровождение, как и положено незамужней девушке моего круга.

Нам принадлежала компания «Светоч», которая производила алхимические эликсиры в крупных масштабах. Предприятие существовало уже третье поколение нашей семьи. Прадед в свое время смог выгодно вложиться, воспользовавшись благоприятными условиями на рынке и своими связями в Объединенной Республике, откуда наладил поставку ингредиентов для зелий и эликсиров в Рулевию по крайне выгодной цене. Официально, поначалу он был лишь инвестором, хотя в действительности сам принимал активное участие в становлении компании, — тогда было как-то непринято людям нашего происхождения мараить руки в торгашестве. Но благосостояние семьи, и так, мягко говоря, немаленькое, при нем настолько преумножилось, что предпринимательство прадеда в открытую порицалось лишь теми, кто не мог справиться с завистью.

Кроме компании, отец имел, пусть и не такой большой, но весомый ежегодный доход за службу государю. Также нам принадлежали уголья, давным-давно дарованные еще самим Фенитием Первым за особые отличия моих предков. Прибыль с них, сколько себя помню, всегда была высока. Даже если сейчас идущий с них денежный поток по каким-

то причинам и упал, неужели когда-то доходная компания стала настолько бездонной прорехой, что туда затягивало все деньги, полученные с родовых угодий?

Может, отец успевает проигрывать воистину колоссальные суммы? Или он распродал добрую часть земли нашей семьи?..

«Светоч» располагался на противоположной от нашего поместья окраине столицы, Эрги, в огромном красивом четырехэтажном здании из красного кирпича. Территория щерилась высоким неприступным забором и тщательно охранялась.

Раньше папенька частенько брал меня с собой, когда приезжал узнать, как здесь идут дела. Пользуясь своим положением, я регулярно доставала местных алхимиков сотней вопросов, на которые они терпеливо отвечали, благоразумно рассуждая, что портить отношение с хозяином предприятия — последнее дело, а меня надо лишь изредка перетерпеть.

Не единожды мне проводили индивидуальную экскурсию по всем цехам, и я вдоволь налюбовалась гигантскими отполированными медными чанами, где мешались бурлящие вещества, дарующие то исцеление телу и душе, то эйфорию, тонус или освобождение от коварных любовных чар.

Надо ли говорить, что я была в свое время искренне восхищена алхимией. Впрочем, это был лишь один интерес из многих других, что, возможно, уберегло меня от всяких уж совсем необдуманных экспериментов дома, а моих родителей — от расстройств по поводу порчи имущества, и, возможно, порчи самой меня.

Симпатичный молодой охранник, широко улыбнувшись, поздоровался. Он не стал задавать вопросов, а величественная металлическая дверь, ведущая на территорию алхимического завода, медленно и с натугой распахнулась.

Каблучки громко застучали по вымощенной камнем дороге, вдоль которой уже пышно, несмотря на то что весна только вступила в свои права, цвели огромные клумбы с крупными пахучими лиловыми цветами, — не иначе, в воду для них что-то подливают. В административную часть здания вела широкая мраморная лестница, напротив тихо журчал округлый фонтан с бирюзовой мозаикой на дне и красными суетливыми рыбками с длинными хвостами-вуалями.

Я остановилась у фонтана и выразительно посмотрела на служанку, намекая на то, чтобы она пока прогулялась здесь. Вайна никогда не жаловалась на сметливость и молча в знак понимания опустила голову.

Я поднялась по лестнице, проскочила мимо занятого и подуставшего к обеду администратора, окруженного парочкой галдящих на весь зал курьеров, и нырнула в хитросплетение светлых коридоров, изредка здороваясь с проходившими мимо знакомыми.

Какая-то новая помощница Линера Эвалуса, видимо, заменившая тучную Мэри, которую я помнила по предыдущим визитам, с помощью магии деловито заваривала начальству кофе прямо на рабочем месте. Она едва не опрокинула чашку тонким пальчиком, когда увидела меня, нависшую над ней. На кипу свеженьких договоров улетела пара кофейных капель, но секретарша не обратила на это никакого внимания.

Она вперилась в меня удивленным взглядом и захлопала длиннющими пушистыми ресницами, обрамляющими большие выразительные глаза. Открытое декольте подчеркивало аппетитные округлые прелести, и у меня возникло стойкое предубеждение, что Линер держит ее далеко не за сообразительность и вовремя составленные отчеты.

— Миледи, вы записаны? — как-то испуганно пробормотала прелестница, отставляя чашку вбок и едва вновь не сбивая ее уже локтем.

— Добрый день. Я дочь Мортиса Извич, Кларисса Извич, — ответила я. — И мне очень нужно к господину Эвалусу. Прямо сейчас.

На милом личике отобразились тяжелые мыслительные потуги. Видимо, она пыталась то ли вспомнить протокол приема, то ли соображала, является ли упомянутый мной Извич тем самым Извичем, а не случайным однофамильцем. Всемилоостивые боги, а она вообще знает фамилию хозяина всего этого заведения?..

В любом случае, ждать момента озарения у этого чуда я не была намерена.

— Так лорд Линер Эвалус здесь?

Помощница медленно кивнула.

— Он сейчас один?

Еще кивок. Вот и славно.

Игнорируя все дальнейшие невнятные протесты девушки, я шагнула к двери и прошла в кабинет.

Линер Эвалус даже не поднял головы. Секретарша, судя по всему, теперь окончательно стусебалась и не решилась вламываться вслед за мной, ожидая исхода незапланированного приема снаружи.

— Беррека, женщина, ну сколько я еще должен ждать свой кофе, Вернис тебя раздери?! Что за непуте...

Я громко прочистила горло, желая как можно скорее прервать эту тираду, дабы не услышать лишнего, и управляющий, наконец, посмотрел на меня.

Он был ровесником моего отца, уже давно вошедшим в период зрелости, и если папа слегка поддал вширь, то Линер Эвалус, наоборот, с каждым годом становился все суше, впрочем, до сих пор оставаясь достаточно привлекательным для женщин. Он никогда не был красавцем в обычном понимании этого слова, слишком сильно у него был заострен подбородок, слишком глубоко были посажены почти бесцветные глаза, но стоило господину Эвалусу открыть рот, как многие дамы быстро забывали о его внешних недостатках, неизбежно попадая под влияние природного обаяния Линера. Не удивлюсь, если даже и эта смазливая Беррека из приемной смотрит ему в рот далеко не за какие-то материальные блага.

За мгновение выражение лица Эвалуса сменились с удивления на радушие. Он прямо-таки засветился дружелюбием и поспешил встать из-за широкого темного стола, заваленного бумагами:

— Кларисса... Вот так приятный сюрприз!

Со всей обходительностью он галантно запечатлел на моей подставленной ручке символический поцелуй, украдкой рассматривая, как сильно я изменилось с того момента, когда он видел меня в последний раз.

— Ваш отец не сообщал мне, что собирается к нам с визитом... — медленно проговорил он.

— А отец сегодня и не должен приехать, — со вздохом ответила я, чуть оттягивая вдруг резко врезавшийся в шею кружевной воротник. — Я приехала сюда одна по очень важному делу.

Надо отдать должное Эвалусу, недоумение и легкую усмешку он успел подавить практически вовремя. Не думаю, что при важных переговорах он выдал бы хотя бы грамм подобных эмоций, но я же не потенциальный клиент или поставщик камней для очередного эликсира, а всего лишь взбалмошная дочка его старинного приятеля, который пусть и был истинным хозяином компании, но нисколько не связывал руки самому Эвалусу.

Я улыбнулась, тут же приправив улыбку львиной долей грусти и обеспокоенности.

— Понимаете, недавно я узнала нечто, что очень расстроило меня... — я чуть слышно шмыгнула носом.

— Что такое? — по-отечески мягко проговорил Эвалус, услужливо пододвигая ко мне стул.

Я послушно присела, усилием воли заставляя себя не доставать носовой платок дабы не переиграть. Да простят мне боги этот глупый спектакль...

— Вы сами знаете, что я являюсь единственной наследницей своего отца и не могу не беспокоиться по поводу того, что сейчас происходит со «Светочем», — ровно проговорила я, спохватилась и добавила в голос легкий надрыв. — Поэтому мой интерес к этому делу вполне оправдан, ведь, возможно, забота о нем рано или поздно ляжет на мои хрупкие плечи...

— Если только вы не выйдете замуж, что весьма малове... — не преминул вставить Эвалус и резко осекся, заметив мой взгляд. — Простите меня, миледи, это действительно неважно, я могу понять все ваши тревоги...

Я сделала глубокий вдох и продолжила:

— Даже если дела отца, да хранят его боги и даруют долгих лет жизни, перейдут в руки моему будущему мужу, не представляю себе, как после этого смогу смотреть ему в глаза... если все действительно обстоит так, как мне известно.

Эвалус, растягивая время, не спеша присел на кресло, все так же продолжая тепло улыбаться:

— Вы же говорили об этом с отцом?

— Ему сложно делиться этими проблемами с кем-либо. Поэтому я здесь. Чтобы услышать правду хотя бы от вас.

— А что же вам сейчас именно известно, моя дорогая, если не секрет?

— Достаточно, чтобы волноваться.

Эвалус чуть откинулся на спинку кресла, не меняя, впрочем, своей учтивой позы:

— Я не стану отрицать, моя дорогая Кларисса, что сейчас не лучшие времена для «Светоча», и повод для тревог есть. Рынок стремительно развивается, увы, конкуренция выросла в разы. Чтобы только оставаться на том же месте, где мы находимся сейчас, приходится бежать, не отставая от последних разработок в алхимии, и при этом нам буквально дышат в затылок. Крайне сложно удержаться на наших былых позициях, к тому же, прошлым летом в части Объединенных республик была такая сильная засуха, что многие поставки сырья были практически сорваны... Шайга-трава, веневский хлыст, моровая ягода, удельница и многие другие ингредиенты, которые требуются нам в огромных количествах. Но не переживайте так, Кларисса, я сделаю все, чтобы мы держались на плаву и пережили этот... небольшой кризис.

Я растерянно моргнула. Да, перечисленные растения действительно используются в эликсирах и зельях, да вот только моровая ягода обожает сухой климат и отсутствие воды ей не помеха, а удельницу поставляют откуда угодно, но не из Объединенных республик. Оговорка? Но это как-то слишком для человека, который полжизни посвятил себя руководству крупной алхимической компанией.

Или он на кого-то давным-давно переложил все свои функции и стал сам забывать, что к чему, или же вешает мне лапшу на уши, предполагая, что я довольно далека от темы предмета. Все же алхимия и травничество не являются обязательными предметами для женского надомного обучения, а при мне из своего кабинета он и носу не казал, никогда не становясь свидетелем моего неподдельного интереса ко всему, что здесь происходит.

Я открыла было рот, чтобы произнести вслух все свои опасения, но скользнула взглядом по невероятно участливому, такому понимающему лицу управляющего и... промолчала. Он все равно уболтает меня, хочу я этого или нет, найдет сто причин и объяснений. Сделает это так же легко, как и уламывает партнеров «Светоча».

Сложно сказать, сколько в его словах будет правды. Пожалуй, достаточно и того, что я уже успела услышать.

Мой взгляд скользнул по столу и напоролся на дорогую серебристую ручку, лежащую рядом с моей рукой.

— Понятно, — почти рассеянно кивнула я. — И еще один момент... я хотела бы взглянуть на бухгалтерию...

— Миледи, ну вот к чему вам обременять себя всеми этими цифрами? — так ласково проговорил Эвалус, словно имел дело с ребенком. — К тому же, при всем моем желании помочь, я не могу выполнить эту просьбу без одобрения вашего отца. А он точно будет против того, чтобы вы утруждали себя подобным занятием. Нет, если Мортис сам даст добро, то я с превеликим удовольствием...

На другое я, если честно, и не рассчитывала.

Со вздохом поднялась, незаметно скользнув пальцами по столу и за мгновение пропихнув подхваченную ручку в свой широкий рукав. Заметит, — сошлюсь на акт клеptomании, болезни, нынче распространенной среди благородных дам, которые используют ее как еще один способ разнообразить свое скучное существование.

Линер Эвалус подскочил следом и любезно предложил составить мне компанию до самого выхода, но я вежливо отказалась. У меня были иные планы.

В коридоре дышалось легче. Я и сама не заметила, насколько сильно волновалась все это время.

Нельзя сказать, что этот разговор оказался бессмысленным, ведь я смогла до конца убедиться в том, что с расходами компании что-то нечисто. К тому же, я раздобыла личную вещь управляющего, которая, возможно, мне еще пригодится.

Я поправила шляпку, настолько маленькую, что этикетом не порицалось носить ее в помещении, попрощалась с заскучавшей Беррекой, и прогулочным шагом направилась к кабинетам бухгалтерии.

Но тут меня ожидал пренеприятнейший сюрприз. На входе в бухгалтерию установили оббитую сталью дверь, накрепко зачарованную пропускать внутрь лишь тех, кто был внесен в ее особый список. Воздух от фoniaщей магии слегка поддрагивал. Подобные меры безопасности использовались разве что в банках, и стоили они один Вернис знает сколько.

Нововведения оказались для меня полной неожиданностью. В конце концов, это же просто бухгалтерия, а не казна или банковское хранилище. Или Линеру Эвалусу резко появилось, что скрывать?

Тяжеленая дверь, движимая магией, распахнулась, и какой-то незнакомец, не обратив на меня никакого внимания, проскочил мимо. Придержать зачарованную дверь не представлялось возможным, но я успела скользнуть глазами по лицам в комнате. И поняла, что не узнаю ни одного.

А ведь все, кого я видела здесь из знакомых, не были связаны с финансами предприятия. Неужели Эвалус так сильно поменял кадровый состав? Вспомнилась тучная Мэри. Даже свою старую помощницу, верную моему отцу, он заменил....

Мне оставалось только пойти в цеха и переговорить с работниками «Светоча», которые участвуют в самом производстве. Уж они-то точно знают, изменились ли объемы поставляемых нами зелий и есть ли нехватка ингредиентов.

Я поспешила к выходу из здания, так как до производственной части предприятия можно было добраться лишь с улицы.

У искомых мной кованых ворот стояло двое охранников, ведущих неспешную беседу. Когда я приблизилась, один из них совершенно неожиданно перегородил мне дорогу, мешая пройти внутрь.

— Прошу прощение, госпожа, — извиняющимся тоном проговорил он. — Но только что

лорд Линер Эвалус отдал распоряжение вас сюда не пускать.

Первые секунды от гнева я была способна только молча дышать, широко распахнув глаза.

— И какова причина? — наконец, процедила я, едва сдерживая подступившую ярость.

— Простите, но мы знаем лишь то, что пускать вас к цехам, лаборатории и складу не велено. Подробности лучше уточнить у самого Линера Эвалуса.

Я онемела. Вернис раздери этого Эвалуса! И ведь обязательно оправдается! Скажет, сукин сын, что заботится о моей репутации, ведь теперь я не праздно шатающийся, избалованный вседозволенностью ребенок, а потенциальная невеста, которой негоже пребывать в обществе простых трудяг-рабочих и алхимиков.

Да и я сама-то, вот ведь дура душой! Надо было сразу разведать обстановку в цехах, а не ломиться в кабинет к управляющему, открыто рассказывая ему о своем интересе.

Я развернулась на каблуках и направилась к выходу, где меня заждалась Вайна.

Слушать речи управляющего еще раз у меня просто не было сил.

***

Когда я вошла в свою комнату, уставшая и злая, то почувствовала в воздухе легкое притяжение, влекущее меня к письменному столу. Раздался глухой стук, будто хранимая там тетрадь с запретными знаниями в нетерпении подпрыгнула.

С удовольствием сожгла бы ее прямо сейчас, растопив небольшой камин в комнате, если бы эта записная книга действительно не была той единственной тонкой ниточкой, что вела к пониманию своей силы.

Я вдруг со злорадством представила, как подчиняю стаю диких гулей и вламываюсь в дом к Эвалусу, где заставляю его подписать документы, снимающие с управляющего все полномочия.

Это вызывало лишь нервную улыбку. После такого через несколько часов в наше поместье нагрянет вечно бдящая Инквизиция.

И на кону стояла не только моя жизнь.... Если докажут, что я владею проклятым даром, от этого пострадает вся семья. Мать и отец будут отрезаны от своего круга общения, да и общества в целом. Папенька лишится должности, возможно, даже всех наших владений, и у него останется лишь убыточное предприятие, судьба которого туманна. И при наличии весомых доказательств, вдоволь напытав, меня казнят, каких бы благородных кровей я не была. Не думаю, что родители смогут это пережить...

Мысль о растопке камина вновь пришла мне в голову. Я тихонько простонала, села и облокотилась на столешницу.

Затем открыла ящик, сгребла все его содержимое, состоящее преимущественно из каких-то личных записей да пары амулетов для ясности ума, и выложила на стол, чтобы все это добро не мешалось. Дно ящика тихонько щелкнуло и сдвинулось, когда я нажала на потайной рычаг под столешницей.

Знакомая темная обложка стала отчетливо видна в узкой приоткрывшейся щели. Я сдвинула тонкую доску и вытащила тетрадь на свет. Пальцы как-то сами собой скользнули по переплету и нащупали едва ощутимые выпуклости на толстой коже.

Это была набитая монограмма: «И.И.». Видимо, найденная мною тетрадь когда-то заказывалась для конкретного человека. Вторая «И.», вероятно, означала «Извич». Первая — буква имени.

Интересно, хозяин блокнота — мужчина или женщина? Я слышала об этом человеке, или это какой-то далекий малоизвестный родственник, имя которого при мне не было даже единожды упомянуто?

Затаив дыхание, я распахнула тетрадь на первой странице. Я ожидала увидеть какую-нибудь пафосную надпись, что-то вроде «Моим потомкам!», или другое в том же духе.

Однако ничего такого не было. Уже знакомый убористый текст напоминал скорее ученический конспект. Первыми шли абзацы о классификациях магии, ее видах, особенностях различных аспектов... Пометки на полях, какие-то дописки между строк, но все то, что я сейчас читала, и так мне было известно.

Вдруг стало как-то не по себе, — а вдруг тот рисунок гуля просто случайность, а природу охранной магии этого блокнота я поняла превратно? Я быстро пролистала несколько листов, и вперилась взглядом в выведенную старательной рукой тему:

«Некромантия как система магического знания. Особенности, подразделы, краткая история».

Я вдруг нервно расхохоталась. Вот так вот просто? Конспект, накиданный чуть под наклоном, с кучей пометок и какой-то загогулиной, нарисованной от скуки в уголке?

И ведь ни грамма крови в чернилах. Никаких закладок в виде тонкого осколочка человеческой берцовой кости или еще какой мерзости.

Я тут, между прочим, читаю текст, за который даже с учетом всех титулов меня и сжечь могут как богомерзкое существо, и никаких сопутствующих атрибутов!

Повеселившись над собственными предубеждениями, я в задумчивости отсыпала себя горсть миндаля из вазочки на столе и, комфортно разместившись на софе, стала погружаться в подробности запретной темной науки.

В какое бы время не жил хозяин этой тетради, тогда некромантия явно не считалась чем-то выходящим из ряда вон. Блокнот отлично сохранился, но за это отдельное спасибо специальным чарам. С учетом этого автор мог жить как сто лет назад, так и триста, но точно до начала постигших некромантов гонений. Язык был непривычно витиеват, но я все равно не могла определить по речевым и стилистическим особенностям, когда именно были написаны все эти конспекты.

Да и, если честно, во время чтения записей я не думала об этом. Новые грани вида магии, о котором мне было в действительности так мало известно, постепенно вырисовывались, складываясь в новое мрачное знание.

Сутью некромантии является способность манипулировать жизненной энергией, которая, проистекая сквозь тело некроманта, искажается магией смерти. Повелители мертвых легко вливают ее в неживой сосуд, где когда-то уже существовала жизнь. Природа самой души, состоящей из структурированной концентрации силы, позволяет носителям темного дара иметь над ней власть. Они как отпускают в Иной мир беспокойную душу, застрявшую в гниющем гуле, так в состоянии привязать ее к умирающему или мертвому телу, дабы создать покорного слугу.

На этом месте мне стало дурно.

Впрочем, последнее, как было указано, использовалось нечасто. Мертвых оживляли или временно, исключительно на силах мага смерти, или же создавали некий субстрат, заменяющий душу. Чем сложнее субстрат — тем полезнее получалась нежить.

Я шумно выдохнула и захлопнула тетрадь. Я прочитала немного, но меня уже раздирали противоречивые чувства.

Игры с душами... а ведь это уже куда более серьезно, чем простое осквернение могилы или поднятие трупа. А инквизиторы почему-то всегда напирала больше на мерзость осквернения самого тела, чем на то, что некроманты могут оперировать душой человека...

На середине моих невеселых размышлений в дверь постучались.

Стук был деликатным, но я все равно подпрыгнула и, особо не раздумывая, сунула тетрадь под одну из подушек на диване, забывая, что записная книга надежно защищена маскировочной магией.

После моего короткого ответа дверь открылась, и в комнату вошла маменька.

Ее тонкий стан обхватывало простое светлое платье. Несмотря на уже появившиеся лучики морщин и пару седых прядей в темных, как смоль, волосах, мама выглядела куда моложе своего возраста, сохраняя юношескую свежесть во взгляде больших медово-ореховых глаз, всегда светившихся домашним теплом.

Но сейчас эти глаза заволочла мутная дымка какого-то беспокойства. Мама явно о чем-то переживала. Она, едва переступив порог, замялась, бесцельно переводя взгляд с предмета на предмет.

— Дорогая... в общем, держи, — наконец, сказала маменька и протянула небольшой квадратный листок бумаги.

Я, охваченная каким-то нехорошим предчувствием, взяла его.

Это было приглашение. Золотистая вязь разбежалась по белой плотной бумаге и складывалась в силуэт голубки с пушистым диковинным хвостом. В мелком тексте глаз

выцепил мое имя, вписанное от руки размашистым почерком.

— Скоро дают первый бал дебютанток этого года. Приглашению прислали сегодня, когда ты ездила с Вайной за покупками. Кларисса, я знаю, что еще рано даже думать о твоём замужестве... Но мы с твоим отцом поговорили и решили, что съездить придется, иначе мы рассоримся с герцогиней Омстел, а ты сама знаешь, что она за человек. Все это странно, конечно, ведь мы не подавали заявки об участии на этот год, но раз герцогиня пожелала выслать нам приглашение, то, пожалуй, отказаться будет дурным тоном. Тем более, тебе уже семнадцать.

Герцогиня Ния Омстел была пожилой дамой, которая взяла на себя обязанности устраивать подобные мероприятия для благородных девиц в Эрге. К слову, уже давно как вдова, госпожа Омстел очень пеклась об устройстве жизни всех барышень, до которых могла дотянуться своими сухонькими ручками, словно пережить всех, кого она видит вокруг, представлялось ей какой-то особой жизненной целью. Герцогиня хорошо знала весь высший свет, и ссориться с ней действительно дурная идея.

Я вновь взглянула на листок бумаги в поисках конкретной даты. Увиденное меня обескуражило.

— Уже завтра?! Не поздновато ли для получения приглашения?.. — с недоумением проговорила я. — Разве приготовления к балу такого толка не требуют определенного времени?

— Да, дорогая, мне тоже показалось это крайне странным, приглашения на бал дебютанток приходят за месяц, а то и за два до дня мероприятия. И лишь после того, как семья подала заявку... — тень беспокойства вновь легла на мамино лицо. — Видимо, Ния Омстел очень хочет поскорее вывести в свет наследницу рода Извичей...

Добавить интереса к ее мероприятию присутствием лакомой невесты? Вполне может быть. В любом случае, это не объясняло того, что приглашение пришло так поздно. Возможно, с годами Омстел и теряет хватку, но что-то подсказывало мне, что она редко совершает промахи по поводу всего, что связано с ее деятельностью свахи. К тому же, не будь мы такого знатного рода, опоздание приглашения могло бы расцениваться как пренебрежение, а не нелепая ошибка.

— Вы что-то купили сегодня с Вайной, что может подойти?.. — спросила мама, глубоко задумавшись, и пока я не ответила, быстро добавила. — Нет, все это будет не то, нужно срочно ехать в салон мадам Пурпур. Хвала всемилостивым богам, он работает допоздна. Собирайся милая, буду ждать тебя внизу.... Только не переживай. Твое посещение бала дебютанток в этом году будет чистой формальностью, дабы успокоить сердце герцогини.

Я растерянно кивнула и даже толком не расслышала, как дверь за маменькой закрылась.

Я полностью разделяла мнение родителей, что спешить с моим браком ни в коем случае не стоило, но ведь... Завтра будет первый бал в моей жизни! Самое настоящее подтверждение того, что я уже далеко не ребенок.

Я было на всех парах бросилась переодеваться, почти полностью поглощенная сладким предвкушением завтрашнего дня и легкой боязнью перед ним же, как, наконец, вспомнила о запрятанной в подушках тетради. Меня обожгло огнем, возвратило с небес на бrenную землю.

Определенно, есть такие знания, которые прилипают к телу, как вторая кожа, и постепенно становятся неотъемлемой частью человека, меняя тебя первоначального на нечто совершенно иное. И если я уже чувствую это в самом начале моих исследований, то что же будет дальше?..

Лихорадочно раскидала подушки и сунула тетрадь в тайник в столе. И пообещала себе, что завтра ни на минуту не буду о ней вспоминать.

***

Моя маменька в кратчайший срок смогла подобрать мне наряд так, чтобы утолить самый придирчивый вкус. Золотистое, с тонким газом, отороченное атласными лентами, оно содержало вставки из отшлифованных кристаллов зеленоватого цвета, оттеняющих мои глаза.

Платье приковывало к себе взгляд, хотя было далеко от всякой вульгарности. Оно не имело кричащего глубокого декольте, которым чаще грешили невесты из семейств попроще, а то и вовсе бесприданницы. Юбка, несмотря на многослойность и пышность, казалась легкой. Дисконфорт мне доставляли, пожалуй, только сильно утянутый корсет и шелковые длинные перчатки, носить которые я категорически не умела при всем своем старании.

Герцогиня встретила нас у входа в свой огромный, обставленный дизайнерами по самым последним веяньям моды дом. Большинство гостей уже прибыло. В освещенных залах первого этажа сквозь занавеси мелькали силуэты танцующих.

Ния Омстел, увидев нас, как-то уж чересчур восхищенно зацокала языком, и с чувством чмокнула воздух возле моей щеки.

Она была излишне надушена и облачена в темно-красный бархат, сильно обтягивающий ее худющую спину. Сквозь плотное амбре духов, от высохших напомаженных губ уже сильно веяло шампанским.

— Голубки мои, какая же радость сегодня вас здесь видеть! — зашебетала герцогиня, поправляя свою роскошную меховую горжетку.

Мы, естественно, выразили весь подобающий случаю восторг. Омстел оказалась предельно довольна проявленной учтивостью и пригласила нас внутрь, тотчас отвлекшись на новых гостей.

Пока мы пересекали длинный коридор до первой залы, маменька шептала мне всяческие рекомендации, которые, впрочем, я и сама прекрасно знала:

— Дорогая, прошу тебя, будь лапочкой и не забывай: никакого хмурого лица или недовольства. На балу дебютанток любому, кто пригласит тебя на танец, ты обязана дать согласие, если еще не приглашена и если вы еще не танцевали. Не стоит быть с одним кавалером более одного раза, чтобы никто ничего не выдумал. На втором танце на вас будут многозначительно смотреть, на третьем — сделают очень далеко идущие выводы о твоем согласии на предложение о браке. Будь мила, но ровно настолько, насколько того требует вежливость, — не стоит давать никому надежды...

Если раньше я едва ли задумывалась об этом, то сейчас все эти условности раздражали. Стоило ли вообще приезжать на этот бал, чтобы тщательно следить за каждым своим жестом и словом, дабы, не дай всемилостивые боги, кто-то не понял мое дружелюбие превратно?

Но едва мы ступили внутрь, великолепие света хрустальных люстр и прелесть нарядов гостей мгновенно заворожили, и из головы вылетели все дурные мысли.

Мне приветливо кивало множество знакомых лиц. Девушки в светлых нарядных платьях напоминали распахнутые свежие бутоны, омытые росой по утру, так сияла изнутри их нежная фарфоровая кожа.

Маменьки или другие сопровождающие потенциальных невест, порой уже забывая о своей миссии на данном мероприятии, толпились ярким пятном в стороне. Этим пользовались некоторые кавалеры, иногда уже до неприличия явно флиртуя с девушками, на которых имели серьезные виды.

На весь зал играла тягучая музыка, и десяток пар в отведенном для танцев пространстве плавно кружились в едином движении, создавая собой отточенный множеством упражнений узор, рассыпающийся и собирающийся вновь. Несколько молодых пар были пока неофициально обручены, и к зависти многих девушек, могли позволить себе танцевать вместе хоть всю ночь, не боясь злых сплетен.

На большинстве девичьих личиках плескалась радость от столь важного события, которая и диктовала атмосферу, пропитавшую воздух. Из углов залы слышался веселый смех и бойкие разговоры.

Маменька некоторое время не желала оставлять меня одну, однако ее быстро отвлекла хорошая знакомая. Меня же подхватила группка близко знакомых мне девушек, которые наперебой щебетали о приглашенных кавалеров. Кто-то из счастливиц уже успел дать пару танцев и спешил поделиться впечатлениями.

Прошло несколько минут, и у меня заболела голова, забитая именами, титулами и званиями. Судя по всему, здесь собралась не то что вся Эрга, а скорее сливки со всей Рулеви, не считая разве что нанийских шейхов, предпочитающих такие браки, где только на свадьбе жених и невеста имеют радость впервые увидеть друг друга.

Моя хорошая приятельница и дочь подруги матери, Элина, горевшая навязчивой идеей в этот год покинуть отчий дом, в красках рассказывала мне, какие женихи здесь наиболее востребованы, когда я заметила, что ко мне направляется немолодой грузный лорд с крупными оспинами на лице. Его намерения были настолько очевидны, что я, помня совет маменьки, в панике огляделась.

Мой загнанный взгляд перехватил высокий молодой мужчина, который, широко улыбаясь, беседовал с парочкой дам неподалеку.

И за пару мгновений до того, как толстяк, с трудом сдерживая отдышку, ко мне обратился, неожиданный спаситель шагнул вперед, протянул руку и произнес:

— Миледи, могу ли я иметь удовольствие с вами потанцевать?..

Я с жаром кивнула, забывая о всяких манерах. Он усмехнулся и подхватил меня под локоток.

Я смогла разглядеть своего партнера только тогда, когда мы, выйдя к танцующим и встав близко друг к другу, на несколько секунд замерли. Одна его рука деликатно легла мне на талию, а другая взяла мою ладонь.

Оказавшись лицом к лицу с молодым человеком, я неожиданно для самой себя сильно смутилась.

Он был очень хорош собой. И возможно, в этот момент далеко не одна девушка, ужаленная уколом зависти, мысленно пожелала мне споткнуться и хорошенько растянуться на паркете.

Высокий, с прямой осанкой и широкими плечами, мой спаситель мог похвастаться мужественным, я бы даже сказала, героическим подбородком и пронзительными голубыми, в легкую сталь глазами. Его пшеничные короткие волосы были тщательно уложены назад, а серый лаконичный костюм определенно был ему к лицу.

Я едва не пропустила вступление, и смогла двинуться лишь благодаря мягкой настойчивости, с которой мой партнер меня потянул.

Танец, на который мы попали, за счет неспешности ритма позволял переговариваться, не сбивая дыхание. В этом была моя удача. Если бы мне прямо сейчас пришлось двигаться быстрее или выполнять сложные фигуры, я бы только и делала, что ошибалась, да спотыкалась под взглядом этих пристальных стальных глаз, в которых зажглись странные шальные искры.

— Нас пока не представили друг другу, графиня, — проговорил молодой человек, наклонившись чуть ниже.

Я вздрогнула. Графиня. То есть, он уже знает кто я. Я почувствовала, как к щекам резко прилила кровь.

— Так позвольте мне представиться самому, — тем временем продолжил мой кавалер. — Граф Отис Батрис к вашим услугам. Очень рад нашему знакомству, госпожа Кларисса Извич.

Его имя показалось мне смутно знакомым.

Я через силу улыбнулась:

— Спасибо, что спасли меня.

— Ваше спасение для меня было делом чести. — Сказал Отис бархатистым голосом, вызывающим легкую дрожь в коленках.

К сожалению, моя обычно цепкая память подводила, когда речь шла о дворе или очередной благородной семье. Возможно, имя Отиса Батриса я слышала даже сегодня от кого-то из девушек...

В любом случае, я исполняла свой первый танец на балу, а кавалер был привлекателен и галантен. И я бездумно, до последней капли, вверила себя ему, кружась по зале.

Когда музыку смолкла, сменяясь на тихие голоса беседующих, я хотела отстраниться, но Отис вдруг удержал меня.

— Нет, миледи, вы в долгу передо мной. И откупиться вы сможете лишь еще одним танцем.

Я опешила и взмолилась всем богам, чтобы цвет моих щек был по своей яркости достаточно уместным и не превышал границ приличия.

Вся способность рационально мыслить куда-то пропала.

До сего момента мое общение с противоположным полом сводилось лишь к приятельским беседам, и я была совершенно безоружна перед подобного рода выпадами от того, кого сама считала настолько привлекательным. Что-то внутри упорно призывало побороть в себе растерянность и начать думать головой, но это было выше моих сил.

И несмотря на то что два танца подряд — это слишком, я кивнула. Да простит меня моя маменька...

С первых аккордов стало очевидно, что мы остались на фатрон — динамичный, очень живой танец, требующий определенной доли ловкости для правильного исполнения.

Рука Отиса прижала меня к нему уже куда крепче, чем это было в прошлый раз, и мы пронзили поднявшийся водоворот из закружившихся пар и слились с ними в единый вращающийся узор.

Все же, за первый танец я уже привыкла к своему кавалеру. Ноги послушно выполняли хорошо заученные движения, и в какой-то момент я поняла, что уже не думаю, правильно ли я двигаюсь.

Здесь не было разговоров и шепотков среди пар — чистое движение, ток энергии, тягучесть взгляда. Выполняя очередную фигуру, Отис то придерживал меня за талию при каком-то требующем поддержки па, то отстранял, но лишь затем, чтобы вновь привлечь к себе. В его руках играла сила и предусмотрительная чуткость.

Когда отгремели последние такты, и мы остановились, переводя дух, лорд галантно взял мою руку и поцеловал.

В эти мгновения от губ Отиса меня отделяла лишь тонкая ткань бальных перчаток...

Едва он ушел, обещав еще составить мне компанию позже, я, не видя ничего вокруг, устремила к дамской комнате.

Крутанула переключатель медного крана. Установила на полную мощность ледяную струю, набрала пригоршню воды. И с трудом себя остановила, вдруг вспомнив, что маменька целый час колдовала над моим макияжем.

Из зеркала на меня смотрела ошарашенная девушка с широко распахнутыми глазами и неприлично растрепавшейся прической. Я нервно выдохнула и поправила

непослушными пальцами выбившиеся пряди. Сердце в бешеном темпе колотилось о грудную клетку, а дыханье не желало восстанавливаться.

— Кларисса!!!..

В дамскую комнату влетела Элина. В ее возгласе читалось изумление, восхищение и легкая примесь зависти.

— Где моя маменька? — отрывисто спросила я, оправляя платье.

Элина лукаво улыбнулась:

— На твою удачу, госпожа Мэри Извич удалилась с моей мамой на свежий воздух, проветрить голову после бокала шампанского. Но, смею тебя заверить, госпоже Извич не переметнут сообщить, что ее дочь два танца подряд отплясала с Отисом Батрисом, магом светлейшего двора, членом Высшего Совета и близким другом самого государя!

Мне стало нехорошо. Я хотела вновь открыть воду, затем вовремя себя отдернула и развернулась к приоткрытому окну.

— Ему уже двадцать пять, а Отис до сих пор так и не женат... Говорят, после того, как государь обзавелся супругой, Его Величество упорно добивается устройства семейной жизни ближайшего друга. Быть свадьбе Отиса в этом году, как пить дать! — взхлеб сыпала на меня жаркие фразы Элина.

Я горько хмыкнула. При таких внешних данных и успехе при дворе он, наверняка, вдоволь обласкан придворными дамами, и любой бы на его месте не спешил отягощать себя узами брака...

Здесь, под открытым окном, я, наконец, смогла прийти в себя. Очарование постепенно таяло, и я поняла, что совершила опрометчивый поступок, согласившись на второй танец подряд. Это был своего рода вызов, и это не могло пройти мимо злых языков, которые тут же пустят слухи про нас с Отисом, которого, в действительности, я никогда прежде даже не видела.

Не думаю, что он сам этого не понимал. С меня-то спрос какой, стоило ему немного полюбезничать, как я, дурочка, сразу лишилась последнего ума. Но ведь дурные слухи могут навредить и самому Отису в его поисках невесты...

Моя способность влипать в щекотливые ситуации уже начинала пугать. От меня требовалось всего лишь тихо провести этот вечер, быть со всеми умеренно любезной, а к концу бала незаметно уехать с маменькой домой. А я с самого начала повела себя так безрассудно...

— Кларисса, ты что это, совсем не рада? — внимательно рассматривая мое лицо, с недоумением спросила Элина. — Да половина присутствующих девушек удавить тебя готовы были...

Я хотела было ответить, что не собираюсь в ближайшее время давать клятв любви с кем бы то ни было перед богиней, но вовремя прикусила язык. Не объяснять же, что я явилась сюда, только чтобы проявить вежливость перед герцогиней с ее внезапным приглашением.

Интересно, так что же все-таки заставило герцогиню прислать мне открытку с голубкой, игнорируя отсутствие заявки для участия?..

Когда я убедилась, что достаточно привела себя в порядок, мы с Элиной вышли и вернулись к той же компании девушек, с которыми стояли ранее. Оглядевшись украдкой, я поняла, что Отиса поблизости нет, и с облегчением выдохнула.

Бал шел своим чередом. Элину несколько раз пригласили, и я тоже станцевала, правда, всего единожды, со знакомым юношей чуть старше меня. Он держался неловко, и танец прошел в полном молчании. Маменька к тому времени вернулась с улицы, и или пока не была в курсе того, что произошло, или делала вид, что два танца с Отисом

ничего не значат.

Признаться, я думала, что присесть или постоять в стороне мне не дадут, но желающих пригласить меня после того стеснительного юноши, танец с которым, как оказалось, моя маменька пообещала его, отчего-то не прибавилось.

Видимо, два танца подряд с Отисом порядком смутили местную публику. Мало кто захочет переходить дорогу близкому другу самого государем. Но мне такое положение вещей пришлось только на руку, и я окончательно расслабилась и позволила себе шампанское.

Я как раз допивала второй бокал и лениво переговаривалась с одной из Элининых сестер, которая, будучи давно замужем, пришла сюда скорее, как моральная поддержка, когда меня окликнули.

Я повернулась и уперлась взглядом в знакомую меховую горжетку.

Герцогиня выглядела уставшей. Налегать на выпивку она так не перестала, и сейчас была в этакой легкой истоме, грозящей перейти в откровенное шатание.

— Дорогая моя, — гортанно проворковала Омстел, — пойдем со мной, хочу тебе кое-кого представить. Один... замечательный молодой господин. Только подъехал, очень занятой человек, но, голубушка моя...

Она вдруг близко ко мне наклонилась и доверительно прошептала:

— Влюблен в тебя, просто без ума! Только о тебе и говорит, представляешь? Такого мужчину нельзя упускать, моя дорогая, ведь любовь... любовь это... — она закатила глаза, как бы выражая всю емкость этого слова, но так и не произнося ничего более конкретного вслух.

Герцогине определенно больше не стоило наливать.

Госпожа Омстел вцепилась в мою руку, бесцеремонно потянув от девушек, и мне ничего не оставалось, как последовать вместе с ней.

Стать жертвой мании великосветской свахи я хотела меньше всего, но вырваться из ее удивительно цепкой хватки было непросто. Она, казалось, совершенно не слушала все мои возражения и буквально дотасила меня до одной из удаленных колон.

Всемилолюбивые боги, мало мне одной оплошности с Отисом, так еще и это...

— Кларисса, дорогая, — быстрой скороговоркой проговорила Омстел, — хочу тебе представить графа Энтон Корре. Он много лет прожил в Объединенных республиках, но недавно приехал к нам и...

Я подняла голову и больше не слушала герцогиню. В груди стремительно расцветала злость, и мне стоило титанических усилий не поменять лица.

Передо мной стоял тот самый светловолосый молодой мужчина, которого я застала в кабинете отца, и который имел наглость ему нагрубить. Камзол он сменил на другой, подобающий случаю, но точно такого же зеленого оттенка, а прядка все так же пересекала его лоб, словно невзначай выбиваясь из прически.

Гадкая складка мерзавца у уголка губ исчезла, и теперь лицо источало убийственную дозу доброжелательности и симпатии, которой мог бы позавидовать любой служитель очередного приюта Брианны.

И меня вдруг осенило.

Так вот почему герцогиня пошла на весьма странный шаг с приглашением!.. Да этот проходимец явно запудрил ей голову и наболтал какой-то сентиментальной чуши, чтобы иметь возможность обдурить и меня.

С учетом того, что он, по словам герцогини, только приехал из республик, я не сомневалась, что этим проходимцем двигала исключительно меркантильная жажда

укрепиться в местном высшем свете. И его целеустремленности использовать для этого меня можно только позавидовать. Подобное упорство бы, да на благо общества...

Герцогиня поймала мой пронзительный взгляд, которым я одарила Энтон Корре, но поняла его превратно и довольно прощепетала:

— Ну вот и славно, дети мои! А у меня полно дел, поэтому оставляю вас...

Что там у нее за дела, я примерно представляла. И мои догадки подтвердились, когда она направилась к столу, где разливали вина, но вся моя злость обратилась исключительно в сторону Энтон.

— Госпожа Кларисса, мне очень жаль, что наше первое знакомство произошло не при самых удачных обстоятельствах... — начал мужчина. Сейчас его голос был сладок, словно патока, от которой лично у меня всегда сводило зубы.

— Ну так и оставили бы это дело, раз уж не пошло, — негромко проговорила я. Кроме Энтон меня не мог никто слышать, поэтому я позволила себе не натягивать на лицо уже опостылевшую мне маску любезности.

Однако Энтон, к моему удивлению, ухмыльнулся.

— Да в вас больше крови настоящих Извечей, чем в ваших предках по последним четырем поколениям вместе взятым, — вдруг сообщил он мне доверительным тоном.

Я удивленно приоткрыла рот, совершенно не понимая, что можно ответить на столь... необъяснимое заявление. Кто он вообще такой и как может утверждать подобное?..

— Вы потрясающе выглядите, Кларисса, — тем временем с легкостью отбрасывая в сторону формальное обращение, заявил мне Корре. — К тому же, я слышал, вы получили прекрасное образование и являетесь крайне рассудительной особой. Это привлекательная и, к сожалению, в эти времена редкая смесь, но поверьте, я могу по достоинству ее оценить. Поэтому предлагаю вам забыть об услышанном в тот день и дать мне шанс показать себя с совершенно другой стороны.

Признаться, вся эта тирада ввергла меня в легкий ступор. Подобный уровень наглости, хамства и прямолинейности поднимал во мне самые смешанные и противоречивые чувства. И что больше всего меня пугало, — этот молодой мужчина определенно, вопреки всему здравому смыслу, вызывал... любопытство?..

Я медленно проговорила:

— Если вы действительно считаете, что после того, как нахамили моему отцу и, по сути, шантажировали его... что я дам вам хоть какой-то шанс, то вы, верно, идиот.

Видеть, как поменялось выражение его лица, было бесценно. Я не сдержала улыбки.

С широченной довольной улыбкой в компании Энтон меня и застал Отис.

Придворный маг аккуратно держал два бокала, в которых плескалась розоватая жидкость с играющими на свету пузырьками. И судя по всему, один из бокалов предназначался именно мне.

— Миледи, — радушно проговорил он, — а я всюду вас ищу...

Энтон с досадой скосил на него взгляд, как на какую-то мелкую надоедливую муху под ухом, и быстро проговорил:

— Прошу прощения, но я собирался пригласить эту даму на танец, так что...

— Какое совпадение, я как раз намеривался сделать то же самое. И вовремя успел, раз вы пока не получили свой положительный ответ. Госпожа Кларисса, как закончится перерыв, вы согласны со мной вновь потанцевать?

Энтон мрачнел с каждым словом Отиса, а при слове «вновь» его чуть передернуло.

Впрочем, кто тут должен был расстраиваться, так это я. Я оказалась в неприятной и

щекотливой ситуации, где требовалось выбрать из двух кавалеров одного. Если откажу Отису, — пойду под ручку наглым мерзавцем, который явно имеет на меня виды. Соглашусь на предложение мага, — и дам уже накрепчайшую основу для местных сплетен и самых рискованных выводов.

Эти двое что, специально сговорились, чтобы вместе испортить мне вечер?..

Мне стремительно начало не хватать кислорода, — корсет утянули на совесть туго. Видимо, мое лицо излишне побледнело, так как Отис тут же нахмурился и, кажется, что-то спросил.

Сделав еще один вздох, давшийся мне с большим трудом, я все же ощутила себя готовой перебороть приступ кислородного голодания и остаться держаться на ногах, впрочем... Короткое озарение, и я, не смотря на всю травмоопасность затеи, театрально всплеснула рукой и покачнулась.

Первый ко мне метнулся Отис, но бокалы в его руках затормозили мага. Едва различимый звон битого стекла, аромат сладкого розового шампанского, но Энтон уже опередил соперника и подхватил меня в свои объятия, таки спасая этим мою персону от столкновения с мраморным полом. Вознаграждением Энтону за его ловкость и быстроту стал неплохой вид на мою грудь, который открывался с его удачного ракурса через небольшое декольте.

Изображая обморок, я крепко закрыла глаза и могла лишь догадываться о том, что происходит вокруг. После коротких восклицаний, кажется, меня куда-то понесли. Я взмолилась всем богам, чтобы Энтон, не умудрившись удивительным образом повернуть условно бессознательное состояние миледи себе на руку. Впрочем, слышимый взволнованный голос Отиса, которому я отчего-то доверяла, давал надежду, что дурного со мной не случится.

На светских мероприятиях считалось крайне неприличным привлекать внимание общественности к дамским обморокам, которые, к слову, были не таким уж и редким явлением из-за моды на осиную талию. Поэтому, передернувшись от отвратительнейшего запаха нюхательной соли и открыв глаза, я увидела, что нахожусь в совершенно новом для меня полупустом помещении в компании все тех же двух кавалеров и взявшейся откуда-то Элины, которая, возможно, заметила мое несостоявшееся падение.

Меня разместили на небольшой софе, заботливо подтолкнув подушечку под спину. Элина сидела возле меня на самой краешке, держа приоткрытый флакончик соли, а мужчины стояли рядом, почти нависнув над нами. Отис, казалось, был и правда обеспокоен таким внезапным поворотом событий, в глазах Энтона же, пусть и состроившего крайне скорбное лицо, плескалось категорическое неверие в мою актерскую игру.

Впрочем, на лавры великой актрисы я никогда не претендовала.

— Кларисса, как ты меня напугала, — пробормотала Элина, закрывая флакончик и качая головой.

Я сложила руки на груди, словно меня вот-вот должны были отпеть служители Брианны, и тихим вкрадчивым голосом сообщила всем собравшимся, что чувствую себя уже гораздо лучше.

Энтон наклонился и внезапно, без всякого на то разрешения, по-хозяйски взял мою руку и стянул с нее перчатку, что по этикету приравнялось примерно к тому, как если бы он попытался задрать мне юбку. Его пальцы легли на мое оголившееся запястье.

— У меня есть медицинское образование, — пояснил он вмиг нахмурившемуся Отису, — Графине нужен хотя бы краткий осмотр, нельзя же так просто пустить на самотек внезапный обморок...

Я с трудом подавила желание вырвать свою ладонь из его хватки. Что он делает?.. Он же явно не поверил мне, не будет же он во всеуслышание заявлять, что я симулянтка?..

Его пальцы оказались на удивления холодны, словно Энтон только что вошел в теплое

помещение и еще не успел толком согреться, но будь его кожа теплей, никаких приятных ощущений мне это прикосновение бы все равно не принесло. Сколько же неприятных эмоций может доставить этот мужчина лишь одним своим присутствием рядом!

Корре несколько мгновений замерял мой пульс, потом чуть сдвинул руку, и кожу вдруг пронзила острая, как от укола иголки, боль.

Я вскрикнула, отдергиваясь. На запястье, рядом с голубизной вены, набухло несколько капель крови. Отис от неожиданности дрогнул, а Элина всплеснула руками:

— Дорогая, да что же это такое?!

Энтон с видимым недоумением посмотрел на свой рукав и как-то уж очень быстро нашел причину происшедшему:

— Прошу прощения, господа! Забрал костюм за полчаса до бала, портниха, видно, забыла вытащить булавку...

Он продемонстрировал всем найденное в рукаве острие и зачем-то мимоходом слизнул каплю моей крови со своих пальцев, бросив на меня короткий, но пристальный взгляд.

Я быстро и молча стерла носовым платком остатки крови с кожи, чувствуя неприятный холодок внутри. И подняла глаза, внимательно вглядываясь в ауру Энтона.

Как человек с магическими способностями, я всегда видела вокруг людей это специфическое свечение, но глаз обычно замыливался, и я не имела привычки обращать внимание на ауры собеседников.

Нет, Энтон Корре не был вампиром. У этих существ, как я слышала, аура плотная, тонкая и почти бесцветная, здесь же обычные радужные всполохи, как и у всех смертных.

Хотя и так было ясно, что подобное просто невозможно, — что вампир мог забыть на балу невест? Никто из местной знати никогда не породнился бы с недавним врагом человечества, к тому же, это прямой путь к прерыванию рода, ведь вампиры, как известно, бесплодны. Да и здесь присутствовало множество магов, которые были внимательней и опытней меня. Будь Энтон Корре вампиром, это было бы заранее известно. Конечно, существуют способы скрыть свою истинную природу, но судя по всему, Энтон для этого слишком часто появляется в обществе, — все оборотные и маскировочные заклинания и зелья рано или поздно нанесут удар здоровью и самочувствию, если их использовать регулярно.

Хотя, энергетика у него выглядела ослабевшей. Как будто он сильно устал или порядком вымотался.

От одной мысли, что Энтон зачем-то попробовал мою кровь, мне стало не по себе. Отис и Элина, казалось, даже не заметили случившегося, переключив все свое внимание исключительно на мою скромную персону.

Энтон Корре, что же тебе от меня надо, и кто ты, немилостивый Вернис, вообще такой?..

Я вздрогнула от повторного прикосновения Энтона к руке, который не оставил идею замерить мой пульс. Так или иначе, я была практически уверена, что он уже получил желаемое и что сейчас у него остался уже исключительно... мужской интерес.

С досадой убрала свою ладонь, спрятав ее за спину:

— Не стоит, милорд. Мало ли, сколько еще булавок могла забыть нерадивая портниха в вашем рукаве... Со мной уже все в порядке. Так что смею вас заверить, мне совершенно не нужно повторное кровопускание.

Элина цокнула языком от такого непочтительного отношения, а Отис тихонько прыснул, скрывая улыбку за легким першением в горле и довольно поглядывая на своего не преуспевшего соперника. Уж не знаю, что именно задумал маг, но даже если его

интерес лишь какая-то непонятная мне игра, никто не отменял духа здоровой конкуренции за внимание привлекательной молодой графини.

Энтон вежливо улыбался, делая вид, что дама просто изволила мило пошутить.

Еще раз обвела глазами всех собравшихся и поняла, что на сегодня мне внимания достаточно. Я успела привстать и натянуть сорванную Энтоном перчатку, когда бодрый стук каблучков разорвал интимность атмосферы в нашей уютной полутемной комнатке.

— Кларисса! — голос маменьки со стороны казался лишь взволнованным, но я совершенно отчетливо различила в нем нотки закипающего гнева.

Чтобы разозлить маменьку, обычно спокойную и сдержанную, нужно было действительно постараться. И я сегодня в этом преуспела...

С бала мы уехали в спешке, скомкано попрощавшись с окончательно захмелевшей герцогиней, которая, хвала всем богам, не стала терзать мою маменьку по поводу замечательности треклятого и вездесущего Энтон Корре.

Перед нашим отбытием Отис поцеловал мои пальчики с вкрадчивым взглядом мартовского кота, которому посчастливилось добраться до пролитой валерьянки. Этот взгляд ввел меня в состояние оцепления, сопровождаемого ярчайшим румянцем, и лишь выражение лица стоящей рядом маменьки привело меня в чувство.

Мы почти вышли, поплотнее запахнувшись в плащи, когда Энтон, достаточно коротко и сухо попрощавшийся со мной ранее, вдруг снова возник, совсем рядом, в толпе первых разъезжающихся по домам гостей, и коротко шепнул:

— Миледи, поверьте, вы совершаете ошибку, связываясь с Отисом Батрисом.

Я вздрогнула, но Корре исчез из поля моего зрения так же внезапно, как и появился.

Вот же демон! Да что же он ко мне пристал... Это упорство переходило уже все возможные границы.

Я вдруг поняла, что остановилась на месте и как-то совершенно неподобающе кручу головой, оглядываясь. Маменька стояла всего в паре метров и прожигала меня своим недовольным взглядом.

В экипаж мы садились в гробовом молчании.

Надеяться на то, что ей никто так и не доложил про Отиса, было бессмысленно.

А вот про обморок она была не в курсе, решив, что мы с Элиной решили уйти от толпы в компании двух господ. Я не стремилась ее переубедить, к чему волновать тем, что было лишь глупой симуляцией. Если с моим здоровьем действительно что-то бы случилось, это расстроило бы маменьку значительно больше, чем опрометчивое поведение.

Галантный красавец Отис не шел из моей головы, и по его поводу у меня роились самые тяжелые мысли. Думалось, что при его внешности и имеющихся регалиях, он непременно желает как можно дольше оставаться холостяком. Когда поползут слухи о нашем взаимном интересе друг к другу, повернуть его женитьбу с какой-либо благородной дамой будет непросто.

Решил использовать меня как ширму? Возможно, но этим он, сам того не ведая, лишь оказывает мне большую услугу, отваживая возможных женихов.

Но куда больше неясных мотиваций Отиса меня волновали странности, связанные с Энтоном Корре.

Как знать, уж не приложил ли этот скользкий лорд свои руки к делишкам управляющего «Светоча»? А что, устроить сговор, почти разорить компанию, а затем удачно приобрести ее вкуче со смазливой графиней и прочном положении в местном обществе в придачу. Эвалус, конечно, старый друг семьи, но он так падок на роскошь и

красивых женщин, а на все это постоянно нужно все больше и больше денег...

С другой стороны, зачем тогда Энтону самому пенять на бездарность управляющего при разговоре с моим отцом? Задумал избавиться от сообщника, едва добьется своего? Или он все же не причастен к ситуации со «Светочем», и лишь хочет воспользоваться положением моей семьи?

От этих мыслей хотелось лезть на стену.

Очевидно мне было лишь одно: нельзя оставлять все как есть и пускать на самотек. Никак нельзя.

***

Под сильным впечатлением, как от прошедшего бала, так и от всех случившихся событий в целом, несколько дней я была сама не своя. Меня мучали обрывочные сумбурные сны, заставляющие просыпаться в рубашке насквозь мокрой от пота.

В ночных кошмарах я то без возможности остановиться целую вечность кружилась в танце с Отисом, смотрящим на меня полубезумным влюбленным взглядом, то едва успевала убрать пальцы от Энтона, пытавшегося откусить их вместе с перчатками. Зубы у господина Корре чудовищно удлинились, заостряясь и становясь отвратительного желтого цвета. Где-то между всем этим мерещились полуразложившиеся упыри. Они, игнорируя все санитарные нормы, что-то деловито мешали в чанах фабрики «Светоча». Руководил ими Эвалус, одетый в зловещий темный балахон. Он хохотал, как безумный, и размахивал посохом, который венчал череп.

Этот наиоткровеннейший бред казался таковым только после пробуждения, во сне же ввергая меня в ужас.

Днем я бесцельно слонялась по саду, никого не замечая и частенько игнорируя обращенные ко мне вопросы от прислуги и уже начавшей беспокоиться маменьке. Мысли в голове часто не принимали до конца разборчивую логическую форму, исчезая, едва родившись в каких-то расплывчатых образах.

В моменты прояснения я отчетливо ощущала, что надо решить, что же делать дальше, но я была в растерянности.

Я знала, что за спиной моего отца Эвалус определенно что-то замышляет. Но что именно в действительности происходит и как это исправить?..

Тот факт, что я владела запретным темным даром, казалось, ничего не менял и вряд ли мог расширить мои возможности. Вот если бы Эвалус был мертв, и его душа решила задержаться в нашем мире... то я бы в теории могла бы попробовать взять под контроль его призрака и хорошенько растрясти, однако...

Сидя на отсыревшей лавочке под набухшими бутонами вишни, я вдруг громко расхохоталась. С вишни испуганно вспорхнули перепуганные птицы.

Конечно. Как же я не подумала об этом сразу.

Призраки.

Сущности, которые редко способен увидеть даже могущественный маг, не практикующий некромантию, и уж, тем более, вряд ли сможет обнаружить простой человек. Во всяком случае, до того момента, пока призрак сам не пожелает предстать перед чужими глазами.

А что если приставить призрака-шпиона к Эвалусу? Тогда я узнаю, что именно происходит на семейном предприятии, и у меня появятся весомые доказательства, с которыми можно будет идти к отцу.

Идея была безумна, но, несмотря на всю туманность перспектив, я ощутила, как стало легче. Больше я не находилась в темном тупике, а видела намек на дребезжащий свет предполагаемого выхода.

Я скинула с себя ощущение безнадежности, и в уже куда более приподнятом настроении, после сытного и вкусного ужина, где беззаботно поболтала с обрадовавшимися окончанию моей хандры родителями, направилась к себе, прихватив полный кофейник и чашку.

И вновь моим главным советчиком стала старая записная книга некоего загадочного И.И.

В записи я ушла с головой на полночи.

Наконец, отстранившись от стола и размяв затекшие от неудобной позы плечи, я

распахнула окно и втянула свежий воздух, чтобы немного взбодриться.

Черный бархат неба усыпали крупные звезды, едва приглушенные полной луной. Холод весенней ночи дал желаемый эффект, на время снимая сонливость.

Прояснение уставшего разума принесло с собой невеселые мысли.

Складывалось впечатление, что человек, который вел эту тетрадь, заносил в нее далеко не все, что знал. Некоторые вещи приходилось вычитывать между строк, к тому же, временами буквы начинали скакать, превращаясь в невнятные загогулины, и понять смысл написанного становилось сложно, а порой и невозможно.

Я держала в руках ключ к темной силе, но ключ, который застревал где-то посередине первого оборота в не смазанном замке. Одной тетради было недостаточно.

Вот если бы я смогла найти учителя...

Я едва не рассмеялась вслух, почувствовав себя душой. Может, сразу попытаться организовать себе кружок по некромантским интересам? Чтобы Инквизиции было меня веселей искать?..

Необходимый обряд по подчинению призрака я, к счастью, нашла, как и совсем краткие рекомендации по поведению с этими существами. В моих ли силах его выполнить, я решила выяснить уже на практике, гоня прочь все страхи, которые пока топтались лишь на самой грани моего сознания.

Оставалось кое-что еще.

Я вдруг поняла, что, несмотря на очевидность наличия у меня темного дара, я до сих пор никогда не видела призраков. Ни одного, вообще. И мне сложно было поверить, что они в действительности никогда не оказывались рядом, ведь все поместья нашей знати насчитывали подчас не одну сотню лет. А где же еще быть духам, как не в старинных домах или возле семейных склепов?

Успокаивало лишь то, что раз здесь когда-то жил некромант, то он, возможно, в свое время зачистил собственный дом от этих сущностей. А может и оставил защиту, которая, если и не сохранилась до наших времен, то должна была воспрепятствовать большому накоплению нежелательных духовных субстанций. В любом случае, я никогда не замечала призраков и хотела перестраховаться, что это не дефект моего зрения, а в поместье их действительно нет.

Записная книга не содержала никаких сведений о том, как именно увидеть призрака, вряд ли ее хозяин думал, что подобное требует уточнений.

Однако тут я и без И.И. прекрасно знала, что может мне помочь. Что я, не дочка владельца огромного алхимического предприятия?..

Да, практически все, что было связано с умершими в Рулеви, являлось неким табу. Основные заботы о неподнятии мертвых брали на себя служители Брианны, об уничтожении ходящих усопших во плоти — отряды, сформированные Инквизицией.

Но призраки в какой-то момент этого деления бывших обязанностей некромантов оказались словно сами по себе. И все потому, что их почти никто не был способен заметить.

Но затем выявились некоторые проблемы.

Иногда между духом и живым устанавливалась особая связь. Если дух обладал достаточным могуществом, чтобы создать ее с кем-то для себя важным, этот человек становился жертвой призрака. Попытки несчастного могли быть крайне разнообразны: слышимые только несчастному вои, лицемерие обезображенного облика усопшего, задушевные разговоры в собственной голове.

Подобных случаев было немного, что бы стать проблемой для общества, но Инквизиция не могла делать вид, что ничего не происходит. Особенно, когда речь шла о выходцах из благородных семей, членов которой не так-то и просто закрыть в больницу

для душевнобольных.

Маги Инквизиции научились разрывать связи между человеком и духом, ставить на живого длительную защиту. Что происходило после этого с самим призраком, мне было неизвестно, но его жертва освобождалась. Правда, эта магия работала только тогда, когда использовавший ее воочию мог видеть разбушевавшееся приведение.

Знала я все это лишь потому, что в свое время крутилась рядом с алхимиками «Светоча». Для видения призраков использовали определенное зелье, приготавливаемое по не самому простому рецепту. Инквизиции было проще делать раз в год тайный заказ у нашей компании, чем заниматься этим самим.

Из-за того, что зелье было «особенным», его состав прочно врезался в мою память. И я была уверена, что смогу его сделать.

С такими мыслями я спрятала свой некромантский кладезь знаний в тайник и, зевая, побрела в смежную с моим кабинетом спальню. Там меня уже давно дожидалась приготовленная еще вечером кем-то из слуг шелковая ночная рубашка.

Я быстро ополоснулась под прохладной водой в ванной комнате, привела себя в порядок перед сном, и вернулась к лежащей на кровати ночнушке. Уже с усилием натянув ее на чуть влажное тело, я увидела небольшой желтоватый конверт, который ранее скрывала нежная шелковистая ткань.

Это еще что такое?..

Конверт не содержал никаких надписей и не фонил магией.

Само его появление вызывало множество вопросов. Если бы мне что-то передали через слугу, пусть даже и с просьбой отдать послание тайно, мне бы все равно вручили его прямо в руки, а не подкладывали подобным образом.

Или же... или же слугу за отдельную плату попросили не выдавать себя. Вряд ли конверт положил тот же человек, который подготовил мне одежду.

Я растерянно рассматривала его, не решаясь вскрыть. Наконец, любопытство одержало верх над осторожностью, и я аккуратно оторвала бумажный край и вытащила содержащееся внутри письмо.

«Не могу перестать думать о ваших прелестных тонких пальчиках, и уверяю вас этот небольшой талисман, который непременно вас защитит».

И никакой подписи или печати. Бумага не содержала привычных фамильных гербов или каких-то опознавательных знаков.

В первые мгновения я могла лишь перечитывать короткие строки, поначалу не совсем понимая, о чем идет речь. Затем подняла отложенный конверт и извлекла из него невесомое тонкое колечко из серебристого металла. Едва оно коснулось моей кожи, то тут же коротко вспыхнуло белым и потеплело.

Вот тебе и отсутствие признаков магии. С умом сделанные артефакты не станут пошло **фонить**, а выдадут себя, лишь дойдя до адресата, если таковой имеется.

Я легла на кровать, рассматривая тонкий металлический ободок с искусной, едва заметной вязью рун, часть из которых даже смогла распознать. К моему первому любовному письму прилагалась редкая полезная вещица, дающая своему хозяину неплохую защиту от энергетического вампиризма, сглаза и прочих негативных магических воздействий.

Я медленно нанизала колечко на средний палец левой руки, где оно село как влитое.

Судя по тому, что я разобрала в рунах кольца, прелесть этого украшения была в его универсальности. Обычные обереги настраивались только на что-то одно. Если навесить на себя несколько амулетов, то они не будут давать друг другу работать в полную силу,

здесь же мастера смогли добиться сочетания целого ряда свойств в одном небольшом артефакте.

Я была несведуща в конкретных ценниках, но понимала, что в мои руки попала очень дорогая вещь. Что ж, вполне достойный подарок для графини.

И кто же на это решился?

Я сжала ладонь, чувствуя, как в кожу врезается тонкий ободок.

Лишь бы это был не Энтон Корре. Но разве не он ли и передал бы подобным образом письмо? Вся прислуга знает, что этот господин не в ладах с хозяином дома. Отдать из собственных рук послание от Энтона могло бы стать последним, что слуга бы сделал в этом поместье перед своим увольнением.

Я с сожалением стянула с пальца колечко. Что ж, пока не вычислю адресата, оно будет храниться в шкатулке с другими моими украшениями. Если его отправитель Энтон, — артефакт непременно верну.

Письмо и конверт, подумав, я засунула в тайник к записной книжке. Чтобы случайно не поставить себя в неловкое положение перед родителями, лучшим решением было бы сжечь послание, но у меня почему-то не поднялась рука, чтобы сделать это.

Когда моя голова, наконец, коснулась подушки, я подумала, что после своей находки я никак не смогу быстро уснуть.

И тут же провалилась в глубокий сон.

***

Утром меня разбудила Вайна.

— Прошу прощение, госпожа, но у меня указание как можно скорее вас поднять. — Скороговоркой проговорила она, поймав мой заспанный взгляд. — Приехали гости, и ваша маменька хочет, чтобы вы с ними позавтракали.

Я проспала не больше четырех часов, и поэтому с трудом оторвалась от подушки, а затем недоумением уставилась на Вайну. Но та уже отвернулась и принялась готовить мне наряд, словно ничего странного здесь не происходило.

Как подозрительно... К маменьке частенько навевывались ее подруги с членами своей семьи, но, все же, меня еще ни разу не будили исключительно для того, чтобы я составила им компанию.

— Что-то стряслось? — пробормотала я, сдерживая широкий зевок и наблюдая, как служанка торопливо раскладывает мое домашнее платье чайного цвета.

— Не могу знать, — покачала она головой.

— Вайна, ну не томи, говори прямо, кто пришел?.. — я с тягостным вздохом села.

— Я не видела, госпожа, правда. Ваша маменька отловила меня возле кухни и послала к вам. Я даже не знала, что кто-то вообще сюда так рано приехал...

Я, с трудом борясь с не до конца проснувшимся телом, встала с кровати и кинула взгляд на большое напольное зеркало в тяжелой темной раме. Выглядела я так, как и положено выглядеть человеку, который не спал полночи: синяка под запавшими глазами, блеклая кожа.

Холодная вода поспособствовала моему приближению к образу свежей юной девы. Услужливая Вайна помогла влезть в платье и соорудила мне сносную прическу, пока я пыталась не задремать прямо на пуфе напротив туалетного столика.

Нет, подчас я любила поучаствовать в социальной жизни маменьки, но предстоящий ранний завтрак казался извращенной пыткой.

Да, вести двойную жизнь, оказывается, не так уж и просто.

Я зевнула и вдруг, ошарашенная своей внезапной догадкой, едва не упала с пуфа, напугав тем самым Вайну.

А вдруг кто-то приехал просить моей руки?.. Зеркало напротив тут же выдало мою резко увеличившуюся бледность.

Нет, невозможно. Родители категорически против такого поворота событий.

Даже если кто-то и успел навеститься к отцу, мне могли об этом даже не сообщить, — все равно проситель получил бы однозначный ответ. И никаких совместных завтраков здесь быть не могло.

По лестнице на первый этаж ноги несли меня сами, ведомые смесью любопытства и опасения.

Завтракать маменька изволила на просторной террасе, выходящей в уже потихоньку отцветающий сад. Я шагнула к накрытому столу, случайно раздавив каблуками несколько долетевших вишневых лепестков, и подавила вздох облегчения, который едва не прорвался наружу.

Рядом с маменькой сидела Элина со своей матерью, баронессой Амелией Темпич. Элина выбрала для раннего визита чудесное атласное розовое платье с нежной отделкой под цветы, а госпожа Амелия, как женщина замужняя и солидная — темно-синий бархат, щедро расшитый черным бисером.

Обе прям-таки светились от переполняющего их счастья и радостно ворковали, даже

не притронувшись к тарелкам.

Мы обменялись всеми полагающимися приветствиями и дежурными вопросами. Затем меня усадили, и, наконец, Амелия Темпич сообщила ту самую новость, ради которой меня вытащили из постели:

— Дорогая, Элиночка выходит замуж!

Элиночка растерянно рассмеялась, пребывая в каком-то счастливом трансе, даже не реагируя, как обычно, едва уловимой гримаской на ненавистное ей ласкательное.

— Очень рада, — искренне проговорила я, прекрасно понимая, насколько эта помолвка была сейчас важна для девушки. — И кто же... счастливец?

— Помнишь Отиса Батриса, вы еще танцевали на прошедшем балу? — как-то лукаво на меня посмотрела госпожа Амелия, широко улыбаясь.

Что-то внутри меня стремительно ухнуло вниз, разбиваясь на триллион осколков. Грудь так резко сперло, что стало совершенно невозможно дышать.

Но я сохранила лицо. Кивнула и ровно ответила:

— Да, конечно, помню.

Ну почему же так плохо?.. Я как бы невзначай убрала под стол руки, чувствуя, что они мелко трясутся, выдавая мои истинные эмоции. Еще немного, и костяшки пальцев начнут отбивать чечетку на нижней части столешницы.

— Так вот, — продолжила как ни в чем не бывало госпожа Амелия, в упор не замечая моего состояния, — вчера его младший брат, Мортен Батрис сделал предложение Элиночке... Да, знаю-знаю, он пока не так известен, как Отис, и только начал государственную службу, но судя по всему, это крайне перспективный...

Дальше, признаться, я почти не слушала. Лишь с радостью ощущала, как медленно расслабляется тело, освобождаясь от плена ужаса, как ровно начинает биться так резко скакнувшее сердце.

Элина выходит не за Отиса... Да славятся все великодушные справедливые боги и Вернис в придачу.

Но откуда вообще взялось все это волнение? Я сжала зубы, прикрывшись фарфоровой чашкой с тонким золотым узором, что бы госпожа Амелия не приняла вдруг мое выражение лица на свой счет.

Сейчас эта слабость не к месту.

Из-за финансового положения моей семьи любой потенциальный жених поставит отца в зависимость, пока я не улажу дело с Эвалусом. К тому же... мало кто оценил бы одаренность своей будущей жены в некромантии, а скрывать всю жизнь нечто подобное от человека, с которым делишь ложе и детей...

Глаза защипало.

Стоит ли вообще заводить этих самых детей, если я могу передать проклятый дар по наследству, подвергая этим их жизни опасности, при нашей то бдящей инквизиции? Я как прогнившее в середине яблочко, может и мила снаружи, но категорически не съедобна внутри, и проку от меня никакого. Понимая это, меньше всего хотелось вручать такое «счастье» в чьи бы то ни было руки.

Пусть даже это будут руки того же Отиса.

Свадьбу Элины Темпич и Мортена Батриса собирались играть уже через два месяца. Времени оставалось немного, но мать Элины, казалось, уже абсолютно все продумала. Госпожа Темпич пару часов в мельчайших подробностях расписывала, куда молодожены отправятся на золотую неделю после свадьбы, где закажут свадебное красное платье.

— ...В салоне госпожи Пурпур давно разучились шить, поэтому мы думаем наведаться

в «Рубиновый шик», там чудно делают шлейфы...

— Но, маменька, шлейфы давно не в моде... — робко заметила Элина.

— Девочка моя!.. Кушай омлет, милая, и никаких блинчиков, запомни! Тебе стоит думать о фигуре, тогда и с подбором фасона не будет проблем. А то сейчас шлейф единственное, что отвлечет публику от всех изъянов твоей фигуры...

Элина на мгновение застыла, крепко сжимая пальцы на вилке с аккуратно отрезанным кусочком ажурных блинов, и промолчала. Девушка была не намного толще меня, и то лишь в груди и бедрах, но спорить с разошедшейся госпожой Темпич просто бесполезно.

По ходу беседы радостный взгляд девушки постепенно тух, и в конце концов она погрузилась в себя, окончательно отстраняясь.

Да, будь моя маменька того же сорта, я бы, вероятно, и не так категорично рассуждала о невозможности собственного брака...

***

Вернис свидетель, на кладбище я не хотела идти до последнего. Это была крайняя мера, но, увы, к ней пришлось прибегнуть.

Вайна одним днем сходила в несколько лавок и приобрела все необходимые ингредиенты для зелья виденья духов, прикупив по составленному мною списку еще несколько других трав, толченых камней и готовых настоек, чтобы отвести глаза случайных свидетелей этих покупок от моих реальных намерений.

Еще четыре дня часов по пять я трудилась, смешивая порошки и травы в нужной пропорции, что-то отваривая, что-то подсушивая, что-то выдерживая в едких растворах. К концу этого срока уже мутило от запаха терпкой полыни и гадкой моровой ягоды, а руки от напряжения начинало сводить, — ведь всего одно неудачное движение, и можно начинать все заново.

Для родных было далеко не в новинку, что я могла проводить свой досуг таким образом, и прятаться не приходилось. К тому же, у отца выдалась тяжелая неделя, он приезжал глубоко затемно, ужинал с нами и сразу шел спать, не особо вникая в то, чем я сейчас занимаюсь, а маменька была слишком далеко от алхимии, чтобы заподозрить что-то неладное.

В итоге зелье получилось просто прелесть. Правильного янтарного цвета, чуть тягучей консистенции. Я разлила его по порционным бутылкам, и стала счастливой обладательницей целого запаса зелья виденья призрачных субстанций.

В первую же после этого ночь, я, слегка дрожа от волнения, выпила горьковатой янтарной жидкости, и с приглушенно горящим светочем отправилась на экскурсию по собственному дому.

Возможность увидеть призрака кого-то из своих далеких или, что хуже, ближайших предков уже больше пугала, чем казалась хоть сколько-нибудь привлекательной. Несмотря на то, что сроки уже поджимали, и с каждым днем необходимость что-то предпринять с Эвалусом только увеличивалась.

Мои представления о духах были обрывочны. Я видела в иллюстрациях к сказкам полупрозрачных людей, ноги которых окутывал туман и которые словно парили в воздухе, но в действительности они могли выглядеть и как-то иначе. К тому же, призрак призраку рознь, и часть духов была в разы опаснее других представителей этих эфемерных существ.

Конечно, в жилом доме не могла бы поселиться та же редчайшая баньши, встречи с которой для большинства невезунчиков кончились летально. Но ведь никто не давал мне гарантий, что даже только увидев призрака, я тут же не подвергну свою жизнь риску.

Чаще всего призрачные мертвые упорно игнорируют живых и даже прекрасно сосуществуют с ними, но лишь до того момента, пока живые сами каким-то образом замечают их... А пристального взгляда для умершего может оказаться более, чем достаточно.

Сердце несколько раз обрывалось от скрипов, на которые я при других обстоятельствах и не обратила бы своего внимания. От действия зелья во рту стоял не проходящий горьковатый привкус, но больше в моих ощущениях, казалось, вообще ничего не изменилось. Это настораживало, — а так ли оно должно работать?

Чтобы обойти весь дом крадущемся шагом, мне потребовалось около часа, к концу которого мои нервишки стали заметно сдавать. Ничего такого, что выбивалось бы из привычной картины, я не заметила, что не мешало шарахаться даже от собственной тени. Дойдя до заднего входа, которым пользовалась прислуга, и завершая тем самым свой маршрут, я, наконец, пришла к однозначному выводу, что дом чист.

Легкая волна облегчения нахлынула на меня и тут же спала.

Дальше меня ждал сад, а за ним — склеп. Я чуть сглотнула, чувствуя холодные щупальца усиливающегося страха.

Бесшумно открыв тяжелую дверь, я застыла на пороге, напряженно вглядываясь в черноту ночи. Чуть колышущийся светоч выхватывал из мрака стершиеся от времени ступени, мощеную широким камнем дорожку и темные густые заросли воротниковой ягоды, усыпанные ранними мелкими бутонами голубовато-зеленого цвета.

Пахло травой и сырой весенней землей.

Вскресив в голове, как выглядит это место при свете дня, я с кривой улыбкой поежилась. Это же мое поместье, сколько можно трусить. Родовой дом, земля предков. И разве не меня ли, новоявленную повелительницу мертвых, эти самые мертвые и должны бояться?

Аргумент был шаток и, что уж там, предельно глуп, но он добавил решимости.

С трудом переступая страх, я поспешно сошла со ступеней и, озираясь, побрела по дорожке, не замечая холода, — то, что перед выходом стоило взять хотя бы накидку, мне и в голову не пришло.

От раскидистых, узловатых и толстых ветвей старых вишен в ночи веяло жутью. Большинство лепестков уже опало, и от бутонов остались только оголенные венчики, в темноте кажущиеся какими-то причудливыми уродливыми цветами.

Я шла под этими зловеще изгибающимися деревьями, которые при свете дня ничем не отличались от обычных старых вишней, коими и являлись. Сжимала до белых костяшек пальцы и впивалась ногтями в предплечья, и в какой-то момент отстранилась от самой себя. словно окинула взглядом со стороны.

Перепуганная жалкая девчонка.

Ну разве я так смогу чего-либо добиться? Разве в таком состоянии возможно взять под контроль даже самого слабенького призрака? Пусть порядок подчинения и вязь заклинания по записной книжке я вызубрила от и до, но без должной силы воли даже могущественный маг превратится в ничтожный пшик. Что уж говорить о юной дилетантке, которая в одиночку решила осваивать подобные вещи?

Я на мгновение остановилась, чувствуя, как постепенно начинаю злиться. На саму себя за проявление слабости, на Эвалуса, из-за которого я вообще затеяла все это, и даже на папеньку, который отчего-то оказался не в состоянии сам разобраться со всеми этими делами, в результате чего его дочь как последняя дура мерзнет ночью в саду, разыскивая призраков на свою голову.

Злость, все-таки, отличное чувство, если направить ее в нужное русло. Особенно, если она способна пересилить накативший страх.

Ускорив шаг, я быстро прошла остаток сада всеми тропками, едва ли не заглянув под каждый куст. Потревоженное семейство ежей, которое рвануло от меня прочь в темноту, лишь на мгновение заставило вздрогнуть.

К склепу, отделенному декоративной зеленой изгородью, я подошла, окончательно взяв себя в руки.

Перво-наперво я просмотрела печати на массивной двустворчатой двери, которые оставались все так же нетронуты. Светоч позволял разобрать каждый причудливый изгиб на тонких рунах, словно выгравированных вокруг замка. Никаких видимых дополнительных затворов не было, но потянув за ручку, я ощутила, что двери словно слились в одно нерушимое единое.

Вскрывать склеп я не собиралась: даже если выйдет, восстановить разрушенные печати я сама никак не смогу, да и было куда спокойнее, что склеп находится под защитой, поставленной профессионалами. Были ли печати непреодолимым барьером для приведений, которых после запечатывания могли держать и стены склепа, я не знала.

Но вокруг места упокоения моих предков точно не было ничего, напоминающего призрачные сущности.

Когда я, сделав несколько кругов вокруг серого сооружения, направилась к дому, до

меня вдруг дошло.

Это ведь был первый раз после нападения тетушки, когда я спокойно подошла к этому месту.

Обернулась и некоторое время растерянно разглядывала изящную резьбу на камне, небольшой шпиль, украшенный семиугольными звездами Брианны, две изогнутые статуи плакальщиц, одеяния которых были так тонко выполнены, что напоминали настоящую ткань.

Отчего-то теперь мне здесь было очень спокойно. Я растерянно повела плечами, чувствуя, что уже совершенно замерзла. Пора было возвращаться.

Знать о том, что в родном гнезде нет духов, было отрадно. Но это не отменяло необходимость раздобыть хотя бы одного слабенького призрака.

Ответ на вопрос, куда же мне теперь податься, был очевиден.

В Эрге и ее окрестностях располагалось сразу несколько кладбищ. В центре столицы хоронили в основном госдеятелей, известных жителей, или же просто всех тех достаточно благородных, кто не захотел покоем в семейных склепах, если таковые имелись. Сословия попроще обретали свое посмертное пристанище ближе к окраинам, там люд погребали с учетом житейских соображений, — кому какое кладбище вышло ближе.

Теоретически мне подходило любое из этих мест, кроме центрального, настолько надежно охраняемое инквизицией от вандалов, что соваться туда являлось равносильным самоубийству. К тому же, на кладбищах окраинах города хоронили и весьма неблагонадежных жителей, казненных и неопознанные тела, — в общем, всех тех, кто по моим представлениям вполне могли задержаться в этом мире куда дольше, чем им изначально отвели боги.

Мне повезло, что ближайшее к нашему поместью кладбище было всего в получасе быстрой езды на лошади.

Я решила на свою очередную безумную авантюру на следующую же ночь после исследования своего дома на предмет наличия призраков, просто чтобы не успеть передумать. Перетряхнув весь свой гардероб, я нашла немаркий черный костюм для верховой езды и отстегнула от него юбку. Затем вывалила на письменный стол все свои амулеты, охранные артефакты и призадумалась.

Родители пусть и снабдили меня всяческими защитными штучками, но они никак не рассчитывали, что их любимой дочурке потребуются защита от нежити. То что на кладбище, кроме призрачных существ, могут обитать и неживые во плоти, я практически не сомневалась. Инквизиция со своими спецотрядами по зачистке не сидела сложа руки, но напороться на не отошедшего в мир Иной бедолагу, который восстал совсем недавно, было боязно. То, что я смогла сделать с тетушкой, я сделала инстинктивно и понятия не имела, как это повторить.

Пока я ковырялась в блестящих камушках и цепочках, ища что-то, что смогло бы хоть как-то меня защитить в случае наихудшего развития событий, в голове настойчиво пульсировала мысль, что я совершаю ошибку. Сожгут, если поймают. Ну точно же сожгут.

Я с нервным смешком откинулась на стуле и вздохнула. Прислушалась к себе. Нашлись же у меня силы обыскать ночью сад, где на меня когда-то напала нежить, и даже осмотреть родовой склеп.

Все же, определенно, какая-то частичка меня абсолютно не испытывала ужаса от предстоящего. Напротив, что-то внутри тихонько заклокотало и настойчиво порывалось наружу, желая воплотиться в текучую искрящуюся энергией силу. Стоило мне на несколько мгновений прислушаться к этой составляющей себя, как кончики пальцев вдруг так сладко заломило, что я прикрыла глаза и едва не замурлыкала, как дорвавшаяся до ласки кошка.

Когда острота чувств схлынула, я дрогнула, осознавая всю странность происходящего. Что за наваждение?.. Я взглянула на свою ладонь, сжала и разжала, прогоняя последние ощущения искорок на кончиках пальцах. В предвкушении предстоящей ночной вылазки проклятый дар решил поднять голову?..

Я встала, качнув резким движением стул, и беспокойно прошлась по комнате..

В какой-то момент мой бесцельно блуждающий взгляд напоролся на туалетный столик, угол которого был виден из кабинета. Перламутровая шкатулка с ювелирными украшениями мягко переливалась в солнечных лучах, которые пропускали шторы.

Я подошла, приложила пальцы к гладкой поверхности, и шкатулка со щелчком открылась, считав мою ауру. Подаренное неизвестным поклонником колечко лежало сверху, внешне отличаясь от остальных моих колец лишь невзрачностью.

Определенно, ни один из моих амулетов и по силе, и по функциональности в подметки этому кольцу не годился. Самым разумным решением было бы взять его на ночную вылазку.

Но меня волновало, что я так и не сумела понять часть его возможностей, исходя из витка рун, опоясывающего мой презент. Изучить бы их все досконально, и убедиться, что оно не устроит мне сюрпризов...

Я нахмурилась, еще раз пытаюсь разобрать вязь на ободке.

По-хорошему, следовало отнести кольцо в артефактную лавку для полного его изучения и описи качеств, но проверка займет не меньше нескольких дней. Я могла бы сделать это до того, как начала работу над зельем, но использовать этот подарок от Вернис знает кого я тогда не собиралась.

Я долго медлила, но в итоге натянула-таки кольцо на палец.

Очевидные плюсы от его защиты превышали мои опасения, и сейчас этого было достаточно.

Когда домочадцы и слуги, наконец, улеглись, я быстро переоделась в костюм для конных прогулок, главным преимуществом которого было наличие удобных штанов. Забрала волосы назад без каких бы то ни было хитрых причесок. Натянула высокие мягкие сапоги, в одно из голенищ которых засунула остро наточенный нож в кожаных ножнах, используемый мной для нарезки ингредиентов для зелий.

Покопавшись в горе своих зачарованных побрякушек, я застегнула на шее золотую маленькую подвеску, привлекающую удачу. Рядом с цепочкой на грудь лег порталный амулет, небольшой темно-синий кристалл, способный перенести меня к мраморному столбику — порталному камню, распisanному рунами и установленному на территории поместья. Или же, правда, тогда всего однократно, к любому другому порталному камню, являющемуся частью общественной сети, которая покрывала все основные населенные пункты Рулеви.

Маменька плохо переносила магические перемещения, в том числе и из-за своего хлипкого здоровья, и я уже не помню, когда в последний раз прибегала к амулетам телепортации, которые действительно могли упростить жизнь, избавляя от утомительных поездок.

Непосредственно рядом с кладбищем не было порталных камней, поэтому туда добраться было возможно лишь верхом. А вот обратно амулет поможет ощутимо сократить дорогу и мне, и моей лошади.

Перед тем, как выйти из комнаты, я залпом, морщась от неприятного вкуса, выпила небольшой бутылек зелья виденья призрачных субстанций. Запасной засунула в поясную сумку.

Затем, прихватив темный плащ с широким капюшоном, тенью прокралась из спальни по внушительной лестнице с изящными перилами, выполненными в форме длинных морских змеев. Вышла окружным путем к двери, обычно используемой слугами и, аккуратно прикрыв ее за собой, прошла в сад.

Вишневые деревья уже не казались так безобразны, как это было вчера. Стояла безоблачная ночь, и мягкий лунный свет был настолько ярок, что я убрала светоч. В этом мягком сиянии наш сад приобретал скорее волшебный вид, чем пугающий, словно моя вчерашняя прогулка была совершена в каком-то другом месте.

Я сделала пару медленных шагов, наслаждаясь прохладой, которая остудила разгоряченное быстрыми сборами и волнением тело, и устремилась неприметной, редко используемой тропой напрямую к конюшне.

Мой дед в свое время обожал лошадей. Он скупал нанийских жеребцов, участвующих в скачках, и проводил все свободные вечера в конюшне, предпочитая ее моей бабуле, которая, стоит признать, имела крайне склочный характер и могла за полминуты довести до белого каления и привычному ко всякому человеку. Конюшню дед тогда полностью отстроил заново, не скупясь на пространство, материалы и всяческие удобства. Папенька же не смог проникнуться к этому делу любовью, и после смерти деда распродал львиную долю скакунов.

Сейчас конюшня была почти пуста, не считая всего десятка лошадей, две из которых использовались исключительно мной и маменькой для редких утренних прогулок.

Одна из них, моя Опал, вороная, единственная хоть как-то среагировала на мое присутствие, — она повела ушами, узнав мои шаги. Остальные кони стояли в своих стойлах в полудреме, изредка шевеля длинными причесанными хвостами.

Я провела рукой по морде своей любимицы, и изнеженная Опал нехотя приоткрыла чернящие глаза, явно не понимая, что я забыла здесь в такой час, мало подходящий для привычных прогулок. Когда я попыталась ее вывести, она еще некоторое время с досадой фыркала, не желая никуда тащиться, и только получив сахарок, позволила себя седлать.

На улице Опал взбодрилась и стала послушна, несмотря на то что ночное гулянье ей было в новинку.

Мы вышли из поместья через один из черных входов, куда обычно подвозили провизию и хозяйственные принадлежности. Калитка открылась с легким позвякиванием, срабатывая на мою ауру и выпуская нас на дорогу.

Я пришпорила Опал, и та рванула.

Мы мчались по абсолютно пустой дороге в серебристом лунном свете. Капюшон откинулся назад, и ветер развивал выбившиеся прядки моих волос, холодно бил по щекам, норовил скинуть плащ. В какой-то момент я, уже окончательно замерзнув, перестала ощущать холод и, словно слившись в одно целое с лошадью, отдалась скачке. Опал быстро распробовала всю прелесть ночного путешествия, и более не сдерживала себя, ускоряясь без всякого на то моего указания. Кровь нанийских скакунов в ее жилах горячила кобылицу, и она летела к моему восторгу так быстро, словно не касалась копытами земли.

Я уже совершенно забыла куда еду, растворяясь в чувстве скорости, когда мы едва не проскочили мимо нужного поворота.

С усилием остановившись, Опал нетерпеливо переступила длинными ногами, раздосадованная тем, что я прервала ее бег.

Но мне было вообще не до нее. Через пару сотен метров виднелась устремленная ввысь часовенка всех богов, которая всегда стояла на окраине практически любого кладбища.

Я судорожно сглотнула, расслабляя ворот капюшона. На мгновение у меня пронеслась мысль, что я еще могут сделать вид, что просто решила предаться ночной верховой езде, и не собиралась делать ничего более... Потребовалось немало усилий, чтобы, наконец, двинуться по направлению к кладбищу.

Лошадь я привязала в леске неподалеку. Опал с недоумением посмотрела на меня, по покорно осталась ждать, укрытая темнотой деревьев.

Тщательно выбирая путь, чтобы не сломать ноги о выступающие узловатые корни

деревьев, которые простирались на много метров вперед, я напряженно размышляла, что самое время молиться богам о помощи. Но кто же из богов захочет покровительствовать мне в задуманном темном деле?

Так сложилось, что Брианна, богиня жизни, оказалась ответственной сразу за множество аспектов. За плодородие, семью, деторождение, любовь, за удачу во всех начинаниях, в последние столетия даже за упокоение мертвых, и вообще, казалось, уже за мир во всем мире. Но насколько правильно обращаться за помощью к ней некроманту?..

Да, еще был бог смерти, Крелорс. Собственно, супруг самой благоденствующей Брианны, о чем ее жрецы в последнее время вспоминали неохотно. И если Верниса, то еще кровожадное божество отмщения, поминали тут и там, то имя Крелорса старались избегать, словно назвав его, можно навлечь не просто беду, а саму смерть.

Крелорс — хладнокровный проводник душ. Он сам выбирает того, чью жизнь пришло время прервать, сам решает, пустить ли душу в мир Иной. Молиться ему об удаче в намеченном деле казалось почти кощунством, — разве не его ли решения маги смерти оспаривают своей силой? Или же, некроманты, в действительности, желают они того или нет, его посланцы?.. Боги, я всегда плавала в теологии, и на эти вопросы вряд ли кто-то захочет мне ответить.

Хорошо, пусть будет Крелорс. Знать бы еще хоть одну молитву к нему ...

Я едва не наворачнулась, зацепившись сапогом за корень. Прямо перед носом начиналась высокая железная ограда, опоясывающая все кладбище. Как маг, я видела легкое свечение, испускаемое изгородью, защиту, чтобы восставшая нежить не ушла за пределы этой земли.

Где-то за деревьями виднелся дом сторожа и, судя по отсутствию света, он уже спал. Ходить ночью вокруг могил, подстерегая вандалов, ему не требовалось, ведь в каком-то смысле, кладбище способно защитить себя само. Целью было не выпустить наружу то, что может завестись на самом кладбище, а уж судьба какого-то дурачка, который решил поживиться золотыми зубами мертвеца, никого здесь не волновала.

Я прошла вдоль ограды и зашла, воспользовавшись главным входом, правда, для этого мне пришлось забраться вверх по высокой запертой двери, выступы на которой оказались куда удобнее, чем на изгороди.

И затем в ступоре остановилась, мало веря своим глазам.

Кладбище дышало.

Или как назвать то, что все пространство передо мной пронизывала холодная голубоватая и отчетливо пульсирующая энергия. Был ли это эффект от зелья, или исключительно мой некромантский дар, или же наложение первого и второго, я не знала, но ничего подобного в своей жизни я никогда не видела.

Отсюда начиналась самая старая часть кладбища. Над усопшими стояли приземистые, разъеденные временем надгробия с выгравированными именами покойного, датами рождения и смерти, пожеланиями родственников.

Я вгляделась, и сама не заметила, как сделала шаг назад, вжимаясь в запертую железную дверь.

Отчего-то я отчетливо чувствовала каждого из них, каждого мертвого перед собой. Как же много их было... Во рту стало сухо, а виски вдруг невыносимо заломило.

Когда я пришла в себя, то поняла, что сижу на присыпанной гравием дорожке, впиваясь коленками в острые камни.

Первой мыслью было бежать прочь. Я не смогу. Не вытерплю. Должны быть другие способы решить мои проблемы, кроме как... вот это вот все.

Меня мутило, тело терзала дрожь. Пошатываясь, я с трудом встала.

С неоднозначным облегчением я ощущала, что души всех этих людей из близлежащих могил давно в мире Ином, и теперь под плитами покоятся лишь их бранные, почти до конца истлевшие останки.

Я постепенно приходила в себя, избавляясь от болезненной дрожи. И с удивлением отметила, что от голубоватого свечения, разливающегося по кладбищу, веяло больше умиротворением, чем чем-либо еще. Стоило отвести от себя ненужные образы, и все стало как-то совершенно иначе.

Тут было... очень спокойно? Что-то похожее на то чувство, которое посетило меня вчера возле семейного склепа. В голове прояснилось, никаких лишних тревог, волнений...

Я поправила плащ, подтянула поясную сумку и двинулась вперед, стараясь лишний раз не задерживать долгого взгляда на надгробиях.

Ряды могил, символически огороженных низким заборчиком, прореживали когда-то специально посаженные здесь деревья, тенеку. Раскидистые, метра два в обхвате бочкообразного ствола. По рулевским преданиям, они являются проводниками в мир Иной, и, как говорят ботаники, тенеку действительно в каком-то смысле связаны с мертвыми, ведь их семена лучше всего приживаются, если в земле есть останки. Судя по моим отрывочным ощущениям, огромная корневая система этих деревьев проросла сквозь ближайšie к ним захоронения, пронзила старые гробы и опутала кости, делая их частью себя.

Тенеку обладали необычной, голубоватой окраской листьев, кончики которых по ночам неярко светились белым. Листья держались на дереве круглый год, окончательно угасая зимой, и набирая силу летом.

Несмотря на то, что в тенеку в действительности никакой магии не было, к их длинным тугим ветвям подвешивали ленточки с посланиями от родных к умершим. Сейчас свет от листьев был приглушенный, — деревья только-только просыпались после зимы. Меж корней тенеку обычно хоронили друидов, но на этом кладбище земля прямо под деревьями пустовала, не считая скромных подношений в виде догоревших свечей и уложенных в кучки мелких монет.

На пересечении нескольких дорожек изредка попадались небольшие алтари под деревянными навесами с изгибающимися скатами крыш. Все они, судя по знакам на металлических чашах, посвящались Брианне.

Голубоватое свечение, испускаемое кладбищем, больше меня не пугало, к тому же, было занимательно наблюдать, как сквозь него мерцает листва тенеку. Я без четкого маршрута шла по дорожкам, кругом обходила алтари, изредка резко оборачивалась, будто от меня что-то могло прятаться, но безуспешно. Вокруг не было ни души в любом смысле этого слова. Могилы содержали надежно упокоенные останки, и вряд ли рядом с ними могли бы виться призраки.

Но постепенно алтарей попадалось все меньше и меньше. Теперь они выглядели так, словно их построили наспех. Простенькие жертвенные чаши прибили прямо к своему постаменту. Незачарованный металл закоптился дочерна.

Я огляделась и поняла, что забрела в уже какую-то другую часть кладбища. На некоторых могилах не поставили даже доски из железного дерева, которую устанавливали в тех случаях, когда не хватало денег на полноценное надгробие.

Ощущение покоя меня не покинуло, поэтому я не сильно волновалась. Но сами могилы... что-то внутри меня не хотело, что бы я прикасалась своим сознанием к тем, кто там лежит. Я остановилась, растерянно рассматривая неогороженные холмики, часть из которых не успела хорошенько осесть.

Тенеку, росшее неподалеку, было совсем молодым. Его ствол не превышал в обхвате и полметра, а листья светились ярко, куда ярче, чем у его старших собратьев.

Я пристально разглядывала тонкие ветви, отмечая отсутствие ленточек, когда что-то тронуло меня за руку.

Я непроизвольно взвизгнула и отскочила. Поборов сиюминутное желание побежать прочь, я все же повернулась туда, где, по моему мнению, находилась ужасная отвратительная нежить.

Но вопреки ожиданиям, на меня смотрел всего лишь ребенок. Худенькая девочка лет шести, крутящий на тонкий пальчик прядку белокурых волос.

На ее маленький курносый носик налипло небольшое пятнышко грязи. Хрупкое тело укрывала простая уже слегка запачканная одежда, но было видно, что ранее домашнее платьице девчужки хорошо прогладили утюгом и, где надо, с любовью зашили прорехи. Широко распахнутые большие глаза смотрели на меня с каким-то не заданным вопросом.

Я с облегчением улыбнулась, моментально подкупленная детской красотой, и уже хотела было узнать у маленькой незнакомки, как она потерялась и где могут быть ее родители, когда, холодея, внезапно поняла.

Стоило лишь немного присмотреться, и я различила сквозь полупрозрачную фигуру девчужки пару надгробий и часть дорожки...

Я судорожно выдохнула, делая шаг назад. Это милое дитя, которое с легким удивлением разглядывало меня, судя по всему, было самым настоящим призраком.

Но как же она меня коснулась? Разве призраки способны вот так вот контактировать с людьми, которые просто шли мимо? Или это потому, что я сама настроилась на нужную волну, когда искала ей подобных?..

Плохой же из меня некромант, раз я так мало знаю о мертвых.

Я огляделась. Кроме нас, рядом никого не было. Маленькая незнакомка оказалась единственной желающей из призрачной братии показаться мне на глаза.

— Привет, малышка — наконец, сказала я дрожащим голосом, чуть наклоняясь. — Как тебя зовут?

Девочка не ответила и по-птичь повернула голову, переставая крутить на пальчик светлую прядку. Ее глаза неестественно застыли, не моргая.

Я поежилась, впечатленная таким странным и неестественным поведением.

Но ведь мне было сложно даже представить, каково этой девочке сейчас должно быть. Понимает ли она, что с ней? Как такой ребенок мог оказаться привязанным к кладбищу в роли блуждающей души?..

А я, верно, смогу ей помочь. Я же некромант, в конце концов. Разве не в моей власти оборвать нити, мешающие этой малышке уйти в мир Иной?

Но я смотрела в ее застывшие стеклянные глаза и понимала, что даже примерно не знаю, как именно это сделать. С нежитью во плоти было одно, но разве сработает то же самое на бесплотном духе?.. Вернис же раздери...

Единственное, что в моих силах — подчинить ее. Забрать с собой, а затем упокоить, когда достаточно изучу этот вопрос. На кону, в конце концов, стоит невинная детская душа.

Я щелкнула пальцами, легким усилием воли направляя в них магию. Искристые фиолетовые линии испускаемой силы зависли в воздухе, когда я начала плести вызубренное заклинание.

К моему изумлению, девочку в то же мгновение пронзила нечеловеческая злоба, которая безвозвратно обезобразила прелестное юное личико.

Призрак, уже скованный на месте моей волей, дико изогнулся под как-то невыносимым углом, и его лицо, вытянулось, оставляя глаза двумя черными бездонными провалами. Раздирающий барабанные перепонки визг потряс кладбище, и меня в грудь толкнуло. Я с трудом устояла, уже по инерции продолжая плести заклинание и где-то на задворках

сознания понимая, что его ни в коем случае не стоит обрывать.

Фигура девочки теперь даже отдаленно не напоминала человеческую. Она выгнулась в подрагивающую от злобы спираль, которая, удлинняясь, уверенно брала меня в круг. Ноги призрака благодаря моей магии остались привязаны к земле, но остальная часть стремительно превращалась в яростный вихрь, всколыхнувший мои волосы. В голове раздался инородный невнятный шепот, полный с трудом различимых ругательств, которые путали мысли и мешали колдовать.

Я с дрожью в пальцах упорно продолжала творить заклятье, чувствуя, как порывы ветра стараются сбить меня с ног. Вихрь вокруг пульсировал силой, питаемой болью и яростью, а воздух так потяжелел, что стало трудно дышать. В какой-то момент я, не удержавшись на ногах, рухнула на колени, но все с тем же упрямством пыталась довести заклятье до конца подрагивающей от напряжения рукой, ведь теперь от этого, скорее всего, уже зависела моя жизнь.

Я сбилась всего на мгновение, и правую руку тут же хлестнуло горячей незримой плетью. Я вскрикнула и дернулась, а сплетенная вязь тут же растворилась в воздухе вместе со всей моей сотворенной магией.

Призрак победно взревел, и на меня понеслось темное нечто. Я в ужасе прикрылась руками, трусливо встречая свою погибель.

Звяк!

Кольцо на пальце ощутимо потеплело, а затем раздался звук удара, который пришелся о взявшуюся откуда-то преграду. Я подняла голову и поняла, что меня окружает желтоватый барьер, явно созданный моим подарком от неизвестного.

Храните же все боги этого благодетеля!..

Пока я радовалась внезапному спасению, озлобленный дух, который сейчас существовал в форме черного смазанного облака, повторно обрушился на меня, и снова в ответ ему звякнула крепкая ладная магическая защита.

Но моя радость быстро иссякла. Казалось, призрак совершенно не собирался оставлять меня в покое. Я попыталась встать, но очередное нападение на магический щит привело к тому, что я вновь упала на колени.

Разъяренный дух обрушивался на меня, с каждым разом увеличивая силу удара. Я с ужасом поняла, что преграда, отделяющая меня от смерти, постепенно меркнет, словно подходя к своему пределу. Я еще несколько раз вставала, и вновь падала, ощущая полное бессилие. С пальцев дважды срывались сотворенные наспех пылающие огненные шары, но они пролетали сквозь духа, никак ему не вреда.

Когда я уже растянулась животом по земле, инстинктивно зажимая голову, мой щит, наконец, пронзительно треснул и разлетелся на множество мелких исчезающих осколков.

Темная субстанция после своей удачи недоверчиво облетела меня полукругом, ожидая еще какого-то подвоха, и затем резко ускорилась, явно намереваясь закончить начатое.

Я изо всех сил зажмурилась, стиснув зубы, и внезапная зеленая вспышка почти ослепила сквозь закрытые веки.

Панический визг духа.

Я присела, с удивлением вперившись глазами в спину непонятно откуда взявшемуся здесь мужчине, стоящего между мной и призраком. Дух тем временем сгустился в ту самую девочку, которой когда-то был.

Та, паря в паре метров над землей, плевалась проклятиями и извергала из себя такие ругательства, которым в оригинальности могли бы позавидовать и сапожники. Девочка все так же выглядела разъяренной, однако вспышка, которую я увидела ранее, что-то кардинально поменяла. Призрак, иссякнувший в своем словесном потоке, наконец, успокоился и, сливаясь с окружающим пространством, ускользнул прочь.

Мужчина, скорее даже, молодой человек, обернулся и со вкусом громко выругался не хуже только что покинувшего нас духа.

Я попыталась встать, с трудом понимая происходящее сквозь гул в голове, и через секунду застыла в нелепой позе, скованная чужой магией. В воздухе еще несколько секунд трепетали искорки от знака онемения.

— Идиотка! — первое из печатного, что сказал мне мой спаситель. — Тупая курица!

Я с трудом разомкнула непослушные губы, на которые действие заклинания незнакомца почти не распространялось, и послала своего собеседника... в долгое путешествие.

Да, не самое достойное поведение для молодой миледи, но после всего случившегося меня определенно можно было простить. К тому же, до этого момента никто и никогда не смел высказать мне в лицо ничего подобного.

Молодой человек выдохнул.

— Если ты от Инквизиции, то весь этот спектакль был зря, — более сдержанно проговорил он, раздраженно приглаживая сбившиеся манжеты рукавов. — Тебе со мной в одиночку не справиться, и смею тебя заверить, новую могилку в этой части кладбища никто и не заметит.

— А какого Верниса ты тогда вообще меня спас? — ошеломленно сказала я.

Знак онемения действовал как-то очень избирательно, и я отлично чувствовала, как саднят разбитые колени и локти, как ноет кожа на внешней стороне ладони, где меня обжег призрак.

Судя по лицу молодого человека, он сам не имел ни малейшего представления, зачем оказал мне помощь. Не иначе, как спонтанный рыцарский порыв, о котором сейчас он уже начинал жалеть.

Мой спаситель выглядел старше меня года на три-четыре, был высок, поджар и одет во все темное, не считая белой рубашки тонкого шитья. Лично на мой вкус, он являлся обладателем чересчур бледной кожи и слишком тонких черт лица, но отчасти это компенсировалось красивыми, пусть и взлохмаченными каштановыми волосами по плечи. Кожу незнакомца приметным пятном отмечал свежий ожог на правой скуле.

Этот молодой человек, возможно, и произвел бы на меня положительное впечатление, если бы не какой-то нехороший взгляд цепких темных глаз, с которым он меня пристально изучал. Словно бы уже мысленно прикидывал, где тут земелька помягче, что бы с наименьшими трудозатратами прикопать мое брненное тело, благо, природа одарила меня хрупким телосложением, что значительно упрощало работу.

Я попыталась шевельнуться, но заклинание продолжало удерживать меня на месте. Гудящая голова после секундных размышлений, наконец, выдала одну простую логическую цепочку, которая должна была прийти на ум куда раньше.

Незнакомец, разгуливающий ночью по кладбищу, явно опасющийся встречи с Инквизицией, и во власти которого оказалось возможным отогнать от меня обозленного призрака...

— Ты ведь некромант, да? — спросила я слегка онемевшим языком.

Судя по реакции незнакомца, эти слова произносить вслух не следовало.

Он как-то резко скривился, и если раньше он определенно взвешивал за и против, то теперь на его лице мелькнула мрачная решимость. Маг провел рукой, и из-под его пальцев проступил сотворенный из чистой силы клинок, отливающий то голубыми, то фиолетовыми всполохами.

Ничего подобного я никогда не видела, но предугадать намерения своего спасителя и будущего убийцы в одном флаконе особого труда не составило. Поэтому я скороговоркой проговорила:

— Ты не находишь странным подозревать причастность к Инквизиции того, кто пытался с помощью магии смерти подчинить духа?

— Инквизиция никогда не жаловалась на отсутствие воображения, как выманить очередного некроманта. — Ровно ответил маг, медленно приближаясь.

— А разве Инквизиция не должна уничтожать всех некромантов, которые попали к ней в руки? — возразила я, не сводя взгляда с пульсирующего энергией клинка.

Боги, да он же мне сейчас горло перережет как какой-нибудь жертвенной козе!

— Не всегда сразу, — по тонким губам скользнула слабая улыбка. — В обмен на жизни дорогих людей всего лишь выдать несколько себе подобных. Это ведь хорошая сделка, не правда ли? А порой для успеха достаточно лишь притвориться, что нужна помощь собрата...

А этот молодой человек куда больше меня знал о методах работы Инквизиции.

И все же, пока он не так уж и спешил со мной покончить, иначе бы я уже лежала в луже собственной крови. Незнакомец оттягивал момент, давая мне возможность объясниться, а значит, он еще сомневался в верности своих мрачных предположений.

— Едва не умереть от рук призрака было бы крайне идиотским способом кого-то выманить! Если бы это была сделка, на кону которой стояла моя семья, я бы придумала что-то более надежное!

— Но ведь в итоге-то я перед тобой. — он небрежно взмахнул рукой, и кончик сияющего клинка пронесся слишком близко от моего лица. — К тому же, у тебя был щит, сотворенный из артефактного кольца. Что-то подобное есть у Инквизиции, их щиты идентичны твоему. Как ты это объяснишь?

Так он большую часть моего спонтанного боя с призраком стоял в сторонке и просто наблюдал, не вмешиваясь?.. Удивительно, что в нем вообще проснулась совесть, и итоге он пришел ко мне на помощь!

— Seriously? — возмутилась я, вдруг понимая, что подарок от тайного воздыхателя может сыграть со мной злую шутку. — Этот вопрос про щит следует адресовать тому, кто зачаровывал кольцо! Я понятия не имею, какие магические штучки использует Инквизиция, но не удивлюсь, если мой оберег был заказан у одного из лучших артефактных дел мастера... Который вполне может работать и на Инквизицию...

Я выдавила нервный смешок, который, казалось, был предвестником близящейся истерики.

— Ненадолго предположим, что сказанное тобой — правда, и ты не работаешь на Инквизицию, — размышляя вслух, проговорил некромант. — И что же ты тогда здесь забыла?

— Ты же сам все видел. Пыталась подчинить призрака и... потерпела неудачу.

— А почему ты не поставила хотя бы элементарного двухступенчатого блока? Только не говори, что забыла, с такой забывчивостью ты бы вряд ли дожила до этого момента... Или ты стремилась добиться максимально эффектного избиения призраком? Если так, то у тебя получилось.

Я растерялась. Двухступенчатый блок? В записной тетради не было и слова ни о чем таком. Милостивые боги, я же несколько раз проштудировала в книге все, что касалось призраков! Впрочем, возможно, этот упомянутый магом блок относился к неким прописным истинам, которые не требовали отдельного уточнения....

Я горестно вздохнула:

— Ничего про подобные вещи не знаю. Я только... учусь. — Опять этот дурацкий нервный смешок. — Не так-то просто найти хороший учебник по некромантии, знаешь ли.

Молодой человек вдруг коротко хохотнул, глядя на меня, как на умалишенную.

— И как же ты, скажи мне, вообще работала с нежитью без блоков?

— Да я толком и не... работала с нежитью. Решила начать с этого призрака.

Некромант уже громко рассмеялся, будто я рассказала ему отличный анекдот:

— Ты откуда вообще такая взялась? Ты хочешь сказать, что решила вот так взять и сразу подчинить себе призрака? И до этого ты не работала с костями?

Я пристыженно покраснела, будто откуда-то могла знать, с чего должны начинать все юные некроманты. Предка, оставившего мне записную книгу, резко захотелось найти, раскопать, воскресить, затем максимально болезненно упокоить, и так пару раз по кругу.

— И почему же тогда именно призрак? Какое-то предубеждение к ходячим мертвецам? — откровенно издеваясь, предположил маг.

— Да мне по делу нужно...

Боги, как же теперь глупо звучит все, что я говорю! Я так мучительно не краснела даже на балу, когда танцевала с Отисом.

— Ну и зачем же тебе так сильно понадобился дух? — поднял бровь некромант. — Говори!

Я набрала побольше воздуха в легкие и быстро ответила, покосившись на клинок:

— Я хотела проследить за одним человеком.

— Ты в курсе, что существует множество других способов для слежки, кроме того, как принудить делать это неуспокоенную душу? — в голосе незнакомца послышалась издевка.

Я не удержалась от кривой усмешки. Конечно, я была в курсе.

Только вот Эвалус также был прекрасно осведомлен о всех этих других способах. Даже мой папенька, не страдающей паранойей, постоянно находится под защитой специализированных амулетов, и регулярно проходит чистки у магов, чтобы государственные тайны оставались таковыми. Что-то же задумавший Эвалус тем более должен был себя обезопасить.

А про защиту от слежки через призраков никто и не подумает. О них вообще почему-то редко вспоминали, и было удивительно, что мое кольцо оказалось заговоренным от их нападений.... Пожалуй, здесь было над чем поразмыслить на досуге.

— Этот человек не так прост, — скупое и неопределенно ответила я некроманту. — Будь у меня хоть какая-то надежда на то, что работает нечто иное, я бы не прибегла к некромантии.

Маг некоторое время вглядывался в мое лицо и молчал, пытаюсь понять, так ли правдивы мои слова. В любом случае, он хотя бы перестал размахивать у меня перед лицом светящимся клинком, что я восприняла за добрый знак.

Наконец, он провел передо мной ладонью, и обездвиживание спало. Клинок из энергии вспыхнул и растворился в воздухе.

Теперь я полностью смогла насладиться чувством, похожим на то, когда в воде сводит ноги. Я, закусив губу, некоторое время растирала конечности, чтобы вернуть их прежний кровоток.

— Это был первый и последний раз, когда я тебя отпускаю. Попадешься мне на глаза еще, — останешься на кладбище в качестве постоянного жильца. — Сказал некромант.

Я растерянно отряхнула штаны и искоса на него посмотрела:

— Прости, но я, правда, мало понимаю...

Оправила плащ, поймала ожидающий взгляд и пояснила:

— Некромантия вне закона, и людей, которые занимаются ею, думаю, немного. Твои подозрения по поводу Инквизиции мне понятны, но разве не стоит вести себя несколько... мягче?.. Откуда столько неприязни? Разве в таких условиях не лучше... хотя бы не ссориться?

— Еще спроси, почему я не представился, не назвал свой точный адрес, и часы, когда меня удобнее арестовать, — мрачно ухмыльнулся мой собеседник. — В одиночку выжить проще, заруби себе на носу. Инквизиция никогда не брезгует самыми грязными способами... да и не только Инквизиция. Не доверяй никому.

— То есть твои принципы полностью исключают взаимовыгодное сотрудничество с кем-то вроде меня?

— Так тебе действительно нужна помощь с призраком?..

— Именно.

Возможно, я уже сходила с ума, раз просила его о подобном, но что мне оставалось?..

— Смеешься надо мной? С чего бы мне помогать тебе в каком-то сомнительном деле?... Лучше иди своей дорогой, девочка.

Почувствовала, как кровь отлила от лица. Девочка?..

— Я, кажется, сказала о взаимовыгодном сотрудничестве, — отчеканивая каждое слово, холодно проговорила я.

— И что же ты можешь мне предложить?..

Я некоторое время молча разглядывала дорогие кожаные сапоги и рубашку тонкого шитья, поверх которой была брошена жилетка от известного мастера.

В деньгах некромант не нуждался. Впрочем, его могли заинтересовать несколько другие вещи.

— У меня есть записная книга от моего далекого предка, практиковавшего некромантию, — сказала, решившись. — Я мало понимаю в этом понимаю, но ты смог бы разобраться в этих записях. Если найдешь там что-то новое для себя, я с радостью отдам блокнот. После того, конечно, как поможешь мне.

Некромант уставился на меня с зачатком некоего интереса. Видимо, я все-таки попала в цель.

***

За завтраком я с трудом сдерживала зевету, от которой, казалось, уже скоро вывихну себе челюсть.

— Дорогая, не спалось? — участливо спросила маменька, отрезая от яичницы кусочек и отправляя его в рот.

— Полночи не могла заснуть, — растерянно кивнула я, двумя большими глотками выпивая кофе, который меня сегодня отчего-то совершенно не бодрил.

Кроме сонливости, меня никак не отпускало чувство голода. Я уже расправилась с омлетом, тостами, заела все это парой фирменных яблочных пирожков нашей кухарки и словила себя на мысли, что хочу чего-нибудь еще. Вероятно, побочный эффект от использования магии, все же заклинание по подчинению призрака было не из самых легких.

— Кларисса, милая, а что это у тебя на руке?..

Я, едва сдержалась, чтобы не поправить длинный рукав, призванный скрывать уже хорошо затянувшийся ожог, который оставил дух. Мазь, что я нашла в ящике на кухне среди медикаментов для прислуги, сослужила мне хорошую службу, но не была способна избавить от подобного за одну ночь.

— Разбила чашку и порезалась, — объяснила я, — Но ничего страшного, скоро пройдет.

— Аккуратней, ты часто слишком спешишь, — покачала головой маменька. — А если бы попала осколком по запястью?.. Беда может прийти откуда совсем не ждешь...

Она вдруг как-то посерела и отодвинула от себя тарелку.

Я вопросительно посмотрела на нее, и мама, перехватив мой взгляд, сразу отвела красивые медовые глаза и проговорила:

— Кларисса, ты очень любишь внезапно куда-то уезжать, пусть и с Вайной, но... знаешь, в Эрге стало небезопасно. Постарайся по темноте никуда не ходить.

Резко перехватило дыханье, и я, забыв о манерах, замерла с очередным пирожком во рту. Она что, знает, что меня не было дома прошлой ночью? Я усилием воли заставила себя проглотить кусок яблочной начинки.

Нет, она не могла узнать. Иначе бы разговор со мной был бы совершенно иной.

— А в чем дело, маменька? — спросила, стараясь не выглядеть слишком взволнованной.

Мама тяжело вздохнула:

— Знаешь, это не для девичьих ушей. Просто поверь мне на слово, что лучше совершать все поездки в первой половине дня. Хорошо?

Я кивнула, благоразумно ничего более не уточняя.

После завтрака я направилась на поиски Вайны. Хотя в это время она всегда была занята уборкой, в доме ее, к моему удивлению, не оказалось, и я решила продолжить поиски на улице.

Вайна нашлась возле конюшни, я отчетливо услышала ее смех. Я хотела было выйти из-за угла, но остановилась, вдруг поняв, что мое внезапное появление не к месту.

На талии служанки вольготно лежала рука конюшего Ивена, молодого паренька, с которым я не единожды когда-то лазала по деревьям и ловила рыбу. С того времени он сильно возмужал, поддал в плечах и приобрел лукавый огонек в светло-карих глазах.

Ивен что-то жарко нашептывал Вайне на ушко, а та, извиваясь змейкой и чуть хохоча,

охотно таяла в его руках. Пни тесно жались друг к другу, со спины укрываемые распахнутой дверью конюшни, а сбоку — раскидистым деревом. Тот угол, где я стояла, был единственным местом, откуда можно было застать этих двоих врасплох.

Если мать узнает, что между прислугой назревает связь, ничем хорошим для Ивена и Вайны это не кончится. Я еще несколько секунд смотрела на них, отчего-то не в силах отвести взгляд, и вдруг ощутила легкий укол зависти.

Нет, Ивен был мне глубоко безразличен как мужчина. Но какого это, вот так, без всяких условностей касаться того, кто тебе безразличен? Чувствовать его дыхание на своих губах, стоять так близко, словно нет никакой преграды, кроме ткани одежды. Слушать ритм чужого сердца, тесно прильнув к груди.

Это показалось куда интимнее того, что мне довелось рассматривать в нанийских трактатах.

Сзади раздались тихие, чуть шаркающие шаги, и я быстро обернулась:

— О, Мистер Грауль! — сказала я куда громче обыкновенного, словно у меня заложило уши, — Хорошая сегодня погодка, не правда ли?..

Я с облегчением услышала сзади едва различимый взволнованный шепоток и шуршание.

— Да, миледи, погода действительно чудесная, — с готовностью отозвался Грауль, слегка недоуменно покосившись на серое, затянутое тучами небо.

Он с достоинством прошествовал мимо, направляясь в конюшни. Влюбленных голубков там уже не было.

Вайну я увидела уже на крыльце. Она мечтательно разглядывала присыпанную гравием дорожку и мяла в руках потрепанный листок бумаги. Когда я приблизилась, листок быстро переместился в зону декольте, а сама девушка, тряхнув смоляными кудряшками, повернулась в мою сторону.

Я хотела было сказать ей, что им с Ивеном следует быть более осторожными, но потом передумала. Пусть она, чтобы лишний раз не тревожиться, продолжает считать, что их связь остается для всех тайной.

— Вайна, не хочу тебя отвлекать от твоих забот по дому, но от маменьки я услышала одну странную вещь, — проговорила я, как будто не замечая, что служанка не работала, а прохлаждалась без дела. — Может, ты об этом что-то знаешь?

— Смотря о чем речь, госпожа.

— Маменька сказала, что в Эрге стало небезопасно. Что она могла иметь в виду?

Легкая улыбка на лице Вайны тут же спала, а на побледневшем лице промелькнул суеверный ужас, словно за моей спиной вот-вот должен был объявиться демон.

— Как же так, вы еще не знаете, госпожа?.. Такой страх творится, не приведите боги!

— О чем это ты?

Девушка прикусила губку, не решаясь ответить.

— Да что такое, Вайна?!

На нее это было совсем не похоже.

Вайна родилась в самом сердце трущоб Западной Эрги, куда стекались все социальные отбросы нашей столицы. Ее мать была пьяницей, которая не стеснялась говорить о своем желании продать дочурку в бордель, едва та подрастет, а отец, оставшийся для Вайны безымянным, сгинул еще до ее рождения. До одиннадцати лет девочка успела насмотреться на такие вещи, которые я вряд ли могу себе представить, пока ее не забрала родная тетка, к тому времени уже несколько лет верно служившая нашей семье в качестве горничной. Тетку в свою очередь приняли к нам по рекомендательному

письму от настоятельницы одного из храмов Брианны, — обычно отец избегал нанимать прислугу, имевшую столь сомнительное происхождение. В итоге Вайна осталась у нас, ее дали работу, а она проявила изрядное трудолюбие и сообразительность.

Вероятно, именно из-за специфического прошлого эта милостивая девушка умудрилась сохранить полное хладнокровие, когда к нам поместье забрел бешеный кабан. Его подстрелили всего в метре от Вайны, а та в тот миг уже сжимала в руках топор, подобранный ею у сарая.

Сложно даже предположить, что вообще могло бы действительно напугать эту девушку. Однако сейчас она стояла с таким выражением лица, словно ее вот-вот начнет подташнивать.

— Вот уже как с неделю, госпожа, — с трудом выдавила из себя служанка, — находят трупы людей, которых словно специально оставляют на всеобщее обозрение. Кто-то перерезает горло случайным прохожим, и затем из жертвы выедаются... — лицо Вайны перекосило отвращение, — части плоти. Самое ужасное, госпожа, говорят, на бедолагах следы зубов, напоминающие человеческие. Полиция думает на... на нежить, госпожа. И не просто нежить, а на мертвого, управляемого самым настоящим некромантом. — Она поморщилась на последнем слове, словно откусила кусок гнилого яблока. — Ведь восставший мертвец не станет перерезать горло жертвы, чтобы не поднимать шума.

Повисла гнетущая тишина, прерываемая лишь легкими чириканьями беззаботных птиц в глубине сада.

— Теперь понятно, почему маменька не пожелала рассказывать мне подробностей, — тихо проговорила, чувствуя, как сильно пересохло во рту.

Обильный завтрак в желудке свернулся в комок, грозящий пойти верхом.

— Госпожа, только вы так не волнуйтесь, наша Инквизиция не зря ест свой хлеб! — поспешно сказала Вайна, рассматривая мое позеленевшее лицо. — Вам не о чем беспокоиться. Богомерзкое создание отловят и сожгут вместе со всеми его отвратительными тварями.

Я через силу улыбнулась:

— Да, ты права, и у нас нет причин в этом сомневаться. Спасибо, что рассказала, Вайна. Можешь идти.

Она почтительно присела, и быстрым шагом поспешила в дом. Вайне предстояло еще многое наверстать по домашней работе, пока ее длительное отсутствие на месте не стало для всех очевидным.

А меня ожидали тяжелые размышления о том, не сожрет ли мои девичьи щечки какой-нибудь упырь под управлением того молодого некроманта с кладбища, с которым мне предстояло встретиться грядущей ночью.

Немилостивый Вернис, спасший меня маг смерти был совсем рядом, пока мое тело удерживало сковывающее заклятье! Могло произойти что угодно, к тому же, у него был своего рода клинок, и он так смотрел на мою шею, словно я была козленком на закланье.

И ведь именно шею перерезает несчастным жертвам объявившийся маньяк...

Но зачем выставлять трупы, как сказала Вайна, на всеобщее обозрение? Что за повышенное желание внимания?

Кладбищенский некромант с его паранойей не был похож на того, кому присуща подобная демонстративность. Он боится Инквизиции как огня, и тут же вопреки всему пытается обратить на себя ее внимание? Слабо верится. Оставленные трупы — это вызов, и будь вчерашний некромант этим убийцей, он бы крайне обрадовался, когда бы решил, что Инквизиция все же вышла на его след, и открылся совершенно новый уровень странной непонятной игры кто кого. Маг смерти же сквозил скорее сожалением и злостью, чем восторгом по поводу своих предположений.

Но если это не он, в чем я не могла быть уверенной, тогда выходит, что где-то по Эрге

разгуливает еще один некромант, который оставляет после себя объединенные нежитью трупы?..

Когда я вернулась в свои комнаты, письменный стол в кабинете убирала одна из служанок. Ее руки монотонно мелькали, вытирая пыль и тут же ловко расставляя все мелкие предметы по своим местам.

Я покосилась на запертый ящик. Я прекрасно понимала, что прислуга вряд ли даже пыталась его открыть, но само осознание того, что прямо под рукой девушки в недрах стола лежит тетрадь с анатомическими рисунками нежити, пусть и скрытая маскировочной магией, вызвало ярый протест.

— Спасибо, но можешь идти, я хочу позаниматься, — поспешно сказала я.

Не заметившая меня служанка вздрогнула и кивнула.

Когда она отошла от стола, я с недоумением увидела белый прямоугольник конверта, которого там определенно раньше не было.

— Постой-ка... Что это еще такое?..

Неужели опять послание от тайного поклонника?

Служанка послушно замерла. На ее лице не отразилось испуга, которого можно было бы ожидать от того, кого поймали с поличным.

— Это оставила ваша маменька.

— А где же она сама? Почему лично не вручила мне это в руки?

— Не могу знать, госпожа, почему не вручила, но сейчас она занята, к ней приехал распорядитель из поместья под Энной.

Наличие в доме распорядителя из-под Энны озадачило меня не меньше, чем лежащее передо мной послание, но я решила начать с последнего.

Когда служанка, шурша накрахмаленными юбками, удалилась, я вскрыла конверт и вытащила плотный листок девственно чистой бумаги.

Пока я размышляла, что бы это могло значить, от моих пальцев по листу побежали переливающиеся розовые узоры, складывающиеся в цветочный рисунок. В воздухе затрепетали искорки, пахнуло леденцами, и посередине открытки золотом стали выписываться изящные строки:

«Дорогая Кларисса Извич! Имеем удовольствие пригласить Вас на торжество по случаю обручения Элины Темпич и Мортена Батриса, которое состоится двенадцатого числа четвертого месяца по адресу...»

Дальше шел известный мне адрес фамильного особняка Темпичей, где я уже неоднократно бывала.

Да, даже приглашения на бал к герцогине были куда менее эффектными. Матушка Элины крепко взялась за устройство праздника, видимо, нисколько не жалея средств.

Я рассеянно вдыхала леденцовый аромат, крепко сжав приглашение.. Отис, наверняка, будет там, не может не быть. Я вспомнила его лукавую улыбку, и медленно осела на стул. В голове плавал мягкий пушистый туман, застилающий все прочие мысли.

В этом трепетном чувстве моментально вязнешь, как в мошка в смоле, стоит лишь единожды дать себе слабину. Это было так приятно, мечтательно думать о ком-то, что сам процесс приносил странное, необъяснимое для меня наслаждение.

Тем временем где-то глубоко внутри меня что-то протестующе и вполне обоснованно вопило, что я видела Отиса лишь единожды, и что я совершенно его не знаю. Что он может оказаться кем угодно: негодяем, жуликом, да просто держащем внешнюю маску

слабаком, увидя истинное лицо которого, я смогу ощутить лишь брезгливое презрение.

Но девичье сердце упорно отказывалось слушать доводы логики. Тело жаждало жить в полную силу, хотело гореть, упиваясь молодостью и всеми благами, что она с собой несла. И сложно было отделить, где кончалась невинная влюбленность, и где начинались совсем недетские желания. То, что двигало мной, пугало, как пугали и возможные последствия зародившегося чувства.

Интересно, как много таких же дурочек как я, вешалось на него при дворе?..

Я вдруг разозлилась. Обволакивающий туман в голове исчез, выпуская меня из своих крепких объятий.

Злость. Так вот, значит, какое у меня есть лекарство от внезапного недуга, грозившего мне полным умопомрачением.

Нужно как можно скорее возвращаться к делам. А то Эвалус окончательно развалит «Светоч», и спасать будет просто нечего.

Чтобы отвлечься, я открыла ящик, с легким скрипом отодвинула потайное дно и вытащила записную книгу по некромантии. Повертела ее в руках, затем достала новомодную металлическую перьевую ручку, вроде той, которую я предусмотрительно украла у Эвалуса, — для любого магического воздействия всегда хорошо иметь под рукой личную вещь того, на кого оно будет направлено.

Я раскрыла тетрадь на первой попавшейся странице, попав на перечисления видов нежити, формирующейся из утопленников. Полюбовалась на небольшой рисунок в конце страницы в виде полуобнаженной девицы-нежити, еще сохраняющей живую свежесть. Мой предок определенно имел талант художника, даром, что был некромантом.

Положила чистый лист бумаги и ручку рядом с распахнутой записной книгой.

Структура заклинанья вспомнилась не с первого раза, хотя я проделывала этот трюк многократно, когда мне не хотелось переписывать вручную лекции из учебника. Это был запрещенный для учеников прием, но меня не разу так и не поймали, — у меня всегда получалось вложить в ручку умение подражать моему почерку.

Наконец, пальцы прочертили заковыристый знак, и несколько ручейков энергии заскользили к перьевой ручке и записной книге, страницы которой, как и требовалось, коротко вспыхнули белым.

Ручка дрогнула, взвилась в воздух и, словно движимая невидимой рукой, застрочила буквы на подготовленном листе бумаги.

Я довольно заулыбалась. Значит, я успею снять копию, — не давая же оригинал для ознакомления в руки тому некроманту. Наверное, для начала стоит переписать нескольких страниц из разных мест, так он поймет о чем идет речь, но не получит за просто так полную информацию.

Я не могла отказаться от назначенной встречи с магом смерти на кладбище даже после новостей про появление маньяка в окрестностях Эрги. Глубоко в душе хотела бы, но не могла. Не имела право бросить все так просто.

Когда ручка закончила писать, я подошла чуть ближе, кинула взгляд на непросохшие строки, и у меня вырвался нервный смешок.

Все переписанное состояло из одной многократно повторенной строки:

«Пошла ты в Вернисову топку».

Охранная магия книги настраивалась с некой долей воображения и большой ненависти к людям...

Я махнула рукой, с досадой развеивая заклинание, и ручка тут же рухнула на стол. Я взяла ее, вытерла чернильные капли, со вздохом достала новый чистый лист, и быстро переписала несколько первых попавшихся строк из записной тетради.

Металл в руке чуть потеплел, заставив меня остановиться, а потом резко нагрелся, обжигая пальцы. Я с тихим шипением откинула от себя прочь несчастную ручку. Она перекадилась, а затем ярко вспыхнула магическим синим пламенем.

Я пару секунд с ужасом наблюдала, как плавится блестящий металл, и как огонь с раскаленной лужицы перескакивает на письменный стол. Затем, наконец, подскочила и понеслась в одну из смежных комнат, где лежали алхимические принадлежности. Расшвыривая склянки и флаконы, я дрожащей рукой нащупала нужный бутылек и метнулась обратно, уже в который раз проклиная своего предка.

К тому времени огонь потух сам собой, оставив на столешнице из красного лакированного дерева большое обугленное пятно.

Уж не знаю, какие меня ждут перспективы дальше, но пока мой дар и попытки приблизиться к своей цели приводят лишь к порче мебели.

***

В конюшню я зашла в подавленном состоянии, и долго стояла на самом пороге в полумраке, отстраненно рассматривая собственный светоч и еще раз взвешивая решение отправиться на кладбище.

Книга не поддавалась никаким попыткам копирования. Можно было бы попробовать диктовку, когда один читает, а второй пишет, что возможно, помогло бы обмануть защиту книги, но в этом деле помочь мне было некому. Пришлось прихватить блокнот с собой, рискуя остаться и без него, и без помощи с призраком.

К тому же, после того, как я узнала, кто и что может бродить во мраке в окрестностях Эрги, ночная вылазка казалась в сто крат опаснее.

Я прислонилась лбом к холодному косяку, ощущая кожей шероховатость деревянной поверхности.

Сегодня за ужином маменька была чрезвычайно расстроена. Отец опоздал, и приехал лишь тогда, когда мы уже ложились спать, но дело явно было не в этом, — мама не любила, когда он после работы отправляется перекинуться в карты, но всегда была деликатна и старалась скрыть свое недовольство.

Но в этот раз вид у нее был настолько подавленный, что определенно случилось что-то выходящее из ряда вон. Я была практически уверена, что это как-то связано с распорядителем поместья под Энной, с которым она беседовала днем.

Пока у меня было лишь одно предположение, но с каждым новым витком размышлений я все больше и больше в нем убеждалась.

Отец, наверняка, решил продать еще одно имение. Мать не знала ни о финансовом состоянии нашей семьи, ни о том, что наши владенья уже не так велики, как были раньше. Во всяком случае, до сегодняшнего дня.

Я пыталась с ней заговорить, но маменька моментально переводила темы, а затем, сославшись на сильную головную боль, удалилась наверх, оставив меня доедать свой рыбный стейк в полном одиночестве, не считая молчаливой прислуги.

Я не могла оставить все как есть. Я должна была идти.

На этот раз Опал безропотно дала себя вывести из чистого уютного денника, лишь пару раз больше для порядка и поддержания имиджа привереды недовольно фыркнув. Я успокаивающе провела рукой по холеной бархатной шерсти.

Страх перед близящейся поездкой постепенно ушел, и руки привычно управлялись с подпругой, подтягивая пристригу, когда где-то в глубине конюшни, со стороны фуражной, мне отчетливо послышался шорох.

Я замерла и уставилась в темный угол, не в силах хоть что-нибудь разглядеть. Затем, расхрабрившись, медленно повела пальцем, отправляя вперед светоч, который поначалу выхватил пару просторных денников, где мирно спали лошади, а затем темный проем в фуражную. Кроме соломы, мешков и забытых конюхами граблей, я ничего так и не рассмотрела.

«Померещилась», — твердо решила для себя я, мысленно закрывая эту тему, и не давая панике взяться за меня всерьез.

Не обыскивать же из-за одного шороха всю конюшню. Одни боги ведают, сколько понадобится провести времени на кладбище, чтобы убедить некроманта мне помочь, поэтому терять час на какую-то ерунду не хотелось. Если шорох мне и не померещился, наверняка, меня напугали обычные мыши, привлеченные запахом овса.

В эту ночь было ощутимо прохладнее, чем в предыдущую, и мой теплый плащ тут же принялся трепать порывистый ветер, едва мы с Опал вышли на свежий воздух.

Тонкое кольцо, которое в прошлый раз смогло хотя бы временно оградить меня от

агрессии призрака, я вновь одела на палец. Я не бросила идею отнести его к мастеру, но не знала, как объяснить специалисту по артефактам, зачем моему кольцу охранять своего владельца от сущностей, подобных призракам.

Я пару раз покрутила серебристый ободок между пальцами, ощущая легкую тревогу, затем тряхнула головой, настраиваясь на более решительный лад, и залезла в седло.

Весь путь до кладбищенской изгороди мы пронесли стрелой, вспарывая ледяной воздух. Когда моя кобыла, опьяненная пустой дорогой, ускорялась без моего на то указания, я не сдерживала ее, подначиваемая возникающими в голове образами притаившихся мертвых чудовищ по обочинам дороги. Рядом, барахтаясь в потоках воздуха, поспешно плыл светоч, с трудом успевающий освещать путь.

Через ограду я перебралась так резво, словно за мной гнались, и будто лезла вовсе не на кладбище, а в дом родной, в глубине души понимая, что прятаться от мертвых на погостах примерно то же самое, как пытаться избежать кражи, предусмотрительно притаившись в темном переулке, где регулярно подрезают кошельки.

Ступив на кладбищенскую землю, я поспешила к тому месту, где в прошлый раз наткнулась на призрака.

Некромант уже ждал меня под молодым тенеку без ленточек, вольготно разместившись меж узловатыми корнями. На светоч, который был в разы ярче свечения листы, он поморщился, недовольно прищуривая глаза и прикрывая их рукой. Его тонкие пальцы украшало несколько массивных перстней.

— Не самая удачная ночь для встреч, — пробурчал он мне вместо приветствия. — С минуты на минуту хлынет дождь.

Я повертела головой, пытаюсь понять, по каким же признакам он смог это определить, но ничего не разглядела.

— Принесла?

— Да, — я вытащила из-за пазухи кожаную записную книжку, нагретую теплом собственного тела, и сдержанно помахала ею перед молодым человеком, имени которого до сих пор так и не узнала.

— Ну так давай сюда, я посмотрю.

— Только не забирай ее с собой, — с опаской предупредила я.

Будто если он захочет отобрать ее в этот же момент без моего на то согласия, я смогу с этим что-то поделать.

— Никуда я ее не заберу. Но я должен просмотреть записи, чтобы дать свой ответ. Только... убери, пожалуйста, подальше этот дурацкий огонек, слепит...

Я запоздала поняла, что до моего прихода некромант сидел в темноте, пользуясь светом лишь тенеку. Однако, как же он собирался просматривать записную книгу без нормального освещения, для меня оставалось загадкой.

Но я послушно погасила светоч и подала блокнот некроманту, с трудом заставляя свои пальцы разжаться, когда он потянул книгу на себя. Заметив это, молодой человек криво ухмыльнулся, а затем вдруг быстро провел ладонью, и между нами вспыхнула магическая преграда.

— Это для моей безопасности, — снисходительно пояснил он, глядя на мое вытянувшееся лицо. — Поверь, у меня тоже много причин тебе не доверять.

И, игнорируя темноту, распахнул блокнот.

Признаться, я ожидала, что строптивая записная книга что-то выкинет. Подождет тенеку или одежду некроманта, выдаст список ругательств вместо очередного перечня нежити, да или просто притворится поваренной книгой, — но та спокойно отнеслась к прикосновениям молодого человека, вероятно, безошибочно распознавая его темный

дар.

Страницы монотонно шелестели. Я терпеливо ждала вердикта некроманта, ежась от ветра, бьющего в спину.

Наконец, я почувствовала, как на лоб приземлилась первая крупная тяжелая капля. Я смахнула с лица холодную воду, пропуская ее между подушечек пальцев.

— Дождь, — констатировал некромант, захлопывая блокнот.

На смену первой капле тут же пришли десятки ее сестер, оттарабанивших по одежде.

Да это же даже не просто дождь, скоро начнется самый настоящий ливень!

Магический барьер перед моим носом рассыпалась на безобидные, неощутимые на прикосновение искры, коротким потоком хлынувшие на меня и некроманта.

— Пойдем, поговорим под крышей, — сказал он, вставая и убирая за пазуху мою собственность.

— Под какой еще крышей? — с недоумением спросила я, мысленно наступая себе на горло, чтобы не поддасться порыву кинуться отбивать свою семейную реликвию.

В местах для подношений богам, конечно, были навесы, но под ними невозможно укрыться в непогоду с таким косым ветром.

— Увидишь.

Словно опровергая его слова, на нас шумной стеной обрушился ливень, полностью перебивая свет тенеку и погружая мир в темноту.

Страх тут же пронесся от макушки до кончиков пальцев, и я с протестом дернулась, когда некромант взял меня под руку, но удержалась от того, чтобы попытаться вырваться.

Останавливало от лишних телодвижений и то, что я еще ранее заприметила не вовремя выкопанную кем-то пустую могилу не так далеко от нас, и рухнуть туда во время слепой перепалки было бы вишенкой на торте сегодняшней ночи.

Некромант уверенно потянул меня, и вскоре я уже едва успевала переставлять ноги, чтобы поспевать за ним. Инстинкт самосохранения пребывал в панике, не понимая, что же ему сейчас делать: побуждать бежать прочь, или, напротив, вцепиться в некроманта мертвой хваткой, чтобы, не дай бог, он меня не бросил.

В любом случае, молодой человек знал куда идет и различал перед собой дорогу, так уверенно он заставлял меня сворачивать на поворотах, что мне не мешало, впрочем, спотыкаться о неразличимые в темноте камни.

В какой-то момент я окончательно потеряла все имеющиеся ориентиры, и шла в сплошном потоке воды, совершенно оторванная от окружающей действительности. Когда перед нами выросло нечто высокое и серое, я уже не имела не малейшего представления, что же это такое.

Сквозь водную пелену вспыхнула фиолетовая вязь заклинанья, и раздался скрип несмазанных петель. Перед нами распахнулся проем, за которым стояла темная мгла, и я, не чувствуя ног от нахлынувшей жути, позволила некроманту втянуть себя внутрь.

Дверь за нами хлопнулась с неприятным грохотом. Я сделала пару судорожных глотков затхлого воздуха, пялясь в окружающую черноту и дрожа от холода, поддерживаемым промокшей одеждой.

Сотворенный светоч некроманта заставил сощурить глаза. Дрожащие тени заплясали по голым каменным стенам просторного помещения. Несколько стоящих в ряд старинных саркофагов не оставляли никаких сомнений по поводу назначения этого места.

Некромант затащил меня в один из склепов, располагавшихся на кладбище.

Я, с трудом унимая дрожь, стащила с плеч плащ, который можно было отжимать, и растерянно оглядела ближайший саркофаг. Мастер достоверно вырезал из желтоватого камня лежащую во сне молодую девушку, прижимающую к груди небольшой букетик лилий, завязанный множеством лент, которые струились по ее телу. Длинная высеченная юбка ниспадала вниз, к моим ногам.

По стенам помещения шли углубленные в камне ниши, и некоторые из которых были забиты оплавленными свечами.

— Кому принадлежит этот склеп? — уже с интересом оглядываясь, спросила у некроманта. — Неужели родственники мертвых не заметят, что тут кто-то бывает?

— Этот род прерван, — коротко ответил мне молодой человек.

Несмотря на сожалеющий тон, он беспардонно кинул свой мокрый плащ на один из саркофагов, и вновь рассматривал записную книгу. К моему облегчению, она выглядела абсолютно сухой.

Когда некромант, задумавшись, поднял лицо, я вздрогнула. К моему изумлению, один его глаз имел совершенно нечеловеческий вертикальный зрачок, как у кошки.

— Что это?.. — я махнула рукой, не в силах подобрать нужные слова.

— Что?.. Ты про глаз? Это для того, что бы видеть в темноте, — вновь вернувшись к страницам, мимоходом пояснил некромант.

Молодой человек уселся в одну из пустующих ниш. Его настолько поглотили исписанные от руки листы, что он напрочь забыл о повторном сотворении преграды.

— Никогда не слышала о таком заклинании, — медленно проговорила, силясь вспомнить хоть что-то о магическом изменении частей тела. Всякие фокусы со свечением или смены цвета радужки мне были знакомы, но вот чтобы зрачок, да еще такой полезный эффект...

— Оно слишком специфическое, его мало используют. Нужно... слишком хорошо понимать анатомию глаза. На это способны или лекари, или некроманты.

Я с отвращением поморщилась, поняв, что именно подразумевает мой собеседник.

Пока некромант занимался записями, я подсушила свою одежду простеньким заклинанием огненного элемента, — лучше ходить в мятом, чем слечь с температурой после холодного ливня.

Затем, в ожидании, я успела рассмотреть все саркофаги, сделать несколько кругов по склепу, отковырять стекший воск свечи, с омерзением найти замумифицирующуюся мертвую летучую мышь в самом углу помещения, когда некромант, наконец, закончил.

— Я не удивлюсь, если ты успел вычитать все, что тебе было интересно, и теперь с призраками я буду разбираться сама, — неловко пошутила я, с напряжением глядя на молодого человека.

— Думаю, — проигнорировал мои слова некромант, — для удобства нам все же стоит как-то представиться друг другу. Только не настоящими именами, само собой. Как мне тебя лучше называть?

Я опешила от такой постановки вопроса.

Понять мотивацию некроманта я могла, но что-то внутри в действительности не желало конспираций, как бы глупо это не было. Из-за необходимости скрывать личность складывалось ощущение, что я замыслила нечто плохое. Что никак не вязалось с моим, как ни крути, но благородным желанием спасти собственную семью.

Я фыркнула и, наконец, выдавила:

— Если это так необходимо.... Пусть... пусть будет Клэр.

Фантазия меня, очевидно, подвела, но с подобным именем, близким к моему

настоящему, я хотя бы смогу начать быстро на него откликаться.

— Меня зови... Идвин. Да, Идвин, — сказал некромант, встал и протянул мне книгу.

Я с облегчением взяла ее, сразу пряча за пазуху.

— Итак... Клэр, тебе очень повезло, что у тебя в руках оказались нечто подобное. — Некромант вновь сел в нишу, мимоходом отбрасывая мешающую ему прядь вьющихся волос. — Этих записей, может, и недостаточно, чтобы обучиться с нуля, но для того, кто уже знает основы и больше... это крайне полезная вещица.

— Так ты мне поможешь? — прямо спросила я.

— В обмен на блокнот? В каком-то смысле, да.

— Мне отчего-то совсем не нравится твоя формулировка...

— Клэр... видишь ли, в чем дело, — вздохнул лже-Идвин. — Конечно, я могу подчинить призрака и приставить его к тому, на кого ты укажешь. Но если этого духа обнаружат, выследить меня знающему человеку не составит особого труда. Лично я не могу так рисковать. А вот если ты решишься сделать все сама, понимая сопутствующие риски, то я возьмусь в обмен на эти записи обучить тебя необходимому.

Что-то внутри сжалось и обреченно ухнуло вниз:

— Но... как же призрака обнаружат? Кто может так просто его увидеть? Некромантов осталось совсем немного...

— Инквизиция, Клэр. Кто же еще, — устало пояснил некромант. — Народ уже и забыл об опасностях от призрачных сущностей, а она все до сих пор помнит.

Я, уже не думая о том, где вообще нахожусь, присела на краешек саркофага, размышляя.

— Твоей силы хватит, можешь не переживать, — заверил меня некромант, почему-то неверно истолковавший мое волнение. — Если ты действительно до этого ничем подобным не занималась, и почти смогла взять под контроль неупокоенную душу ребенка, — это уже о многом говорит.

— Ребенка? А что, есть какая-то разница, взрослая душа или детская? — отстраненно спросила я.

Не могу сказать, что сейчас это было важно, но упор на, казалось бы, не сильно значительную деталь вызвал во мне какой-то странный болезненный интерес.

— Души детей нестабильны. К тому же, если они не отошли в мир Иной... Поверь, при жизни с ними определено было что-то не так. Как правило, детей ничего здесь не держит. Они быстро забывают подчас действительно ужасные вещи, многие из которых не в состоянии осмыслить, а после смерти привязанности их почти не тяготят. Мало что способно привязать душу ребенку к нашему бытию настолько плотно, чтобы это помешало правильному порядку вещей. В мире живых остаются лишь окончательно покалеченные, изуродованные детские души. И не всегда они были жертвами...

Я поежилась, уже жалея, что задала свой вопрос, и решила вернуться к нашей главной теме разговора.

— Ладно, хорошо, — поспешно проговорила я, — Ты поможешь мне подчинить призрака, научишь, как с ним управиться. Надеюсь, что это не потребует много времени...

— Есть еще один момент, — медленно проговорил некромант, словно подбирая правильные слова. — Если мы сейчас и подчиним кого-то из духов, долго удерживать контроль над ним ты все равно не сможешь. У тебя просто нет необходимого опыта, ты должна отработать его на более простых вещах, а не на призрачных воплощениях живых душ. Я имею в виду... физические формы.

— Останки? — вмиг осипшим голосом уточнила я.

— Именно.

— И сколько потребуется времени, чтобы... отточить контроль? — тихо спросила после короткого молчания.

— Если ты действительно имеешь хороший потенциал, и учитывая, что у тебя есть определенная цель, требующая четкого перечня навыков, то даю на все про все примерно недели три при условии ежедневных занятий. Этого совершенно точно не достаточно, чтобы изучить основы, но вполне хватит, чтобы ты под чужим руководством смогла стабильно удерживать призрака.

— Ясно, — кивнула я.

Хоть самой от безысходности ложись здесь и умирай.

Я абсолютно не хотела иметь близких дел непосредственно с останками мертвых, и уж тем более не хотела оттягивать задуманное еще на три недели. Мне что, придется каждую ночь приходить сюда, чтобы, боги, даже подумать об этом страшно, поднимать из могил мертвецов?

Совершенно невозможно.

Я подняла глаза на Идвена, силясь подобрать слова, чтобы молодой человек понял меня и пошел навстречу. На ум, как назло, не шло абсолютно никаких аргументов, кроме эмоционального «не хочу» и «не смогу».

Некромант выжидающе смотрел на меня, и в его темных глазах, в которых отражался пляшущий светоч, я обреченно прочитала непоколебимую твердость.

Он ни за что не пойдет ни на какие иные уступки.

***

Идвен впервые за все наше знакомства проявил себя так, как и положено человеку высшего сословия, к которому он, безусловно, принадлежал, — некромант галантно проводил меня прямо до лошади. Без его помощи под проливным ливнем я бы не смогла выбраться по темноте с кладбища, а дождь легко гасил мой светоч, сколько бы я не старалась вложить в него силы, ведь все же, я не была магом стихий.

Я с облегчением обняла за шею продрогшую и недовольную Опал, чувствуя, что ее грива уже успела промокнуть насквозь.

— До скорой встречи, — чуть наклонил голову некромант и уже через мгновение растворился в темной водной пелене.

Я, не отпуская фыркающую Опал, мокрыми холодными пальцами нащупала порталный амулет, нетерпеливо сжала его и отправила требуемую мысленную команду.

На мгновение мы провалились в полнейшую тьму, которая не содержала ни звуков, ни цветов, ни запахов. Животные ненавидят телепортации, но Опал лишь чуть дрогнула, специально приученная к подобным вещам, как и любая другая наша лошадь.

Небольшой толчок под ноги, отдающийся в коленках, — и разноцветные искры осыпали ровную лужайку, освещенную тусклым фонарем. Под ливнем его света с трудом хватало, и я, слегка оглушенная перемещением и уже сильно уставшая, едва не пнула рунный камень, небольшой расписной мраморный столб, который и позволил мне перенестись к своему дому. Он не находился прямо на территории поместья, но был огорожен и прилегал к ней, имея лишь один единственный выход на нашу землю.

Высокие, защищенные магией ворота открылись, узнавая во мне члена семьи Извич. Я почти бегом припустилась к конюшне, ведя за собой Опал и не желая садиться в мокрое седло.

После всего происшедшего мои мысли занимала лишь горячая ванна и теплая постель. Может быть, еще подогретое молоко с медом, но уже после ванны.

В конюшню я влетела без оглядки, на ходу творя светоч. Распахнула денник, загнала туда Опал, планируя расседлать ее уже там. Недовольно отжала тяжелый плащ, повернулась и замерла как вкопанная.

Здесь я была не одна.

— Ивен?.. — проговорила я дрогнувшим голосом.

Конюший стоял неподалеку, чуть вразвалку облокотившись на подпору, и на его лице не было написано особого удивления от моего появления. А то, что было написано, мне совершенно не понравилось.

— А я, госпожа, вас тут все жду и жду... — протянул он тоном, который никак нельзя было назвать почтительным. — А вас, видите ли, нет и нет. Где ж вы бродить то в такое время изволили? С полуночи вас, один Вернис ведает, где носит.

Я пару мгновений не смогла выдавить и слова, а затем как можно более спокойно и непринужденно проговорила:

— А что ты здесь забыл, Ивен? При всем моем уважении к нашему общему детству, но я все же напомним, что слуги не должны ходить, где им вздумается в подобный час.

— Госпожа, вы же сами меня разбудили, когда забирали Опал, — хмыкнул Ивен. — А сейчас ругать хотите... нехорошо.

Значит, то были, все-таки, не мыши...

— Ты что это, хочешь сказать, что спишь в конюшне? — я смутно представляла, как можно заснуть, вдыхая прочно въевшийся запах навоза.

— А что, нельзя, госпожа? — В голосе слуги послышалась неслыханная издевка. —

Ночью, бывает. Все лучше, чем с храпящим соседом по комнате и глаза не сомкнуть...

Он сделал еще пару шагов вперед, подойдя так близко, что я отступила:

— Что тебе нужно? — прямо спросила я, чувствуя дрожь в коленях.

Казалось, после кладбища я уже не была способна на сильный испуг, но происшедшее напрочь выбило меня из колеи.

— Ой, госпожа, я ж не дурак, — Ивен ухмыльнулся, демонстрируя небольшую щербинку между зубов. — Я могу себе представить, что может занимать молодую госпожу в подобное время. И к тому же понимаю, что ваша маменька совсем не обрадуется, когда узнает, что вы бегаєте по полюбовникам.

Я издала нервный смешок. Пожалуй, всплыви на свет то, что я ухожу по ночам из дома, версия про любовников станет для меня спасительной. Уж лучше опозориться, чем быть сожженной на костре Инквизиции.

— В общем, госпожа, вы же знаете, я люблю иногда за ворот заложить, а язык под этим делом может и развязаться... Нужно как-то обезопаситься, хорошо бы иметь... как говорят... стимул. Такой стимул, который бы кошель потяжелее делал, ну вы сами понимаете.

— Сколько? — скривилась я.

Жаль Вайну, связалась же она с мерзавцем на свою голову.

— Двести золотых, — выдал Ивен.

Много, но не слишком. Я на покупки за раз и то куда больше тратила.

— Каждые две недели, — нагло добавил конюх.

А вот это уже свинство. Я зло сощурилась:

— Совестью тебя боги, Ивен, совершенно не одарили.

— И, госпожа, это еще не все...

Секунда, и конюх оказался чересчур близко. От неожиданности я шарахнулась от него, впечатываясь спиной в стену, и Ивен, пользуясь моментом, тут же прижал меня, горячо дыша в шею.

— Госпожа, теперь-то строить невинность не к чему. — С придыханием шепнул он, — Один за ночь или два, разница то вам уже какая, все равно обесчещенная ходите. Станете ко мне ласковой, и я насильничать не стану...

От ступора я замерла, с изумлением и отвращением ощущая, как его рука зашарила по моему телу.

Все мое существо просто отказывалось верить в происходящее. Ивен принял потрясенное онемение за молчаливое согласие, и его пальцы деловито потянулись расстегивать мой пояс.

Что-то внутри щелкнуло, и по мне промчался поток силы, питаемый яростью.

— Убью... — прошипела я, и, собравшись, отпихнула от себя крепкого конюха.

На деле, его толкнула не я, скорее, некая невидимая волна, — отзвук энергии, которая во мне бурлила.

— Вот падаль! — разозлено процедил Ивен.

Нечто внутри клокотало, желая разорвать конюха в мелкие клочки, уничтожить, стереть с лица земли, чтобы и косточек от него не осталось. Я едва сдерживала руку, по пальцам которой уже вовсю ходили всполохи зеленоватого света, — одно прикосновение, и плоть конюха познает некроз и распад.

Ивен не был магом, но он не мог не почувствовать опасность, таившуюся за этим свечением.

Больше храбрясь, он с отвращением сплюнул:

— Стращать меня вздумала?.. Ну стращай, стращай, да вот только знаю я, что никакая ты не магичка. Даю на размышления несколько дней, не придешь сама, придется мне наведаться к твоей матери.

Он развернулся и, громко хлопнув дверью, вышел из конюшни прямо под проливной дождь.

Я еще некоторое время стояла, сжимая и разжимая пальцы, ощущала, как струится по ним пышущая жаром энергия, которая жаждала найти выход. Немалых усилий мне стоило обуздать это желание и погасить свой огонь.

На эту борьбу у меня ушли все оставшиеся силы. Я с размаху села на деревянный настил, чувствуя, как тело бьет крупная дрожь. Правая рука коснулась клока соломы, и остатки энергии тут же ушли в нее, заставляя сухую траву в мгновение сжаться и рассыпаться в темный тлен.

Ивен даже не подозревал, насколько был близок к смерти.

***

Утром я сослалась на легкое недомогание и проспала половину дня. Сон подарил мне временный покой и помог вернуть потраченные физические и моральные силы.

Я завтракала прямо в постели в то время, как в столовой уже подавали обед. Некоторое время бездумно пялилась в незанавешенное окно, сквозь которое виднелись тугие струи так и не закончившегося дождя.

— Обещают, непогода к вечеру пройдет, — отстраненно сообщила мне Вайна, которая и принесла поднос с едой, а сейчас стояла рядом и ждала дальнейших распоряжений.

— Это хорошо. А что прогнозируют завтра, не знаешь? — Я посмотрела на служанку и почувствовала острый приступ тоски.

Вайна, казалось, уже не слушала меня. Мечтательная улыбка сегодня практически не сходила с ее губ, а глаза застилала пелена, вызванная крайне приятными мыслями. Девушка светилась счастьем, как светятся, наверно, только влюбленные, объект любви которых отвечает им своим расположением.

Всемиловитые боги, ну как же так. Она всегда казалось мне разумной... И почему Вайну угораздило влюбиться в такого ублюдка?

Я даже смутно себе не представляла, как же правильно поступить со всем этим. Как рассказать Вайне правду про ее ненаглядного, не выдать при этом своих тайн и не оказаться в ее глазах подстрекательницей, собравшейся то ли от скуки, то ли от зависти разрушить чужое счастье.

Самым правильным было бы добиться, чтобы от услуг Ивена в поместье отказались в самое ближайшее время. Но он сын одной почтенной пожилой пары из нашей прислуги, и маменьке нужны серьезные доводы, чтобы вышвырнуть его вон. Я могла бы рассказать о том, что Ивен имеет связь с моей Вайной, но тогда и у девушки возникнут серьезные проблемы.

Или же мне стоило прямо сказать, что Ивен домогался меня? Какой позор... И что мне делать с разбитым сердцем Вайны, которая, наверняка, не поверит в виновность любимого, а меня возненавидит? Даже если подробности про домогательства и не коснутся ее слуха, она может выкинуть финт, и просто уехать из поместья вслед за конюхом.

Сам Ивен, естественно, не сможет привести весомых доказательств того, что я покидаю поместье по ночам, мои слова по определению будут иметь больший вес.

Но едва такое допущение озвучат, к моей комнате тут же приставят на ночь слугу, просто чтобы на сердце маменьки было спокойно.

Это многократно усложнит мою ситуацию.

И что же мне тогда со всем этим делать?.. Ладно, пока что у меня были и другие проблемы, и я решила отложить принятие решения по поводу Ивена.

Когда я покончила с завтраком, Вайна грациозно подхватила поднос и повернулась, чтобы уйти. Ее тонкую талию перетягивал черный пояс с бантом сзади, подчеркивающий обманчивую хрупкость девушки.

— Погоди-ка, — остановила ее я. — Хотела тебя спросить. Ты не знаешь какую-нибудь артефактную лавку, где можно, не называя себя, выведать точные данные по поводу того или иного артефакта? Мне нужно одно колечко проверить... чужой подарок, и одни боги ведают, что на него может быть навешано.

Вайна обернулась и, к моему удивлению, без промедления кивнула:

— Да, госпожа. Только, эта лавка в Западной Эрге... сами понимаете, что там за место. И доплатить придется немало. Но анонимность полностью гарантируется, это совершенно точно.

— А они же могут составить отчет по артефакту в письменном виде? — спросила я, тяжело вздыхая.

Уж никогда не думала, что буду нуждаться в подобных услугах.

— Конечно, госпожа, они могут передать результат работы запечатанным посланием. Если хотите, я могу сегодня же отнести им ваше колечко.

Ни одного бестактного вопроса о том, что все-таки за кольцо и от кого оно могло появиться у молодой госпожи.

Что ж, а я в свою очередь не стану выяснять, откуда у девушки точные познания по столь щекотливым вопросам. Не думаю, что она хочет делать акцент на том, что до сих пор поддерживает связь с родственниками из клоаки столицы.

— Было бы чудесно. Зайди тогда ко мне, Вайна, как закончишь работу внизу. Только сделай все аккуратно и... не задерживайся до темноты.

Служанка улыбнулась, кивнула и вышла.

***

На этот раз мне пришлось ждать некроманта. Вайна оказалась права, дожди закончились еще к вечеру, но после ливней на кладбище было сыро и влажно. Земля набухла, а по дорожкам разливались большие живописные лужи.

Прежде чем сесть на корни тенеку, пришлось долго и аккуратно их подогреть, чтобы испарить лишнюю воду, не навредив при этом самому дереву.

Удивительно, но без Идвина на кладбище мне было куда больше не по себе, чем в прошлый раз. И несмотря на то, что здесь все так же сохранялось какое-то странное умиротворение, его портили мои личные страхи.

Я ведь специально не стала пить эликсир для видения призрачных существ, чтобы не мотать себе нервы, и только на месте поняла свою ошибку, — если я не вижу призраков, не значит, что та умершая девочка не нападет на меня лишь потому, что я не могу ее рассмотреть. Или призраки не злопамятны на события в посмертной жизни?..

Я теснее прижалась к стволу тенеку, чувствуя гладкость его коры, и незаметно для самой себя начала вспоминать молитву к божественной заступнице Брианне.

Идвин пришел к тому моменту, когда я была готова начать скандировать ее нараспев. Увидев некроманта, я вовремя себя остановила, тем самым спасая свою и так изрядно подмоченную после неприглядной ситуации с призраком репутацию.

Впрочем, если уж говорить о репутации и о всем тому подобном, то провокационно выглядел, скорее, сам некромант. Растрепанный и взлохмаченный, он явно собирался наспех, и пару пуговиц на рубашке стоило бы для приличия все-таки застегнуть...

— Прошу прощения за опоздание, — быстро проговорил он.

— Добрый вечер. Да ты словно бежал от кого-то... — проговорила я, вставая.

— Что-то вроде того, — уклончиво ответил маг. — Нужно было задержаться, семейные дела. Еще раз извини, что заставил ждать. Пока по городу и его окрестностям бродит оголодавший драугр, нехорошо оставлять молоденькую девушку поздно ночью в одиночестве.

Идвин до конца застегнул рубашку и пригладил волосы, возвращая себе приличный вид.

— Какой еще драугр? — растерянно спросила я, не понимая, о чем он говорит.

— Ну, тот серый маньяк. Ты же не думаешь, что это обычный некромант? — невесело ухмыльнулся Идвин.

— Откуда ты знаешь?.. — внутри меня вновь зашевелились нехорошие подозрения по поводу причастности молодого человека к происходящим преступлениям.

— Это скорее предположение. Но если судить по тем частям тела, которые выедались из жертв, то нежить явно гурман. Не веришь мне на слово, то ознакомься с газетами, пустоголовые гули не станут так привередничать. А учитывая все обстоятельства и местность, и исключая экзотических видов нежити, которых здесь совершенно точно не может быть, мы можем заключить, что это, скорее всего, именно драугр. Во всяком случае, это пока самое правдоподобное объяснение.

— Но кто это вообще такой? Тоже нежить? Действует сама по себе, без воли некроманта?

— Это и есть некромант, — глядя на меня с удивлением, пояснил Идвин. — Ты что это, сказок про драугров в детстве не читала?

— Не думаю, что моя маменька была бы в восторге от подобных сказок, — пробормотала я.

— Что ж, тогда потеряла ты немного. Если по существу, драугры — высшая нежить. Из

той, которая имеет разум и действует более чем осознанно. Кроме того, учитывая, что подобное существо может жить бесконечно долго, эти твари чаще всего куда умнее обычного человека, под которого отлично маскируются. Стать драугром можно лишь в результате ритуала и только в том случае, если будущий драугр — природный некромант, способности которого после смерти и нового рождения вырастают многократно. Технология подобного обращения, естественно, держалась в секрете даже тогда, когда к некромантам относились терпимее.

— Так он питается людьми? Как вампир?.. — я не смогла сдержаться, и мой голос зазвенел от ужаса.

Осознанно стать нежитью, чтобы затем питаться человеческой плотью? Это звучало кошунственнее, чем что бы то ни было.

— Нет, плохое сравнение. Вампиры, все-таки, совсем другое. Жизненную силу они получают исключительно через кровь, да и вампиры, пусть и переживают что-то вроде смерти перед перерождением, далеко не мертвецы. Скорее, иные живые существа, хотя тут можно спорить до бесконечности, но некроманты не имеют власти над ними, что говорит многое о природе кровососов. Драугры же мертвы со всем из этого вытекающим, и есть даже один способ их подчинить, если ты некромант... А чтобы насытиться или регенерировать части своего тела, им нужна живая плоть. Кровь, кстати, тоже может подойти, но у драугров нет для этого особых клыков, а их слюна уж точно не обезболит укус. Жертва же... вряд ли получит наслажденье, как это происходит с укусом вампира.

— Но зачем драугру... все это?.. В чем смысл нападать на людей, выставляя на всеобщее обозрение их трупы?

— И я бы хотел знать, к чему эта демонстративность. Он словно кричит «посмотрите на меня, я здесь», крайне нетипичное поведение для драугра. Инквизиция, вероятно, в бешенстве, но, возможно, убийце только этого и надо. К тому же, могу предположить, что будучи нежитью многие годы, вряд ли удастся сохранить рассудок не поврежденным.

— А ты сам... встречал хотя бы одного драугра в своей жизни?

Идвин хмыкнул:

— Если и встречал, то вряд ли об этом знаю. И обычного то некроманта выявить сложно, а мы говорим о высшей нежити, выживающей лишь благодаря тому, насколько качественно она способна замаскироваться. Уйти подальше от людей для нее невозможно, — откуда брать энергию для поддержания внешнего облика и обращения разложения вспять? Охотиться на диких животных в отдаленных лесах, разве что. Не самое увлекательное занятие для проведения вечности, на мой взгляд.

— Отвратительно, — пробормотала я. — Как можно осознанно подписаться на такое существование.

— Ради бессмертия, естественно, — криво ухмыльнулся Идвен. — А это единственный способ стать бессмертным и оставить при себе магию. При превращении в вампира, как известно, магия уходит, и далеко не факт, что ты взамен обретешь какие-то особые силы, которыми в вампирских кланах обладают лишь единицы... В любом случае, драугр действительно крайне опасен. Так что будь максимально осторожна, Клэр.

— И ты... будь осторожен...

Факт, что где-то бродит со своими мертвыми слугами ненормальный маг с темным даром, пугал, но теперь, когда я узнала о существовании высшей нежити, стало еще хуже.

— Так что за способ управлять драугром? — вспомнив ранее озвученную оговорку Идвина, спросила я.

В голове возникла безумная нанийская матрешка, на чьих частях художник решил изобразить целое сборище мертвецов, цепочка которых в этой загадке теоретически могла быть бесконечно длинной.

— Этот способ есть, но в жизнь воплотить его сложно. Если верить тому, что я слышал о силе высшей нежити, куда проще ее уничтожить, чем подчинить. Для подчинения нужно не только знать определенный ритуал, но и раздобыть сердце этого самого драугра. Которое все они традиционно предпочитают носить с собой на привычном месте, в груди.

Я глубоко задумалась, и Идвин как-то странно на меня посмотрел:

— Надеюсь, теперь ты не решила сменить свою цель по подчинению с призрака на драугра?

Я громко прыснула, чувствуя, как напряжение в воздухе, возникшее из-за рассказа некроманта, спадает. Впрочем, смешинки в глазах Идвина исчезли так же быстро, как и возникли. Он чуть наклонил голову и спросил:

— Ну что, ты готова?..

Я миг посерьезнела и кивнула.

— Тогда, миледи, прошу за мной, — проговорил некромант таким тоном, будто мы находимся на светском рауте.

Долго идти нам не пришлось.

Мы так и не покинули ту часть кладбища, где хоронили не самых благонадежных или неопознанных жителей города и его окрестностей, однако переместились к самым старым из этих захоронений.

Сюда давненько никто не хаживал. Едва различимая тропа, на которую мы ступили, успела почти полностью зарости молодой травой. О том, что в земле кто-то есть, говорили лишь едва угадываемые холмики и мое чутье.

— Не бойся, — с легкой усмешкой сказал Идвин, пока мы шли, задевая одеждой мокрые чахлые кусты. — Я достаточно насмотрелся на полуразложившуюся нежить, зрелище действительно не лицеприятное, и сейчас это совсем не к чему. Здесь должны покоиться скелеты с уже истлевшей плотью, которые новичками воспринимаются куда более спокойно. Я же не изверг какой-то, в конце-то концов...

— А я и не боюсь, мне без разницы, — с вызовом ответила я, и тут же наивно в это полностью поверила. — С чего бы мне бояться?..

— Конечно... Только, прошу, не пытайся прочувствовать, что именно свело в могилу очередного бедолагу. Существует установленный порядок обучения, мы и так его не соблюдаем, а эмоциональная нестабильность только усложнит задачу... Поэтому никакого установления личности, да и здесь нет безутешных родственников, которым нужно узнать истину. Мертвому уже все равно, а ты можешь дестабилизироваться, и дело затянется надолго.

— А что, можно узнать это по останкам?.. Надо заметить, что нечто подобное было бы в помощь полиции, — пробормотала я. — Информация о причинах смерти может оказаться бесценна.

— Расскажи это нашей дорогой Инквизиции.

— Неужели они сами этого не понимают?..

Некромант некоторое время молчал, и затем тихо добавил:

— Инквизиция, наверное, единственная, кто все действительно до конца понимает. Естественно, я говорю про ее верхушку, а не про тот собранный под ее флагом сброд, чьими руками она вершит свои дела.

Я хотела было спросить что-то еще, но мы уже остановились, и все мысли улетели куда-то прочь, оставляя звенящее напряжение в теле.

— Твоя крайняя справа, — деловым тоном проговорил некромант, кивая на одну из

могил, ничем не отличающуюся от других. — Итак, Клэр, концептуально все до безобразия просто. Тело в земле прямо перед тобой, душа мертвеца давным-давно в мире Ином. Прочувствуй останки, влей свою силу и удерживай ее на одном уровне, беря контроль. Затем направь свое желание, чтобы мертвец разрыл землю и показался нам. Видишь, земля уже утрамбовалась, так что ему предстоит приложить немало усилий, даже с учетом прошедших ливней, — чем больше мертвецу надо сделать, тем больше твоих же сил ему понадобится сверх того уровня, на котором устанавливается контроль...

Я отстраненно отметила, что постановка задачи по тону и формулировкам мало чем отличается от постановки любой другой магической задачи. Если бы целью не были останки, я бы, возможно, даже почувствовала азарт.

— Схема действий проста, но на деле на каждом из этих этапов есть огромный простор, чтобы наворотить ошибок. Есть вещи, которые возможно понять лишь на практике. Так что не будем тратить время друг друга и начнем.

Я рассматривала захоронение перед собой, ощущая, как только что установившийся внутренний стержень начинает гнуться под напором сомнений.

Что я вообще делаю?.. Стоит ли моя цель подобного?

Будто я стою на берегу глубокой реки с мощнейшим потоком, войдя в воды которой, я никогда не смогу их покинуть. Этот красочный образ несколько не вязался с неказистым холмиком и деловым видом некроманта, но в глубине души я вдруг четко поняла, что пришла к некой точке невозврата.

— Но разве никто не заметит, что могила разрыта? — спросила я, оттягивая время.

На лице некроманта появилось раздражение:

— Следы можно скрыть, я покажу, как это сделать. Если заметят — беда небольшая. На то оно и кладбище, чтобы тут кто-то да восставал... тем более, подобные захоронения всегда в группе риска. Все, хватит болтовни. Ночь короче, чем кажется. Остальное разберем по ходу. А если ты передумала — скажи прямо.

Мне почудилась в его голосе насмешка.

Я отрицательно мотнула головой и подняла дрожащие руки, в которых тут же запульсировало словно только и ждущая этого момента сила. Она отдавала чувствительными покалываниями в самых кончиках пальцев.

Я мысленно нащупала останки где-то глубоко под землей, с легким ужасом отчетливо ощутив каждую косточку. И щедро влила в них энергию.

Кости охотно откликнулись мне.

Земля и кости. Кости и земля.

Идвин выжал из меня все соки, заставляя повторять одно и то же упражнение помногу раз.

Первый мертвец был встречен моим пронзительным криком, после которого от избытка нахлынувшей силы в тот же миг рассыпался в труху. Второй освободившийся от оков почвы покойник натянул мои нервы в тугую струнку, а третий заставил лишь брезгливо и уже устало поморщиться, глядя на его раззявленную челюсть и пустые провалы глазниц. Так я вскрыла еще несколько могил, пока некромант не успокоился и не сказал, что доволен.

Размышлять о том, насколько происходящее правильно я не успевала, подгоняемая нетерпеливым Идвином. Я лишь делала то, что мне говорили, тщательно следя за потоком энергии и ощущая ключевые точки своего тела, где этот поток мог пережиматься, что ощутимо мешало работе.

В какой-то момент пришло твердое спокойное чувство, что передо мной всего лишь

желтые грязные кости. В них не было ни крупицы той личности, частью тела которой скелет когда-то являлся. Немного ослабления моей воли, и вот он вновь лежит безжизненной бесполезной кучей. Кости были хороши лишь потому, что когда-то в них текла жизненная сила, и вновь направлять энергию по былым руслам было как будто даже естественно и очень просто.

С каждой попыткой становилось все легче добиваться того, чтобы очередной скелет выполнял то, что от него требовалось — переставлял ноги, не забывая сгибать колени, сжимал и разжимал тонкие косточки пальцев

Использовать магию смерти стало в какой-то момент даже проще, чем дышать, но чтобы удерживать контроль приходилось до конца осознавая весь процесс и каждое колебание силы. Практически ювелирная работа.

К концу ночи я забыла о тревоги или отвращении, да и Идвин, стоящий рядом, буквально заражал своим хладнокровием.

— Должен признать, ты сильный природный некромант, Клэр. Определенно, это твое призвание, хочешь ты этого или нет, — под конец сказал он, задумчиво смотря, как несколько мертвецов синхронно возвращаются в свои могилы. — Конечно, это лишь самое начало... но будешь продолжать так же работать, и мы закончим куда раньше, чем планировали.

К тому времени от переутомления у меня уже дрожали ноги, и я хотела только одного — как можно скорее отмыться от прилипшей грязи, клочья которой каждый раз выбрасывали на нас мертвецы, раздирающие землю.

Как добиралась до дома, я запомнила смутно. Появись Ивен вновь в конюшне, я бы оказалась перед ним полностью беззащитна. Остаток сил ушел на ряд простых действий: завести Опал в денник, расседлать, не забыть закрыть за собой дверь.

У себя в ванной комнате я еще некоторое время простояла под струями душа, оттираясь от земли и выбирая из волос какую-то труху. Кажется, в них даже попала костная пыль. Я вымыла ее водой, испытывая исключительно глубокую усталость, которая затягивала подобно черной бесконечной дыре.

Отчего-то мимоходом вспомнился тот страшный день, когда я упокоила тетушку, и когда служанка, не скрывая своего ужаса, помогала мне отмыться от тлена.

Об этом думалось еще легче, чем раньше. Когда лучше понимаешь суть вещей, они меньше тебя пугают.

А вот что меня действительно поражало в прошедшем уроке, так это то, как же легко я вошла в нужное русло.

Неужели некромант прав, сказав, что это — мое призвание?..

Это все не со мной. Это не может относиться ко мне.

Я на скорую руку вытерлась пушистым полотенцем и заплетающимися шагами пошла к постели.

***

Запах горячего какао — всегда приятное дополнение утром, если только ты не спал часа четыре. Но легкий перезвон посуды на подносе и аромат еды все же заставили поднять голову. Желудок требовал, чтобы его срочно чем-то заполнили.

Никогда я не испытывала столь сильный голод при пробуждении.

— Доброе утро, госпожа. С вами ничего не случилось? — спросила меня Вайна. — Вы который день спите почти до полудня. К завтраку так и не смогла вас добудиться, маменька вот послала сейчас вас покормить.

Я привсталала, щурясь от яркого солнца. Тело неприятно ломило.

— Бессонница, — тихо пробормотала я, зевая. — Так замучила... Сил нет. До самого утра уснуть не могу. Эликсиры пить не хочу, вредно...

— Так мучить себе тоже же не полезно, — служанка покачала головой. — Беречь себя надо, госпожа.

Я с трудом встала. Пожалуй, стоит начать ставить будильник и переходить на бодрящие тоники, чтобы не давать почвы для лишних расспросов. Неделю или две я так протяну без особых последствий, если только окончательно не раскачаю свои нервы.

— Госпожа, я сегодня сбегала в ту артефактную лавку, — тем временем проговорила Вайна, наливая мне какао из чайничка в небольшую кружку. — Вернули вам ваше колечко и отдали опись.

Она кивнула на небольшой столик, где лежал желтоватый запечатанный сургучной печатью конверт и темный мешочек.

— Спасибо, денег хватило? — Я остановилась, почувствовав порыв вскрыть конверт прямо сейчас, но вовремя вспомнила о присутствии Вайны и сдержалась.

Негоже госпоже так беспокоиться из-за какого-то там колечка.

— Да, с лихвой, осталась даже сотня монет...

— Оставь себе. Ты оказала мне неоценимую помощь.

После тщетных усилий привести себя в сносный вид, я отпустила девушку, которая, пока я умывалась, успела навести порядок в комнате.

Затем, по-варварски на ходу откусывая половинку яблочного пирожка, я быстро вскрыла канцелярским ножиком конверт, достала сложенный в несколько раз исписанный от руки лист и погрузилась в чтение.

В начале шел скучный перечень физических характеристик, таких как размер, ширина, даже конкретный сплав — он оказался смесью платины с белым золотом, чему я не сильно удивилась.

Но строки дальше полностью выбили меня из равновесия.

«Рассматриваемое кольцо содержит охранный рунный магический рисунок, известный под названием «Длань матери». С конца прошлого века и по настоящее время это сочетание рун традиционно используется Инквизицией для зачарования снаряжения, входя в состав начертания особого назначения. Перечень всех конкретных функций приведен ниже...»

Боги! Что за шутник решил преподнести мне в подарок кольцо Инквизиции?! Почему именно его? Что все это, Вернисова топка, вообще значит?!

Сердце в груди так отчаянно забилося в грудной клетке, что на мгновение стало невозможным дышать.

Идиотский розыгрыш? Дурная шутка?

Может, кто-то отправил мне подарок как предостережение? Но зачем тогда писать столь фривольную записку в приложении к кольцу?..

Я кинулась к своему записному столу, и через некоторое время, наконец, извлекла листок бумаги от своего таинственного поклонника, и вновь прочла ее:

«Не могу перестать думать о ваших прелестных тонких пальчиках, и вверяю вам этот небольшой талисман, который непременно защитит вас от дурного глаза.»

Небольшой талисман, способный защитить от дурного глаза? Странное определение для артефакта Инквизиции...

Я, не в силах успокоиться и забывая об остывающей еде, снова, раз за разом перечитывала короткую любовную записку от неизвестного в надежде найти хоть какой-то намек, что-то, что могло быть скрыто между строк, но ничего не находила.

В какой-то момент мне даже стало казаться, что этот почерк мне знаком, не иначе, от напряжения уже начала шалить голова.

Я убрала кольцо вместе с запиской от неизвестного и отчетом из артефактной лавки в свой тайник письменного стола. Вряд ли я, теперь точно зная, что именно за руны покрывают его, смогу спокойно надеть это тонкое неприметное колечко.

***

Последующая неделя прошла под завесой туманной дымки, ясность в которую изредка вносили лишь дозы бодрящего тоника.

Днем я имитировала саму себя, выпавшую и веселую, и имитировала с переменным успехом: маменька уже достаточно обеспокоилась моим самочувствием, и теперь за обедом я под ее зорким глазом послушно пила витамины и какую-то бурду, вроде как укрепляющую здоровье, а на ночь Вайна приносила в непрозрачном флаконе средство от бессонницы, которым я потчевала розу в горшке.

Визита к лекарю удавалось избегать. После того, как я регулярно начала пить тоники, маменька, глядя на мое обманчиво посвежевшее лицо, пришла к заключению, что все и так делает правильно.

Мы с мамой продолжали подбирать наряды и украшения на Элинину помолвку, несколько раз к нам приезжали гости, преимущественно мамы подруги с дочерьми. Меня хватало даже на редкие прогулки, благо, прохладный весенний воздух бодрил, как и промозглые резкие ветра. Папенька исправно возвращался с работы к началу совместному ужину, и дома установилась обманчивая атмосфера, что у нас все хорошо. И я каждый раз в это верила ровно до того момента, пока не ловила редкий напряженный взгляд матери в сторону отца.

После светских разговоров и щебетаний про бархат и парчу, ночью я пробиралась к конюшне, каждый раз умоляя всех богов сделать так, чтобы там не оказалось Ивена. И пока что боги слышали мои молитвы, и я беспрепятственно уезжала на встречи с некромантом.

Идвин заставлял меня делать практически одно и то же, и все с теми же старыми костями.

Вопреки действиям тоника, из-за отсутствия нормального сна способности по концентрации все равно заметно упали, и чтобы оставаться сосредоточенной, приходилось вкладывать всю себя. За монотонностью действий и манипуляциями энергией становилось почти безразлично, что за инструмент я использую в своей практике. Так ли все это должно было происходить, я не знала, но Идвин казался в целом довольным тем, как я держалась.

Но нарекания у него все же были.

Когда мне виделось, что я уже достаточно освоила один из череды однотипных уроков, где мертвец должен был выполнить то или иное простое действие, как кости рассыпались под дрогнувшим потоком силы, а некромант посмотрел на меня с укоризной.

— Природа одарила тебя большим потенциалом и не менее большой нетерпеливостью. Кость уничтожится, и можно взять другую, но если ты вытворишь то же самое, удерживая призрака, тот испытает обжигающую боль, а затем решить ответить той же монетой. Возьми себя в руки и повтори все заново.

И я повторяла, с каждым разом все лучше оттачивая контроль.

В каком-то смысле я считала себе гением двойной жизни, стараясь не думать о том количестве тоников, которые выпила за последние дни. Но у всего есть свои пределы и слишком долго так продолжаться не могло.

В одну ночь, когда мы вновь встретились под мягким светом тенеку, увидев мое лицо, Идвин вдруг с ходу категорично покачал головой:

— Нет-нет, Клэр, так дело не пойдет. Такими темпами скоро уже все скелеты на старой части кладбища будут уничтожены, а толку с этого не будет никакого. Кто в таком состоянии работает с материалом?

Так он, как я заметила, чаще всего и называл мертвых — материал. Что ж, мой отец нарекал работников предприятия человеческим ресурсом, что терминологически верно,

хотя по сути, стояло в одном ряду с таким обезличиванием мертвецов некромантом.

Идвин был прав по поводу моего состояния. Днем я продолжала выглядеть обманчиво бодро, но к вечеру меня выдавать синяки под глазами и болезненный взгляд. Сердце иногда отбивало несколько сбивчивых ударов, заставляя останавливаться и прислушиваться к его ритму. Было ли это серьезно, я не имела ни малейшего представления, и легкомысленно старалась об этом не думать. Нервы же, как ни странно, не шалили, хотя некоторое эмоциональное оцепенение, а иначе я назвать это не могла, не казалось мне нормой, и могло быть предвестником нервного срыва.

Я, как и любой другой человек в расцвете молодости, часто переоценивала свое здоровье и выносливость, и игнорировала многие звоночки, которые намекали на то, что пора сделать паузу с ненормальным образом жизни.

— Но времени не так много... — все-таки вяло возразила я. — Ты сам говорил, что мы сможем закончить раньше намеченного срока, и я хочу...

— Иди домой и ложись спать. Следующую ночь тоже пропустим. Увидишь, отдых окажется эффективнее любой тренировки. У меня нет цели сделать из тебя гуля, а именно к этому мы и придем, если ты и дальше продолжишь так над собой издеваться.

Я замешкалась, но кивнула, вдруг ощутив какое-то невероятное облегчение. До этого момента я даже не отдавала себе отчета, насколько все то, что мы делали по ночам, было мне в тягость.

«И все-таки это не мое призвание, что бы там Идвин не говорил», — с каким-то злорадством подумалось мне.

Обстоятельства складывались как-то очень кстати. На следующий вечер была назначена помолвка Элины, и перед этим мероприятием действительно неплохо было бы хорошенько выспаться.

Некромант, как обычно, посчитал должным проводить меня до Опал, и мы не спеша устремились по дорожке к выходу с кладбища.

Свет полной луны с легкостью перебивал россыпь звезд. Порывистый злой ветер, терзающий днем людей и природу, милостиво стих, и теперь волосы шевелили лишь слабые прохладные дуновения.

Было приятно просто идти вдоль могил, чувствуя ни с чем не сравнимую умиротворенность. Она проистекала от жертвенных, полных пепла чаш, от невысоких надгробий, от самой земли.

Это ощущение как будто питало, наполняло изнутри, что заставляло задумываться — так ли все просто с тем, что я сейчас знаю о некромантии?

Что такого проистекает из почвы, где покоятся мертвые, что подобные нам чувствуют себя здесь как дома? Мы вливаем в останки видоизмененную магией смерти жизненную силу, а что сами останки вливают в нас? И насколько это способно нас изменить?

Стало не по себе.

— А как у тебя получается хорошо себя чувствовать? Тоники лишь временное решение проблемы. — Чтобы отвлечься, спросила я, поглядывая на свежего некроманта. — Есть какие-то особые зелья? Заклинанья?..

— Ничего такого. Я просто сплю днем, — улыбнулся он. — Вот и все.

— И никто ничего не заподозрил?..

— А что в том, что человек имел привычку работать с вечера, — уклончиво ответил некромант. — И я сам себе хозяин.

Мы, тихо переговариваясь, вышли к воротам, когда чувство опасности пронзило меня где-то в районе лопаток.

Идвен резко замер за доли секунды до того, как это сделала я, ощутив ровно то же самое.

Что-то было не так. Что-то принципиально изменилось в воздухе.

— Свежая смерть, — коротко сказал некромант, и вдруг рванул вперед.

Я, изо всех сил наступая нахлынувшему страху на горло, поспешила за ним.

Тело несчастного спиной насквозь насадили на острия кладбищенских ворот. Его ноги висели на той стороне, на нас же смотрели застывшие в выражении ужаса светло-голубые глаза. На месте щек зияли алые провалы с оскалом зубов, перерезанное горло еще сочилось темной кровью.

— Как такое возможно, — потрясенно проговорил Идвин. — Питер, бедолага...

— Ты знаешь его?.. — выдавила я, крепко прижимая руку ко рту и борясь с первыми позывами вывернуть содержимое желудка.

И это несмотря на все свои недавние некромантские упражнения, которые, казалось, должны были изменить представления об омерзительном. Я опустила глаза ниже и заприметила темную лужицу крови, стекшей по черным прутьям изгороди.

Из уже мертвых людей не должно выходить столько крови, когда их нанизывают на что-то острое. Значит, сделали это живьем... какой ужас.

— Да, я знаю его, — Идвин кивнул. Он был невероятно бледен, насколько это вообще возможно с его тоном кожи. — Это Питер, местный сторож. Несколько раз разговаривали, когда я бывал на кладбище днем... Вернис раздери, я же совсем недавно здесь проходил, когда направлялся к тебе. И его не было...

Мы поймали взгляды друг друга, одновременно подумав об одном и том же.

Убийца вряд ли ушел далеко.

Едва различимый шорох в дальних зарослях за оградой буквально парализовал.

— Нужно уходить. — Твердо сказал некромант. — Ты прямо сейчас воспользуешься своим амулетом...

— Там Опал! — протестующе прошептала я, — Я ее тут не брошу!

— Ты что это, собралась возвращаться за лошадью, в то время как тут может ошиваться полоумный драугр? — тихо прошипел Идвин, в чувствах невежливо хватая меня за руку. — С ума сошла, что ли?

— На ней родовое клеймо, — более спокойно пояснила, морщась от того, как крепко сжали мое предплечье цепкие пальцы некроманта. — Что подумают, когда найдут лошадь моей семьи недалеко от трупы?

Я несколько лукавила, так как в действительности меня беспокоило то, что драугр может не побрезговать жизненными силами и плотью животного. Я не была готова приносить Опал в жертву ради собственной безопасности.

Но мои слова заставили некроманта задуматься.

— Ты права, — после секундных размышлений кивнул он. — После такого разговоров с Инквизицией тебе не избежать. Лошадь необходимо забрать. Пойдем... Надеюсь, сегодня Крелорс не явится по наши души.

Я с удивлением взглянула на Идвина, — это был первый раз, когда кто-то при мне произнес запретное имя бога смерти вслух.

Забраться сюда так же, как я обычно попадала на кладбище, являлось невозможным — теперь там висело распростертое тело несчастного сторожа.

Идвин, шагающий впереди меня, на ходу сотворил на себе несколько магических щитов, которые вспыхивали при создании и тут же пропадали из поля зрения, напоминая о своем существовании лишь слабой пульсацией света. Хотела бы и я сделать нечто подобное, но молодой госпоже ведь не к чему знать, как создавать подобные вещи.

Приблизились к часовне всех богов. Сразу за красноватым вытянутым строением, на пороге которого до сих пор лежали охапки пожухлых полевых цветов, обнаружилась неприметная дырка между прутьями в ограде кладбища. Мы быстро пролезли сквозь нее, пачкая одежду налипшей на ограду грязью.

— Разве этот серийный убийца имеет привычку расправляться с первыми зрителями зрелищ, которых он устраивает? — больше чтобы подбодриться, тихо проговорила я.

Некромант покачал головой. Я кожей ощущала идущее от него напряжение.

— Мы не простые зрители или свидетели. Возможно, драугру покажется нелишним избавиться от парочки некромантов в округе, как от потенциальных конкурентов.

— Какие мы ему конкуренты, в чем?.. — возмущенно прошептала я.

— Это лишь предположение, Клэр.

Мы вышли к извилистым толстым корням, которые от начала леса доходили прямо до ограды. Луна хорошо освещала пространство перед нами, но светлая полоса быстро утопала в абсолютной черноте леса.

— Думаю, убийца ушел, — через несколько секунд полной тишины, проговорила я. — Ты зря...

Тонкая тень вылетела из леса так быстро, что я не успела даже крикнуть.

Она, ужом проскочив под рукой у некроманта, упала мне на грудь, повалив на спину. Тело поприветствовало землю глухой болью.

Луна выхватила длинные вьющиеся рыжие локоны и блеснула на острие ножа. Мир на мгновение замер, и я с удивлением различила женское точеное лицо, перечеркнутое жесткой ухмылкой.

Не знаю как, но я с трудом вцепилась в запястье напавшей за какой-то миг до того, как металл почти коснулся горла.

Сила внутри разъяренно заклокотала и волной устремила к кончикам пальцев, а девушка тем временем с легкостью двинула нож дальше. Кожу на шее нестерпимо обожгло, но то, что вырвалось из меня, уже достигло своей цели.

Пронзительный крик.

Затем неприятный звук, будто наша кухарка только что вонзила нож в большой и плотный кусок мяса.

Из груди худощавой девушки несколько секунд выпирал фиолетовый кончик сотворенного Идвином лезвия, которое, выполнив свое предназначение, рассыпалось на тот час гаснувшие искры. По изящному подбородку красной нитью сбежала капелька крови, и девица глухо закашлялась, дрогнув.

Но это было лишь краткое мгновение слабости.

Драург, а это был, несомненно, он, совсем по-звериному зарычала, обнажая острые, будто специально наточенные зубки и, неестественно изогнувшись, отпрыгнула, мимоходом уходя от какого-то светлого всполоха, сорвавшегося с пальцев Идвина.

Кладбищенская ограда качнулась и загремела, когда незнакомка приземлилась прямо на ее край, чуть сгибая колени и с удивительной грацией сохраняя баланс. Безбоязненно рассматривая нас на расстоянии, она медленно встала. Ее правая рука болталась из стороны в сторону, словно незнакомке подрезали сухожилия. Из порванного, абсолютно испорченного рукава красной рубашки выглядывала почерневшая кисть с оголившимися

косточками, — а это была уже моя работа. Магия смерти, столкнувшаяся с плотью драугра.

В свете луны девушка казалась прекрасной, несмотря на все свои нечеловеческие повадки и наши знания о ее отвратительной природе. Тонкая, изящная, с огромной копной густых рыжих волос. Бледное лицо покрывала россыпь веснушек, большие глаза с холодом и оценивающе смотрели на нас.

Аура незнакомки была вполне человеческой, только при этом очень слабой, словно бы она долго болела.

Нежить спокойно размышляла, пока мы, пораженные, молча разглядывали ее. Даже Идвин, который начал новую вязь очередного заклинания, замер, абсолютно забывая о необходимости сражаться.

Наконец, драугр развернулась и прыгнула на кладбище. На краткий миг обернулась к нам, вдруг завлекаяще то ли улыбнулась, то ли оскалилась, и бросилась бежать прочь между могил, придерживая безвольно мотающуюся руку.

Еще с минуту мы смотрели ей вслед, не в силах пошевелиться.

Наконец, я привстала, с легкой боязненной дрожью ощупывая шею. Пальцы окрасила кровь, но, к моему великому облегчению, ее было немного. Спина сильно ныла, и что-то подсказывало мне, что это только начало, и что ушиб достаточно сильный, чтобы еще долго напоминать о себе.

Идвин помог мне встать, и я, пошатнувшись, тут же оперлась на его руку.

— Ты молодец. Если бы не среагировала и не пустила разложение на ее руку, я бы не успел остановить драугра до того, как она... — молодой человек на пару мгновений замолчал.

Я, морщась, вытатила носовой платок и приложила его к ранке, затем подняла глаза на некроманта:

— И что теперь будет? Она же вернуться на кладбище?.. А как же тогда наш договор?..

— Нашла, о чем сейчас думать... Все в силе. Мы, естественно, примем все меры, только выждем несколько дней. Надеюсь, у этой женщины есть множество дел, кроме как пытаться нас выследить и убить.

— Но мы же видели ее лицо... Мы сможем ее опознать...

— А что мы скажем в случае чего полиции, Клэр? — Невесело хмыкнул Идвин, — Что вдруг решили для особой романтики прогуляться ночью на кладбище, и тут нарвались на серийного убийцу, зловещего некроманта, который спокойно дал нам уйти? Не лучшая затея. К тому же, она тоже видела наши лица, и мы в аналогичной ситуации... Она рассчитывала расправиться быстро, а не ввязываться в полноценную драку. Теперь, восстанавливая руку и лечя рану в легком, она еще подумает, нужно ли ей лишнее раз связываться с нами.

Последнее предложение прозвучало больше, как бравада. Я посмотрела на некроманта, его бледное лицо, крепко сжатую челюсть и вдруг поняла, что он действительно напуган.

***

— Милая, что такое? Спина болит? — с удивлением произнесла маменька, замирая с полузакрытым веером в руках.

Я вышла из своей комнаты полностью готовая к торжеству, но не успела стереть с лица выражение, вызванное болевыми ощущениями.

Я была в светло-зеленом платье с атласным поясом. Длинную царапину на шее скрывало небольшое кольцо из желтых амитриков.

Приглашенная девица из салона накрутила мне крупные кудри и составила из них прическу, оставляя одну их часть распущенными, а другую — забрала наверх. Нежный образ подчеркнули светло-розовые румяна на фарфоровой коже, для которой после прошедшей ночи даже не понадобилось большого количества пудры.

Я через силу улыбнулась, стараясь держать спину прямо. Я выпила прорву обезболивающего, но оно еще не до конца подействовало, а корсет нещадно усиливал боль. Утром из-за ноющей спины я почти решила отказаться от приглашения и сослаться на плохое самочувствие. Даже придумала животрепещущую историю, как я соскользнула ночью с лестницы и ушибла спину. Но затем вспомнила, что на празднике, скорее всего, увижу Отиса... и все мои логические доводы расшиблись о розовую пелену, которая заволочла рассудок.

Теперь, видимо, мне оставалось увидеть его вновь, и затем спокойно умереть от боли где-нибудь на скамейке около журчащего фонтанчика в саду Элины. Впрочем, сегодня обещали фейерверк, поэтому спокойно умереть, к сожалению, не получится.

— Неудобно сидела за столом, пока читала, — пояснила я забеспокоившейся маменьке. — Сейчас пройдет.

— Дорогая, ну ты как маленькая. Хоть сиди все время над тобой, чтобы ты спину правильно держала, — мама с укоризной качнула веером. — Еще и глаза себе портишь, сколько раз я просила тебя не читать при светочке.

Она выглядела, как обычно, великолепно. Платье виноградного цвета, с серо-голубоватыми узорами по талии как-то по-новому оттеняло ее медовые глаза, а фасон оголял точеные плечи, — вещь, допустимая лишь для замужней состоявшейся в глазах общественности женщины.

Отец тоже был приглашен на грядущее торжество, но сегодня из-за важных срочных дел должен был допоздна задержаться во дворце, и обещал если и явиться к Темпичам, то уже к самому концу мероприятия. Сложно себе в этом признаться, но от подобного стечения обстоятельств мне было даже спокойнее. Мне не хотелось, чтобы отец заметил мое равнодушие к Отису, — а в том, что мне удастся сохранить хладнокровие весь грядущий вечер, я уверена не была.

Дом Темпичей, всегда склонных к пафосу, красовался множеством высоких колонн, бесконечных рядов пилястров и лепных карнизов. Архитекторы вдохновлялись почти полностью угасшей эльфийской культурой, и стремились скопировать их растительные и животные мотивы, но воплощение этих задумок в жизнь получилось грубым, хотя и не лишенным своего обаяния, особенно, если иметь весьма смутные представления об оригинале.

Дом окружал огромный величественный сад, куда поместили статуи все того же толка. Миловидные дриады с загадочными улыбками на лице, умиленные чему-то длинноволосые русалки, трепетно прижимающие к голым грудям жемчужные бусы или причудливые морские раковины... И те, и другие, правда, в жизни были далеко не такими слишком по-человечески притягательными и миролюбивыми, какими их запечатлели творцы, пребывающие в своих фантазиях о представителях низших рас. Они предпочитали забывать, что и морские русалки, и прелестные дриады не прочь отведать человечинки, которую сами же отлавливали и свеживали голыми руками.

При выходе из здания к саду высился большой фонтан, создание которого было связано с грандиозным скандалом, чьи отголоски до сих пор блуждали по Эрге. По

периметру декоративного сооружения шли помпезные скульптуры юных дев, в каждой из которых достаточно скупыми намеками изображался очередной бог из нашего пантеона. Вернис здесь предстал в виде короткостриженной невероятно привлекательной девицы в вызывающем одеянии и опрокинутой чашей в руках, а Крелорс, присутствие которого особенно пугало божественных служителей, имел облик милостивой скромной девушкой с серпом, закрепленном на поясе.

Впрочем, именно этот фонтан своей репутацией и манил множество видных гостей, и Темпичи пока ни разу не пожалели о своем богохульном решении возвести нечто подобное.

Также в поместье располагался сложный продуманный лабиринт из идеально подстриженного кустарника, где установили скамейки и несколько беседок с округлыми крышами и висячими оранжевыми магическими светильниками.

Поэтому, учитывая все вышеперечисленное великолепие, мы с маменькой не слишком удивились решению провести мероприятие на свежем воздухе, когда вышли из светлой просторной, но почти пустой залы, направленные слугами напрямик в сад. Тем более, когда установилась такая ясная и удивительно теплая для этого времени года погода.

Когда мы прибыли, было еще светло, но по саду прямо над гостями уже медленно плавали в воздухе ажурные белые светильники, в которых колыхалось зачарованное пламя, горящее голубовато-розовым, но вопреки этому кидая вполне теплый желтоватый свет.

Растительность словно сосредоточилась на том, чтобы своим видом ублажать взгляд присутствующих гостей. Все цветы, даже те, которые к этому времени имели привычку закрываться, сейчас широко распахнули свои чудесные яркие бутоны, каждый из которых так и дышал первозданной свежестью, и расточал сладковатый аромат. Деревья обзавелись множеством новых, совсем молодых ветвей и изо всех сил распушили свои листья. Все они едва не светились от переполнявшей их силы, которую не так давно влили специально нанятые для всего этого друиды.

Элина, одетая в нежно-лиловое воздушное платье, приветствовала новоприбывших гостей вместе со своей матерью и прикалывала к их нарядам заранее заготовленные обрезанные бутоны голубых роз.

Госпожа Темпич стояла вытянутой струной. Ее прищуренный орлиный взгляд то и дело бродил по столам с легкими закусками, выставленными на дорогом терельском фарфоре к фуршету, подмечая каждый не так положенный прибор или малейшее отклонение оливки на шпажке. Мать Элины зорко следила и за безупречно почтительными и расторопными официантами, словно баронесса с напряжением ожидала, что кто-то из них вот-вот опрокинет напитки на какую-нибудь высокопоставленную особу.

Она отвлеклась всего на несколько мгновений, чтобы поставить по одному достаточно сухому поцелую на каждую щеку сначала мне, затем моей маменьке, а потом вновь вернулась к своему напряженному занятию.

Элина улыбнулась, словно извиняясь. Ее кожа сегодня была необыкновенно бледна из-за избытка волнения, а глаза блестели то ли от излишне переполнявших ее эмоций, то ли от недавних слез. Наверняка, к этому моменту они с матерью уже успели неоднократно повздорить.

Я молча и ободряюще сжала ладонь Элины, и она благодарно мне кивнула. Почти тут же нас оттеснили новые гости, и мы с маменькой окунулись в смеющуюся, переговаривающуюся толпу.

Сильно пахнуло шампанским, кажется, кто-то действительно умудрился опрокинуть на себя игристое или же щедро пролить его на скатерть.

Пока я с любопытством принималась, ведомая внезапным азартом определить конкретную марку напитка, официанты вручили по бокалу и нам с маменькой. Сделав небольшой глоток и почувствовав знакомые тонкие нотки апельсина, мешавшегося с сухофруктами в послевкусии, я поняла, что только на одно шампанское родители Элины

уже потратили как минимум годовой бюджет зажиточной рулевской семьи. Да, шик, с которым было обставлено мероприятие, кружил голову, а ведь это было только начало.

Несколько минут мы здоровались и обменивались всевозможными любезностями с попавшимися нам знакомыми. Затем маменька, с щелчком сложив кружевной лиловый веер с черной каймой, оценивающе оглянулась на уже складывающиеся компании беседующих и тихо, так, чтобы только я могла услышать ее, проговорила:

— Тебе, все же, стоит идти к остальной молодежи, Кларисса, а то выйдет неприлично. Но пообещай мне, что в этот раз ты будешь... аккуратна. Никаких глупостей, слышишь? Твой отец после того бала уже грозился запереть тебя дома, так что не стоит давать ему повода, чтобы он окончательно утвердился в своем желании.

Я в удивлении вскинула брови, впервые услышав о подобном. Мама смотрела на меня с легко читаемым укором, и мне оставалось лишь молча кивнула, отлично понимая, что ее волнение вполне оправданно.

Мама практически из рук в руки вручила меня одной из дочерей своей подруги — чуть пухлой Анель, моей ровесницей, с которой мы всегда неплохо ладили, и удалилась к кружку хорошо знакомых ей дам.

Мне очень хотелось уже поболтать с Элиной, но пока поток гостей не ослабевал, она не могла отлучиться. Корзинка с бутонами в ее руках сначала почти опустела, а потом вновь была заполнена расторопной служанкой.

— Вы уже слышали? После фуршета маги стихий устроят представление! — с блестящими от восторга глазами проговорила Анель, всегда казавшаяся мне чересчур впечатлительной особой.

Девушки, стоящие рядом с нами, восхищенно завздохали и наперебой стали предполагать, что же за фокусы нам сегодня продемонстрируют искусные маги. Я поспешно изобразила на лице восторг, вдруг понимая, что после всех моих злоключений, с меня, пожалуй, на ближайшее время довольно всяческих магических штучек и потрясающих до глубины души зрелищ.

И я, продолжая улыбаться и вовремя кивать, стала украдкой разглядывать прибывающих гостей.

Это были и прекрасно знакомые мне лица, и совершенно новые, но все, как на подбор, представляли собой лучший свет Эрги, о чем говорило несколько надменное и самодовольное выражение лица большинства из них. Той самой маски, которая рано или поздно намертво прикипает ко всем заскучавшим благородным вместе с учтивыми манерами и любовью к излишнему морализаторству. Отсветы огоньков играли на бриллиантовых колье и запонках, некоторые дамы щеголяли редким кровавым камнем, по мраморным ступеням, ведущих к саду, скользили юбки то из нанийского шелка, то из визирийского атласа и тафты.

Внезапно я почувствовала, как сердце, на мгновение заледенев, резко ушло вниз. По ступенькам, что-то говоря и чарующе улыбаясь, в бордовом бархатном камзоле, отороченным золотой нитью, медленно спускался Отис Батрис. Держа его под руку, рядом с ним словно плыла, так мягок был ее изящный шаг, очаровательная девушка с атласными черными локонами и большими глазами цвета переспелой вишни...

Нечто темное и тягуче вязкое, притаившееся в самой глубине моей потаенной сути, яростно забурлило, стремясь обжигающим и смертоносным потоком вырваться здесь и сейчас. Захлестнуть душающей волной. Разложить. Навсегда стереть с лица земли.

Мне хватило доли мгновения, чтобы от одного лишь осознания, что именно сейчас может произойти, я смогла прийти в себя. Резко замутило, словно я вновь видела перед собой висевшего на кладбищенской изгороди мертвеца, а затем накатило едкое чувство стыда за подобный низкий и опасный для окружающих порыв, не сдержав который я бы могла погубить всех окружающих меня людей.

Тем временем новоприбывшая парочка, совершенно не подозревая, что едва не вызвала своим появлением самую настоящую катастрофу, уже перестала раздавать

приветливые улыбки и остановилась. Отис чуть наклонился и что-то зашептал спутнице в аккуратную нежную раковину уха. Его губы, казалось, были слишком близки к ее бархатной коже, и я, вспыхнув, попыталась заставить отвести себя взгляд, но не могла это сделать, словно было крайне необходимо и дальше себя мучить.

И все же, спутница Отиса являлась настоящей красавицей, я не могла этого не признать. Она была столь красива, что я, уже заранее ненавидя ее, неосознанно любовалась ее чертами, где даже какая-то неправильность, очевидные отклонения от общепринятых стандартов: слишком вздернутый острый носик или не такой уж и высокий лоб, только добавляли ей, как мне казалось, оригинальности и особого шарма.

Девушка, слегка хмуря бровки, но при этом каким-то удивительным образом сохраняя прежнее безмятежное выражение лица, кивнула на слова своего спутника. С едва различимой неохотой она убрала ручку от Отиса, почтительно присела, на краткое мгновение задрожав густыми черным ресницами, и растворилась в толпе гостей. Батрис же был подхвачен парой статных молодых мужчин, которые, судя по всему, были весьма рады его видеть.

Я пришла в себя, только когда одна из рядом стоящих девушек коснулась меня рукой.

— Кларисса.... Все в порядке?

Кивнула, через силу пытаясь придать своему лицу сносное выражение, которое бы не вызвало лишних вопросов.

Я чувствовала себя полной дурой, какой-то несчастной безмозглой идиоткой. После стычки с драугром, когда нужно лежать и восстанавливать силы, чтобы затем применить их для решения проблемы с Эвалусом, в итоге с упрямством ослицы накачаться обезболивающими эликсирами, прийти на торжество и увидеть там Отиса в компании какой-то девицы... Это было настолько унижительно, что мне захотелось тотчас же найти любой предлог, и уехать домой. Моя злость мысленно обрушивалась то на прелестницу, то на самого Отиса, хотя оба абсолютно не виноваты в том, что некая графиня понапридумывала себе одни боги знают что...

Предмет моих вздыханий и одновременно жгучей ненависти появился возле меня так неожиданно, что я неприлично вздрогнула всем телом. Теперь мне оставалось только ругать себя, что сразу после увиденного я не пошла прогуляться в глубину сада, чтобы до конца взять себя в руки и обезопасится от этой неминуемой встречи хотя бы на краткое время.

Первые секунды я даже не понимала, что говорит Отис, и лишь какой-то самый уголок моего сознания подсказал, что нужно протянуть руку, дабы он в приветствии смог ее поцеловать. Анель, увидев мага, сразу разулыбалась и будто вся подобралась, неосознанно выставляя вперед пухлую грудь и этим служа мне очередным напоминанием о том, насколько Отис популярен среди дам.

Я никогда не думала, что смогу в краткий миг так сильно возненавидеть человека, который в действительности не успел мне сделать ничего плохого.

Маг рассказал нам что-то забавное, о чем я могла судить исключительно по смеху рядом стоящих девушек, потому что половина слов, вылетающих из его рта, встречали преграду в моей голове, и я могла думать лишь о том, что видела несколькими минутами ранее. Мои мысли были о вишневых глазах, тонком стане в темно-красном платье и блестящих лакированных черных локонах, которые, видимо, пришлись Отису по вкусу.

Наконец, маг закончил свою тираду и откланялся, чтобы двинуться к следующим знакомым. В его взгляде, брошенном на меня напоследок, явственно сквозило легкое удивление, — еще бы, я единственная из стоящих здесь девушек, кто даже не удосужился хотя бы немного приподнять уголок рта в его присутствии.

Скверно, что не удается искусно прятать свои эмоции. Таким образом я не только на потеху публике раскрою свои истинные чувства к Отису, но еще рано или поздно выдам свой темный дар.

Прошло не так уж и много времени, когда столы для фуршета почти полностью опустели, и к нам, наконец, заглянула Элина. Она устала, но была вполне счастлива, как и подобает главной героине подобного важного дня.

— Я уж думала, эти гости никогда не закончатся, — пробормотала она, беря у официанта предложенный ей бокал.

— А они и не закончились, — дернула плечом Анель. — Самые важные гости, как водится, имеют привычку приезжать едва ли не к концу торжества.

— Конечно, но во всяком случае, мне пока можно не стоять рядом с вечно недовольной маменькой, — тихо ответила Элина, отпивая шампанского и выискивая взглядом на ближайшем столе хотя бы что-то съестное. — Наверное, я еще буду по ней скучать, но пока мне просто необходимо отдохнуть... от ее деятельности и беспокойства по любому поводу.

Элина нашла кусочек сыра на самом дне медной чаши и вдруг остановилась, словно что-то вспоминая:

— А сколько сейчас времени?..

Она посмотрела на видный отсюда мраморный циферблат с тонкими золотистыми стрелками на торце особняка, и горестно вздохнула:

— Нет, не будет мне покоя... К этому часу вот-вот должен приехать дядя Мортена, который ему с братом как отец, его я точно должна лично встретить... где же розы...

Элина заметалась, едва не сбив искомую корзину, которую ранее поставила едва ли не себе под ноги. На плоском дне оставалось всего несколько голубых головок цветов.

— Дядя Мортена и Отиса очень важный человек, — бормотала Элина, перебирая пальцами головки цветов в корзине, ища наиболее свежий. — Как неудобно будет, если мы встретим его хуже прочих...

— А кто он? — с интересом спросила я.

Я вдруг поняла, что почти ничего не знаю о семье Отиса, кроме того, что у него есть брат. Большое упущение для девушки, которая влюблена.

— Как это кто, его дядя, Арнейм Батрис, глава совета Инквизиции и верховный магистр, — с удивлением ответила Элина, наконец, найдя удовлетворяющий ее бутон. — А ты разве никогда не слышала об этом?

Я потрясенно мотнула головой, едва найдя в себе силы проговорить:

— Ничего себе...

Элина восприняла мою реакцию исключительно как некий невысказанный комплимент в сторону семьи ее жениха и слегка зарделась.

— Мортен тоже хотел пойти в Инквизицию, но дядюшка настоял на том, чтобы он нес государственную службу, и был рядом с братом и, следовательно, с государем. Говорят, даже, что Арнейм сейчас является одним из ближайших советников при его величестве, как это было при покойном отце государя, — девушка окончательно раскраснелась.

Будущая госпожа Батрис слишком крепко сжала бутон и, заметив помятые лепестки, с досадой отбросила его в сторону:

— Так что прошу меня простить, мне нужно идти...

Я некоторое время наблюдала за ее торопливым шагом, за тем, как Элина нервно поправляет каштановые волосы в высокой прическе, украшенной россыпью розовых заколок, прижимает к груди полупустую корзинку. Когда же будущая невеста затерялась среди толпы, я, быстро посмотрев на отвлекшихся на что-то девушек, стоявших рядом со мной, сделала несколько небольших шагов назад, и, уйдя за высокий кустарник, пошла прочь.

Едва я оказалась в одиночестве, насколько его можно назвать таковым, когда всего в метре от тебя, отделенные слоем ветвей и мелких листьев, смеются и разговаривают люди, я чуть слышно расхохоталась, смахивая выступившие злые слезы.

Боги всегда славились любовью шутить над людьми, но я, видимо, чем-то им настолько не угодила, что Брианна разожгла мои первые чувства к одному из наиболее опасных для меня мужчин, который, к моему одновременно счастью и горю, был слишком занят другой, чтобы я окончательно себя погубила. Дядя Отиса — глава Инквизиции... Безумие, да и только....

Если все что с нами происходит должно послужить нам уроком, то что, скажите мне на милость, я должна вынести из всего этого? Что кому-то, подобному мне, никогда не стоит давать волю сердцу? Что необходимо закрыть его на все замки, жить без любви и привязанностей? Что любой их тех, кто окажется рядом, может оказаться твоим злейшим врагом?

Или богам вообще нет никакого дела до нравоучений и человеческой морали, которая никогда не затрагивала своими законами этих высших существей. И они лишь пытаются развлечься, спутывая нити человеческих жизней в безобразный клубок? А когда нити запутываются настолько сильно, что с этим уже ничего нельзя поделать, божества, не испытывая никаких угрызений совести, их перерезают.

Я не дам затянуть себя в этот узел. Я оборву это глупое чувство, не позволю себе закончить так глупо. Все, кто так близок к Инквизиции, не должны находить место в моем сердце.

Мои эмоции, накопившиеся за весь последний промежуток времени, богатый на потрясшие меня события, слились комком, в котором страх, ярость, страсть и ненависть трансформировались в одно тихое серое чувство.

В желание покоя.

Возвращаться прямо сейчас к Анель и другим девушкам не хотелось, а в прогулке в одиночестве по саду Темпечей я не видела ничего предосудительного. Мало ли какие могут быть для этого причины у миледи, от музыки и гомона у которой, к примеру, легко могла разболеться голова.

Я спокойным шагом прошла вглубь сада, изредка останавливаясь, чтобы рассмотреть клумбу или лицо очередной статуи. Но стоило мне отойти от предмета, привлекшего мое внимание, я тут же забывала, что только что видела. Безразличие охватило меня, в голове не было ни одной мысли, реальность вокруг казалась картинной, ненастоящей.

Когда я оказалась у входа в лабиринт из зеленого кустарника, я не могла даже точно сказать, какой именно дорогой сюда дошла.

Здесь я уже остановилась, размышляя, — заблудиться среди многочисленных закоулков в кустарнике во время праздника неразумно. Затем, вспомнив, нашла глазами тонкую белую полосу, нанесенную прямо на край дорожки, идя вдоль которой можно пройти длинным путем сквозь весь лабиринт и выйти недалеко от входа.

Следуя этой тонкой линии, я продолжила свою бесцельную прогулку.

В лабиринте людей попадалось меньше, чем в основной части сада. Как правило, здесь скрывались молодые замужние пары, находившие особое очарование в этом уединении, которое, впрочем, не подразумевало под собой нечто совсем интимное.

Каждый поворот лабиринта был братом-близнецом предыдущего, и если бы не белая полоска, я бы давно заблудилась. Ровные стены зеленого кустарника отчего-то действовали успокаивающе, и я постепенно оживала, чувствуя силы все-таки остаться до самого конца вечера, а не придумывать причину, чтобы уехать домой.

Почему я вообще должна из-за кого-то пропускать часть торжеств в честь своей подруги? Да и когда я в ближайшее время увижу фейерверк?..

Я уже прошла примерно больше трети лабиринта, когда услышала доносящийся через кустарник голос, показался мне до боли знакомым.

Я остановилась, вдруг с неоднозначным чувством понимая, что слышу Отиса.

Да что же за божье наказание, нигде от этого мага спрятаться невозможно! Он то вьется рядом, то о нем говорят, то говорит он.... Невыносимо.

Конечно, если бы я так упорно не выделяла Отиса среди прочих, я бы прошла мимо, даже не пытаясь вслушиваться, но сейчас уйти просто так не смогла.

Разобрать конкретные слова не вышло, а интонация говорила о том, что Отис крайне раздражен. Я хотела сделать несколько шагов, чтобы оказаться ближе к зеленой изгороди, но тут воздух взорвал высокий женский голос.

Я с легкой оторопью услышала такие чудные непечатные выражения, среди которых, вероятно, и моя Вайна с ее не самым приятным прошлым смогла бы почерпнуть что-то свежее и новое.

А Отисовой прелестнице палец в рот не клади. С локтем откусит.

Слушать ссоры влюбленных голубков и дальше оказалось выше моих сил. Я решительно развернулась и быстрым шагом пошла обратно, не желая здесь больше оставаться.

Если темноглазая красавица позволяет себе так общаться с магом, закатывать истерики и поливать его грязной бранью, то, вероятно, они уже достаточно близки. Как же, все-таки, гадко и неприятно...

Я не заметила, как вылетела из лабиринта и едва не сбила с ног чуть запыхавшуюся Элину.

— Кларисса, — с облегчением сказала она. — Наконец-то! Где же ты ходишь?.. Скоро мой отец произнесет речь, а ты куда-то пропала. И твоя маменька тебя искала...

Я растерянно хлопала глазами, вдруг понимая, что заставила беспокоиться того, кто и так имеет ряд причин для беспокойств о сегодняшнем дне, хотя, по идее должен был им наслаждаться.

— Прости, — я взяла Элину под руку. — Захотелось прогуляться.

— Тебя что-то беспокоит? Я видела, с каким грустным видом ты простояла весь конец фуршета. Что-то случилось?

— Сейчас уже все хорошо, — с мрачной уверенностью заверила ее я. — Теперь точно нет никаких причин хандрить.

Пока я отсутствовала, опустевшие столы успели убрать, а на их месте расчистить просторную площадку. На траве для уставших дам и пожилых господ расставили резные стулья из красного дерева, бокалы шампанского на подносах сменило красное и розовое вино, для любителей чего-то покрепче официанты носили виски и коньяк. Солнце почти зашло, бросая последние блеклые лучи на небосвод, и теперь главными источниками света в саду были плывущие по воздуху ажурные светильники.

Маменька, замерев изящной статуэткой, мило беседовала с какой-то важной пожилой парой. Дама преклонных лет, на плечах которой лежала горжетка из соболиного меха, пила коньяк, с аппетитом закусывая его шоколадными конфетами. Приземистый тучный мужчина, крутивший в руках толстую золотую цепочку от карманных часов, словно через силу цедил вино, и его полное широкое лицо выражало глубочайшую скуку, будто он устал не только от праздника и всех присутствующих, но и от жизни вообще.

Мама не выдала ни одним мускулом на лице ни волнения, ни родительского негодования по поводу моего отсутствия. Она кивнула, делая вид, что я должна была прийти именно сейчас, и представила меня своим собеседникам, оказавшимися дальними родственниками Элины.

Разбредшиеся гости постепенно прибывали к пока что пустой площадке. Кое-кто садился прямо на лужайку, позволяя прислуге предварительно постелить ковры.

Глаз в какой-то момент выцепил длинные зеленые одежды, какие могли носить только богослужители. Молодой жрец, застыв в одной позе, с величайшим почтением держал в руках небольшую лакированную шкатулку из черного дерева.

Музыка смолкла, замолчали и гости, вниманием которых всецело завладели двое мужчин, вышедших на площадку.

Один из них, отец Элины, с седой головой, расплывшейся фигурой, но с живым блеском в глазах, пребывал в сильном волнении. Он не мог стоять на месте, и, заложив руки за спину, чуть покачивался на пятках, как будто это действовало на него успокаивающе.

Второго же я видела впервые.

Зрелых лет, высокий, с хорошо сохранившейся к этому возрасту атлетической фигурой и правильным лицом, он поджимал уголок рта с легкой ноткой превосходства, и зачем-то приглаживал тщательно убранные назад волосы, черные, но с большими прогалинами седины.

Покончив с волосами, мужчина откашлялся, привлекая внимание, и заговорил:

— Дамы и господа, мы рады всех вас видеть в такой важный для наших семей день. Прежде всего, стоит поблагодарить лорда Керегена Темпича за столь радушный прием, который он организовал в своем доме.

Толпа тут же с готовностью разразилась аплодисментами, и отец Элины широко улыбнулся, на мгновение перестав раскачиваться взад-вперед.

— Но давайте все же вспомним, зачем мы здесь собрались...

Миловидная девушка из прислуги быстро подбежала к двум господам и расстелила перед ними пласт чудесного розового шелка. Не успела ткань опуститься на землю, как с разных концов площадки к ней устремилась Элина и видный молодой человек, видимо, тот самый Мортен Батрис.

На первый взгляд сходство с Отисом даже пугало. Тот же волевой подбородок, те же притягательные серо-голубые глаза, те же пшеничные прямые волосы, только длинные и убранные в низкий хвост. Почти тот же рост и тип телосложения. И лишь при тщательном рассмотрении становилось понятно, что черты у Мортена более плавные, не такие мужественные, как у брата, губы чувственнее, спина уже. На Элину жених смотрел так, как смотрит на крайне симпатичную ему девушку молодой человек скорее невинный, не успевший пресытиться женщинами и их вниманием.

Молодые встали на расстеленный шелк. Мортен протянул ладонь, и Элина, как и полагалось, положила поверх его руки свою. Коснувшись молодого человека, она кинула на него краткий, почти испуганный взгляд и тут же опустила глаза, краснея неровными пятнами.

Отец Элины подал знак, и уже ранее замеченный мной жрец медленным величественным шагом прошел к двум господам и встал лицом к Элине и ее суженому.

— Мой возлюбленный племянник, — продолжил оратор, заставив меня похолодеть от резкого осознания, кто именно сейчас стоит перед нами. — Замужество — важный и часто скорее необходимый в этой жизни шаг, но тебе боги даровали в невесты действительно красивую девушку, полную прелестных качеств. Цени подобную милость.

Он на мгновение замолчал, чтобы придать важность своим дальнейшим словам.

— Я даю свое согласие на заключение этого союза, — или моя впечатлительность сыграла злую шутку, или же он действительно проговорил это таким тоном, словно речь шла не о помолвке, а о приговоре.

Дядя Отиса протянул руку и коснулся двумя пальцами крышки закрытой шкатулки, и та, отзываясь, на мгновение полыхнула зеленым светом.

Ненадолго повисла тишина, кто-то из гостей замер, впечатленный моментом, кто-то,

больше из вежливости, терпеливо сдерживал зуд разговорчивости или вертел головой, тщетно ища замешкавшегося неподалеку разносчика напитков.

Отец Элины, волнуясь, сглотнул, потом несколько секунд откашливался, прочищая горло, и, наконец, заговорил:

— Дети мои... Элина... Я уже не один год знаком с Мортенем, и сейчас... с легким сердцем...

Кереген Темпич, не удержавшись, смахнул набежавшую слезу и без дальнейших слов приложил пальцы к другой стороне крышки.

Вновь полыхнуло зеленым, но на сей раз шкатулка распахнулась.

Все произошло так быстро, что я смогла рассмотреть лишь два серебристых прочерка, скользящих по рукам помолвленных. Раздался сдавленный вздох Элины, она качнулась, но Мортен, изловчившись, придержал девушку, не давая ей упасть.

На их запястьях, еще извиваясь, словно устраиваясь поудобнее, расположились серебристые металлические змейки. Маленькие пасти артефактных браслетов атели кровью, — каждая из них предварительно впиалась в палец одного, и лишь затем обвила запястье другого.

Это — кровная клятва. Такие браслеты спадают только после брачного обряда, так же скрепленного кровью. Когда-то они являлись залогом грядущего брака, не давая никому из молодых сбежать или передумать их семьям. Раньше исключений не бывало, сейчас же правила смягчили, и подобных змеек могли снять жрецы с письменного и заверенного на то указания родителей помолвленных.

Стало дурно. Слово из-под толстого покрывала я слышала, как зазвучали аплодисменты, и поспешила к ним присоединиться, не сводя глаз с браслетов.

По ним медленно перетекала жизненная энергия, словно это были ветви деревьев или амфибии в спячке, а не украшение из металла.

Грянула музыка, засуетились официанты. Маменька вручила мне бокал и тут же со мной чокнулась, и я послушно выпила пузырящуюся на языке жидкость.

Когда подняла глаза на площадку, все ранее присутствующие на ней исчезли, и их заменила тонкая невысокая девушка с распущенными красными волосами, в бордовых нанайских шароварах и блестящем оранжевом верхе, закрывающем горло, но оставляющем открытыми руки. Прежде чем я всерьез озадачилась, кто она и что там может делать, незнакомка затопала босой ножкой и, крутя бедрами, пустилась в дикий пляс. Пара поворотов, — и девушка, взмахнув руками, сотворила огромный белый огненный цветок, жар которого докатился до моего места.

Я моргнула, с трудом вспоминая об обещанном представлении. Танцевать здесь в таком виде, пожалуй, могли только магички, стоящие особняком от большинства условностей и правил.

Тело танцовщицы было таким же гибким, как у змейки, и я вновь нахмурилась, вспоминая о браслетах. Я даже не могла сформулировать причину, по которой они так сильно пугали меня. Не потому ли, что та энергия, что бежала по металлу, была чистой энергией жизни, противоположной холодной силе, источаемый темным даром?

Залпом допила остатки шампанского из бокала. Танцовщица тем временем делала вид, что жонглировала пятью огненными шарами, в действительности их не касаясь. Я еще некоторое время любовалась точными выверенными движениями магички, и вдруг почувствовала чужой взгляд.

Огляделась, и внимательные глаза нашлись ровно напротив. Из массы гостей, галантно подставив руку какой-то светловолосой девушке с оголенными плечами в голубом атласном платье, на меня пристально смотрел Идвин.

В дорогом нарядном костюме и с тщательно причесанными волосами он казался

настоящим пижоном по сравнению с тем, каким я видела его на кладбище.

Я не нашлась сделать ничего лучше, как улыбнуться, перехватить у проходящего мимо официанта очередной бокал и, глядя на Идвина, приподнять его, словно чокаясь, — во время представления вряд ли кто еще мог обратить на меня внимание, а если бы и обратил, то не понял, кому именно я адресую свой смелый жест.

На краткий миг на лице Идвина смешалось яростное и вполне справедливое возмущение моим поступком и вместе с тем мальчишеское желание рассмеяться. Наконец, он коротко прыснул и покачал головой, отводя от меня взгляд.

Я выпила вина, чувствуя, как мелко дрожат мои пальцы.

А что я хотела? Я с самого начала понимала, что некромант принадлежит к тому же слою общества, что и я. Теперь остается лишь упорно игнорировать присутствие друг друга на подобных мероприятиях, пока нас рано или поздно лицом к лицу не сведет случай в лице какого-то общего знакомого.

Представление длилось почти час, и первую девушку сменило еще как минимум пятеро магов. На площадке то трещали покорные воле выступающего извилистые молнии, то собирался плотный туман, то шел настоящий снег. Последний маг использовал ледяные осколки для демонстрации магии иллюзий, создавая миражи диковинных существ.

Когда маги откланялись, толпа буквально гудела от переполнявших ее впечатлений. Фейерверк, которого все так ждали, оставался впереди, но уже было абсолютно ясно, что о сегодняшнем вечере еще долго будут говорить, вызывая едкую зависть тех, кого сюда не пригласили.

Мы с маменькой еще некоторое время наслаждались хорошим вином, к тому же, к нам присоединились госпожа Темпич, Элина и ее жених, оказавшийся обладателем превосходного чувства юмора.

Мама Элины имела необыкновенно торжественный вид, и ее распирало от ощущения собственной значимости. Она, уже ослабив хватку, позволила себе в полной мере насладиться собственным триумфом и выглядела настоящей королевой, милостиво спустившейся к своим подданным. Я видела, что маменька едва сдерживалась, чтобы не начать по-дружески подтрунивать над ней, но, казалось, настроение госпоже Темпич теперь испортить просто невозможно.

Посередине этого разговора я почувствовала, как вдруг резко заныла моя многострадальная спина. Видимо, действие обезболивающего подходило к концу. Вместе с тем я ощущала, что уже очень устала как от вечера, так и от всего связанного с ним. Фейерверк теперь не казался таким желанным.

Мама сильно удивилась, когда я тихо сообщила ей о желании вернуться домой.

— Я могу доехать и одна, — в конце добавила я. — А вы, маменька, оставайтесь и наслаждайтесь вечером.

— Нет уж, дорогая, вместе приехали, вместе и уедем, — решительно проговорила мама. — Что, разве мало я видела фейерверков? Нет ничего страшного в том, чтобы уехать пораньше.

Госпожа Темпич вдруг оживилась, услышав ее последнюю фразу, и я была готова поклясться в том, что в глазах мамы Элины мелькнула настоящая паника. Она, пользуясь стоящим вокруг шумом, наклонилась к уху маменьки и что-то быстро зашептала. Через несколько секунд та сильно побледнела, растерянно глядя на свою подругу.

— Что-то случилось? — с недоумением спросила я.

Мама медленно покачала головой:

— Все хорошо, Кларисса, не волнуйся. Мне... мне надо кое-кого увидеть. Знаешь, действительно езжай домой без меня. Я приеду сразу, как освобожусь.

Я кивнула, удивленно глядя на таинственно притихшую мать Элины. Лицо у нее при этом было такое серьезное и торжественное, словно она только что совершила нечто крайне важное.

Это действительно обескураживало, но я уже устала ломать голову над выпавшими на мою долю загадками.

Я кивнула и со всеми попрощалась, а госпожа Темпич отдала приказ готовить экипаж.

***

Поместье Темпичей и наше отделял всего получас езды.

Вечерний воздух стремительно холодел. В карете маменька оставила свою теплую вязаную шаль, и я, едва оказавшись внутри, как можно скорее натянула ее на плечи.

Сидеть под приглушенным магическим светильником на мягких бархатных сиденьях, оперившись на подушки, было бы крайне приятно, если бы не бесконечная тряска на вечно разбитых по весне рулевских дорогах. На особо высоких кочках зубы даже неприлично стучали, отбивая задорную чечетку.

Придя к неутешительному выводу, что при таких условиях сна ждать не стоит, я отбросила попытки задремать, и попыталась хоть что-нибудь рассмотреть за окном.

Мы въехали в лесок, тянувшейся практически до самого поместья. Фонари вдоль дороги теперь попадались значительно реже, и кучер ориентировался на два светильника, установленных впереди кареты. Обзора они давали немного и освещали лишь путь впереди, поэтому в боковое окошко я видела только черноту слившихся в одну массу щерящихся голыми ветвями деревьев.

Пока я воскрешала в памяти виды этих мест при свете дня и размышляла, где именно мы находимся, карета, качнувшись с сильным рывком, встала.

Что за незапланированная остановка?.. Я постучала пальчиком по стеклу, привлекая внимание кучера. Тот затряс головой и что-то проговорил, но я не смогла разобрать его слова.

— Что-то случилось? — я, наконец, разобралась с щеколдой и открыла окно.

— ...тут никак не проехать, госпожа. Вон дерево лежит... видать, подгнило, зараза, вот и упало поперек дороги. — Кучер, мужчина уже преклонных лет, слегка скрипнул облучком, оборачиваясь ко мне. — Вы главное, не волнуйтесь, сейчас уберем.

Я растерянно кивнула.

Обычное дело. В нашем лесу всегда стояло множество старых гнилых деревьев, места низинные, постоянно затапливаемые паводками.

Карету качнуло, когда двое слуг сошли с запяток позади экипажа. Я некоторое время прислушивалась к их тихим дружеским перебранкам, доносившимся из-за приоткрытого окошка, и медленно отдавалась накатывающей дреме.

Из пелены тепла и покоя выдернул пронзительный вопль, оборвавшийся на высокой ноте.

Звуки ударов. Еще один вопль.

Я вскочила на ноги, и, ни секунды не размышляя, рванула к выходу. За мгновение до того, как пальцы коснулись ручки, дверь распахнулась сама, и на меня обрушился удар, высекающий из глаз искры.

Скулу обожгло. Мир вокруг расплылся, и словно сквозь пелену, глушащую свет и звуки, я ощутила, падаю на пол, цепляя подушки.

Чья-то рука, грубо хватая за волосы, потянула вперед и выволокла меня из кареты. Сил хватило лишь на то, чтобы, оказавшись на дороге, опереться на колени. Меня тряхнули, заламывая назад руки, и тело само собой выгнулось, интуитивно стараясь уменьшить боль от захвата.

Напротив стояло двое мужчин.

Один, здоровый, с длинной толстой варварской косой, деловито обыскивал лежащие ничком трупы слуг и кучера. Под последним, лежащим ко мне ближе всех, расплывалась темно-красная лужа крови, сочащаяся из перерезанного горла.

Второй, худой и одетый франтом, с чуть вытянутом лицом и белесыми бровями, стоял возле перекрывшего дорогу поваленного дерева. Щелчок пальцев — и преграда, дрогнув, медленно растаяла, оказавшись искусной иллюзией.

— Она?.. — раздался хриплый голос у меня над головой.

Здоровый мужчина с косою уже закончил и повернулся к нам. Его мясистый, и так вряд ли когда-либо идеальный нос некогда свернули набок, а затем, вправляя, лишь усугубили ситуацию.

— Я что, ясновидец, мать его?.. Только наше особо приближенное лицо имело честь видеть ее карточку, — с издевкой ответил здоровяк, кивая на мага иллюзий. Тот, используя несколько незнакомых мне заклинаний, старательно зачищал за собой следы в магическом фоне. — Слышь, длинный, иди сюда, хорош возиться!

Маг поморщился, словно у него разом заломило все зубы, но продолжил свое дело. Здоровяк презрительно сплюнул в его сторону и, с интересом прожигая меня глазами, подошел ближе.

— А девка то ничего такая... может, того сначала? — он заговорщически подмигнул тому, кто меня держал. — Че добру-то пропадать?..

— Сказано же было, без чернухи, — поспешно подал голос маг. — Если все сделаем чисто, сможешь на свою долю пару лет без остановок трахать лучших шлюх Эрги, а пока держи свое хозяйство в штанах.

Здоровяк раздраженно вздохнул, складывая руки на груди.

На нем была расшитая узорами грязная безрукавка, накинутая на голое тело, и прямо под ключицами начинались густые черные волосы, идущие сплошным клоком до пупка. Мощные руки усеивало множество плетеных и заговоренных от всего на всего на свете браслетов. Вешать на себя столько амулетов — типичная ошибка суеверного люда, не понимающего, как это работает.

— Сукины потроха, да с вами до блевоты скучно, — все никак не унимаясь, потянул здоровяк. — Той бабе то дело какое, что с этой девкой будет перед тем, как брюхо вскроют?..

— Заткнись уже, Коса, задолбал ныть, — грубовато прервал мужчину тот, кто меня держал. — Радуйся, что хорошие деньги платят, хочешь дополнительных потрапушек во время дела, — возвращайся к своим в Западную Эргу.

Все это происходит не со мной.

Звон в голове прошел, и картинка перед глазами стала ясной, без скачущих черных мушек, но тело сковывал леденящий ступор, не дающий даже попытаться пошевелиться.

Я с оцепенением наблюдала, как маг заканчивает свое заклинание. Едва последние порожденные им всполохи света поглотила темнота, молодой мужчина двинулся к нам, мимоходом отряхнув кончики пальцев так, словно магия могла каким-то удивительным образом оставить на них физические доказательства преступления.

— Ну и какого Верниса мы тут все ждем? — проговорил он, лишь мельком взглянув на меня. — Вы сюда светские беседы пришли вести? Она это, она... Кончайте уже.

Маг замер в полуметре от меня, уже заранее с легкой брезгливостью отведя глаза вбок.

Я услышала едва различимый звук извлекаемого ножа за моей спиной, — тот, кто был сзади, прекрасно удерживал меня и одной рукой.

И только за мгновение до возможного удара я вдруг совершенно четко поняла, что действительно могу сейчас умереть.

Внутри что-то затрепетало, сжалось и резко оборвалось, выдавливая из меня пронзительный крик. Черная клокочущее нечто, жаждущее вобрать в себя все живое, вновь заклубилось, налилось яростью, напиталось потекшей изнутри силой.

И впервые за все это время, я не стала сдерживаться и полностью отдалась темной тугой волне, ликующе прорвавшейся у меня из груди и хлынувшей потоками во все стороны. Глаза на краткий миг ослепили всполохи ядовито-зеленого, и я зажмурилась.

Барабанные перепонки едва не взорвались от воплей боли. Рука, удерживающая меня, обмякла и рухнула вниз. Нестерпимо пахло гнилью.

Я с трудом поднялась на ноги, инстинктивно прислоняя рукав к лицу, чтобы сделать пару судорожных вдохов через ткань. Вонь вокруг резала глаза и мешала смотреть. Я вслепую сделала несколько шагов, влезая туфлями во что-то мерзко хлипнувшее и, наконец, огляделась.

Вокруг меня черным истлевшим кольцом лежала трава, пересекаемая посередине полоской дороги. Сзади оказалась груда того, что некогда было человеком, и едва рассмотрев оголившийся череп в остатках редких русых волос, я, ощутив приступ подкатившей тошноты, тут же повернулась в другую сторону.

От заносчивого мага иллюзий осталось немногим больше, чем от его напарника. С забурлившей с новой силой дурнотой я поняла, что наступила в то, что некогда было его ногами. В панике, я стала шаркать мысами туфель по земле, чувствуя, как тело бьет крупная дрожь.

Кое-как избавившись от ошметков плоти на обуви, взглянула туда, где должны были оказаться останки третьего бандита. Но вместо этого наткнулась взглядом на живого и абсолютно невредимого Косу, который застыл на месте с прилипшей к его лицу маской искреннего, животного ужаса.

Он стоял в пределах истлевого круга, по которому прокатилась волна смерти, и я с удивлением рассмотрела почерневший до цвета сажи широкий браслет, один из того великого множества, что украшало его руки.

Паранойя мужчины удивительным образом спасла ему жизнь, и какой-то особый оберег, вопреки всем вероятностям, сработал.

Еще несколько мгновений мы молча и недвижно смотрели друг на друга. Затем Коса медленно, не отрывая от меня взгляда, извлек из-за пояса изогнутую нанийскую саблю.

— Так ты одна из тех... из отвратительных мразей, которых прокляла сама природа, — тихо проговорил он. — Мерзкая... дрянь...

Заноса слегка подрагивающую руку, он шагнул вперед, и я, подхватив юбку и не чувствуя под собой ног, бросилась вбок, в спасительную черноту леса.

Каблуки мгновенно увязли в мягкой земле, но чтобы расстегнуть хитрые застёжки туфель, нужно было время, которого уже не было. Из-за ругательств и громкого дыхания где-то за спиной я могла даже не сомневаться, что Коса ринулся следом, движимый желанием избавить мир живых от моего присутствия.

Я летела между деревьями, с трудом успевая поднимать ноги, чтобы перемахнуть через очередную корягу. Серебристый свет луны освещал лес проплешинами, и, влетая в очередное темное пятно, я спотыкалась или натыкалась на пышные и колючие ветки кустов.

Каждый раз ныряя в непроглядную черноту, я надеялась, что Коса каким-то чудом потеряет меня из виду, но чудеса так и не происходило. Надрывный треск ломающихся ветвей и матерная ругань сзади говорили о том, что мой преследователь и не думал отступать. Меня осыпали словесными проклятиями, обещали долгую мучительную смерть, что заставляло еще быстрее шевелить ногами, но расстояние между мной и преследователем лишь уменьшалось.

В голове пульсировала одна мысль, мысль о спасении любой ценой. В отчаянии, я раз за разом обращалась к темному дару, желая вновь повторить тот трюк, что получился с

разложением на дороге, но теперь вместо сосредоточения моих сил зияла пугающая пустота.

Сейчас я не смогу поднять даже самого податливого мертвого или сотворить простенькое заклинание. А наемник, что жаждал моей смерти, был куда выносливее и сильнее...

Эта погоня могла иметь только один исход. Я оттягивала неизбежное.

Не сдерживаясь более, я громко всхлипнула, и тут же оступилась, едва не подворачивая ногу. Сопение за спиной стало еще ближе, но я с огромным трудом удержала равновесие и рывком перемахнула через толстые корни.

...Я была так сосредоточена на том, чтобы не упасть, что слабые отзвуки останков, похороненных между двумя огромными деревьями в самом конце лесной прогалины, я ощутила лишь тогда, когда оказалась в метрах десяти. Мертвые... Вот бы еще немного сил...

Я мысленно потянулась к останкам, и тут же в ужасе отпрянула, обожженная тем, что ощутила.

Несколько старых полностью разложившихся женских тел, сплетенных привязанными душами в клубок пронзительной боли. Задушенные, замученные, в тайне похороненные своим мучителем, в последний раз бывавшем здесь пару десятков лет назад.

Хорон маньяка. Жертвы отвратительных желаний, жаждущие мести. Запечатанные из-за пророчливой осторожности неумелой, но рабочей некромантской печатью. Испытывающие постоянное страдание, но не способные подняться, чтобы излить свои муки на случайных прохожих.

Я почти сразу перекрыла поток едких отвратительных ощущений, которые источали останки, но ужас от прочувствованного уже пророс в теле и начал сковывать конечности. Я, не различая ничего вокруг, едва не врезалась в дерево, и, зная теперь лишь один ориентир в виде захоронения, в панике устремилась к нему.

Внезапно мир покачнулся, ногу дернуло, что-то хрустнуло, и лодыжку пронзило нестерпимой острой болью. Я надрывно закричала и проехала по земле животом, изо всех сил цепляясь за почти ускользнувшее от меня сознание.

Собрав волю в кулак, я вскинула голову и упрямо поползла, слыша, как уже совсем рядом хрустят сломанные ветки.

Под ладонями, под узким пластом земли я с содроганием ощутила останки несчастных женщин. Я сжалась, не пуская их истощенный ментальный вой в свою голову, и, орудуя локтями, двинулась дальше. Сломанная о неудачно подвернувшийся камень лодыжка горела огнем.

Коса был уже совсем рядом. Я оглянулась, и увидела, что он перешел на шаг, вальяжно поигрывая клинком.

— Ну что, сука, добегалась?.. — громко сказал он.

Видимо, бандит решил, что браслет может бесконечно защищать его от магии смерти. Увы, проверить, так ли это, я уже не могла.

Больная нога зацепилась за сук, и я застонала, кривясь от боли. Больше сил у меня не было.

Представляю, как я смотрелась: зареванная, беспомощная, запутавшаяся в пышных юбках девчонка, не имевшая ничего общего с тем могущественным, хитроумным и злобным существом, каким обычно рисуют некроманта.

Но, судя по торжествующему взгляду Косы, в своем воображении он одержал победу над каким-то чрезвычайно могучим и опасным чудовищем, и теперь наемник мог

вдоволь насладиться последними самыми сладкими моментами своего триумфа.

Я сделала пару бесполезных рывков, пытаюсь отползти дальше. Смерть шла ко мне и смотрела в мое лицо глазами неотесанного убийцы. Стало до боли невыносимо, и я зажмурилась, не в силах с достоинством принять свою участь.

В темноте закрытых век я почти физически почувствовала, как на захоронение ступила нога Косы. Скорее от необходимости сделать хоть что-то, мысленно сжала скользнувшую где-то на границе сознания неосозаемую некромантскую печать.

И дернула ее, ломая.

Лицо обдало землей, взвившейся столбом. Почти в тот же миг распахнула глаза, но вопль Косы, взорвавший воздух, уже стих в мучительном стоне.

Нежить, горевшая особой яростью именно к мужчинам, убийцам, выместила всю накопившуюся злость на наемнике, так кстати оказавшегося рядом в момент ее освобождения.

Его тело пронзило множество когтистых рук, с ненавистью разрывая. Кровь несчастного, уже умерщвленного, но еще терзаемого конвульсией, брызнула на лицо, залила платье, окропила нежную белую кожу у декольте.

Я, всхлипывая, поползла прочь, со смесью ужаса и отвращения слыша, как умертвия ломают Косе хребет.

Устав ползти, с трудом встала, оперлась на здоровую ногу и стволы деревьев, преодолела еще десяток метров. Снова упала и снова поползла прочь, как можно дальше от этого места, ползла столько, сколько смогла.

Наконец, прижавшись спиной к толстому шершавому стволу, разрыдалась навзрыд. Боль в ноге, едва адреналин схлынул, усилилась в разы.

Я до сих чувствовала нежить, но она, вдоволь отпировав, с урчанием улеглась обратно в ту землю, которая все эти годы была ей тюрьмой. Мертвые обрели временное облегчение. Сейчас я им неинтересна, пока им хватило и расправы над Косой.

Каким бы человеком он ни был, никто не заслуживает такой ужасной смерти.

Я утерла слезы и совершенно четко поняла, что никуда не дойду. Что не имею ни малейшего представления в какой стороне осталась карета, и где мой дом.

Нет, рано или поздно меня найдут. Как найдут и поле тлена с двумя разложившимися трупами около экипажа. Как найдут захоронение жертв маньяка, которое я распечатала. Даже если не погибну в лесу, Инквизиция не может не заинтересоваться случившимся, поэтому сожжение на костре будет лишь вопросом времени.

И я ничего не могу с этим поделать.

Накатила невыносимая слабость, и я с покорностью закрыла глаза. Вдруг стало совсем безразлично, что будет дальше.

Спасительное забытие медленно окутало мягкими щупальцами и затянуло в темноту.

***

Резкий запах нюхательной соли заставил поднять как никогда тяжелые веки.

Почему-то не сразу, а постепенно, словно все мои способности к восприятию возвращались поэтапно, я смогла ощутить боль в правой лодыжке, притупившуюся, но все равно остающуюся на самой грани терпимого. Кроме боли, тело мучала чудовищная слабость.

И еще холод. Как же невыносимо холодно...

Чьи-то пальцы скользнули по моей щеке и отвели упавшие на глаза пряди волос из растрепавшейся прически. Я моргнула, с трудом фокусируясь на картинке.

— Вы?.. — пробормотала, пытаюсь отстраниться, но дерево за моей спиной не позволило этого сделать.

— Не вижу особой радости на вашем лице. Впрочем, на другое я и не рассчитывал.

Золотистые волосы, убранные черной лентой в низкий хвост, благородный высокий лоб, тонкие скулы и легкая горбинка на носу, — господин Энтон Корре собственной персоной сидел подле меня, убирая в сумку флакончик с солью. Рядом мерно плясал тускло горящий светоч.

— Ну и делов вы тут наворотили, Кларисса, — проговорил он, перехватил мой взгляд и легко ухмыльнулся.

— Откуда вы здесь?.. — дыханье так резко сперло, что я едва смогла выдавить из себя несколько простых слов.

— Как и вы, я провел большую часть этого вечера у Темпичей, — Энтон заговорил таким тоном, словно мы пересеклись на рауте и вели приятный светский разговор. — И, если бы не полученная мной информация о практически свершившемся покушении на одну молодую особу, я бы и сейчас продолжал пить чудное вино и развлекать милых пустоголовых дам. Впрочем, говорят, лесные прогулки полезны для легких. И если бы не вы, я бы в ближайшее время вряд ли имел удовольствие бродить в подобном месте...

Я рассмеялась, глухо и нервно.

— Издевайтесь надо мной?..

— Ничуть, — блеснул белыми зубами Энтон, — Не возражайте, если я осмотрю вашу лодыжку? ... Вы, кажется, истекайте кровью, моя дорогая.

Кровью?..

Я опустила взгляд, но рассмотреть, что там внизу с моей ногой, не вышло. Я хотела привстать, но Корре меня остановил.

— Сидите. Кажется, вы уже и так вдоволь набегались, когда уводили одного несчастного бедолагу к логову мертвячек. Прелестный ход, Кларисса, более чем уверен, что именно он помог сохранить вам жизнь. Для выплеска такого количества смертоносной энергии, который вы совершили у кареты, вы не могли не опустошить весь свой запас сил, я прав?.. Все-таки, вы начинающая...

Я, буквально открыв рот, в беспомощном страхе и оцепенении смотрела на него.

— Кто... кто же вы такой?..

— Я с вами на одной стороне, Кларисса, можете не волноваться. А теперь, если хотите еще когда-нибудь станцевать на балу, — не дергайтесь, и я смогу помочь.

Его пальцы коснулись застежек на туфле раненой ноги, с которыми он справился за пару секунд. Когда Энтон дотронулся до источника моей непрекращающейся пульсирующей боли, я закусила губу, стараясь не закричать.

— Так у вас действительно есть медицинское образование?.. — простила я.

— В каком-то смысле, дорогая Кларисса. Во всяком случае, анатомия — мой конек, смею вас заверить.

В иной ситуации я бы сделала все что угодно, лишь бы этот человек, вызывающий лишь глубочайшую неприязнь, даже не приблизился бы ко мне, но сейчас я была готова принять помощь от любого, кто ее предложит. Даже от наглого лицемерного мерзавца, встреча с которым по определению не могла сулить ничего хорошего.

Энтон зачем-то сунул мне в руки чистый носовой платок, который извлек из кармана.

— Сейчас будет очень больно, но нужно вправлять, никуда не денешься, — предупредил меня господин Корре. — Возьмите платок в зубы, иначе ваши крики услышат у Темпичей.

От полной безысходности я повиновалась, и через мгновение ткань под зубами заскрипела, а глаза наполнились слезами.

Боль была подобна тому, как если бы Корре вогнал длинный раскаленный гвоздь мне в лодыжку. В самый пик сознание едва не угасло, и я с трудом вынырнула из почти затянувшего меня омута, впиваясь сведенными судорогой пальцами в собственные ладони.

Энтон, наконец, отпустил мою ступню, прерывая пытку, а затем извлек из сумки продолговатый бутылек. Темно-бордовая, странной густоты жидкость хлынула на рану.

Болезненные ощущения резко отступили. Кожа вокруг раны легко зазудела.

— Что это за чудесный эликсир?..

— Это не эликсир, а вампирская кровь, — ровно ответил Энтон, словно речь шла о сущей безделице.

— Откуда, Вернис раздери, у вас в руках нечто подобное?.. — обомлела я.

— Моя работа подразумевает широкий круг знакомств, а оплату я иногда не брезгую брать бартером... Давайте отложим все вопросы на потом. Я всегда рад поболтать, но если здесь за вами не прибраться, это сильно усложнит вашу жизнь... Только не вставайте. Кровь вампиров действует невероятно быстро, и если кость прямо сейчас срастется не так как надо, придется ломать заново.

Он наклонился так близко, что я кожей ощутила его дыханье. Прежде чем я успела что-либо сказать, он пропустил одну руку под мои колени, а второй скользнул за спину, и резко меня поднял.

В страхе упасть я поспешно обвила руками его шею.

Энтон Корре перехватил меня поудобнее и, отлично ориентируясь в полутьме, зашагал в ту сторону, где я оставила логово мертвячек, убивших Косу. Я отстраненно чувствовала медленный стук сердца лорда, словно происходящее для мужчины было не волнительнее обычной лесной прогулки.

От рокового места ушла я недалеко. То, что оттуда веяло, прожигало кожу, и у меня возник порыв вырваться из рук господина Корре и, наплевав на все последствия, кинуться прочь.

Энтон встал около братской могилы несчастных женщин. Я заерзала, чувствуя, как лениво зашевелились мертвые под небольшим слоем земли, ощущая наше близкое присутствие.

— Их необходимо упокоить, но уже не здесь. Инквизиция научилась безошибочно находить то, что остается от тел после упокоения, поэтому... — Я уловила мощный поток силы, хлынувший от Энтонна, хотя он не пошевелил и бровью. — Поэтому сейчас их стоит увести отсюда как можно дальше.

Мгновение, и земля двинулась, задрожав. Первые оголенные черепа стремительно взвились над почвой, разбрасывая мелкие комья.

От неожиданности вздрогнула и вжалась в Энтон, едва сдерживая крик.

Вместе со скелетами с почти полностью разложившейся плотью, из земли поднялся и труп наемного бандита. От его лица осталась рваная кровавая масса, растерзанное тело сгибалось в разные стороны, как у сломанной куклы, и распознать мужчину теперь можно было лишь по одной его длинной приметной косе.

Освободившись от оков земли, отвратительные мертвецы на мгновение замерли, чуть покачиваясь и скрипя суставами, а затем синхронно повернулись к нам спиной и устремились прочь, куда-то вглубь леса. Черная пологая могила дрогнула, и стремительно затянулась, словно почва сама залечивала свою рану.

Я подняла глаза на Энтон Корре. Тот молча смотрел на меня, и на его губах играла легкая улыбка.

Была ли я потрясена? Скорее, нет. После сегодняшнего нападения у меня истощились не только магические и физические силы, но и моральные. И засиял вдруг Энтон пронзительным голубым светом и заяви, что он — воплощение бога смерти, мое изумление было бы недолгим, а затем я приняла бы как должное и это.

С первого дня знакомства с Корре я чувствовала, что он носит далеко не одну маску под натянутой личиной подчеркнутой любезности. Так почему бы ему не оказаться некромантом? Уж он то куда лучше подходил на эту роль, чем я сама.

Мои мысли прервал глухой звук отдаленного взрыва, и подняв голову, где-то вдалеке я различила алые сверкающие искры, расцветшие на небе распустившимся бутонем розы. Пиротехника и магия в совокупности могли впечатлить даже самого предвзятого и бывалого зрителя.

Неужели с моего отъезда из поместья Элины прошло так мало времени?..

— А вот и Темпичи пустили фейерверк, — проговорил Энтон. — Совсем скоро все их гости начнут разъезжаться по домам. Впрочем, мои люди уже должны были закончить с тем, что вы оставили возле кареты. Ничего не могу гарантировать с полной уверенностью, ведь идеально замести следы после подобного невозможно, но при благополучном раскладе никто и не подумает на вас ничего дурного. Особенно, если вы будете говорить об этом вечере только то, что велю вам я.

Я сдержанно кивнула, игнорируя повелительный тон.

Мне казалось, я готова выполнить любое условие, лишь бы Инквизиция не пришла в мой дом.

Энтон Корре двинулся дальше, следуя одним ему ведомым в этом темном лесу ориентирам.

— А вы не носите кольцо с «Длanyю матери», я заметил. Неужели не пришлось по вкусу?..

— Так это были Вы?.. — я громко выдохнула. — Ну и дурацкие же у вас шутки!..

— Какие шутки?.. Если Вы не знали, обереги Инквизиции заказывают у мастеров и те, кто не имеет к ней никакого отношения. Знать готова платить хорошие деньги, чтобы унять свою паранойю, и я не удивлюсь, если тот же ваш батюшка носит при себе нечто подобное... Для молодой некромантки кольцо с свойствами, которыми обладает «Длanyю матери», совершенно точно должно быть бесценным приобретением, а ваш недостаток оправдывает присутствие у вас такого дорогостоящего амулета.

— Но откуда Вам было известно, что я...

В голове пронеслось воспоминание — мой обморок, иголка, капля крови, которую Энтон зачем-то тут же попробовал на язык. Неужели он способен таким образом определить подобное? Но зачем ему вообще было это делать?..

— А вы знали, Кларисса, что огромное количество талантливых и сильных некромантов вышли из рода Извечей?.. Жаль, что за последние поколения он практически вырожден. Вы — последний отблеск тех сил, которыми когда-то владели ваши предки.

Энтон так и не ответил прямо на мой вопрос, уводя в сторону, но даже понимая это, я не могла не среагировать:

— Будь это так, Извечей бы вырезали под корень во время пика гонений на некромантов, как это делалось со множеством других семей.

— Возможно, дело в том, что вырождение рода началось задолго до гонений... Но, думаю мне, это далеко не самая главная причина, почему Извичам удалось избежать преследований, а эту самую причину я, увы, знать не могу. Однако... поверьте, моя дорогая, если Извичи до сих пор топчут нашу брэнную землю, значит что-то спасло их от печального конца.

Я недоверчиво покачала головой. Пусть мое более тесное знакомство с некромантией и началось с дневника далекого предка, представить себе, чтобы наш благородный род, который всегда был на виду и на хорошем счету у монархов, насчитывал множество повелителей мертвецов... Это не укладывалось в голове.

За очередным огромным деревом, которое обошел Корре, нашлась пегая лошадь. Она нетерпеливо переступала длинными изящными ногами, и радостно заржала, едва увидела своего хозяина.

Энтон усадил меня боком впереди седла, и замер, пристально изучая мое платье. Прежде чем я бы успела напомнить ему о правилах приличия, он сказал:

— Платье придется снять. Глен коснулся его, и, вероятно, нижнего белья под ним — вам же не хочется, чтобы ваша прислуга побежала сдавать вас Инквизиции? Одежду сожжем, а причину наготы, которая бы не ставила крест на вашей чести, придумать не так уж и сложно. И можете не переживать, я с удовольствием одолжу свой плащ.

Я ярко вспыхнула, полностью ошарашенная поступившим предложением, но, опустив глаза, увидела темные безобразные пятна, идущие от груди к самому краю юбки. Часть ткани обесцветилась и истлела, остальная порвалась еще во время погони в лесу.

Только один вид магии мог так повлиять на одежду. Я в бессилии сжала оборки, которые рассыпались в моих пальцах. Затем, в нахлынувшей решительности, низко наклонилась и спросила то, о чем должна была спросить еще раньше:

— Энтон, скажите, зачем же вы так стремитесь мне помочь? Я никогда не поверю, что дело в проснувшемся в вас альтруизме. Неужели вам так нужно прибрать к рукам не такое уж и большое состояние моей семьи и ради этого вы готовы сами ввязываться в ситуацию, где по наши души может нагрянуть Инквизиция? К чему столь большой риск для человека с такими силами? Зачем вы делаете все это?

Энтон чарующе улыбнулся, блеснув белой полоской зубов.

— Моя прекрасная, дорогая Кларисса, — мой подбородок поймали в тиски холодных пальцев, заставляя прямо взглянуть в темно-болотные глаза. — В отношениях между мужчиной и женщиной должна иметь место честность, поэтому я скажу вам напрямик. Уже очень давно мной двигало стремление, которое, подчас, оказывалось сильнее остальных моих желаний. Кларисса, я хочу вернуть себе то, что когда-то, давным-давно и так принадлежало мне... и теперь, ко всему этому, я хочу получить и вас.

Энтон Корре вдруг сделал небольшой, но резкий шаг вперед и впился губами в мои. От неожиданности я не успела даже попытаться отстраниться, а потом...

Дыханье сперло, по телу прокатилась волна сладкой дрожи. Корре определенно знал толк в том, что делал, и я, уже абсолютно забывая обо всем, на несколько мгновений полностью отдалась пронзительному дразнящему чувству своего первого поцелуя.

Энтон отстранился сам, с удовольствием смотря на мое выражение лица.

Еще чувствуя на языке его вкус, я с запоздалым праведным возмущением устала

на молодого мужчину, но это уже никак не могло его обмануть. Все слова разом застряли в горле, и я с яростью и смущением отвела взгляд.

Энтон с непринужденным видом стянул с себя плащ, накиннул на сгиб локтя, затем развернулся ко мне спиной и велел, переходя на «ты»:

— Тебя уже скоро хватятся, так что не будем заставлять нервничать твоих родных. Снимай с себя эти истлевшие тряпки.

***

Лошадь шла бодрой рысцой, разгоревшийся ярче светоч, колыхаясь от порывов ветра, выхватывая из мрака стелющиеся молодые корни, переплетенные с серыми плоскими камнями. Энтон посчитал, что в нашем положении будет лучшим двигаться через лес в некотором отдалении от дороги, не выходя на нее саму. Я промолчала, но была полностью согласна, — так меньше вероятность, что нас случайно увидят.

А мне оставалось, преисполнившись подчеркнутой гордости, высоко поднять подбородок и делать вид, что меня не способна смутить сложившаяся ситуация, унижительность которой была очевидна. Почти полностью обнаженная под плащом, подобно абсолютно пропащей девицы после развеселой ночи, я цеплялась за внешнее и напускное, как за последнюю соломинку, создающую иллюзию того, что я выше происходящего и что оно не способно меня запятнать.

Сидя боком, я замоталась в плотную ткань по самое горло и чуть выставила вбок наполовину оголенную и еще зудящую ногу. Энтон крепко держал меня за талию, удерживая от падения. Руки и плечи я прятала под плащом, иначе отсутствие на мне даже нательной рубашки для случайного зрителя стало бы очевидным.

До конца нести маску невозмутимого достоинства мешало дыхание треклятого Корре, горячо бьющее мне в висок, которое и смущало, и злило. Энтон, конечно же, не преминул воспользоваться случаем, и прижал меня к себе крепче, чем следовало бы. Лошадь шла ровной рысью, но балансируя с ноющей ногой, я так и не смогла достаточно отстраниться от мужчины.

Некоторое время я зачем-то терпела, приняв это за очередную на сегодняшний вечер попытку. Но затем, не выдержав, тихо проговорила:

— Не обольщайтесь. Вы получили тот поцелуй лишь благодаря моей растерянности и бедственности положения...

— Позвольте уточнить, это из-за бедственного положения или же своей растерянности вы так охотно на него ответили?.. — насмешливо спросил Энтон.

Я вспыхнула, как охапка сухого хвороста, брошенная в огромный высокий костер, вроде тех, которые разводят на праздник Огней Брианны. Но прежде чем я успела ответить на столь провокационное заявление, Корре поспешно проговорил:

— Вместо того, чтобы зачем-то ссориться со мной, я бы на вашем месте спросил, кто же все-таки захотел лишить вас жизни чужими руками.

Все мое возмущение разом исчезло:

— Так вы знаете, кто нанял тех людей?..

— Заказчиком, к удаче, руководили слишком сильные чувства, чтобы всерьез все продумать и обеспечить полную анонимность...

Мужчина выдержал многозначительную паузу, на которой у меня быстро сдали нервы:

— Энтон, не томите, Вернис вас раздери, кому я могла настолько насолить?..

Рука Корре, пользуясь моей отвлеченностью, как бы ненароком перехватила меня еще ближе к себе. И мужчина, наклонившись над моим ухом, вкрадчиво проговорил, смакуя каждый слог:

— Госпожа Церра Лоурель.

Повисла пауза, перебиваемая монотонным стуком копыт лошади, вышагивающей по камням. Я несколько секунд сосредоточенно перебирала в памяти всех знакомых женщин с хотя бы похожим именем, но в голову ничего не шло. Оно так ярко звучало, что вряд ли бы я его не вспомнила, даже если бы и слышала о такой даме очень давно.

— И... как может желать моей смерти женщина, которую я даже не знаю? — придя к неутешительным выводам, с недоумением спросила я. — Кто она вообще такая? Откуда у

вас эта информация?.. Нет, определенно, вы что-то напутали.

Во вздохе Энтон явственно слышалось разочарование, видимо, он ожидал куда более бурной реакции.

— Кларисса, вы что, действительно ничего не слышали о Ферре? Мне сложно в это поверить.

— Нас точно никогда не представляли друг другу.

— Что ж, думаю, она бы весьма огорчилась тому факту, что вам даже незнакомо ее имя. Кларисса, вы что, совсем ничего не знаете об Отисе Батрисе? Мне казалось, вы были заинтересованы его персоной тогда, на балу.

Я вздрогнула.

— При чем он здесь? — уточнила ледяным тоном. — Или хотите сейчас обсудить мой интерес к тому или иному мужчине?..

— Поймите, мы же говорим о Ферре Лоурель. А как можно обсуждать госпожу Лоурель, никак не упоминая ее любовника, с которым она состоит в постоянных отношениях уже три года?..

Я сжала пальцы на ткани плаща, чувствуя подушечками едва различимый шов.

Любовник? Три года?..

В голове клоками повис туман.

Я же чувствовала, что с Отисом что-то не так. Осознавала, что молодой человек с такой внешностью и карьерой не может быть одинок, и что всегда найдется та, что с радостью согреет ему холодную постель. Но постоянные отношения несколько лет?..

— Ферра Лоурель — фрейлина государыни, придворная дама, — тем временем рассказывал Энтон. — Очень красивая девушка, тут ничего не скажешь. Дворцовые художники даже успели написать несколько ее портретов, правда, на мой вкус, вышла больше бездарная мазня... Кроме симпатичного личика, Ферра обладает кое-каким влиянием, так как входит в круг любимец государыни. Вы не могли ее не заметить, госпожа Лоурель сегодня была на приеме Темпичей, к тому же, они пришли с Отисом вместе.

— Но что тогда Отис забыл на балу невест?..

Энтон легко рассмеялся:

— Странный вопрос для столь рассудительной барышни. Очевидно, Отис не собирается жениться на своей любовнице. Я слышал, что его дядя не посчитал Ферру подходящей партией для своего любимого племянника, а Отис без его одобрения и шагу ступить не может.

— Но как же так, меня что, хотели убить из-за каких-то танцев на балу невест?.. Эта Ферра выжила из ума?..

— Вы даже не представляйте, сколько жестоких преступлений совершается людьми во имя их большой и светлой любви.

— Но, согласитесь, в это сложно поверить, — упрямо продолжила я, предприняв новую попытку отстраниться. — Меня и Отиса ничего не связывает, кроме двух танцев. Даже слов, сказанных между нами, едва ли наберется с три десятка. Чтобы пойти на столь отчаянный шаг, нужна более весомая причина, иначе бы Ферре пришлось расправляться с большой толпой дам, с которыми Отис имел куда более длительные беседы.

— И, тем не менее, я знаю, что это была именно Лоурель, какими бы рассуждениями она не руководствовалась. Мои источники... не имеют привычки врать.

Я хотела возразить, что все люди способны на ложь, но тут же одернула себя, запоздало вспоминая, что я имею дело с некромантом.

— И что же мне теперь делать? — тихо проговорила дрогнувшим голосом, — Эта женщина может и повторить покушение...

— О, не стоит волноваться. Я позабочусь о том, чтобы она вас больше никогда не беспокоила.

Вопрос о том, каким же образом Энтон Корре собирается решить данную проблему, я так и не решилась произнести вслух. Разом стало душно и тесно в захвате его рук.

А затем мне вдруг стала абсолютно неважна дальнейшая судьба любовницы Отиса, Ферри Лоурель. Мы выехали из леса и, следуя изгибу дороги, оказались прямо напротив главных ворот моего поместья.

В черном кованом железе тонкой работы были искусно запечатлены твари, живущие в самых глубоких водах океана: длинношеие нирны с маленькой головой и обтекаемым массивным телом, скалящиеся змеевики, сложенные во множество колец, и выполненный в дотошных деталях кракен, терзающий трехмачтовую каравеллу. Сейчас эти металлические чудища, бросавшие на землю неясные тени, смотрелись жутко, освещенные лишь парой неярких светильников.

Глядя на горящие желтым светом окна первого этажа, я сглотнула и поежилась, сейчас особенно остро чувствуя голой кожей грубоватую ткань плаща.

Светоч Энтон дрогнул и вдруг растаял в воздухе, погружая нас во тьму. До тусклых кругов света у самых ворот было всего два метра, но теперь рассмотреть издали меня и Корре не представлялось возможным.

— Вы запомнили все, что вам нужно будет сказать? — услышала я вкрадчивый голос Энтон.

Я обреченно кивнула, чувствуя, как мучительно заколотилось сердце. Я уже знала, что сейчас будет, но прикосновение пальцев мужчины к ткани плаща в месте чуть ниже ключиц, вызвало предательскую дрожь.

— Ни звука, — короткое предостережение, и над моей грудью расцвела обжигающая боль.

Я дернула здоровой ногой, с трудом сдерживая почти прорвавшийся стон. Пальцы Энтон быстро переместились на мое правое предплечье. Новая болезненная вспышка, — и мне стоило огромных усилий воли, чтобы не вырваться из рук Корре.

Дальше спина, потом, особенно мучительно, живот, и в конце внешняя сторона левого бедра. Там Корре задержал свою ладонь на несколько более долгий срок, чем в предыдущие разы, и я едва не взывала в голос, впиваясь зубами в собственную ладонь.

— Только не подумайте, что мне в радость вас так мучать. Но, увы, это необходимо.

— Что это за магия? — выдавила я, смахивая выступившие слезы. — Суцая пытка!

— Именно, что пытка, моя дорогая. Хорошо развязывает язык, если применять в полной мере. За кожу не переживайте — я был аккуратен, к тому же, я обязательно найду способ вручить лекарю флакон с остатками вампирской крови, чтобы он добавил ее в мазь как чудесное средство от ожогов из Объединенных республик.

— С каждый раз вы раскрываете передо мной все новые и новые ваши стороны, — глухо пробормотала я.

— Поверьте, вы не знаете и десятой части моих талантов.

Способности Энтон в действительности меня сейчас мало волновали. Больше всего на свете я желала скинуть плащ, чтобы ничего не касалось пылающей части кожи.

— Держитесь, Кларисса, осталось недолго.

Охрана поместья дернулась, только когда ворота перед нами с легким скрипом отворились, признавая во мне члена семьи Извич.

Трое мужчин в серой форме, стерегущих вход, застыли, разинув рты, там же где и стояли, едва увидели господина Корре и меня в таком вульгарном виде, — плотно закутанную в плащ и с выставленной обнаженной ногой, которая как бы намекала, что не все элементы моего платья были на своем привычном месте.

Я, скрывая бессильную досаду и смущение, вновь нацепила на лицо маску невозмутимого достоинства. Однако удерживать ее долго я не смогла.

Недалеко от ворот стояло два экипажа.

У нас были гости.

Энтон спустился с лошади первым, мимоходом отдавая поводья подскочившему слуге, и я, соскользнув вниз и морщась от боли, вновь оказалась на его руках.

Сбоку слышались шепотки, раздалось несколько охов, застучали каблучки заметивших нас служанок, взметнулись накрахмаленные юбки. Едва мы поднялись по мраморной широкой лестнице, у входа нас уже встречал ошеломленный мистер Грауль.

— На госпожу напали, — опуская все приветствия, сказал Энтон дворецкому сосредоточенным тоном. — Нужен лекарь.

Мистер Грауль, совсем по-женски, в ужасе прижал ладонь к тонким бесцветным губам и, качнув головой, бросился внутрь раздавать поручения слугам. Корре, игнорируя поднявшийся вокруг переполох и не отвечая на настойчивые вопросы взволнованной прислуги, размашисто шагал дальше, отлично ориентируясь в доме.

— Господин Извич у себя? — Энтон перехватил одну из служанок и та, побелев и резко отводя глаза в сторону, кивнула.

Щеки пылали от множества любопытных взглядов, обращенных в мою сторону, и хотя я приложила уйму усилий, чтобы сохранить лицо, игнорировать весь этот шум вокруг оказалось выше моих сил. Но это было только самым началом мучительного испытания.

Мы оказались перед дверями в кабинет отца ровно в тот момент, когда они резко распахнулись.

Я ахнула, и тут же инстинктивно закрыла лицо, отворачиваясь, словно это могло бы меня спасти, но уже точно понимала, что поздно — меня узнали.

На пороге замер Отис, с оцепенелым изумлением разглядывая Энтон и меня. Плащ, скрывающий мою фигуру, несколько сдвинулся вбок, еще сильнее обнажая неприкрытую ногу высоко до бедра, на котором вольготно покоилась ладонь Корре.

Энтон сдержанно поздоровался и непринужденно зашел внутрь, проходя мимо молодого человека, который, приоткрыв рот, так и не смог выдать из себя ни слова.

— Кларисса!!!

Голос матери буквально оглушил. Я, ничего не видя вокруг от страха, почувствовала, что меня усадили на диван. Раздался бас отца и еще чей-то голос, не Отиса, но очень хорошо знакомый и пока неузнаваемый. Все разом заговорили, но я не могла понять ни слова, полностью оглушенная диким стыдом и нахлынувшей паникой.

Я трясущимися пальцами быстро поправила задравшийся плащ и подняла голову, случайно зацепив взглядом край отцовского стола.

Там стояла большая лакированная шкатулка с растительным орнаментом. Точно такая же, как та, в которой покоились обручальные змейки Элины и ее жениха.

Несколько секунд, пока я приходила в себя, показались вечностью. Бессмысленная какофония к тому моменту смолкла, и я услышала только Энтон:

— ...моя охрана пустилась вслед за нападавшими, от них вестей я пока не получал. Лекаря для Клариссы скоро пришлют, этим уже занялся ваш дворецкий. Только не волнуйтесь, хвала богам, она отделалась сравнительно легко, и прямо сейчас ее жизни и

здоровью ничего не угрожает.

— Кто мог пойти на подобное?.. — голос отца, который буквально охрип от ярости, я узнавала с трудом. — Что за мерзавцы посмели поднять руку на мою дочь?!

— Если бы мы не заезжали за жрецом, то поехали по той же дороге, что и Кларисса, и, возможно, успели бы раньше господина Корре, — тихо проговорила маменька, и в ее голосе четко обозначились обвинительные нотки. — Это все ваша сумасшедшая и безосновательная спешка...

Я заметила, что она села рядом прямо на пол, только когда ее пальцы крепко сжали мою ладонь.

— Аккуратнее, госпожа Извич. Спешка возникла лишь по желанию государя.

Я подняла глаза и вдруг натолкнулась взглядом на стоявшего неподвижным изваянием Арнейма Батриса, дядю Отиса и главу совета Инквизиции. Он задумчиво смотрел на меня издали, сложив руки на груди. Выражение его лица было абсолютно беспристрастным.

Внутри что-то беспомощно замерло, отдавая липким ознобом по коже. Глава Инквизиции в моем доме. Один из самых страшных кошмаров с легкостью воплотился в жизнь.

— Кларисса, а в чем причина того, что вы предстали перед нами в таком виде? — медленно спросил Арнейм.

— Я бы хотела говорить об этом только в кругу своей семьи, — впервые за все время подала голос я.

Отец и маменька растерянно переглянулись, словно только сейчас до конца задумались о том, о чем спросил дядя Отиса.

— Вы же пока не знаете, — Арнейм чуть поджал уголок губ. — Все присутствующие в этой комнате, конечно, за исключением господина Корре, скоро породнятся. Вы с Отисом поженитесь в тот же день, что и его брат.

Я пару секунд не могла вымолвить и слова. Я забыла даже о ноющих ожогах, покрывающих мое тело.

— Отец, но как же так?.. — наконец, выдавила я, вопросительно посмотрев на папеньку. — Разве вы мне не обещали, что все будет... иначе?.. Что я сама приму решение по поводу своего брака...

Тот молчал, и в его взгляде я прочитала беспомощность. Лицо же Отиса, присутствие которого я к этому моменту уже почти побыла, выражало несвойственную ему растерянность и полное недоумение. Кажется, он ждал от меня совсем иной реакции на эту новость.

Ну конечно, многие девушки хотели бы сейчас оказаться на моем месте. Но этих девушек вряд ли пугали родственные связи Отиса в Инквизиции, и им была неведома многолетняя связь обаятельного мага с фрейлиной. На них, в конце концов, эти фрейлины не устраивали покушений.

Я прикусила губу. И еще этих девушек, которые были бы рады отдать свою руку, сердце и прочие органы магу, не разрывало от невыносимого жгучего чувства, что я здесь — лишь разменная монета в играх высшей аристократии.

Отец собирался отдать меня замуж за того, кто меня точно погубит, во имя целей, которые мне было уже не понять.

— Кларисса, иногда обстоятельства оказываются выше нашей воли, — сказал папенька, старательно отводя глаза. — Таково было желание самого государя. Чтобы два древних рода объединились кровными узами.

Энтон тем временем стоял в стороне с видом человека, который больше из вежливости

проявляет интерес к беседе и не может уйти лишь потому, что не смеет отвлекать хозяев дома от столь важного разговора. Как же он мастерски все-таки притворяется, когда ему это нужно!

— Хочу напомнить, — произнесла, облизывая враз пересохшие губы, — что я являюсь единственным ребенком своих родителей и наследницей всего рода Извич. Когда-нибудь самый старший из моих детей унаследует все регалии и фамилию рода, но пока будущее моей семьи — это я. Поэтому, я не могу выйти замуж за человека, который и так находится в связи с другой женщиной, Ферре Лоурель, это — глубоко оскорбительно и для меня, и всех моих предков.

Повисла отяготившая всех пауза.

Отец исподлобья уставился на Арнейма, который, вероятно, и был одним из главных зачинщиков всего этого сватовства, маменька сдавленно вздохнула, а Отис... Отис начал мне сильно напоминать задыхающуюся на берегу выброшенную из моря рыбу. Ошеломленную и кроме того — порядком взбешенную. Вот только на кого была направлена эта ярость?.. На меня, или на того, кто сообщил мне столь пикантный факт?

Отис хотел что-то сказать, но под взглядом дяди с трудом сдержался, проглатывая почти произнесенные слова.

— Какое смелое заявление для юной госпожи, которая замотана в мужской плащ на голое тело, — отчеканивая каждое слово, ответил мне Арнейм. — Если вам так интересна эта тема, то могу гарантировать, что роман моего племянника с госпожой Лоурель окончен.

Глава Инквизиции замолк, выждал паузу, а потом мягко добавил:

— Да и, позвольте, какой мужчина не крутит романов до свадьбы. Если бы это могло быть аргументом против брака — большинство бы дам высшего света оставались не замужем из-за отсутствия пригодных претендентов.

— Но, постойте, дочь во многом права. — Вмешалась маменька, вставая и хмуря брови, — Есть правила приличия, которые нельзя перешагивать, если ты сватаешься к наследнице всего древнего рода. К тому же, Ферра Лоурель была сопровождающей Отиса на балу. Я видела их вместе своими глазами. Как можете объяснить нам это?

Арнейм несколько раздраженно повел плечами и кивнул своему племяннику, как бы давая тому, наконец, возможность высказаться.

— Это было желанием государыни, — звенящим от напряжения голосом начал Отис. — Она не знала... о намерениях государя. Если быть до конца откровенным, что сейчас действительно необходимо, то ее величество Аделина по незнанию желала нас с Ферре помирить. Я не мог ей перечить и отказаться от навязанной мне партии на этот вечер... И все же, прошу меня простить, но мы сбились с одного крайне важного момента. Кларисса, так вы нам объясните уже, наконец, почему вы в таком виде замотаны в плащ Энтона Корре?!

Теперь все собравшиеся, словно очнувшись, вновь смотрели на меня.

Я в краткий миг собралась как перед прыжком в воду, и в повисшей тишине тихо произнесла, взглянув прямо в глаза Отису:

— Хорошо, я скажу при всех, раз вы так на этом настаиваете. Меня хотели изнасиловать. И я, не будучи способной защитить себя по-иному, смогла лишь поджечь магией свое платье... Если бы не подоспевший господин Корре, я бы сожгла себя заживо.

Рука потянулась к плащу, и я оголила плечо и ключицу, показывая всем присутствующим кожу до линии декольте.

— Довольно! — маменька быстро и резко отдернула назад плащ, скрывая от всех багровые пятна на белой коже. Ее лицо пылало. — Отис и Айрен Батрисы, вам стоит немедленно покинуть наш дом!

Прежде чем кто-то из Батрисов успел что-то сказать, дверь распахнулась, и на пороге показался уже сильно пожилой и несколько тщедушный мужчина с саквояжем в руках, — лекарь нашей семьи.

Мама с облегчением воскликнула:

— Наконец-то. Ну что вы так долго...

— Сейчас-сейчас, — лекарь поставил саквояж и с кряхтением извлек пенсне. — Так что произошло?..

— Вам действительно лучше уйти, — вкрадчиво сказал отец, повернув голову к Арнейму. — Мы не станем сейчас обручать молодых, это невозможно.

— Решение государя не изменится, помните об этом, и он ждет соответствующих новостей в самое ближайшее время. — Тихо проговорил Арнейм, лицо которого не тронула ни единая эмоция с момента моего «откровения». — Мы вернемся послезавтра. А шкатулка с обручальными браслетами до того момента останется у вас. Здоровья вашей дочери.

Я даже не подняла голову, когда он и Отис, попросившись, покинули кабинет отца. Обоих я желала никогда больше в этой жизни не увидеть.

С ненавистью посмотрела в сторону оставленной шкатулки и замерла. В отражении небольшого забытого карманного зеркальца, стоявшего на столе папеньки и повернутого к нам, я увидела довольную полуулыбку Энтона.

За окном блеснула молния, и в воздухе рассыпался едва различимый грохот. Гроза была пока далеко, но ливень за окном уже шел плотной стеной.

Около кровати мне оставили высокий стакан в серебряном подстаканнике, наполненный темно-зеленой жидкостью, от которой веяло терпкими травами. Успокоительное, оно же снотворное, но я в самый последний момент передумала его пить. В голове снова и снова прокручивалась сцена нападения в лесу.

Виделось страшным стать беспомощной, не способной в случае нового покушения дать отпор, а в безопасности я не чувствовала себя даже в собственной спальне. И это несмотря на охрану, выставленную папенькой у дверей.

Энтон сдержал свое обещание. Обычная противоожоговая мазь проявляла чудеса излечения, и я надеялась, что когда снимут бинты, от красных пятен на коже не останется следа.

Но откуда у Корре вообще взялась вампирская кровь?..

Специальный бутылек, зачарованный от свертывания столь редкого содержимого, не носят просто так, на всякий случай. Зачем же кровь вампиров нужна Энтону? Или он уже знал заранее, что ему потребуется средство для регенерации и заживления ран?

Пожалуй, если бы наемники сами не упомянули, что заказчик — женщина, я бы решила, что все покушение, наверняка, лишь хитроумный план самого Корре. Этот человек, казалось, способен на что угодно.

А что, если он каким-то образом и подбил Ферру заказать мое убийство?.. Создал прекрасную ситуацию, где смог и спасти девицу, и поставить в странное двусмысленное положение. Да он же практически сорвал мне помолвку своей идеей о несостоявшемся изнасиловании и самоподжоге! Неужели знал, что в поместье прибудет Отис со своим дядей?..

Голова кругом.

И все же, как-то не складывается. Корре, изображая благородного рыцаря, непременно должен был явиться в тот самый момент, когда на меня напали. Или хотя бы сразу после того, как вырвалась моя сила, убившая двух из трех наемников. Продолжительная

лесная погоня не могла быть по плану, головорез легко мог лишиться меня жизни, если бы не удачное стечение обстоятельств и везение, что я не успела по пути к захоронению переломать ноги. Да и после смерти Косы я какое-то время пролежала без сознания в лесу... смысл так тянуть?

Но тогда вопрос все тот же: так зачем же, Вернисова топка, он носит с собой вампирскую кровь?..

Молния за окном расколола небо напополам и на краткий миг осветила комнату белым светом. Я резко села и уставилась в тягучий полумрак.

Не в силах больше оставаться на одном месте, с трудом поднялась и доковыляла до письменного стола. Села. Побарабанила пальцами по столешнице.

Что я вообще точно могу знать о господине Корре? Он некромант. Он потрясающе целуется, и ему что-то от меня нужно.

Я прижала холодную ладонь к вспыхнувшим щекам.

Еще Энтон обладает невероятным магнетизмом. Никто меня так не пугал, и в то же время не притягивал к себе. Эта не влюбленность, нет, скорее что-то ближе к безумию и игнорированию чувства самосохранения, чистое влечение. Еще один повод держаться подальше от Корре.

Вспомнилось. Энтон перед своим бесстыдным поцелуем сказал странные слова, — он хочет вернуть то, что когда-то давно и так принадлежало ему. Что Корре имел в виду? У него что-то украли? За этим он приехал из Объединенных республик сюда, в Эргу?

И здесь решил зачем-то остаться и закрепиться в местном обществе, найдя подходящую для этого пару, которая принесет ему связи и утвердит положение.

Я зажгла небольшой светоч, открыла ящик стола, и, больше чтобы занять руки, вытащила тетрадь по некромантии, сверху которой лежала записка, когда-то приложенная к кольцу.

Взяла листок бумаги, несколько раз перечитала выведенные Энтоном строки. Этот почерк вновь показался мне смутно знакомым. Где же я могла его видеть?..

Бездумно распахнула старинную тетрадь и перелистнула несколько случайных страниц, мимоходом рассматривая искусные рисунки. А затем, ведомая необъяснимым порывом, положила на исписанные листы записку Корре.

И резко встала, едва не опрокинув стул.

Как же я могла раньше этого не замечать?..

В блокноте моего предка и в записке Энтон был один и тот же почерк.

***

Рано утром к нам явился запыхавшейся следователь, и, судя по влажной грязи на его обуви и брюках, он уже лично успел побывать в лесу на месте преступления.

Папенька дал ему ровно пять минут на то, чтобы тот смог опросить меня, при этом сам не выходил из комнаты, дабы в случае слишком резкого или неприличного по его мнению вопроса тут же прекратить беседу.

Я плохо держалась, как ни старалась крепиться. Постоянно теребила носовой платок, не поднимая глаза, отвечала сдавленным тоном односложно и нервно, но все это вполне вписывалась в образ девушки, которую едва не лишили чести и жизни.

После отец отправил меня обратно в спальню, и сам за закрытыми дверями обстоятельно и долго, больше двух часов беседовал со следователем.

Вайна, которая потом принесла мне лекарство, в красках рассказывала, что мужчина вышел из кабинета отца чрезвычайно побледневшим. Мне было бы даже жаль следователя, если бы не личный интерес в том, чтобы случившееся вчера так и осталось нераскрытой тайной.

Насколько надежно некие люди Энтон (интересно, сколько он платит им за молчание?) помогли скрыть следы моей некромантской силы могло показать лишь время.

Но размышлять об этом в одиночестве мне больше не давали. Пока отец дергал за все доступные ему ниточки, чтобы мерзавцев как можно скорее нашли и наказали, маменька окружила меня заботой. Она в течении всего дня сидела со мной и развлекала, как могла, чтобы отвлечь от тягостных мыслей.

Наконец, вдоволь поговорив вокруг да около, я с трудом выудила из мамы подробности, чем же для нее закончился вечер у Темпичей. Рассказывать она об этом поначалу не хотела, видимо, не желая обострять мое состояние, но в итоге сдалась.

— Только строго между нами, — она понизила голос, словно нас могли услышать. — На празднике инкогнито присутствовал государь с супругой.

— Что?.. Да быть такого не может! — вырвалось у меня.

Государь, как и его покойный отец, почти никогда не показывался на приемах или каких-либо других мероприятиях, не считая совсем уж обязательных и официальных, да и вообще его величество отличалось крайней подозрительностью. Во дворце в обычные дни лицезреть его мог разве что узкий круг доверенных лиц.

— Его Величество приехали на представление и фейерверк. Думаю, государь не желал придавать своим присутствием официальный тон приему, — задумчиво проговорила мама.

Тем не менее, будь королевская чета не тайно, это было бы публичным оказанием великой милости молодым и их семьям. Госпожа Темпич, наверное, едва не лопнула от ощущения собственной значимости и распирающего ее желания поделиться со всеми, какую честь оказали ее дому.

— И, дорогая, они позвали меня к себе. — Маменька побледнела, и нервно крутила кольцо на пальце, вспоминая. — Думаю, предполагалось, что я и твой отец будем на приеме вместе... Так или иначе, государь лично выразил свои пожелания о том, чтобы мы и Батрисы в скором времени породнились... Признаться, я до сих пор нахожусь под большим впечатлением от того, что произошло.

Я тяжело вздохнула. В последнее время я уже просто устала изумляться превратностям судьбы.

— И знаешь, Кларисса, я не совсем понимаю, — после молчания продолжила мама, искоса поглядывая на меня. — Мне раньше казалось, что тебе мил Отис. А ведь он пришел просить твоей руки на следующий день после бала невест. И приходил еще

дважды, и твой отец каждый раз отказывал ему. Я предлагала вначале хотя бы переговорить с тобой, но Мортис не желал даже допускать мысли об этом, считая, что еще слишком рано. А ведь Отис из графского рода, имеет хорошее состояние, карьеру, и при этом как мужчина внешне весьма привлекателен. Если бы не эта история с Ферре...

Несколькими днями ранее я бы буквально прыгала от счастья, узнав о том, что молодой Батрис оказался так серьезно настроен к моей персоне. Но сейчас я лишь скривилась.

Увы, Ферре не только бросала тень на Отиса.

Она послужила причиной того, что я, пусть и в целях самозащиты, но лишила жизни сразу троих людей. Что оказалась в беззащитном состоянии в руках Энтона, который, наверняка, теперь пожелает объявиться в самое ближайшее время.

На фоне всего этого интрижка Отиса с черноволосой красавицей уже казалась житейским пустяком. Которого, впрочем, было достаточно, чтобы держать в узде чувства к этому привлекательному молодому человеку, сильно не обманываясь.

Как же мне нужен был хотя бы чей-то дельный совет... Вот-вот на меня оденут змейку, которая станет предвестницей смертного приговора. Но кто мне мог помочь?

Я робко взглянула на маму. Она, почувствовав мое настроение, не стала развивать поднятую тему, и не спеша разливала по давно опустевшим фарфоровым чашкам кофе. Ее движения были плавны и точны, а за легкой полуулыбкой, которую она на себя повесила исключительно ради меня, я отчетливо видела тлеющую глубоко внутри боль.

Нет, я лучше умру, чем она узнает хотя бы долю правды.

Пожалуй, на всем свете был лишь один человек, которому я могла бы полностью рассказать о событиях прошедшей ночи...

***

Окно распахнулось с тихим скрипом. Я, встав на цыпочки, выглянула, тут же холодея и чувствуя, как внутри заворочались весомые сомнения по поводу задуманного.

Луна освещала мощеную дорожку вниз, от которой меня отделяло три этажа, и крепкие ветви лозы, вившиеся по всей стене вплоть до самой крыши. Никаких кустов, как и чудом оказавшихся под окнами поместья стогов сена.

Да, упав отсюда на камни, будет легко сломать шею. Что, впрочем, тоже бы решило большую часть моих проблем, но на этот исход событий я пока не была морально готова.

Убрать охрану от моих дверей отец даже не думал, и, видимо, собирался продержат ее до самого момента моей женитьбы. Раздобыть ингредиенты для зелья, смягчившего бы мою посадку с такой высоты, я не успевала, а откладывать вылазку не смела, — уже завтра к нам должны были вновь нагрянуть Батрисы, Вернис их раздери.

Я пару минут созерцала вид из окна, затем выдохнула и залезла на подоконник. Или сейчас, или никогда.

Толстые ветви жалобно скрипнули под ногами, но мой вес выдержали. Пальцы, едва я вцепилась ими в лозу, на несколько мгновений свело судорогой от осознания того, что случится, если я соскользну.

Заставила себя сосчитала до десяти, и отпустило: я сумела оторвать словно прилипшую ладонь от сухой коры.

Пригодились навыки, полученные еще в детстве, спасибо многочисленным яблоням и вишням, на которые мы лазили с местной ребятней. Шажок вниз, немного вбок, снова вниз. Лицо царапали тонкие засохшие ветки, которые отходили от основного ствола лозы, нос щекотали набухшие крупные почки еще до конца не распустившихся листьев.

С каждым успешным шагом постепенно росла уверенность в том, что у меня выйдет без происшествий добраться до земли, и вот нога уже твердо ступила на слишком тонкую ветвь.

Глухой треск, и я едва не вскрикнула, с трудом удерживаясь, чтобы из-за сильного рывка тела вниз не выпустить лозу из рук. Дрожащей ногой вслепую нащупала опору и подтянулась, не чувствуя от напряжения пальцев. Пот залил лоб, в легком костюме для конных прогулок стало невыносимо жарко.

Остаток своего пути вниз я преодолела очень медленно, выверяя каждое движение. Когда ходившие ходуном ноги коснулись земли, я медленно опустилась, облегченно касаясь пальцами камней дорожки, и перевела дыхание.

Потом подняла голову вверх, с содроганием думая о том, что этой ночью еще предстоит путь обратно.

До Опал я добралась короткими осторожными перебежками, опасаясь, что отец усилил охрану. Но страхи нарваться на дополнительно поставленных стражей, едва я ускользнула из поместья, вскоре сменились страхами напоротья на кого-то, куда более неприятного, чем простой человек.

Из-за нападения после приема у Темпичей и всех последующих событий у меня из головы вылетела встреча с мертвой некроманткой. Инквизиция до сих пор не поймала виновного в смертях уже пары десятков человек, а если я уже в одиночку встречаюсь с драугром лицом к лицу, у меня, очевидно, не будет никаких шансов остаться в живых, и я лишь пополню внушительный список несчастных жертв.

Волновало и то, что в прошлую встречу с Идвином мы договорились дать друг другу передышку на несколько дней, и далеко не факт, что некромант предпочитает проводить все свои ночи на кладбище. Что увеличивало вероятность бесполезности всего того риска, на который я шла.

Но в эту ночь никакие доводы разума не могли меня удержать. Я упрямо подгоняла

Опал, которая черным стремительным росчерком неслась по уже хорошо знакомой ей дороге.

Через ворота кладбища я перемахнула в несколько секунд, словно к моим ногам привязали крылья.

Холодный безмолвный покой, неизменно царящий в этом месте, шел вразрез с моим волнением. Не давая мертвенному умиротворению просочиться сквозь кожу и остудить мой пыл, я бегом полетела вперед, меж могил.

Остановилась лишь оказавшись в той части захоронений, где Идвин обучал меня премудростям некромантии. Безымянные низкие холмики земли, тропинка, уже начавшая зарастать свежей молодой травой.

Никаких видимых следов чьего-либо присутствия.

Я коротко вздохнула и обернулась к стоящим вдалеке склепам. Где-то там мы с Идвином нашли укрытие в ту дождливую ночь...

Склепы принадлежали нескольким знатным семьям. Эти каменные усыпальницы в большинстве своем располагавшиеся так тесно, что почти задевали друг друга выпуклыми барельефами и застывшими в неудобных позах статуями безутешных плакальщиц. При свете дня это место представляло собой крайне эстетичное зрелище, но в полумраке мастерски выполненные изваяния вызвали далеко не восхищение, а скорее чувство затаившейся угрозы.

Впрочем, я не ощущала никаких восставших мертвецов поблизости.

Чем ближе я подходила, тем больше убеждалась в том, что не могу вспомнить, в какой же именно склепе я когда-то была. В полутьме все эти приземистые строения казались абсолютно одинаковыми, а в голову не приходило ни одного памятного ориентира.

Я заприметила широкий зазор между двумя ближайшими усыпальницами и, не размышляя, нырнула в него, чтобы добраться до более широкой дороги, вдоль которой располагались входы внутрь склепов. Мой тускло горящий светоч с легким опозданием поспешил за мной.

Скользнул в тьму, куда я так опрометчиво шагнула, и... потух.

Краткий миг, погруженная во мрак, я, застыв на месте, недоумевала, что же произошло со светочем. А затем что-то резко дернуло меня вбок и впечатало спиной в холодную каменную кладку.

— Тш-ш-ш, — шикнули в ухо, предусмотрительно зажимая жесткой ладонью рот.

Я попыталась высвободиться резким рывком, но меня еще сильнее вжали в стену. Внутри заклокотала ярость. К пальцам покорно прильнула сила, готовая прорваться наружу.

Но тут кусок неба, освещенный луной, кажущийся светлым на фоне царившей здесь черноты, резко потух. Вместе с ним исчезли ночные шорохи, запахи сырого земли и камня.

Несколько мгновений, словно проведенных в невесомости, где тело висит в пустоте не чувствуя опоры, — и я, дезориентированная и оглушенная, рухнула на влажную траву, придавленная чьим-то тяжелым телом.

В нос ударил аромат душистой хвои, грибницы и горьких ягод. Странное сочетание для кладбища...

Телепортация?.. Вот же Вернисова топка!

Я с трудом собралась и со всей силы пнула наугад того, кто на меня завалился. Раздался сдавленный ох, и я кое-как вывернулась из тесного кольца рук.

— Клэр... Клэр, да постой ты. Я это, я, успокойся...

Уже вскочив на ноги, вздрогнула и повернулась к похитителю. Сотворенный мной светоч заставил Идвина резко зажмуриться.

— Вернис тебя раздери! Идвин! Зачем ты все это сделал?!

Не чувствуя ни малейшей вины за ранее нанесенный пинок, сейчас я была готова вместо упомянутого всую бога отмщения лично разорвать некроманта на маленькие кусочки. Затем собрать, оживить, и снова разорвать.

Некромант медленно присел, зло и устало откидывая пряди сильно взлохмаченных волос:

— Прости, не было времени долго объясняться. Ты пришла на кладбище с хвостом.

— Хвост?.. — Непонимающе переспросила, а потом до меня дошло. — Хочешь сказать, кто-то следил за мной?

Инквизиция пришла по мою душу? Или это проделки вездесущего господина Корре? Теперь уже даже и не знаю, кого мне следовало опасаться больше.

— За тобой следовало двое. Оба — маги, судя по тому, что как они неплохо скрывались. Я уже почти вышел к тебе, когда смог их засечь. Нужно было уходить как можно быстрее. А объявись я в открытую, возможно, они бы решили действовать.

Я осела обратно на траву небольшого луга, на который нас перенес амулет Идвина. Вокруг теснились разлапистые старые ели, — мы явно оказались не около Эрги, под столицей не было и намека на хвойный лес.

— Куда это ты нас перенес?..

— Достаточно далеко, — дернул плечом некромант. — Название ближайшей деревушки тебе ничего не даст.

Я осмотрелась и нашла глазами неровный исписанный нечитаемыми каракулями камень, выглядывающий из травы. Остаток рунного столба, который еще может действовать, и на который, видимо, и настроил амулет некромант.

— Есть предположения, где за тобой начали следить? — спросил Идвин.

Он уже встал и полностью отряхнулся.

Я отрицательно покачала головой.

— Попрактиковаться сегодня не выйдет. Тебе лучше вернуться домой.

— Я пришла не за тем, чтобы попрактиковаться, — выдавила я. — Я хочу тебе кое-что рассказать. Это... это важно.

Идвин некоторое время о чем-то раздумывал, а затем кивнул:

— Хорошо. Но не будем здесь торчать. Иди за мной.

***

Уже не первую минуту я сосредоточенно цедила насыщенный травяной сбор, раскусывая почти безвкусные ягоды. Судя по опознанным мной ингредиентам, он предназначался для снятия головной боли и повышения общего тонуса.

После того, как я закончила описывать все свои зловония, Идвин молчал. Он не проронив ни слова после своей бурной реакции на то, что Энтон Корре, которого он также знал лично, оказался некромантом. Про совпадение почерка Корре и моего предка я решила не упоминать, уж слишком это казалось странным и сбивающим с толка. Да и, может, сходство мне лишь привиделось?..

Мы сидели прямо на полу на стопках досок из-за отсутствия стульев в давным-давно заброшенном домике, который облюбовал для своих нужд некромант. Единственный стол здесь загромождали новенькие алхимические инструменты и котел, и даже если бы некромант решил освободить его, проводить за ним чаепитие я бы все равно не рискнула.

Одноэтажный деревянный дом был таким дряхлым, что его бы не спас и капитальный ремонт, только снос и отстройка с нуля от фундамента. Не удивлюсь, если окажется, что этот домишко до сих пор окончательно не развалился лишь потому, что Идвин влил в него прилично магии.

— Клэр, — от голоса молодого человека, зазвеневшего в полной тишине, я вздрогнула. — На восточном побережье у меня есть небольшое поместье, о котором не знает даже моя жена. Ты можешь хоть этой ночью отправиться туда и оставаться там столько, сколько тебе будет нужно.

— У тебя... есть жена? — только и смогла растерянно выдавить я, порядком ошеломленная предложением, и тут же быстро уточнила, поймав недоуменный взгляд Идвина. — Просто... просто ты выглядишь достаточно молодо, далеко не все мужчины в этом возрасте женаты. И то, что ты так часто уходишь из дома по ночам...

Милостивые боги, да что за глупости я несу? Не иначе, как на почве стресса двинулась головой.

— Ну, брак мало что меняет для кого-то вроде нас. — Холодно ответил некромант, — Если, конечно, твой супруг не племянник главы Инквизиции... На твоём месте самое разумное — не возвращаться домой. Снять помолочный браслет задача не из легких, а по нему тебя сможет найти любой слугитель Брианны.

— Я тебе безмерно благодарна за заботу, но... Я не могу вот так бросить отца и мать... Неужели нет иного выхода?..

— Если после твоего пикантного появления на руках Энтон Батрисы не отказались от своей затеи, то мне сложно представить, по какой причине они решатся отступить. Главе Инквизиции явно от тебя что-то нужно, и этому браку не помешало бы даже, если бы у тебя вдруг оказалась пара-тройка внебрачных детей.

А ведь здесь было над чем подумать. При содействии так расположенного к нему государя, теоретически Батрис мог жениться на ком угодно. Возможно, даже на сестре его величества, которая была ненамного старше меня. Так почему же все-таки я?..

— Энтон говорил, что в моем роду было много некромантов... — вдруг вспомнилось мне. — И если он не соврал, то удивительно, что моих предков не вырезали еще столетие назад... Но в любом случае, глава Инквизиции не может не знать о подобном. К чему такое желание выдать племянника за ту, в чей крови могут быть отголоски силы, против которой они так рьяно борются?

Мне начало не хватать кислорода. Если о моей семье всегда было известно, не могли ли за нами все это время негласно наблюдать?

Энтон говорил, что мой род начал вырождаться еще задолго до чисток, однако темный дар смог проявиться даже во мне — единственной дочери своих родителей, наследницы последней существующей семьи из Извичей. Раз такое возможно, то самым разумным с

точки зрения Инквизиции было бы еще давно уничтожить нас. Почему они этого не сделали?.. Неужели их остановила только наша знатность и бывшее влияние?

— Если для Инквизиции ты изначально под подозрением, то дело принимает крайне странный оборот... И ты еще не решилась бежать?..

Я проигнорировала вопрос некроманта.

— Идвин, а твой род... наверняка, среди твоих предков были некроманты, но почему и его не затронули?

Молодой человек хмыкнул:

— Та фамилия, которую я ношу, не имеет ничего общего с магией смерти. Темный дар передался мне по линии, о которой не принято упоминать в приличном обществе. Моя бабушка — бастардка, пусть и принятая в семью своего знатного родителя. Это не догадки, я знаю, о чем говорю, ведь брат бабки по матери и обучил меня всему, что я знаю о некромантии... Он был отличным человеком. Из-за предельной осторожности он смог прожить долгую жизнь и отошел в мир Иной по естественным причинам без участия Инквизиции.

Я с удивлением уставилась на излишне разоткровенничавшегося Идвина. За сегодняшний вечер я узнала о нем больше, чем за все наше знакомство до этого.

Прохладная ладонь некроманта вдруг легла на мою.

— Даже не думай, просто беги, Клэр. Иначе тебя ждет смерть. Твоим родным будет легче, если ты пропадешь, а не будешь сожжена на городской площади.

Глаза резко защипало. Я словно невзначай опустила голову и постаралась дышать ровно. Нет, не сейчас. Если разревусь, еще долго не смогу взять себя в руки, а ночь и так слишком коротка.

— Раз так, то мы не можем прямо сейчас... попытаться решить мою проблему?.. Для которой нужен призрак, для которой я и пошла на это обучение... — Голос предательски задрожал.

Я вытащила из-за пазухи кожаную тетрадь и положила ее на стол.

Если моим родителям суждено сегодня навсегда потерять свою дочь, то я все равно не позволю Эвалусу довести начатое до конца. Сколько призраку придется болтаться возле управляющего, чтобы собрать компромат, предугадать невозможно, но и на большом расстоянии я смогу осуществлять задуманное. То, что удастся узнать, я анонимно отправлю отцу.

А потом... потом я смогу придумать, как вернуться домой и все наладить.

Пришлось до боли закусить губу, чтобы справиться с вновь накатившей волной острого чувства.

Идвин растерянно моргнул, будто в первые секунды вообще не понимал, о чем я говорю.

— Да, конечно, — наконец, кивнул, убирая пальцы с моей ладони. — Сейчас у тебя уже лучше выходит держать контроль над мертвыми. Если я подстрахую, может получится... У тебя есть личная вещь того человека, о котором ты говорила?

Я кивнула и потянулась к блокноту, с усилием извлекая из его корешка серебристую ручку, которую я стянула у Эвалуса, когда приходила на фабрику. Надеюсь, управляющий успел достаточно долго попользоваться ею, чтобы остатков его ауры хватило для заклятья.

В карманах с прошлых вылазок должно было остаться несколько флакончиков зелья, которое позволяет видеть призраков. Я вытащила бутылек и бегло рассмотрела его содержимое на свет. Вроде не помутнело.

— Это еще что?..

— Зелье виденья. Помогает мне видеть призраков, — пояснила я, на всякий случай встряхивая стеклянный флакон.

— А без этого ты их не видишь?.. — удивленно протянул Идвин. — С твоими то силами?..

— На протяжении всей своей жизни я никогда не различала духовные сущности. — Прямо ответила я и отвинтила крышечку, — И увидела своего первого призрака лишь под этим зельем.

Я не видела смысла в том, чтобы сейчас что-либо скрывать от Идвина.

— Занятно...

Залпом выпила содержимое бутылка и поморщилась. Алхимия уже так далеко зашла, что была способна исцелять множество ранее неизлечимых болезней, снимать проклятья, временно наделять людей самыми различными сверхъестественными способностями, и все равно мы так и не научились придавать зельям приятный вкус.

— И где поблизости можно найти призрака?.. — Быстро сделала большой глоток чая, чтобы избавиться от неприятного привкуса.

— Я покажу, — Идвин встал, мимоходом оттряхивая рукав от налипшей паутины. — Леса вдали от крупных дорог хранят немало тайн...

***

В прохладном воздухе висел терпкий запах древесной смолы, лесная подстилка из выцветших иголок мягко и непривычно пружинила под ногами. Хвоей дышалось легко, приятно.

Колкие ветви елей дрогнули, когда я в очередной раз зацепила их плащом, и обдали мелкими холодными брызгами, оставшимися после небольшого дождя, успевшего пройти, пока мы с некромантом разговаривали в его убежище.

Мы шли меж соснами и елями не меньше получаса, когда за густыми зарослями лес резко расступился, и я потрясенно замерла.

Лунные свет мягко подсвечивал сероватые развалины когда-то просторного и монументального храма, которого здесь я никак не ожидала увидеть. Балансирующий в воздухе светоч Идвина кидал мечущиеся тени на камень, словно оживляя давно заброшенное место.

Знак бога крови Верниса, опрокинутый полумесяц, словно перечеркнутый тонкой линией, располагался прямо над аркой, где когда-то были двухстворчатые деревянные двери входа, и намекал на то, что этот божий дом принадлежал далеко не людям, никогда не использовавших именно этот символ.

Святылище вампиров, покинутое во время тысячелетней войны?..

От одних мыслей об этом колени начинали ходить ходуном.

Большая часть храма оказалась разрушена. Полностью обвалились две наружных стены, демонстрируя внутренние арки и простой каменный алтарь, рухнули изящные своды, опаленные чем-то черным. Витражи были выбиты, а те что остались — словно выцвели, и лишь отсветы лилового и зеленого давали приблизительное представление о том, как они когда-то могли выглядеть.

Вокруг развалин едва заметно угадывались остовы деревянных строений, обнажившихся на сырой земле по весне. По праву руку от нас выглядывала полуразвалившаяся выложенная мелким камнем наземная часть колодца.

— Здесь опасно. Не отходи от меня далеко.

Некромант мог бы мне этого и не говорить — я прекрасно чувствовала угрозу, разлитую в здешнем воздухе. Если бы не банальная гордость, я бы вцепилась в локоть Идвина и даже не думала бы его отпускать.

— Я считала, что вампир не может стать духом после смерти, — тихо призналась я, оглядываясь. — Ведь для этого, как минимум, необходимо иметь душу.

— Аккуратнее в этом месте со словами, Клэр! — Резко побелел Идвин. — И что за глупости? Душа у всех разумных существ одинакова, и вампиры не исключение...

Прежде чем я успела ответить, прямо в воздухе перед нами медленно соткалась тонкая женская фигура.

Белые, словно седые волосы, серое платье на худом, изможденном теле. Большие миндалевидные глаза, радужка на которых была настолько черна, что сливалась со зрачком. Пляшущие тени на стенах отчетливо выделялись сквозь светящуюся голубовато-белым призрачную плоть.

— Кажется, я уже говорила тебе не ошиваться в нашем храме, некромант, — проговорила призрак низким голосом с легкой хрипотцой.

Я все-таки схватилась за локоть Идвина, тесно прижимаясь к молодому человеку.

Хвала богам, что я не могу видеть ничего подобного без применения специального зелья...

— Моя почтенье, госпожа Анрелль, — непринужденно наклонил голову мой спутник. —

Но на это раз я потревожил ваш покой исключительно по делу.

Белое чуть вытянутое лицо госпожи Анрелль, казалось, абсолютно ничего не выражало. Ветра не было, но густые длинные волосы когда-то давно умершей женщины слегка шевелились, словно она смотрела на нас сквозь толщу воды.

От нее физически тянуло холодом, как будто рядом положили огромный кусок льда.

Перебарывая страх, я с интересом разглядывала призрака, пытаюсь понять, была ли эта женщина при жизни вампиром, но у призраков не было ауры, по которой можно было отличить человека от нелюдя.

— Мы с моей спутницей хотим предложить сделку, — заявил некромант.

Я заставила себя кивнуть.

Идвин отчего-то не посчитал нужным даже предупредить меня о том, что мы будем не пленять духов, а за чем-то с ними договариваться. В записной книге моего предка ничего не значилось про переговоры с призрачной братией, и до сего момента я и понятия не имела, что с призраками можно вести вполне осмысленный разговор, и уж тем более не планировала им что-то предлагать.

— Что тебе нужно? — чуть наклонила голову Анрелль. Ни один мускул на ее лице не дрогнул.

Было совершенно непонятно, злиться она, или же ей интересно, что может предложить некромант.

— Позволь взять кого-то из твоих слуг. Взамен мы принесем кровавую дань Вернису в вашем храме.

Сдержат свое изумление я более не могла. Кровавую дань? Что вообще здесь происходит?..

Призрак вдруг улыбнулась, впервые за все время выдавая хоть какую-то эмоцию.

— Если вам вдруг хватит силенок кого-то здесь подчинить, пролив взамен кровь на нашем алтаре, препятствовать не стану. При условии, что после выполнения возложенной на него миссии дух вернется сюда. Но, — Ее улыбка вдруг стала опасным оскалом с тонкими белыми вытянутыми зубами, — если ты, мальчишка, вдруг попробуешь вероломно отправить эту душу в мир Иной, то ты и твоя смазливая подружка присоединитесь к нам...

Лицо призрака в мгновение оказалось всего в ладони от нас, и я едва не вскрикнула.

— Мы принадлежим Вернису, людиш-шки...

Слова, сказанные шепотом, осязаемой болью впились в барабанные перепонки. Тело духа прошло рябью и истаяло легкой дымкой.

— Ч-что это было?.. — Выдавила я.

В заледеневшем воздухе дыхание вырвалось облачком пара.

— Госпожа Анрелль невероятно мила для банши, не правда ли?.. — Словно через силу улыбнулся некромант.

Банши?.. Что ж, значит, я одна из тех немногих, кому довелось как повстречать одного из самых сильных призраков в этом мире, так и пережить эту встречу.

— Действительно очень мила, — поспешно кивнула я.

Было удивительно, что Идвин так легко сюда меня привел и пошел на контакт с этим существом. А страх перед призрачной женщиной, от которой буквально стыла кровь в жилах, более чем обоснован.

В древних рулевских легендах крик банши всегда предвещал скорую смерть. И, увы,

основной причиной смерти несчастного заблудшего путника оказывалась сама же банши.

Убийство криком, — еще малое, на что этот дух способен. Куда более пугало его умение вытягивать и поглощать душу живых, не прикладывая для это особых усилий.

В банши после смерти могла воплотиться только женщина с сильными магическими способностями, чаще всего, уже в годах, волевая, с повышенным чувством долга. После смерти у подобных ей оставалось важное дело, некая миссия, ради которой эти сущности сознательно не уходили в мир Иной.

— Она, наверное, была жрицей этого храма?.. — Спросила я, украдкой оглядываясь на развалины.

Ощущение нависшей угрозы ушло, но по позвоночнику гулял холодок, словно кто-то пристально смотрел в спину.

— Думаю, что-то вроде того. В любом случае, сейчас она полноправная хозяйка этих мест.

— Вы же с ней уже знакомы?..

— Случайно вышло. — Судя по лицу некроманта, эти воспоминания вызывали у него противоречивые чувства. — Когда забрел сюда впервые, госпожа Анрелль, поняв, что я не мародер, милостиво оставила мне жизнь, хотя мы и знатно повздорили... Главное, чтобы она и дальше не изменила свое решение... Пошли, теперь нам нужен алтарь.

Точно, кровавая дань. Эта часть сделки с банши особенно не пришлась мне по вкусу.

Некромант устремился вперед, по остаткам лестницы в храм, и не оставалось ничего иного, как последовать за ним.

Светоч озарил блестящие черные колонны с вырезанными угловатыми узорами. Я остановилась и с удивлением коснулась гладкой полупрозрачной поверхности. Дымчатый обсидиан?.. Определенно, когда-то это место было не просто храмом при вампирском поселении.

Внутри здание оказалось просторнее, чем я могла подумать. Мы прошли вытянутый длинный зал, засыпанный крошкой, камнями и мусором, лежащим на дорогой мраморной плитке, и приблизились к серому вытянутому алтарному камню с едва различимыми венами кровостоков.

Судя по тому, что Идвин хотел помочь мне, и явно не ценой собственной жизни, и что с нами не было никого на роль невинной жертвы, все же, кровавой данью должна быть стать лишь пролитая кровь, а не умерщвление живого существа.

Значит, придется себе что-то резать. Кровь из пальца для бога отмщения — несерьезно, а вот ладонь должна сойти...

Прежде чем я озвучила свои мысли вслух, Идвин, не оглядываясь, достал тонкий стилет и молча резанул себе по запястью.

Я охнула, прижимая ладонь ко рту, а затем, едва оцепенение спало, кинулась искать свой носовой платок, чтобы остановить кровотечение.

В полутьме кровь казалась почти черной. Ее капли кляксами расползались по пыльной поверхности алтаря, тяжело падали на плитку. И так бледные скулы некроманта словно мазнули белой краской, а губы сжались в тонкую полоску.

Наконец, дрожащие пальцы нащупали аккуратно сложенную ткань. Я достала платок и с громким треском порвала на широкие полосы.

Идвин на удивление смиренно дал перебинтовать платком свою руку. Пока я пыталась как можно быстрее и при этом тщательнее завязать ткань, взгляд зацепился за пару застарелых шрамов на тыльной стороне ладони некроманта. У меня было что-то похожее, правда, отбеленное, и потому незаметное.

Мои шрамы — это ожоги после неудачных алхимических опытов еще в детстве.

— Я бы сама, ты-то зачем... — растерянно пробормотала, завязывая тонкие хвостики импровизированного бинта.

Идвин упорно не смотрел мне в глаза. Изорванный платок медленно темнел.

— Надеюсь, кровь сейчас остановится. Идвин... дух нужен мне, и кровь должна была бы быть моя...

— Все нормально, не волнуйся. Немало ритуалов завязано на крови, и поэтому мне не впервой резать себе руки, — Пояснил некромант и через силу улыбнулся. — К тому же, столь худые бледные барышни как ты обычно чувствительны к кровопотерям, а нам еще призрака пленять, забыла?..

— ...Спасибо тебе... за все, — сказала я и слабо улыбнулась некроманту в ответ.

Тот, словно бы ощущая крайнюю неловкость, прижал пораненную руку к груди, оглянулся и уже деловым тоном проговорил:

— Итак, кровавая дань принесена. Теперь нам осталось выбрать призрака.

— Выбрать? Пока, кроме госпожи Анрелль, мы не встретили здесь еще ни одного духа, — во мне зашевелилось беспокойство.

— Ты... правда их не видишь даже под зельем?.. — отчего-то очень тихо спросил некромант.

— Не вижу кого?..

Идвин подошел ко мне ближе, и, тронув за плечи, мягко развернул лицом к пустующему залу, заваленному обломками да сором. Я с недоумением посмотрела на некроманта, чувствуя, как легкий безотчетный страх тонкими ниточками-щупальцами окутывает мое тело.

— Они застыли на самой грани этого мира. Посмотри на них моими глазами.

Он медленно нагнулся, пачкая пальцы в своей же крови.

Полыхнула зеленоватым вязь незнакомого заклинанья. Кровь посерела, и тут же без всякого ветра разлетелась на пепелинки, собравшиеся в подвижное едва различимое облако.

Не ожидая подвоха, я сделала очередной вдох, и пепел змейкой втянулся в ноздри. Я запоздала взмахнула рукой. На языке загорчил привкус жженого, глаза защипало, а горло засадило. Я судорожно хлюпнула носом, вытирая проступившие слезы, про себя костеря некроманта, который не привык предупреждать меня заранее о чем-либо. И подняла глаза.

Зал был полон.

Едва различимые призрачные фигуры, игнорируя обломки, рядами застыли перед алтарем на коленях в своем вечном молебне. Мужчины и женщины, молодые и старые, в мешковатых и простых или дорогих и модных на старинный манер одеяниях. Не было только маленьких детей, но вампиры не способны к зачатию, а обращение детей до их созревания во все века широко порицалось.

Духи сидели с отрешенными лицами, закрытыми глазами и сложенными ладонями, полностью игнорируя присутствие посторонних.

Я, от шока даже не пытаюсь сдержаться, тихо выругалась тем ругательством, знать которое не к лицу женщине любого сословия.

Вернис побери, убрать их прозрачность, — и они выглядят как самые обычные люди. Все они встретили свою смерть прямо здесь, во время службы? Костей в храме нет, но их и не остается после смерти вампиров, а пепел легко разносится ветром и вымывается дождем.

— Почему мы пришли именно сюда? — вырвалось у меня.

Я догадывалась, что места смертей часто способны производить тягостное впечатление, но то что я видела перед собой, было уже за некой гранью.

— Я знал, что мы найдем здесь то, что ищем. Времени оставалось слишком мало, чтобы рассматривать иные варианты. Клэр, ты же помнишь, что нужно делать для укрощения призрака?..

Коротко кивнула, усилием воли заставляя себя вспомнить, ради чего и кого все это делаю. Обвела глазами заполненный зал.

Наконец, вздохнула и шагнула к призрачной женщине, которая волей случая оказалась ко мне ближе всего. Прислушалась к собственным ощущениям и взмахнула рукой, разминая пальцы.

Надеюсь, кровавую дань приняли.

Фиолетовые узоры вспыхнули в воздухе, и потянулись до выбранного мной призрака. Ресницы короткостриженной молодой женщины дрогнули, и она распахнула большие глаза, обрамленные белыми ресницами. Легкий ток адреналина промчался по телу, — я ждала, что дух непременно поведет себя подобно той девочки на кладбище.

Но черты призрака остались прежними. Она медленно поднялась, по старой и уже ненужной привычке отряхивая юбку. Ее глаза пристально вперились в мои, и я ощутила, как поток силы натолкнулся на некое препятствие, Фиолетовые нити в воздухе замерли и мелко задрожали.

В глубине души мне не хотелось этого. Тревожить мертвых после всего того, что я за последнее время смогла почувствовать и узнать, еще больше казалось чем-то неправильным. Все мы после смерти заслужили покой, а не болезненное существование привязанной к предсмертным чувствам заблудшей души. Как же подло...

Призрак шагнула вперед, и под ее ртом залегла упрямая и высокомерная складка. Идвин стоял совсем близко, и я, даже не смотря на него, ощутила, как он напрягся.

Еще один шаг духа ко мне на встречу, и весь зал разом распахнул глаза. Резко стало холоднее.

В воздухе замерцал магический щит некроманта, ограждающий нас. Вязь заклатья задрожала с утроенной силой, и я с трудом удерживала трепещущую нить силы, которая вот-вот должна была порваться.

«Помоги мне, — одними губами в отчаянии прошептала я. — Пожалуйста, прошу...»

Женщина чуть наклонила голову, и в ее глазах мелькнуло недоумение.

Ни на что не рассчитывая и не задумываясь о том, как именно это делаю, я послала духу обрывки образов, смешавшихся с моим страхом за родителей и их будущее.

Мое исчезновение станет для отца и матери сильным ударом, а разорение и потеря «Светоча» — последней каплей, которая их добьет. Правда, разве призрака нечеловека сможет это как-то тронуть или заинтересовать?.. Способны ли духи на сопереживание или они лишь остатки того, что когда-то было их личностью?

Неожиданно выражение лица призрака смягчилось. Она опустила глаза, и незримая преграда, не дающая мне подчинить ее, вдруг исчезла.

Лиловая спираль закрутилась вокруг призрачной фигуры, играя неощутимым для живых ветром со складками на ее платье.

Я взглянула на зал, и облегченно выдохнула. Призраки вокруг нас закрыли глаза и вновь погрузились в молитву, словно бы ничего не произошло. Повлияло ли на это то, что дух позволила пленить себя сама?.. Я сглотнула и решила об этом не думать.

Призрак женщины недвижно стоял передо мной.

Как это было со скелетами, я чувствовала, как в ней пульсирует моя сила. Разница была в том, что без моего желания пустой скелет не мог и пошевелить и фалангой, будучи лишь пустым сосудом, а здесь по призрачной плоти в то же время циркулировал упругий поток чужой воли. Я не могла управлять этой женщиной как куклой в прямом смысле этого слова, но моя власть была несколько иной.

— Молодец, Клэр. — Голос некроманта чуть дрожал.

Я вытащила из-за пазухи блокнот и извлекла из корешка серебристую ручку. Провела над ней рукой, и остатки ауры Эвалуса замерцали разноцветной пылью.

— Этого должно хватить с лихвой, — оценивающе произнес Идвин. Он протянул руку и пылинки собрались в небольшой висящий в воздухе сгусток.

Некромант щелкнул пальцами, и переливающийся шарик поплыл к плененному призраку. Едва он коснулся духа, то тут же растворился в призрачной плоти.

По тонкой, связывающей нас невидимой нити, я ощутила вспыхнувший интерес давно умершей женщины. Она, пусть даже и не шелохнулась, но споро разбирала на мелкие составляющие только что полученную энергию. Результат разбора ей не сильно пришелся по вкусу, и симпатичное лицо исказило легкое отвращение.

Я улыбнулась, будучи солидарной с мнением своей пленницы.

— И что мне теперь делать? — тихо спросила я.

— Просто прикажи ей выполнить то, что тебе нужно. — Пожал плечами некромант с таким видом, словно я спросила какую-то ерунду.

Замешкалась, неуютно ощущая себя в новой роли госпожи для духа. Все же, это не Вайну в лавку посылать.

— Этот человек... Он проворачивает какие-то грязные дела за спиной моего отца, — Сумбур в голове очень медленно формировался в связную мысль. — Я хочу, чтобы ты некоторое время побыла рядом с ним и выяснила, что он задумал. Мне интересно все, чем он занимается.

Призрак кивнул.

— Будет выполнено, — ее голос был мягок и приятен.

И истаяла, оставляя ощущение легкой прохлады на коже. Я продолжала чувствовать духа, как прозрачная оболочка его эфемерного тела быстро отдалается от этого места, ведомая остатками ауры Эвалуса.

— Что, и все? — потянула я, — Так просто?

— Пока что да. Но чем дольше она будет у тебя под контролем, тем сложнее станет удерживать связь...

Некромант говорил дальше, но я уже не могла его слушать.

Накатил необоснованный ужас. Я громко выдохнула, прижимая ладонь к груди, где бешено забилось сердце. Шаг назад, — и едва не осела на алтарь, пачкая штаны в крови и пыли.

Я смутно чувствовала, как Идвин помогает мне встать. Легко бьет по щекам, пытаюсь привести в чувство, отряхивает налипшую на одежду грязь.

— Что происходит? — с трудом проговорила я непослушным языком.

Призрак явилась легким сквозняком. Ее силуэт поначалу вырисовывался молочным облачком, на котором медленно проступили очертания фигуры, одежды, и лишь затем оформилось лицо.

— Прошу прощение, повелительница, но я не могу выполнить это поручение.

Ее губы отчего-то дрожали. Глаза переполнял... страх?

Так это ее чувства я испытала? И это при том, что, наученная Идвином, по привычке поставила все требуемые блоки, которые должны оберегать меня от влияний извне.

— Как это понимать? — тихо и угрожающе спросил некромант.

— Я... просто не могу. Над этим человеком уже довлеет другой дух. Из подселенцев. Так долго, что душа живого почти срослась с мертвым.

От удивления я смогла только раскрыть рот, не в силах что-либо сказать.

— Подселенец? Знаешь конкретно, что за дух?.. — медленно спросил Идвин.

— Это хорогг. Достаточно старый, чтобы представлять для кого-то вроде меня серьезную опасность. Немилостивому Вернису, да будет кровью и мечом запечатлено имя его, было угодно, чтобы хорогг не успел заметить его слугу... Вас опередили и давно. Кто-то, используя духа, уже долгое время внушает этому человеку нужные мысли и постепенно меняет его личность... Хорогг и смертный начали срастаться друг с другом. Жертва оказалась слишком слабовольна, чтобы с ним бороться.

— Хорогг? Это еще кто? — спросила я, смотря на серьезное лицо Идвина.

— Пренеприятные духи, которые и при жизни умели доставить другим людям достаточно неприятностей, — размыто ответил тот и тяжело вздохнул, странно на меня посмотрев. — Клэр... хорогги в природе редкость, сами подсосаться к человеку они не способны, а подселить его может лишь опытный некромант. Убрать его крайне сложно, а без ведома того, кто это сделал — невозможно.

Я медленно осела обратно в пыль, опираясь спиной на гранитный алтарь. В голове в змеиный клубок свились пугающие мысли, и чем дольше я размышляла, тем сильнее ужас сжимал сердце.

— Нужно проверить еще одного человека, — тихо сказала я. — Его личной вещи у меня с собой нет, но, думаю... будет достаточно моей крови. Я... я хочу, чтобы ты взглянула на моего отца.

Идвин протянул мне стилет вперед рукоятью. Стоило провести по его тонкой грани пальцем, как лезвие окрасилось алым.

Кровь, текущая во мне от родителя, содержала в себе насыщенный концентрат энергии, окрашенный в ярко-красный. Призрак поглотил его в виде пульсирующего шарика и снова исчез.

Я молча сунула пораненный палец в рот. Идвин сел рядом. Он явно не имел ни малейшего понятия, что нужно говорить в подобных случаях.

Призрак вернулась быстрее, чем в прошлый раз. Я уставилась на нее, не в силах задать свой вопрос вслух, но уже знала ответ.

Призрачная женщина молча кивнула, подтверждая мою догадку, и на ее лице мелькнуло сочувствие.

***

— Твой отец куда в лучшем положении, чем... Эвалус. — Голос Идвина был тих, но мне казалось, что стены старого храма многократно усиливают его. — Видимо, тот, кто все это сделал, не смог должным образом повлиять на твоего отца, раз решил воздействовать на ваше предприятие через управляющего.

— Ты разве не понимаешь?! Эта тварь сидит на нем. Ее надо немедленно вырвать с корнем!.. Я сотру с лица земли того, кто посмел это сотворить, кем бы не был этот сукин сын!

Я давно не контролировала себя. Стоило мне отпустить призрака, которая вновь вернулась к молитве кровавому богу, как я окончательно перестала держать себя в руках.

— Клэр, сначала нужно понять, кто это сделал, а для этого требуется время. И...

— Прежде всего нужно снять эту тварь с отца! Может, странное увлечение играми за последнее время и его отношение к тому, что сейчас творится на предприятии, просто результат пагубного воздействия этой мерзости. Сколько он еще сможет продержаться? Что он успеет натворить? Заложит родовое поместье?! Продаст украшения матери?! ...

Голос сорвался на крик. Я ходила кругами, давно игнорируя присутствие пары сотен духов.

Долго так продолжаться не могло.

Некромант молча взял меня за руку и потянул к выходу. Я хотела отдернуть ладонь, но сквозь пелену бессильной ярости вдруг поняла, что нам действительно стоит уйти.

Пока хозяйка этих владений сама не решит указать на дверь.

Но несколько мгновений вынужденного молчания лишь разожгли яростное пламя внутри.

— Узнать кто это сделал, говоришь, — продолжила я, едва мы оказались за пределами стен храма. — Ты и я прекрасно знаем, кто именно это мог сделать! Энтон Корре, кто же еще! Ему от моей семьи что-то нужно, он так и вьется вокруг нас, всяческими способами пытаюсь достичь своей цели...

Идвин резко повернул меня к себе, тем самым прерывая поток моих излияний. Я натолкнулась на взгляд темно-зеленых, с изумрудным отливом из-за игр светоча глаз. Внимательных, обеспокоенных и ... злых?

Повисла тишина.

Я опустила глаза и вдруг увидела, как пожухла и почернела трава под моими ногами. Ближайшая ель ссохлась и страшно скрючилась, ее пожелтевшие иголки медленно осыпались, обдавая землю колючим дождем.

Моя сила вновь просочилась, едва я перестала сохранять самообладание.

— Клэр, что бы не случилось, — прохладная ладонь Идвина коснулась моего лица, очерчивая скулу, и я в смутении почувствовала, как едкое темное нечто в груди дрогнуло и отступило. — Запомни раз и навсегда, — ты никогда не должна терять контроль. Наша сила способна принести смерть. У таких как мы нет право на истерики.

Как будто окатили ледяной водой.

Я растерянно моргнула и кивнула, закусив пересохшие губы.

— Твоя семья интересна некому некроманту... Корре это или нет, покажет время. В любом случае, чтобы не выдать себя, мы не можем прямо сейчас убрать подселенца... — Идвин упрямо сжал челюсть, когда я бросила на него испепеляющий взгляд. — Клэр, если это сделать, то мы не узнаем заранее, кто именно твой враг, а он, тем временем, нанесет следующий удар.

— Но если придется каким-либо образом выслеживать некроманта по его подселенцу, то значит, что мне этой ночью надо вернуться домой?..

Молодой человек застыл, размышляя. Затем медленно проговорил:

— Получить доступ к хороггу легче всего будет именно тебе. Едва ты исчезнешь, начнется паника, поиски... Не лучшие сопутствующие факторы. Но, Клэр, знай, что это чистой воды самоубийство. Ведь ты же отдаешь себе отчет, чем грозит тебе грядущий брак?..

Я криво ухмыльнулась:

— Буду решать проблемы по мере их поступления. Как найдем зачинщика всех несчастий моей семьи, я что-нибудь придумаю.

...По лесу мы шли молча. Я остро ощущала неловкость, которая гибкой змеей скользнула между мной и некромантом. Что бы именно Идвин не сделал, он каким-то образом подавил мои прорвавшиеся силы, и это оказалось даже более... интимным, чем если бы он вытворил что-то в духе господина Энтона. И я хотела как можно скорее оказаться подальше от этого места, воспользовавшись амулетом. Но требовалось забрать Опал, а для этого нужно вернуться к порталному камню.

Мы проходили мимо дома, который присвоил себе Идвин, когда некромант оглянулся на кривоватую крышу, и на его лице мелькнуло озабоченное выражение.

— Что-то случилось? — спросила я.

— Нет... показалось, наверное...

Через мгновение он замер, неестественно приподняв ногу. Краем глаза я увидела легкое свечение рассеивающегося в воздухе знака со стороны лесной чащи, развернулась к нему, и все мышцы разом заостенели.

Мимо изящной стрелой проскользнуло тонкое женское тело, соскочившее прямо с крыши. Знакомые распущенные рыжие волосы, вьющиеся мелкими кудрями, огромные глаза, бледная веснушчатая кожа. На приземлившемся на подушку из еловых иголок драугре была мужская алая рубашка и серый щегольской камзол. Длинными пальчиками с нанизанными кольцами девушка придерживала шляпу с широкими полями, норовившую соскользнуть с головы.

Каким-то образом аура мертвой красавицы сейчас была практически не отличима от любой другой ауры обычного человека. Девушка поймала мой взгляд не онемевших от заклятья глаз, и ее лицо вдруг в удивлении вытянулось.

— Милорд... — пробормотала она

Из-под деревьев шагнула мужская фигура, и я узнала Энтон Корре. Сзади него маячил еще один мужчина, полностью одетый во все черное. Угловатое лицо белело из-под широкого капюшона, тонкие губы были поджаты.

— Милорд... — неуверенно повторила драугр. Она выглядела так, словно ей с размаху ударили по голове.

— Позже, — отрезал Энтон, даже не взглянув на девушку.

Судя по его прищуренному взгляду, сейчас его интересовала только я. И в некоторой степени Идвин, на которого Корре посмотрел мельком, но с нескрываемой холодной враждебностью.

— Превосходная ночь для очередной лесной прогулки, не так ли? — на губах Корре засияла улыбка, но глаза оставались недвижны. — Прошу прощение за не самую теплую встречу, но когда на кого-то набредаешь по темноте, могут случиться всяческие недопонимания и неловкости. А этот лес слишком хорош, чтобы лишний раз портить его гнилью. Не волнуйтесь, сейчас, когда мы прекрасно рассмотрели друг друга, не вижу

причин вас удерживать. Только... без глупостей.

Последнее он адресовал Идвину, — вряд ли Корре мог принимать меня за серьезного соперника.

В воздухе рассыпались искры, и по телу словно прошлись миллиардами иголок. Я покачнулась, но не рухнула, судорожно растирая резко занывшее от неудобной позы плечо.

Идвин шагнул ко мне, и в воздухе вокруг нас едва не заискрило от напряжения. Корре не стирал с лица улыбку, но через мгновение дышать стало еще тяжелее.

— Спокойнее, — вежливо проговорил мужчина в черном, продемонстрировав парочку гнилых зубов. Такие легко вылечит самый посредственный лекарь, но, видимо, незнакомец плевать хотел на подобные условности.

— Так это вы были сегодня на кладбище? — слегка осипшим голосом спросила я.

От неожиданности происходящего весь мой пыл, вся моя ненависть к Корре мигом потухла и сменилась на животный страх.

Страх загнанной мышки перед большим раскормленным котом, который от скуки решил насладиться славной игрой перед трапезой.

— Я присоединился к своим... спутникам лишь недавно. Но да, это были мои люди. Ты так внезапно покинула дом, что на фоне всех происходящих событий я уже начал за тебя волноваться. — Участливые интонации Корре после всего, что я узнала, казались неприкрытой издевкой.

Факт слежки за мной не мог меня сильно удивить. Оставалось только надеяться, что Корре хотя бы не имеет полный доступ в мое поместье.

— И что же вам от меня надо? — я пыталась сохранить лицо, и приложила все усилия, чтобы так явно не таращиться на рыжеволосую мертвячку.

Но каждый раз глаза, словно сами собой, вновь находили ее, а внутри что-то с ужасом ухало вниз.

Мерзкое создание определенно узнало меня. И оно было в курсе, что его тайна для меня таковой не является, и что это полностью дискредитировало господина рыжеволосой девицы.

Словно других поводов для этого было мало.

— Что мне от тебя надо?.. Оказать посильную помощь, конечно же, — Энтон оскорбленно вскинул брови.

— Благодарю вас за ваше волнение, но, право, не стоило прилагать столько усилий, чтобы найти меня. Помощь от вас, господин Корре, сейчас не требуется.

— Безусловно, у тебя есть и другие друзья, — качнул головой мужчина, кивнув на Идвина, вокруг которого изредка вспыхивала зелень просачивающейся магии, готовой выплеснуться прочь. — Но, боюсь, ты ввязалась в игру с теми силами, которые способны мимоходом уничтожить вас обоих без каких-то особых усилий.

— Милорд, — вдруг звонко проговорила драугр, делая шаг вперед. — Прощу меня простить, но я должна сказать.

Энтон вздрогнул и с нарастающим раздражением оглянулся на свою подчиненную.

— Что тебе, Галлея?

— Эта молодая особа — не та, за кого себя выдает. — Звонко известила мертвячка, кивая на меня. — Эта девушка — тот самый драугр, которого я нашла возле свеженького трупа на кладбище. Это она и этот некромант тогда ранили меня.

Я почувствовала, как моя челюсть стремится куда-то вниз, к самой земле. Боги

немилосердные, что за чушь?.. Что за безумную игру завела эта сумасшедшая нежить?..

Энтон некоторое время с выражением искреннего изумления смотрел на свою подчиненную и, наконец, в повисшей тягостной тишине громко расхохотался.

— В отличие от тебя, моя дорогая, Кларисса живет всех живых, уж поверь, Галлея. С чего ты вообще это взяла? Или она что, прямо при тебе пожирала того несчастного бедолагу?..

— Нет. Не пожирала. Но она была рядом с трупом, когда я пришла на кладбище. И ее аура... у человека юного возраста без серьезных заболеваний не бывает столь слабой ауры.

О чем это она?..

В голове тут же всплыло приблизительное количество тоников, которыми мне пришлось воспользоваться, чтобы оставаться на ногах из-за множества бессонных ночей. Да, в таком состоянии аура действительно слабеет, и может выдавать своего владельца за изнуренного, даже больного человека.

Или... драугра?..

— После бала не прошло достаточно времени, чтобы сделать из живого полноценную высшую нежить. Ты ошибаешься. Кларисса не причастна к тем убийствам. И благодари богов, что ты не нанесла ей никакого серьезного вреда, — глаза Корре сузились. — С тобой, Галлея, мы еще вернемся к этому вопросу.

— Кто же вы такие? — тихо спросил Идвин.

Он не менял напряженной сосредоточенной позы с того самого момента, как нас освободили от онемения. Казалось, он был готов нанести удар в любой момент.

— Мы представители той организации, о которой здесь не принято упоминать в приличном обществе, — охотно откликнулся Энтон, словно не замечая настроения молодого некроманта.

— И это ваша организация виновата в том, что на улицах Эрги происходят кровавые убийства? — вырвалось у меня. — Зачем вам все это?

— Нет, Кларисса, мы здесь, напротив, чтобы разобраться, кто вздумал так бездумно порочить честь некромантов. В Объединенных республиках подобные нам спокойно живут лишь потому, что умеют держаться достойно. Даже драурги имеют возможность существовать бок о бок с людьми, если не пытаются разжиться их плотью, однако... Слухи об убийствах быстро докатились до республик, всегда внимательно следящих за соседями, и население начинает волноваться. Сообщество вольных некромантов не могло пройти мимо, и нас с моими... коллегами отправили разобраться что к чему и устранить убийцу, а также тех, кто за ним стоит. Но не стоит так попусту трепать языками в небезопасном месте. Предлагаю продолжить нашу беседу в более комфортных условиях, и приглашаю вас в наше небольшое логово. Галлея, будь добра, организуй портал для всей нашей большой компании, порталные амулеты ненадежны при переносе такого количества людей.

— Вы собираетесь привести к нам еще и мальчишку?.. — возмутилась мертвячка, кивая на Идвина. — Как вы можете ему доверять?..

— А с чего вы вообще взяли, что мы собираемся воспользоваться вашим предложением отправиться с вами непонятно куда? — тут же отреагировал тот. Похоже, он не поверил ни одному слову господина Корре.

— Нужно быть дружелюбнее, Галлея. Рано или поздно и в Рулеви маги смерти выйдут из тени, но если мы будем избавляться от каждого некроманта только потому, что он оказался не в то время и не в том месте, мы изрядно проредим и так небольшую группу носителей темного дара. И еще — это не предложение. А... крайне настоятельная рекомендация.

Соратник Энтон в плаще сделал шаг вперед, и вокруг меня и Идвина сгустились

черные тени, беря в узкое кольцо.

Галлея, обнажив руки по локоть, повела ими в воздухе, творя заклинание. Ноющий отзвук прошелся по телу, — некромантка с легкостью проделывала брешь в пространстве, что для большинства магов являлось непосильной задачей.

Лиловые искры заиграли на ветру, и среди деревьев материализовалась дрожащая плоскость портала.

— Прощу, — ледяным голосом проговорил мужчина в плаще, и тени потянули вперед.

Вырваться из их хватки у нас не было сил.

***

Густой аромат цветущих роз. Неожиданное для этого времени года тепло позднего лета, когда жара уже спала, а земля приятно растомилась. Приглушенный свет небольших фонарей после перемещения в пространстве резанул по глазам.

Мы стояли на широкой, едва различимой дорожке запущенного сада, которому требовалась твердая рука опытного и ничего не боявшегося садовника.

Шикарные розовые кусты с огромными кроваво-красными цветами так густо разрослись, что из-под них не было видно и клочка земли. Когда-то помпезные статуи потеряли лоск, и ныне их обвивали дикие сорные вьюнки. Где-то в листве широко раскинувшихся ветвей деревьев мелькали затухающие зеленоватые огоньки, признаки присутствия постепенно исчезающей магии жизни.

Во всем сквозило запустение, пренебрежение к некогда царившей здесь роскоши.

— Прошлый хозяин увлекался разведением роз. Он заплатил астрономическую сумму друидами, чтобы те удерживали в его прекрасном саду лето. Прошло несколько десятков лет, когда-то жившая здесь семья разорилась и съехала, сад полностью зарос, а магия, круглый год питающая эти растения, до сих пор держится, — пояснил Энтон, поймав мой вопросительный взгляд.

— Что тебе нужно? Ты же притащил нас сюда не для того, чтобы устраивать дурацкие экскурсии, — устало и зло процедил Идвин.

Размытые темные пятна, клоками зависшие в воздухе, до сих пор сдерживали нас, оплетая со всех сторон.

Судя по ощущениям, эта сила человека в капюшоне имела отношение к темному дару некромантов. Те же нотки мертвенной энергии, тот же холодок. Но при этом, каким-то удивительным образом, она мешалась в одно с магией теней, настолько редким даром, что о нем почти ничего не известно.

Драугр и некромант, имеющий власть над тенями... Отличную собрали команду, господин Энтон Корре.

— ...Именно из-за этого вашего настроения, молодой человек, и приходится применять силу, — добавив в тон звенящую укоризну, пожал плечами Энтон. — Но я, кажется, знаю, как могу хоть немного, но развеять ваше недоверие. Вам стоит кое-что увидеть.

Мы с Идвином переглянулись.

Я постаралась незаметно для остальных как можно более ободряюще ему кивнуть, на мгновение скосив глаза на Энтон. В конце концов, вина на наше пребывание здесь полностью лежала на мне. Я нужна Корре. Если понадобится, я воспользуюсь этим...

Ответную гримасу Идвина я не смогла расшифровать, но ясно было одно — он протестовал.

Нас повели сквозь сад.

От некоторых розовых кустов шел сладковатый запах начавшегося разложения. Я задела платьем два цветка, и их головки опали, разлетаясь на бордовые лепестки, осыпавшие сапоги. На месте утраченного венчика прямо на глазах завязался свежий бутон.

Жизнь и смерть в этом месте вели вялый затянувшийся конфликт. Идеальное укрытие, чтобы спокойно совершать некромантские обряды, — все равно никто не заметит всплесков некромагии из-за ворожбы друидов, которая достаточно ослабла, чтобы не мешать нашему дару, но которая способна служить щитом от любопытных.

Дом вырос перед нами неожиданно, ранее теряясь в зарослях деревьев. Его когда-то красивый фасад облез, парадный вход оказался заколочен досками. Энтон прошел мимо него, сворачивая к ступенькам, ведущим к подвалу.

Массивная оббитая железом дверь открылась удивительно тихо. Представший перед нами коридор освещался тусклыми магическими светильниками, дающими зеленоватый свет. Энтон шагнул внутрь первым, за ним устремилась рыжеволосая мертвячка, кидающая на меня косые неприязненные взгляды, а маг в капюшоне остался у нас за спиной.

Я категорически не хотела идти вперед, но тени, словно на аркане, заставили переступить ноги. Судя по ухмылке хозяина теней сзади, которую я успела поймать, на мгновение обернувшись, ему подобное кукловодство доставляло особое удовольствие.

В подвале пахло сыростью и плесенью.

Коридор тянулся куда дальше, чем можно было предположить, что давало повод задуматься, не является ли он частью обширных катакомб. Мы шли, казалось, целую вечность, когда наших ушей коснулись отдаленные истошные крики.

— Какая же эта дрянь шумная, — раздраженно выдохнула Галлея.

— У вас есть еще пленники? — встрепенулся Идвин, уставившись на Энтон.

Тот обернулся:

— Вы — наши гости, а не пленники, в отличие от этой прелестной дамы, — мужчина кивнул в сторону криков. — Но сейчас вы сами все увидите. Думаю, вы удивитесь ее нынешнему облику. В конце концов, раньше вы имели удовольствие лицезреть миледи совсем в ином виде.

Голос пленницы сорвался в пронзительном вопле, переходящим на рык дикого, загнанного животного. Следом за ним раздались грохот, звон цепей и отвратительный скрежет, словно чьи-то когти отчаянно царапали камни. Что за человек способен на такое, и человек ли?..

— Бедняжка, делает себе только хуже, — с легкой улыбкой покачал головой Энтон. — Ненадолго хватит ее силенок.

Коридор завернул в ответвление, и перед нами предстал узкий зал. Скрежет и угрюмое рычание раздались так близко, что, казалось, нас и несчастную отделяет всего шаг, как вдруг эти звуки смолкли, окунув в звенящую, напряженную тишину. В нос ударила знакомая вонь. Запах разложившегося трупа.

Я вздрогнула, — мы оказались не в простом подвальном помещении, а в самой настоящей темнице, и, судя по кладке, она старше, чем дом, который стоял над входом в катакомбы. Справа и слева шли провалы, закрываемые решетками камер. В ближайшей к нам на каменном полу тоскливо лежал разломанный человеческий череп, лишенные челюсти и куска затылка.

Мы с Идвином, словно в трансе, дали провести себя мимо несколько пустующих камер и остановились напротив одной из самых последних. Вонь усилилась, и я с отвращением поднесла к носу рукав, гадая, почему от смердящего где-то здесь трупа не спешили избавляться.

Решетка перед нами слабо отсвечивала голубым, выдавая наличие защитного заклипания, а в дальнем углу, повиснув на цепях, стояла прикованная к стене женщина. Ее роскошное темно-бордовое платье превратилось в лохмотья из дорогой ткани.

Шикарная копна черных вьющихся волос полностью закрывала лицо, но эта фигура, эти характерные локоны...

— Как вы могли так с ней поступить?.. — потрясенной прошептала я. — Заковать в цепи в этом месте девушку из благородного рода, живущую при дворе?.. Какова бы не была Ферре Лоурель, но только суд...

Мои слова прервал хриплый смех. Сквозь спутанные смоляные пряди уставился блестящий глаз, где слившейся с радужкой темный зрачок окружала краснота лопнувших капилляров.

Через миг цепи натянулись до упора. Госпожа Ферре, изогнувшись, протягивала ко мне дрожащую от напряжения руку. Я оцепенело уставилась на частично оголившиеся кости и трупные пятна на мраморной коже. Ногти почернели и походили на длинные изогнутые когти.

— Мразь!!! — крик, полный ненависти, едва не взорвал барабанные перепонки.

Отзвук магии смерти дыхнул мне в лицо, и я испуганно отступила, но зеленоватая волна разбилась о решетку и развеялась в ничто.

— Что вы с ней сделали?! — вырвалось у меня.

Этот живой мертвец, прожигающий меня ненавидящим взглядом, не походил более на хрупкую красавицу, которую я видела на балу.

— Ферре выбрали для роли возлюбленной Отиса, исходя из его вкуса и ее красоты, но, увы, Лоурель всего лишь молодой драугр, еще полностью не вошедший в силу. — Спокойно пояснил Энтон, — Когда мы пленили ее, она обрушила на нас весь свой резерв мощи, оттягивая и те силы, которые помогали сохранять ей внешность смертного человека.

— Так Отис все это время спал с трупом?! — выдавила я.

Галлея заливисто рассмеялась, словно я удачно пошутила.

— Эти смертные... — проговорила она, смахивая проступившую слезу, — как они любят забывать, что их самих от состояния трупа отделяет лишь один неловкий шаг.

— Что все это значит? — тихо спросил Идвин.

— Что кое-кто очень заинтересован быть ближе к племяннику главы Инквизиции и к государю. Настолько заинтересован, что сразу же решил избавиться от Клариссы, едва возникла вероятность того, что она подвинет собой Ферре. Так что, моя дорогая, Инквизиция — не самое большое зло, которое может возжелать твоей смерти, — ласково улыбнулся мне Энтон и убрал с моего плеча невидимую пылинку.

— Ты сдохнешь, мелкая тварь! — вновь подала голос Ферре. Ее безумные глаза все это время неотрывно следили за мной. — Я так и знала, что твое появление около Отиса неспроста, ты заодно с этими проклятыми отступниками! Тебя ждет мучительная смерть... я лично вырву и сожру твои глазные яблоки!..

— Не стоит давать обещаний, которые ты не в состоянии выполнить, — повернул к ней голову Энтон. — Тебя ждет очень долгое заточение в этом малосимпатичном месте, пока, разрешив куда более важные дела, мое руководство не вынесет тебе приговор.

Некогда идеально прекрасная Ферре ответила утробным урчанием, вырвавшимся из гниющего горла. Она раздраженно отбросила волосы в сторону, демонстрируя разлагающееся лицо и тело, и я с трудом сдержала подступающий комок тошноты. Увидев мою реакцию, драугр зло ощерилась желтоватыми острыми зубами.

Энтон взял меня под руку, и я не стала отстраняться. Он потянул прочь, и вся наша компания направились к выходу. Галлея скучающе изучала свои ноготки, потеряв всякий интерес к происходящему, маг в плаще все так же угрюмо шел позади. Вокруг меня и Идвина продолжали виться тени, готовые сковать нас в любой момент.

Сзади раздался странный треск и звон металла, и мы обернулись.

Ферре, склонившись, теперь стояла очень близко к решетке, ближе, чем ей бы позволили это цепи. На месте правой руки были лишь остаток рукава и рваный кусок плоти, сама же рука, вырванная из сустава, безжизненно повисла в оковах. Нежить, морщась, пыталась избавиться и от левой руки, мешающей ей приблизиться к решетке, изо всех сил выворачивая ее и наваливаясь на цепь всем весом.

— Галлея, иди умири ее, — раздраженно сказал Корре.

Подручная Энтона со вздохом кивнула, и хотела что-то сказать, как ее заглушил

яростный крик Ферре:

— Кларисса Извич, будь ты проклята. Запомни, если с головы Отиса упадет хоть волос, я клянусь богом отмщения Вернисом и богом смерти Крелорсом, что если умру, то даже из Иного мира прикончу тебя, слышишь?!

Я вновь взглянула на нежить. К моему изумлению, на ставшим одутловатым лице Ферре скользили слезы.

Небольшую комнату освещал потрескивающий камин. Несмотря на забитые окна, кое-где отошедшие обои, и легкий запах сырости, здесь было почти что уютно. Кто-то вымел мусор, вытер пыль, в общем, попытался навести некое подобие порядка, не тронув, впрочем, нагромождение старой мебели, сложенной друг на друга в самом дальнем углу.

Энтон восседал на кресле и цедил только что раскупоренное вино. Галлея, игнорируя этикет и все существующие правила приличия, варварски села прямо на письменный стол и закинула ногу за ногу. Маг теней расположился на диване, где нам с Идвином и предложили разместиться, но я не смогла остаться на одном месте. Сделала несколько кругов, а потом прильнула спиной к стене, разглядывая, как пламя в камине пожирает дрова, превращая их в трескучие угли.

— Это какое-то сумасшествие... — наконец, сказала я, тяготясь повисшей тишиной.

— Да, ты права. Глупо со стороны Ферре привязываться к кому-то вроде того напыщенного мальчишки, — дернула плечиком рыжеволосая мертвяка. — Это было бы смешно, если бы не представляло собой настолько печальное зрелище... Возможно, она даже надеялась в дальнейшем уберечь жизнь Отиса. Что сказать, она еще большая идиотка, чем можно подумать.

Я подняла глаза на Галлею. Под сумасшествием я имела в виду не это, а сам факт того, что Ферре оказалась высшей нежитью, но поправлять нежить не стала.

— Так значит, в Эрге существует некое объединение драугров? — спросил Идвин.

— Они называют себя Голосами смерти. Кроме драугров, в это сообщество входят и некроманты.

— И чего эти Голоса смерти хотят?

— Отмщения, очевидно. Но их методы и настрой... губительны. Если они продолжат в том же духе, эффект, который вызовут их действия, будет крайне нежелателен для некромантов на всем нашем континенте. Нам удалось отстоять свою честь и права, и нельзя допустить, чтобы хоть что-то смогло их пошатнуть. Только чистая репутация нам подобных является гарантом мира между носителями темного дара и теми, кого этот дар обошел стороной.

— Зачем кому-то из них убивает невинных людей на улицах Эрги? — подала голос я. — В чем смысл?..

— Заявить о себе, показать свою силу. Напугать. Голоса смерти очень долго жили в страхе и хотят, чтобы простые люди узнали, какого это — не знать, сможешь ли ты в очередной вечер вернуться домой целым и невредимым. — Энтон сделал небольшой глоток вина, смачивая губы. — Конечно, это только начало. Их планы куда грандиозней.

— Вы знаете их планы? — поднял бровь Идвин.

— Мы знаем, что их замыслы как-то связаны с государем. Они внедрились во дворец, в круг его общения, даже в постель лучшего друга. Впрочем, здесь не стоит забывать, что Батрис — племянник главы Инквизиции. Так что они убили махом сразу двух зайцев.

— Так это они приставили хороггов к моему отцу и управляющему «Светоча»?..

Брови Энтонна на мгновения взметнулись вверх, а затем его лицо вновь приобрело почти равнодушное выражение:

— Ты знаешь и об этом?.. Надо же, среди некромантов Извичей большинство с трудом различают духов... Кларисса, я не могу ничего утверждать, но да, скорее всего, это были они.

— А что на счет самой Инквизиции? — подал голос Идвин, — что ей то надо? В том смысле, зачем ее главе так настойчиво добиваться брака для Клариссы и Отиса?

Энтон нахмурился, его взгляд потяжелел.

— Я могу только гадать... у меня есть несколько предположений, но пока я хочу оставить их при себе.

Глядя на его красивое лицо с танцующими отсветами камина, я задавала себе и другие вопросы. А что нужно ему? Кто он вообще такой? Почему его почерк так схож с почерком автора найденной мной записной тетради, полной некромантских знаний и хранившейся в самом старинном отделе фамильной библиотеки? Почему он так много знает об особенностях носителей темного дара, которые когда-то вышли из моей семьи?

Но в компании присутствующих подручных Корре я не решалась задать эти вопросы вслух.

— Так или иначе, Кларисса, бесспорен факт того, что грядущая помолвка с Отисом Батрисом сулит тебе проблемы. Поэтому есть два пути, — Энтон встал и, заложив руки за спину, взглянул на пламя. — Или ты этой же ночью исчезаешь из поля зрения Инквизиции и Голосов смерти, или же остаешься и вступаешь в нашу игру.

— Это еще что значит? — судя по лицу Идвина, он был не в восторге от второго варианта, предложенного Энтоном, что бы тот не имел в виду.

— Кларисса может вернуться домой и обручиться с Отисом, тем самым занимая то место, куда так метила госпожа Ферре. Затем она даст знать о своем даре нужным людям, и Голоса смерти захотят связаться с ней, чтобы завербовать. При правильном подходе, мы сможем узнать, что именно они замышляют.

— Это невысказано! Клэр, ты же не станешь соглашаться на подобные предложения?! — Идвин тоже встал, с возмущением уставившись на Энтон. — Милорд Корре, то, о чем вы говорите, поставит ее жизнь под угрозу еще больше, чем помолвка с племянником Инквизиции сама по себе!

— Видят боги, я сделал все, чтобы до этого не дошло, — поморщился Корре. — Но после долгих размышлений я пришел к выводу что, увы, такой шаг принесет неоценимую помощь для нашей миссии в Рулеви. Но мы пойдем на это лишь при полном согласии Клариссы... Если она откажется стать нашим... агентом, то я бы хотел, чтобы Кларисса тайно выехала из Рулеви в Объединенные республики. Хотя бы до того момента, пока все не уляжется. В республиках у меня имеется превосходный дом со слугами и всем необходимым. Галлея сможет ее доставить в несколько пространственных прыжков до самой границы, а там Клариссу встретят...

— Я не собираюсь в республики! — отрезала я. — Пока на отце паразитирует дух, я отсюда никуда не уеду.

— Значит, твой выбор очевиден? — обернулся ко мне Энтон.

Отблески камина в его глазах плясали опасными огоньками. Я слотнула и медленно кивнула, чувствуя, что сердце летит вниз, в темную беспросветную бездну.

***

Опал, понутив голову, послушно дала загнать себя в стойло. Не знаю, что за чары применила Галлея, когда забирала лошадь возле кладбища, но теперь та вела себя как паинька, чего за ней не водилось.

Я закрыла дверцу стойла и, чувствуя полное опустошение, прижалась лбом к прохладной древесине. Тело еще слегка трясло после состоявшегося разговора у Энтона. Под конец Идвин долго со мной ругался, пытаюсь отговорить, хоть в глубине души и понимал, что это бесполезно. Как же ему, все-таки, не понравилась идея связываться с Голосами смерти...

От всего навалившегося на мои хрупкие плечи стало дурно.

И то, что я нахожусь в конюшне не одна, я поняла слишком поздно.

Рывок. Тесный обхват рук. Жаркое дыханье в висок и хриплая смешинка.

— Думали, я про вас совсем забыл, госпожа?

От Ивена, проклятого конюха, смачно воняло потом, самокруткой и дешевой настойкой. О существовании этого жалкого человека я действительно почти успела позабыть...

Дернулась, но вырваться из крепких объятий не вышло.

— Немедленно отпусти меня, — тихо и твердо потребовала я. Ответом мне стал лишь короткий смешок.

Двинула плечом, словно бы это помогло отогнать наглеца как раздражающую муху. По сравнению с Инквизицией и Голосами смерти Ивен был всего лишь нелепой смехотворной помехой. Он не пугал, только злил и раздражал. Я слишком устала, чтобы рьяно отбиваться, дабы защитить свою честь, но внутри с готовностью поднял голову темный дар. И я вдруг ощутила себя в десятки, нет, сотни раз сильнее конюха, что вдруг дало внутреннее спокойствие и твердую уверенность, что дурного со мной не случится.

Но почти что полное отсутствие видимого сопротивления с моей стороны Ивен истолковал по-своему. Его руки бесстыдно заскользили по моему телу.

— Забыли неужто про наш договор? Слышал, у вас на носу помолвка и свадьба с важным человеком, а вы все так же изволите ночами по любовничкам бегать?

— Не твоего ума дела, чем и когда я занята, — вкрадчиво ответила я.

Прикосновения я чувствовала, как сквозь толстое одеяло, так устало мое тело. Всю ночь на ногах, а на улице уже светлело...

— Полно, госпожа, не строите из себя невесту что, — самодовольно хмыкнул Ивен. — Я и так дал вам времени достаточно, чтобы обдумать мое предложение, а вы явиться так и не изволили... И золото я пока от вас не видал. Придется вам постараться сегодня, чтобы расплатиться за мое ожидание.

— Ивен, Вернис тебя подери, немедленно...

Правая рука конюха, который меня уже не слушал, ловко расстегнула пряжку на моем ремне, а левая, нисколько не мешкая, залезла под плотную ткань штанов.

Это было последней каплей. Я вспыхнула и яростно дернулась, не сдерживаясь.

Полыхнула зелень, освещая стены конюшни. Крик, и Ивен отдернул пальцы, выпуская меня и хватаясь за руку. Его лицо скорчила мучительная боль, зубы до крови впились в обветренную губу. Не в силах совладать с собой, конюх рухнул на колени и заскулил. Из-под почерневшего и частично осыпавшегося рукава я успела рассмотреть огромные гниlostные желто-зеленые пятна, пошедшие по загорелой коже.

Ивен поднял побагровевшие глаза. В них плескался животный страх. Казалось, он не

понимал, что случилось и отчего так больно.

— Как... что это... — простонал он, нянча покалеченную конечность.

— Хочешь жить — проваливай, — холодно сказала я, не узнавая собственный голос.

Ивен с трудом встал, не спуская с меня ошеломленных глаз. Конюха шатало, он не мог выпрямить спину. Обретя хоть какое-то подобие равновесия, Ивен, наконец, повернулся к выходу и бросился прочь настолько быстро, насколько ему позволяли подкашивающиеся ноги.

Только когда он скрылся из виду, до меня дошло, что я только что сотворила.

На ходу оправляя пояс, я рванула за Ивеном, смутно представляя, что мне необходимо делать дальше, чтобы исправить совершенную ошибку. Пальцы сами собой вырисовывали знак онемения, но на дворе конюха и след простыл.

В прохладном воздухе висела утренняя сонная тишина, нарушаемая легким шелестом листьев, убаюканных монотонным ветром. Я улавливала остаток некромантской магии, который уносил с собой Ивен, но у меня было слишком мало опыта, чтобы точно определить нужное направление.

Видимо, страх придал несчастному конюху достаточно сил, чтобы как можно скорее скрыться.

Я в бессилии сжала пальцы. Даже если бы Ивен не сбежал, если бы удалось его остановить, разве я смогла бы сделать с ним что-то, что заставило бы его замолчать? Я представила, как прошу о помощи Энтона. Что бы сделал он? Избавил бы от ненужного свидетеля? Заточил бы в темницу рядом с Ферре или, что вероятнее, без всякой жалости лишил бы Ивена жизни?

К горлу подошел комок и стало трудно дышать. Я лихорадочно расстегнула ворот.

Не думала, что так рано пожалею, что решила остаться.

***

Арнейм Батрис чувствовал себя превосходно, если судить по его довольному добродушному лицу. Он, в отличие от остальных собравшихся, выглядел расслабленно. Старший Батрис приехал в инквизиторской мантии, черной, с красной окантовкой и вытканными языками пламени, и, если бы не она, можно было бы подумать, что к нам пожаловал добродушный дядюшка, предпочитающий проводить свое время в саду с детьми, а не на обвинительных процессах по некромантии.

От Отиса же веяло напряжением. Он теребил манжеты рукавов, оправлял отлично сидящий сюртук, а оставив оный в покое, тут же начинал крутить массивный перстень на большом пальце. Его взгляд, бродящий по комнате, каждый раз возвращался ко мне, а затем уходил вбок, чтобы вновь цеплять случайные предметы в кабинете отца.

Мои бледные родители держались со всей полагающейся торжественностью. Маменька оделась в праздничное, но темных тонов платье, а отец облачился в парадный мундир, который носил при дворе.

Видеть себя со стороны я не могла, но после бессонной тяжелой ночи я вряд ли смотрелась хотя бы на десятую долю так же свежо, как дядя Отиса. Впрочем, как почти состоявшейся невесте, мне и полагалось не смыкать глаз в предвкушении грядущих событий и отдаваться по ночам во власть волнительных мечтаний, поэтому темный круги под глазами не вызвали лишних вопросов. Я попыталась придать лицу хотя бы отдаленно радостное выражение, и судя по болезненной реакции маменьки, покачавшей головой, у меня получилось нечто вымученное и ненатуральное.

Служитель Брианны с глухим стуком опустил на письменный стол отца уже знакомую увесистую шкатулку.

Даже с отсутствием множества зрителей, при небольшом количестве свидетелей, мне стало тесно, в груди сдавило. Я покосилась на Отиса, оцепеневшего перед шкатулкой, как пойманный кролик. Это вызвало едва скрываемую горькую усмешку. Нет, не так я представляла свою возможную помолвку.

— Не будем вести долгих речей, — решительно изрек Арнейм, опередив уже открывшего было рот отца. — Мы собрались здесь, чтобы выполнить волю государя, и поэтому сегодня сделаем первый шаг к тому, чтобы по желанию его величества связать наши роды.

Папа нахмурился, недобро сощурившись на старшего Батриса. Сейчас отцу было плевать, насколько высокую должность занимает Арнейм, и, поймав взгляд папеньки, я быстро кивнула, желая показать, что все хорошо, и я не оскорблена краткостью и скромностью происходящего действия.

Арнейм и папа коротко выразили свое устное согласие на помолвку, и почти одновременно коснулись с противоположных боков шкатулки. Та щелкнула и распахнулась.

Противным душным ветром обрушилась чужеродная энергия жизни. Я с трудом сделала вдох, ощутив нехватку кислорода, и через мгновение едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть, когда одна из двух взвившихся серебристых молний впилась мелкими острыми клыками в мой палец на правой руке. Рядом меж золотых перстней Отиса блестящими петлями извивалась вторая.

Перечеркнув друг друга резкими зигзагами, напившиеся кровью змейки перескочили, меняясь местами, и запястье плотно обхватил металл. Пакость легла в два обхвата и диковинно изогнулась, застывая в принятой ею позе.

Правая рука отяжелела, и захлестнул порыв как можно скорее скинуть магический браслет, словно эта была живая ядовитая змея. От металла шла едва уловимая пульсация, отдающая в виски.

Я через силу улыбнулась, делая вид, что меня ничего не беспокоит. Отис медленно взял мою руку, отягощенную змеиными путами, и с почтением поцеловал. Испуг его канул в небытие, как будто мне лишь привиделось. Я моргнула, силясь понять, что же он

действительно испытывает, но то, что плескалось в его глазах, расшифровать так и не смогла.

Истинные чувства Отиса по поводу свершившейся помолвки остались для меня скрыты за семью печатями.

— Я не смогу быть на запланированной обеде, — с изображаемым огорчением известил нас Арнейм. — Возникло срочное слушанье. Так что, работа, увы, обязывает покинуть вас.

— Невероятно жаль, но как можно корить в чем-то подобном того, кто стоит на страже нашего спокойствия, — ледяным тоном, не вяжущимся со смыслом произносимого, обронила маменька. — Что ж, но милорд Отис Батрис принесет же нам радость своим присутствием за обеденным столом?

— На счет обеда... — встрепенулся Отис, — я как раз хотел обсудить это. Видите ли, его величеству и его прекрасной супруге не терпится познакомиться лично с моей избранницей, поэтому сегодня же они нас ожидают к себе... Вы же доверите мне Клариссу?

От изумления у меня вытянулось лицо, а маменька онемела, не в силах выдать и слова.

Даже будущих молодых супругов отпустить куда-либо вдвоем в наших кругах было неприлично, но, когда в дела вмешивался сам государь, все правила могли смело идти к Вернису.

Отец кивнул:

— Конечно, это большая честь для нашей семьи.

— Тогда не вижу смысла терять время, — деловым тоном сказал Отис. — Миледи, вы готовы ехать прямо сейчас?

Мой уголок губ нервно дернулся, изображая улыбку:

— С превеликой радостью. Только возьму перчатки и слегка освежусь, это недолго.

Я попрощалась с Арнеймом, с легкой дрожью отмечая, как ему не терпится поскорее вернуться к любимой работе, и поспешила наверх. Непослушные ноги сами понесли меня по ступенькам, а в голове билась лишь одна мысль, на которую я сейчас оказалась способна.

Зелье виденья призрачных существей. Прежде чем отправиться к государю я должна, нет, просто обязана его выпить.

Нельзя упускать подобного шанса. Государь редко появлялся даже в кругу придворных, предпочитая общество особо приближенных, что всегда списывали на подозрительность и вечные опасения за жизнь. Та встреча, которой удостоилась моя мать, — исключение, выбивающееся из ряда привычек главы нашего государства. Отец, постоянно бывающий при дворе, видел его всего единожды, и люди Энтоня вряд ли смогли подобраться к государю ближе.

На всех парах я влетела в комнату и в ошеломлении застыла.

Ящик письменного стола был широко распахнут. На столешнице в ряд лежали рабочие амулеты и всякая мелочевка, ранее бывшая в нем. Вайна, склонившаяся над ящиком, резко обернулась, явно не ожидая моего появления. Ее руки дрожали, и она спрятала их за спину, едва поняла, что я заметила это.

— Что происходит? — требовательно спросила я.

Сердце отбило несколько сбивчивых ударов. Потайное дно, как я могла видеть со своего места, закрыто, но разобраться в его секрете для сообразительной Вайны было бы вопросом времени. Я ощутила жгучее и абсолютно несвойственное мне желание отрешать за волосы эту девицу, которая могла найти пусть и защищенную чарами, но

тетрадь с конспектами по запретной некромантии.

Только сейчас я поняла, что по неясным причинам спрятанная в тайник книга со старинными рецептами все равно не сможет не привлечь внимания и не вызвать вопросов. Это — настоящий вызов для того, кто захочет найти на меня компромат.

— Я провожу уборку, госпожа, — глядя в пол, ответила служанка.

— Уборка обычно не распространялась на содержимое моих ящиков и шкапулок, — вкрадчиво напомнила ей я.

— Я... я лишь хотела... — голос девушки вдруг задрожал. — Простите, госпожа, я лишь хотела сделать вам приятно...

Она поспешно приложила руку к лицу, закрывая от меня покрасневшие глаза, и вдруг громко всхлипнула.

— Ивен куда-то пропал, — с трудом сдерживаясь от истерики, продолжила Вайна. Ее грудь душили слезы. — Я так волнуюсь, что не знаю куда себя деть. Вот, решила стол ваш разобрать...

— Пропал? — как и требовалось, спросила я, тем временем осмысливая услышанное. Перед глазами стояли пятна гнили, которыми я разукрасила руку конюха. — Как пропал...

Девушка вновь всхлипнула, вытирая слезы.

— Вайна, милая... Да что такое... Знаешь, иди лучше отдохни, сколько тебе нужно, — сказала я, — Сходи на кухню, пусть тебе дадут успокоительную настойку. До конца дня можешь быть свободна, если что, скажи, что это я отпустила.

Девушка безмолвно кивнула.

Когда дверь захлопнулась, я осела на диван и запустила руку в высокую строгую прическу, которую мне соорудила на помолвку маменька.

Вайна служила семье верой и правдой несколько лет, и у меня никогда не было к ней ни одной претензии. Все поручения она исполняла беспрекословно, всегда понимала, что и когда от нее требуется. Я испытывала к ней ту искреннюю теплоту, которая возникает к человеку, который всегда рядом с тобой и готов поддержать советом, протянуть руку помощи, и не как преданный слуга, а как... друг? Вернис побери, у меня не хватило сил даже поддержать ее в трудную минуту, я просто отправила девушку вниз на кухню и освободила от работы до конца дня.

Я же своими руками, проклятой магией смерти изувечила ее возлюбленного. Узнай Вайна правду, то тут же возненавидит меня. Осознавать это невыносимо, но...

Хватит. Я встала.

Одним грузом больше, одним меньше, — наверное, уже в действительности не имело значения. То, что случилось с Ивеном, безусловно, было моим грехом, но я не могла от всей души чистосердечно об этом жалеть. Он получил то, что заслужил. Нет времени оплакивать мерзавцев.

Бутыльков с зельем виденья оставалось много. Я залпом выпила один из них, а остальные распихала по ларцам с примочками и лосьонами для свежести лица. Записную книгу по некромантии я отправила в книжный шкаф, где у меня лежали учебные пособия. Если хочешь что-то спрятать, положи на видное место, не так ли?..

Слегка поправив прическу и убедившись, что пудра и румяна лежат ровно, я поспешила вниз. Родители ждали в гостиной, чтобы попрощаться, а Отис уже ушел к поданной карете.

— Дорогая, твоя встреча с государем — большая милость. Помни, на тебе ответственность за честь нашей семьи, — Мама была необыкновенно серьезна и строга.

Я слабо улыбнулась.

Отец крепко меня обнял, обдав запахом свежего одеколona, и я дрогнула. Над его левым плечом вырисовывалось темное подрагивающее пятно, тянущее холодом. Зелье виденья начинало растворяться в крови, и скоро я должна начать отчетливо видеть всех призрачных существей.

— Обещаю, все будет хорошо! — сказала, стараясь не смотреть на отца.

Я быстрым шагом вышла из дома, прихватив накидку, и устремилась к стоящей у входа карете. Ее окна прикрывала плотная темная ткань, поэтому разглядеть того, кто сидит внутри, для случайных прохожих не будет представляться возможным.

Лакей распахнул дверцу и я, наступив на ступеньку, залезла внутрь, где оказалось неожиданно темнее, чем я предполагала, — Отис пренебрег магическими светильниками. Хлопок сзади, и все опустилось в полумрак, где я едва угадывала силуэт будущего супруга, откинувшегося на подушки.

Карета резко двинулась. Я хотела опуститься напротив Отиса, однако тот неожиданно подался вперед и увлек меня к себе, заставляя неловко рухнуть рядом.

— Кларисса...

Дыханье Отиса обжигало щеку. Я замерла натянутой струной.

— Будущая госпожа Батрис, вы знаете, какой есть обычай у простолюдинов, касающийся помолвки?.. — Словно ветерок защекотал ухо.

— Выкуп за невесту в виде пары мешков зерна? — Невинно уточнила я, пытаюсь усилием воли заставить отодвинуться и сделать вид, что меня возмущает происходящее, но тело не слушалось.

В голове вновь поплыл розовый туман, который так долго преследовал меня при мыслях об Отисе, и от которого я с таким трудом смогла отделаться, узнав о миледи Ферре. Оказалось, чтобы все вернулась на круги своя, достаточно лишь полутьмы кареты и объятий придворного мага.

В ответ на мои слова младший Батрис рассмеялся, и его смех рассыпался чистым перезвоном колокольчиков. Я не видела глаза Отиса, но наверняка в них играли задорные огоньки. Как я понимала Ферре, которая вопреки здравому смыслу вручила свое мертвое сердце этому мужчине. В переносном, конечно же, смысле.

— Выкуп в виде пары мешков зерна — это неплохо, но еще одно поместье не так далеко от Эрги обрадует ваших родителей куда больше... Но я не об этом. Знайте, сделки по поводу брака издавна запечатлевались поцелуем помолвленных. Эта традиция жива в низах и поныне... Думая сейчас об этом, я остро завидую простолюдинам.

Духи Отиса веяли гвоздикой и легким, чуть горчащим древесным аккордом. От этого аромата кружилась голова, его хотелось вдыхать глубже, прильнув прямо к широкой груди.

Перед глазами тут же всплыло обезображенное гнием заплаканное лицо мертвой любовницы мужчины, и спину обдал холод.

— Давайте все же оставим простонародью его обычаи, — я отодвинула руку, которая меня придерживала. — Мы лишь обручены, и благостная Брианна не осенила светом жизни наш брак.

После нападок Ивена я ожидала, что мой нареченный проявит настырность, которую уже была готова приписать любому мужчине, но Батрис неожиданно послушно убрал ладонь с моей талии. Вздохнул и непринужденно приоткрыл шторку, чтобы выглянуть в окно.

— Кларисса... прекрасная Кларисса, я хочу сказать вам сразу, — тихо и твердо проговорил он. — Я здесь не потому что являюсь жертвой обстоятельств, хотя дядя и настоял на нашем союзе. И надеюсь, что вы также не чувствуете себя заложницей

ситуации. Я искренне считаю, мужчина и женщина не могут быть счастливы вместе, если между ними нет той связи, того чувства, которое воспевается в балладах и излишне опошляется в дамских романах. Вы можете думать обо мне что угодно, но я не подлец, и никогда им не был. И соглашаясь на этот брак, пусть и предаваясь различным сомнениям, как и всякий мужчина, я отдавал себе отчет в том, что в действительности к вам равнодушен... как и вы ко мне. Я не слепой, миледи. И вижу, что некоторые чувства прочно засели в ваше сердце. И если я не прав, скажите мне об этом, и я сделаю все, чтобы разорвать эту помолвку.

Я потрясенно уставилась на Отиса. Полоска света падала на его лицо и золотила серо-голубые глаза.

Он не шутил. Серьезно и оценивающе смотрел на меня, ожидая ответа, словно одного моего слова для него всерьез было бы достаточно, чтобы пойти против могущественного дяди.

Краснота залила мои щеки, я смешалась и уставилась в пол кареты, мучительно сжав пальцы. Молчала я далеко не потому, что мне требовалось разобраться в планах Голосов смерти, а по той причине, за которую себя проклинала. Батрис верно понял мою реакцию, и его черты лицо сгладились.

Остаток пути мы провели в тишине.

Когда карета, наконец, встала, я, сама того не желая, кинула испуганный взгляд на Отиса. Предстоящая встреча не могла не страшить, в конце концов, не каждый день выпадает шанс собственными глазами увидеть главу государства. Лорд Батрис, заметив это, быстро взял мою руку и успокаивающе поцеловал пальцы. Легко и просто, без лишних телодвижений и ужимок, так, как это обычно делают только очень близкие люди.

Внутри потеплело, и я улыбнулась. Замышляющее недоброе драурги, ненавистная Инквизиция, некий тайным заговор и ожидающий нас государь отодвинулись на задний план, и на краткий миг показалось, что во всем мире существуем только мы — я и Отис.

Батрис вышел первым и подал руку. Я приняла помощь и вышла, оглядываясь.

Из экипажа я совсем не следила за местностью, не обращала внимание на звуки снаружи, и ожидала увидеть дворцовую площадь. Но вместо этого мы стояли в небольшом уютном дворике, заключенным в высокие стены, поросших плющом. Солнце припекало прогретую землю, у ворот к ногам стражи ластилась рыжая раскормленная кошка.

Мы находились на земле укрепленного, незнакомого мне старинного замка из светлого камня. Над крепостной зубчатой стеной возвышались ладные башенки с узкими вытянутыми бойницами.

— Государь не любит дворцовую суету и предпочитает уединение, — сказал Отис, поймав мой удивленный взгляд.

Я хорошо знала окрестности Эрги. И совершенно точно не могла вспомнить ни один замок, напоминающий этот. А значит, его скрывала магия, причем настолько искусная, что я даже не ощутила момент, когда карета пересекла преграду, служившую завесой для отвода посторонних глаз.

Мы поднялись по ступенькам и в сопровождении встречающего, без лишних слов кивнувшего Отису, пошли по светлым коридорам, чьи стены украшали роскошные гобелены. Сзади к нам незаметно присоединились четверо одетых в темное стражей. От каждого из них фонило настолько мощной защитной магией, что мне окончательно стало не по себе.

Охрана была повсюду, и мы встречались с нею едва ли не при каждом повороте.

Сопровождающий открыл массивные двери, украшенные богатым золотистым орнаментом, и впустил нас в просторный гулкий зал.

Огромный старинный камин, в который бы легко поместилась туша здорового кабана,

зиял прохладной чернотой давно угасших углей, да и в такой теплый день разводить огонь не было нужды. Рядом с добротной решеткой камина лежали сваленные в кучу шкуры пушного зверя, добавляя дух того времени, когда был построен замок, и с этим не вязалась точеная узорчатая мебель, тщательно и по всем правилам интерьера расставленная по помещению.

Молодой вихрястый мужчина, ровесник Отиса, расслабленно восседал на кресле. С его непокорными рыжими волосами не справлялась старательная укладка, и они, несмотря на большое количество лака, выбивались из формы прически. Грубое и скорее некрасивое лицо оживляли большие глаза с длинными и пушистыми, как у девушки, ресницами. Они оттягивали все внимание на себя, заставляя почти сразу забыть о слишком скошенном подбородке и тяжелых надбровных дугах.

А вот молоденькая девушка, сидевшая рядом, напротив, сияла показательной красотой. Золотые густые локоны обрамляли идеальный овал лица с бездонными и пронзительно голубыми глазами, кукольные пухлые губки, казалось, навечно застыли в полуулыбке. Нежнейшая фарфоровая кожа подчеркивалась таким естественным румянцем, что не оставалось никаких сомнений, что на лице красавицы не было ни грамма косметики.

Облик прелестного создания завораживал, однако я не сильно обманывалась, рассматривая девушку, словно вышедшую из совершенно иного, идеального мира. Наши маги творили чудеса с внешностью, но стоило это таких баснословных денег, что воспользоваться подобными процедурами могли позволить себе лишь члены королевской семьи.

Так вот как выглядит наш государь Римерий Третий и разделившая с ним затворнический образ жизни его супруга, принцесса лирийская Аделина О'Мери.

Завидев нас, жена Римерия широко улыбнулась, обнажая аккуратные сахарные зубки, а сам он встал. Я присела в низком поклоне, а Отис тем временем и не думал вспоминать об условностях.

Он по-свойски обнял государя, оказавшегося на полголовы ниже моего нареченного. Римерий похлопал друга по плечу, кинув на меня пристальный взгляд.

Закончив с Отисом, государь протянул руку, и я поспешно поцеловала массивный золотой перстень с выгравированным гербом королевской семьи, драконом, расправившим крылья. От губ до кончиков пальцев на руках и ногах пробежала легкая теплая волна, говорящая о том, что я только что коснулась охранного артефакта.

Вспомнив, быстро подняла глаза и уставилась на пространство за плечами Римерия. Если бы над мужчиной довлел дух, я бы увидела его сразу, но мысли о моей миссии совершенно вылетели из головы, едва я переступила порог зала, и только сейчас я осознала, что над государем нет призрака-паразита. Я радостно выдохнула, и Римерий заметил это.

— Что-то не так, миледи? — С шутливой интонацией спросил он, пристально глядя мне прямо в глаза.

— Прошу меня просить, Ваше Величество, я просто поражена оказанной милостью и что вижу вас, — смущенно выдавила я.

Римерий добродушно рассмеялся, и я с облегчением улыбнулась, радуясь, что избежала ненужных подозрений.

Мы с Отисом сели напротив государя и его супруги, тут же утопая в мягких подушках. Чуть слышно хлопнули двери, и служанка, не поднимая глаз, принесла поднос с фруктами, откупоренной бутылкой и посудой. Она поставила свою ношу на низкий столик и разлила по бокалам вино.

Едва прислуга вышла, Аделина расстегнула на шее цепочку и сняла подвеску, небольшой каплевидный прозрачный камень. Государь взял бокал, и девушка на несколько мгновений опустила подвеску в вино. После погружения в темную жидкость камешек окрасился в легкий зеленоватый цвет, и государыня кивнула, быстро вытирая амулет о салфетку и возвращая украшение на тонкую белую шею.

Вино наверняка уже несколько раз проверено слугами на наличие яда, но государь определенно не был склонен им полностью доверять.

— Королевская винодельня производит лучший продукт на континенте, — чуть растягивая слова и этим выдавая свой небольшой акцент, сказала Аделина и кивнула на бокалы. — Мы уже передали ей заказ на несколько десятков бутылок для вашей свадьбы.

Для урожденной лирийки она прекрасно говорила на рулевском.

— Превосходная новость, — кивнул Отис. — Дядя будет рад, он обожает это вино.

Аделина едва уловимо поморщилась, словно упоминание о старшем Батрисе вызвало зубную боль.

— Выпьем же за то, что мой друг, наконец, остепенился и теперь познает радости семейной жизни, — поднял бокал Симерий, и мы торжественно чокнулись.

Я сделала глоток, ощущая приятную сладость, переходящую в долгое фруктовое послевкусие. Государь отпил из бокала и вдруг болезненно скривился. Я удивленно вскинула брови, не понимая причин такой странной реакции на прекрасное вино, и испуганно вздрогнула.

Над плечом Римерия сгустилась темная тень, формируясь в горбатую наклоненную фигуру, чей лик скрывал капюшон. За капюшоном сгустилась сосущая бездонная тьма, и по помещению промчался холод, который ощутила лишь одна я.

— Что такое, дорогой? — обеспокоенная Аделина положила ладонь на руку государя. — Снова приступ мигрени?

— Немного вступило, надеюсь, отпустит, — нехотя ответил ей супруг. — Пусть принесут лекарство.

Я отвела глаза, стараясь дышать ровнее и ничем себя не выдать. На расстоянии чуть дальше вытянутой руки темный дух жадно тянул жизненную силу из своей жертвы, а также, мимоходом, из всех нас, сидящих рядом. Я ощущала себя способной прервать этот вампиризм, но подобное не могло не остаться замеченным для хорогга, а значит, и для его хозяина-некрманта.

Руку с браслетом, которая и так буквально отяжелела после обряда помолвки, мучительно заломило. Энергетика мертвых, как я уже знала, приносила состояние покоя, но браслет, напитанный подвижными силами совершенно иного толка, как будто вступал в противоборство с этой аурой, принося болезненные ощущения.

— Кларисса, все хорошо? — взгляд внимательных стальных глаз и пальцы, опустившиеся на запястье, прямо на металл проклятой змейки. — Ты бледно выглядишь.

— Просто переволновалась, — тихо ответила я. — Обряд помолвки, встреча с Его Величеством... и...

— И предшествующее всему этому нападение, — закончил за меня Отис.

Его кривая усмешка зло обнажила зубы.

— Виновников уже нашли? — вскинула голову Аделина. — Только подумать страшно, какие чудовищные вещи происходят у нас прямо под боком, и что вам пришлось пережить...

Ее слова прозвучали вполне искренно.

— Есть несколько версий того, кто именно мог желать смерти миледи, и вы знайте один из них, — с едва улавливаемым раздражением ответил Отис. — Едва все станет точно известно и появятся железные доказательства, я непременно вам сообщу.

Государыня явственно помрачнела, задетая за живое.

На секунду я удивилась такой реакции, однако... Даже я слышала о том, что Аделина покровительствовала Ферре, а исчезновение любовницы Отиса могло быть воспринято

как попытка избежать наказания за столь серьезное преступление, как покушение на жизнь высокородной дамы. В конце концов, мотив ревности настолько очевиден, что на фрейлину просто не могло не пасть подозрение.

Тем временем служанка принесла лекарство для Римерия, запечатанную темно-синюю бутылку. Государь подождал, пока прислуга уйдет, а затем приблизил свой перстень к сосуду, и затычка громко хлопнула.

— Этот тоник помогает все меньше и меньше, — сказал Римерий, с тоской глядя на распечатанное лекарство.

— А я давно твержу, что следует доверить проблему твоей мигрени и недомогания моему лекарю, он творит чудеса, — обеспокоенно проговорила Аделина.

Я искоса посмотрела на безобразную фигуру духа, недвижно зависшую над государем. Хронические головные боли и слабость легко могли быть вызваны постоянным влиянием хорогга. Дух при мне возник только сейчас, но возможно его хозяин не планирует так скоро загонять Римерия в могилу, зная о недомогания, или же банально боится выдать себя, и поэтому изредка дает государю некоторое время для восстановления сил.

Брезгливо морщась, государь одним движением опорожнил тоник и отставил бутылек в сторону:

— Неважно. Сегодня мы хотели отпраздновать помолвку моего друга, поэтому не будем упоминать о плохом. В нашем распоряжении лучшее вино, а по первому же приказу готовы явиться музыканты.

— Музыка! Вот что нам нужно! — нарочито беззаботными тоном воскликнула государыня, едва не подпрыгивая на месте и хлопая в ладоши, совсем как маленькая девочка.

Отис с улыбкой кивнул, поддерживая идею, и Аделина потянулась за небольшим серебряным колокольчиком, лежащим на столе.

***

Мы вышли на улицу уже затемно. Меня слегка покачивало от выпитого вина, хотя я до последнего старалась соблюсти баланс, чтобы примерно не отставать от остальных, и при этом не прийти в неприличное для столь высокой компании состояние.

Аделина, как истинная лирийка, практически не пьянела, и под конец вечера уговорила разомлевшего супруга станцевать с ней. Государь великолепно держался и показал себя искусным танцором, несмотря на то, что дух-паразит упрямо тянул из него силы, а вино не способствовало хорошей координации.

Римерий и Аделина так отчаянно смеялись и шутили, что в какой-то момент у меня совершенно вылетело из головы, что нас разделяет пропасть, с одной стороны которой находятся дворянские роды, а с другой — само королевское семейство. Вечер выдался настолько прекрасным, что все тревоги временно забылись, и я получала удовольствие просто дыша полной грудью свежим весенним воздухом.

Отис помог забраться в карету. Он уже хотел последовать за мной, когда к нам метнулся одетый в темное человек и передал младшему Батрису запечатанный конверт. На конверте стояла печать, и я, с непосредственным любопытством высунувшись наружу, увидела оттиск острого язычка пламени на сургуче — знак Инквизиции.

С трудом удержалась, едва не соскользнув вниз. Пальцы, которыми вцепилась в поручень, онемели.

Отис, не церемонясь, оторвал бумажный край и извлек небольшой лист бумаги. Его глаза пробежали по строкам и брови на мгновение взметнулись вверх, а потом нахмурились, подчеркнутые вертикальной морщинкой. Батрис поднял взгляд и несколько мгновений смотрел на меня.

— Вести от дяди? — беззаботно спросила я

— Нет. Не от дяди. Миледи, мы немного изменим наш маршрут, и ненадолго заедем в одно место, которое мне нужно немедленно посетить.

— Одно место? — переспросила я, пропуская Отиса внутрь. — Куда же, и от чего такая срочность?..

— Кларисса... Ты когда-нибудь видела нежить?

Я приоткрыла рот, даже забывая деланно возмутиться тому, что мой нареченный так просто перешел на «ты».

Вдоволь полюбовавшись моей реакцией, Отис продолжил:

— Тогда у тебя будет такая возможность.

— Не самая лучшая идея, — язык во рту еле ворочался, но я старательно изображала удивление и лишь легкий испуг, пытаюсь скрыть накотивший ужас. — Тащить свою невесту туда, где есть неупокоенные мертвые. Конечно, работа твоего дядюшки обязывает быть к чему-то подобному несколько ближе, чем остальные добрые люди, но это как-то...

— Прости, но нам придется туда поехать, делать нечего, — извиняясь, пожал плечами Отис. — Дело безотлагательное.

— И ты ничего мне не объяснишь? — требовательно спросила я.

— Все позже, — отрезал мой нареченный.

Я села, давя нарастающую внутри панику.

Бежать прямо сейчас? Но на земле замка столько охраны, что уйти далеко не выйдет. Попытаться скрыться, едва мы порядочно отъедем от убежища государя? Но ведь сам Отис — маг, к тому же, из семьи, напрямую связанной с Инквизицией. Он точно найдет способ догнать меня, обезвредить и доставить к месту назначения.

— Что ж, маменька и папенька и так не ждут меня слишком рано, — осторожно сказала я. — Ничего страшного, если мы задержимся.

Лорд легким движением убрал с моего лица локон, выбившийся из прически. От неожиданности щеки ярко вспыхнули, а Батрис тем временем взял мою ладонь и сжал в своих пальцах.

Карета тронулась. Я застыла в одной позе, ощущая прикосновение Отиса к руке, приятно отдающее по всему телу. Когда-то я мечтала об этом, но на задворках сознания мелькала мысль, что лошади уносили нас туда, где меня могла поджидать смертельная опасность.

Мы ехали не больше получаса. В лучах светильника конюха, проникающего внутрь кареты, блестели глаза Отиса, и в них явственно читался невысказанный волнующий его вопрос. Он несколько раз чуть приоткрывал рот, намереваясь что-то сказать, но в итоге продолжал молчать. Я, изредка холодея, пыталась заговорить о всяких пустяках, но проглатывала слова, едва они стремились вырваться из пересохшего горла.

Отис не выпускал мою руку до того самого момента, пока лошади не остановились. Снаружи послышалась возня, и дверцу распахнули. Мы вышли, и я, набрасывая накидку, растерянно осмотрелась.

На широкой поляне, примыкающей к узкой дороге и граничащий с густым лесом, раскинулся лагерь. Несколько шатров, огонь костерка, на котором в котле что-то варилось. Какой-то широкий и высокий прямоугольный предмет, скрытый от посторонних глаз черной тканью с вытканными магическими узорами. Пара десятков людей, одетых в точно такую же темную невзрачную одежду, что и посыльный, который принес письмо Отису.

Каждый был занят делом.

Один чинил оружие, другой, махая руками, отдавал короткие приказы. Несколько человек сновали туда-сюда, перетаскивая заготовленные заранее дрова. Я посмотрела вбок и неосознанно прижалась к Отису, чувствуя себя загнанной в ловушку.

На окраине поляны высилось огромное кострище. С полметра уложенных дров, а по середине свежесрубленный столб, красноречиво говорящий о том, что костер имеет самое зловещее предназначение.

— Что все это значит? — повернулась резко, чувствуя, как на щеках проступают красные пятна. — Отис?..

У кареты стояло трое вооруженных людей. Они внимательно поглядывали на меня, и я вдруг поняла, что им хватит одного слова моего нареченного, чтобы не задумываясь, скрутить благородную миледи.

— Подожди здесь, — ровным голосом ответил Отис, и даже не посмотрев в мою сторону, отстранился и направился к костерку.

Из одного из шатров, неподалеку от огня, выскочила темная узкая фигура. Я моргнула, с удивлением поняв, что это молодая женщина, одетая в мужской костюм. На ее груди, в отличие от всех остальных в лагере, был вышит знакомый мне язычок пламени, прическа состояла из простого забранного наверх хвоста.

Я знала, что женщины-маги тоже служат в Инквизиции, но впервые видела одну из них.

Служительница Инквизиции поклонилась Отису и, распрямившись, заметила меня. Ее глаза на мгновение сузились, а ноздри расширились, как у дикой кошки, почуявшей добычу. Не так смотрят на добропорядочную миледи, далеко не так...

Мне стоило большого усилия воли, чтобы остаться на месте и с недоумением приподнять бровь, словно я не понимала, к чему этот недобрый взгляд.

Женщина быстро заговорила, но так тихо, что я не могла со своего места расслышать ни слова. Стало зябко, и я сильнее натянула накидку. Люди неподалеку продолжали

таскать дрова с таким выражением лица, словно выполняют простую непыльную работу, а не собираются предать огню того, кого перед этим требуется привязывать к столбу.

Служительница Инквизиции, наконец, закончила речь и достала из-за шиворота немного помятую бумагу. Отис взял ее, прочел, медленно повернулся ко мне, а затем поманил пальцем.

Женщина тут же отошла вбок на достаточное расстояние, чтобы предстоящая беседа с моим женихом оставалась приватной.

— Что-то случилось? — спросила я.

— Кое-что, о чем необходимо поговорить, — кивнул Батрис, и от нажатия его пальцев на бумаге проступили новые заломы. — Ты знаешь простолюдина по имени Ивен Кэрмсол?

Я крупно вздрогнула, и это не осталось незамеченным.

— Отвечай, Кларисса, — с нажимом проговорил Отис. — Так ты знаешь его?

— Конечно, знаю. Еще с самого детства. Он работает конюхом в нашем родовом поместье.

Отрицать не имело смысла. Истина лежит на поверхности, достаточно лишь уточнить этот вопрос у любого из прислуги.

— Это все, что ты сейчас можешь мне сказать о нем?..

Я молчала, желая одного, — чтобы небеса потемнели, и меня поразила молния, дабы прервать мучительный допрос.

— Кларисса?..

— Мне сложно понять, к чему весь этот разговор, — выдавила я. — Но, если уж речь зашла о Ивене, могу с уверенностью сказать, что он — дурной человек, очень дурной. Наш конюх, что же, совершил преступление? И если к этому как-то причастная Инквизиция, то значит ли это, что он... некромант?..

На последней фразе мой голос искренне дрогнул, ведь даже произносить слово, связанное с некромантией, рядом с парой десятков служителей Инквизиции невыносимо страшно. Но я должна была предположить подобное, как предположил бы невиновный человек в моей ситуации.

— А что он сделал такого, что ты называешь его дурным?

Я отвела глаза в сторону. Сердце то бешено колотилось, то замирало.

— Это очень серьезно, Кларисса. Ты обязана сказать мне все как есть. Даже если то, что было, ты считаешь предметом достойным осуждения. Поверь, осуждение — наименьшее, что тебе сейчас грозит.

— Я не понимаю...

— Он оказывал тебе какие-то знаки внимания? Что-то делал тебе?..

Как окунули в ледяную прорубь. Я с трудом кивнула:

— Он вел себя по отношению ко мне... недостойно. Недостойно не только миледи, но и любой другой женщины. То, что он говорил, я вряд ли посмею повторить. Я хотела никому не рассказывать об этом, а лишь всеми силами избегать его... Прошу понять меня! Известно, как могут быть расценены такие вещи, и что часто саму женщину обвиняют в грязи, даже если она абсолютно невиновна.

Повисла тишина. Отис вздохнул:

— Так я и думал.

Я вскинула голову, не понимая, к чему он клонит.

— Ты знаешь, что это? — Батрис устало потряс бумагой, — Это — донос. Донос от имени Ивена Кэрмсола. Он обвиняет тебя в том, что ты — носительница темного дара. Некромант, который покалечил его.

Я уставилась на мужчину так, словно с трудом понимаю, о чем он вообще говорит.

— Это... невысказано, — пробормотала я, не чувствуя под собой ног. — Какая-то чушь...

— Ивен утверждает, что ты нанесла ему увечье с помощью магии смерти. У него развилась гангрена. Приложенные бумаги подтверждают, что лекарь пришлось ампутировать его правую руку.

— Гангрена?.. Магия смерти?.. Не понимаю... Что произошло, и при чем здесь я?!

— Послушай меня, — Отис положил тяжелую руку на мое предплечье и быстро заговорил. — Если эта бумага окажется на столе у моего дяди, как и все доносы, написанные на благородных, начнется непоправимое. Допросы. Бесконечные проверки. Ты хоть знаешь, какие методы применяют инквизиторы, чтобы выбить показания даже у людей нашего положения?.. Кроме того, твоя репутация будет безнадежно испорчена. Люди такого не забывают, Кларисса. Донос до сих пор не у Арнейма лишь потому, что моя помощница, сортировавшая обращения, успела первой его прочитать, и в связи со всей сложившейся ситуацией сразу передала бумагу лично мне.

Как первый признак подступающей истерики, мои губы задрожали. Кожа стала бледнее того листа, который сжимал мой жених.

— Но... теперь мне все ясно, — продолжил Отис, с омерзением взглянув на бумагу. — Знаешь, это ведь далеко не первый подобный случай... Сколько доносов написано во имя желания навредить человеку. Этот грязный сукин сын, видимо, сильно тебя возжелал, и, получив отказ, затаил обиду. Простолюдины часто беспечны и равнодушны к правилам гигиены, а на конюшне легко заработать травму. Доведя до гангрены, этот Ивен решил воспользоваться случаем и отомстить тебе.

Отис шагнул к костру и на моих изумленных глазах поджег смятый лист. Пламя жарко перескочило на бумагу, пожирая мелкие буквы.

— Кларисса, я никогда не позволю подобным грязным вещам причинить тебе вред, — тихо сказал Батрис. — Я не могу даже допустить мысли о том, что ты можешь оказаться виновна в подобном.

Бросил остатки доноса в пламя и, шагнув навстречу, обнял меня и крепко прижал к себе.

Тело еще трясло, но эта дрожь уже уходила. Я вжалась в плечо Отиса, и едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

— Не волнуйся. О доносе никто не узнает. Виновные будут жестоко наказаны по обвинениям, никак не связанным с тобой, и со всеми, кто с ними общался, будут проведены аккуратные разъяснительные беседы.

— Виновные?..

— Да, виновные, — кивнул, и его рука скользнула по моим волосам. — У Ивена есть помощница, в доносе стояла подпись. Конюх потерял правую руку, да и я не уверен, что он вообще умеет писать. Текст надиктован, и, по существующим в таком случае правилам, подписан тем, кто его непосредственно составлял.

— И кто же это? — ответ я уже знала, но верить в него не хотела.

— Твоя служанка. Вайна Кэн.

Я закрыла глаза, сильнее прижимаясь к Отису.

Так вот, что она забыла в моей комнате. Искала дополнительные доказательства моей

причастности к некромантии. Раз они с Ивеном подписались своими именами, значит оба готовы предстать в суде.

Да, мы с Вайной никогда не были настоящими подругами, но я могла назвать ее близким человеком. Этой девушке я доверяла как никому другому. Почему же из всех возможных вариантов, боги выбрали именно Вайну, чтобы в итоге ее рука написала слова этого доноса?..

— И Ивен, и Вайна теперь отправятся в поселение на рудники. Недуг конюха не будет тому помехой.

— Подожди... я совсем не хочу, чтобы мою служанку отослали на рудники! — выдохнула я. — Не знаю, что наговорил ей этот мерзавец, но до последнего она служила мне верой и правдой... Вайна очень молода, я не могу допустить того, чтобы ее жизнь еще в самом начале сломали...

Отис неодобрительно хмыкнул:

— Ты слишком добра к простой прислуге. Но, если пожелаешь, ее лишь вышлют из столицы куда-нибудь на восточное побережье с запретом на возвращение. Моя помощница лично наложит заклинание, которое не даст Вайне не только распускать про тебя слухи, но и отчетливо помнить причину, почему ей нельзя возвращаться в столицу.

— Пусть будет хотя бы так, — с облегчением кивнула я.

Мой взгляд скользнул по плечу Отиса и выше, к заготовленному столбу и охапкам дров.

Теперь, когда страх ушел, я понимала, что даже если бы Отис поверил доносу, вряд ли бы меня осмелились лишить жизни здесь. Этот костер предназначается другому, и, если вспомнить привычку Инквизиции проводить публичные казни некромантов на городских площадях, возможно, совсем не человеку.

Я отстранилась от жениха и повернулась к предмету, назначение которого мне оставалось неясным — чему-то высокому, на что была накинута черная ткань. Нежить я чувствовала издали, но сейчас ничего не говорило о том, что под тканью находится живой мертвый.

— А что это такое?..

— Клетка. А в ней гуль, выловленный в ближайших окрестностях, — нехотя ответил Отис. — Они обычно шумные, но его сковывает заклятье.

И, видимо, делает не находимым для некромантов. Инквизиция щепетильно относилась к вопросам безопасности. Какие еще в наскоро сооруженном лагере Инквизиции поставили заклинанья, узнавать не хотелось совершенно. Пусть донос и был сожжен, я не желала искушать судьбу.

— Ты тогда всерьез предлагал взглянуть на нежить? — я придала своему голосу как можно больше отвращения.

— Нет... конечно нет. Действительно не стоит на это смотреть. Пойдем, они уже скоро начнут, а нам здесь больше нечего делать.

Я с облегчением развернулась и поспешила к карете.

Кучера нигде не было видно. Краем уха я услышала тихий вопрос Отиса к одному из трех вооруженных всадников, что все это время неотлучно следовали за экипажем еще от поместья.

Охранник ответил Отису, что кучер отошел по нужде.

— Это лагерь Инквизиции, какого Верниса он вздумал здесь шляться, — процедил Батрис.

— Господин, ну что же теперь, под себя что ли ходить, — непосредственно пожал

плечами охранник. — Ему разрешили и даже согласились препроводить...

— Если он задержится, мы застанем сожжение. Так что этому раздолбаю стоит поспешить, чтобы не остаться заикой.

Тем временем возле клетки встал дородный, но бойкий мужчина и, жестикулируя, что-то обсуждал с несколькими инквизиторами, кивая на скрытого от глаз гуля.

Я не стала дослушивать разговор, вскочила на подножку и скрылась внутри кареты. В голове вспыхнул давно позабытый посмертный облик восставшей тетушки Айседоры. Голые кости без плоти, которые служили учебным пособием, не шли ни в какое сравнение с тем, что мне пришлось пережить в двенадцать лет. И воочию, а не на картинках увидеть гуля, нежить с гниющей плотью, я была не готова, как не была готова к той встрече с Ферре.

Но кучер, застигнутый нуждой не в то время и не в том месте, боги его раздери, как назло задерживался. За дверцей послышалась возня и крики приказов, и я, не сдержав любопытства, все же распахнула шторку, чтобы посмотреть на происходящее снаружи.

Выглянула в окошко ровно в тот момент, когда ткань с клетки резко стянули.

Серая с желто-фиолетовыми пятнами растрескавшаяся кожа и пустые бельма глаз. Сгорбленное существо, скованное несколькими цепями, лежало на решетчатом полу, сжимая и разжимая узловатые пальцы с длинными черными когтями. Выцветшие патлы обнажили острые лопатки и четко проступивший деформированный хребет. Существо дернулось, пытаясь привстать, и на впалой груди оказались две едва угадываемые округлости, выдавая в гуле то, что когда-то до смерти он был женщиной.

Я шумно выдохнула. Оторваться от этого зрелища я уже не могла, поэтому, чтобы хоть как-то прийти в себя, стала методично вспоминать все, что я знаю о гулях.

В них естественным образом обращались те восставшие покойники, которые давно умерли и успели вкусить крови и человеческого мяса, пытаясь утолить голод. Их конечности удлинялись, зубы становились массивней и острее, а ногти трансформировались в мощные когти. Эти твари перемещались на всех четырех конечностях, а спина никогда более не могла до конца выпрямиться, деформируясь согласно звериному существу. Если обращение в гуля не было делом рук некроманта, что тоже было возможным, то гулями редко становились выходцы из зажиточных семей. В основном эта нежить — умершие престолюдины без магических способностей из самого низа, при жизни недоедающие и страдающие от хворей.

Отис стоял прямо и спокойно наблюдал за происходящим. Судя по всему, он уже неоднократно видел нежить, и не был хоть сколько-нибудь смущен ее обликом.

Существо в клетке заторможено повертело головой и утробно заурчало, не разжимая рта, который связывало заклятье инквизиторов. Оно даже толком не понимало, что происходит.

Бешенство гуля из-за потери свободы, и из-за того, что он не может разорвать на куски вкусно пахнущих людешек с теплой кровью, прокатилось насквозь. На мгновение я словно побывала в шкуре нежити.

Ненависть и голод, — вот что ею двигало. И где-то в глубине, за всем этим клубком ужасающих эмоций теплился едва уловимый огонек потерянности и боли, который пробивался от души покойного человека, заточенного внутри.

Клетку открыли, и гуля выволокли за длинные концы цепей наружу. Загнутые когти бессильно царапали железные прутья, мышцы налились серыми буграми.

Инквизиторы выглядели собрано. Один из них, ведя рукой, поддерживал энергетические щиты, размывающие подрагивающий воздух вокруг его напарников.

Я ожидала какой-то речи или обрядов, но ничего подобного не последовало. Извивающегося гуля молча отволокли к уложенным дровам, ловким слаженным движением подняли наверх и закрепили спиной к столбу. Конечности гуля натянулись, но тот скрючился, не в силах разогнуться. Кто-то кинул хвороста, щедро плеснули масла,

забрызгивая нежить. Огненное заклинание, и ярко полыхнуло.

Рева не было, лишь утробное рычание.

Нежить не чувствует боль так, как человек. Но и она понимает, когда приходит конец. Столб закачался под судорогой полыхающего тела, из-за загоревшегося масла на лице нежити желтая кожа почернела, затрещала. Глаза бешено задергались в орбитах, словно это могло помочь вырваться.

Зрелище ужасало. Огонь только занимался, и было очевидно, что гореть гулю долго, прежде чем он превратится в обгоревшие головешки.

Отис брезгливо отвернулся и сквозь стекло поймал мой взгляд. Не знаю, что именно он увидел в моих глазах, потому что Батрис, чуть побелев, подобрался и вдруг решительным шагом направился прямо к полыхающему костру.

Я, ведомая непонятным мне самой порывом, подскочила, распахнула дверцу и кинулась за ним.

Отис остановился в шагах пяти от полыхающего гуля, и инквизиторы, заметившие его, не возражая, расступились. Младший Батрис поднял руки, и огонь костра вдруг резко взвился вверх, меняя свой цвет на белоснежно-белый. От неожиданности я едва не оступилась и застыла, ослепленная разбушевавшимся пламенем.

Пару секунд, и огонь опал, полностью сойдя на нет. На месте костра со скорчившемся гулем осталась огромная куча пепла, в которой угадывались очертания уложенных дров и человекоподобной фигуры. Блеснул расплавленный металл цепей.

Так вот какова магия моего нареченного. Стихия огня, и ею Батрис владел в совершенстве.

— Тебе стоило закрыть шторы и сидеть в карете, — тихо сказал Отис, заметив меня.

Я потрясенно кивнула, не отрывая глаз от останков. В отличие от остальных, для меня ничего не кончилось.

Призрачная тень медленно вытянулась из пепла, постепенно приобретая сходство с человеком. Тонкая фигура, длинные волосы, усталое, но очень привлекательно лицо. Призрак застыл, не понимая, что с ним только что произошло, а затем бесцельно заскользил прочь, растворяясь среди деревьев раскинувшегося вокруг нас леса.

Душа гуля не обрела покой. И после, вероятно, многолетнего заключения внутри гниющего тела, теперь она обречена на вечные скитания по земле.

***

Меня разбудил стук.

Я распахнула глаза и уставилась в чернильную темноту. В дальнем углу комнаты тихонько тикали часы, отмеряя секунды. Стук повторился, я села и потянулась к ночнику.

Отис привез меня домой сразу после сжигания нежити. Он пообещал приехать, как только сможет, скомкано передал привет моим родителям и покинул поместье. Ему явно было неловко, и я надеялась, что эта сцена в лагере Инквизиции несколько не повлияет на то, что начало зарождаться между нами.

Если, конечно, действительно начало.

Я смутно помнила, что говорила родным, когда вернулась. Мне смертельно хотелось спать и, рухнув на постель, я мгновенно вырубилась. Как таковых снов мне не снилось, лишь обрывки, полная мешанина из не запоминающихся сюжетов, где незабвенно фигурировали молчаливые призраки, которые хотели что-то мне сказать, но не могли, связанные заклатьем.

Я встала и вдруг поняла, что разбудивший меня стук шел от окна.

Может, обо мне вспомнил Энтон? Я вполне могла представить, что он, полностью пренебрегая правилами приличия, глубокой ночью вваливается в девичью спальню.

За стеклом стояла непроглядная тьма. Я, зевая, приоткрыла створку окна, и мимо что-то порхнуло, едва коснувшись крыльями.

К пальцам устремилась энергия, питаемая испугом. Я удержалась, с изумлением разглядывая мелкого воробушка, который, приземлившись на пол, попрыгал по комнате и остановился.

С этой птицей было что-то не так, и дело даже не в том, что она зачем-то так стремилась попасть ко мне в спальню. Взлохмаченные перья, давно засохшая кровь на брюшке. Пробежавший по коже холод, заставивший поежиться даже в теплой ночной рубашке.

Этот воробушек мертв, и, кажется, он сам того не осознавал. Птица водила головой, рассматривая мою комнату с тем любопытством, которое присуще самой обыкновенной живой птице. Прежде, чем в моей голове возник ворох предположений, что здесь вообще происходит, я разглядела свернутый в трубочку клочок бумаги, привязанный к лапке пернатого.

Воробей дался в руки сразу. С легкой брезгливостью я отцепила послание, и едва бумага оказалась у меня, птица вдруг вырвалась, и выпорхнула в оставленную щель на улицу. Я торопливо захлопнула окно и, раскрутив бумагу, прочла:

«Миледи, ваш дар — величайшее благо. Вы в тяжелой ситуации и враги подобрались к Вам слишком близко. Но Вы не одна, и мы готовы протянуть руку помощи. Приходите на перекресток у северного кладбища в следующую полночь, и Вы убедитесь, что в ночи можно услышать голоса, дающие ответы на самые сокровенные вопросы».

Едва я дочитала, бумага резко потеплела в руках, и я с трудом успела ее отбросить. Та ярко вспыхнула в воздухе и пеплом осела на пол.

Что ж. Теперь не надо ломать голову, как выйти на Голоса смерти. Они сами сделали первый шаг.

Вот только откуда они прознали, кто я? Я изо всех сил следила за тем, чтобы меня не могли заподозрить, да и объявились Голоса только сейчас, а это значило, что все дело в Ивене.

В конце концов, Ивен вряд ли молчал, и вполне мог рассказать о происшедшем не только Вайне, но и всем, с кем пересекался после нашей встречи в конюшне. Тот же

врач наверняка задавал вопросы, увидев, что стало с рукой молодого человека.

С помощью носового платка я тщательно вытерла пятно, оставшееся от письма, и промыла шелковистую ткань. Пока прохладная вода текла по подрагивающим от волнения пальцам, я решила, что завтра же встречу с Корре и сообщу о приглашении на встречу около кладбища. Мне жизненно необходимы советы, как вести себя дальше.

Когда я вернулась в спальню, в окно вновь постучали.

Еще одно послание? Как странно. Неужели все, что Голоса хотели мне сказать, не влезло на тот клочок бумаги? Я нервно усмехнулась.

Но за окном оказалась не птица.

Перед глазами замаячило едва различимое голубоватое свечение магического щита. Я отпрянула, а, перемахивая через подоконник, внутрь ввалился человек, одетый в темный плащ.

Едва не взвизгнула, но вовремя сдержалась, инстинктивно зажимая рот рукой. Незваный гость тем временем поднялся и отряхнул одежду от налипших сухих листьев лозы. Когда он поднял голову, я узнала Идвина.

— Какого Верниса?!... — с яростью зашептала я. — Что ты здесь делаешь?! Откуда узнал, где я живу?!

Сложно было даже сформулировать все возмущение.

Если бы кто-то из прислуги или родных решил проверить, что за странный шум доносится из моей комнаты, и обнаружил бы у обрученной девушки постороннего мужчину, грянул бы скандал. Отис и так видел меня на руках Корре, что он подумает, узнай об еще одном щекотливом инциденте?

— Клэр, я в курсе, кто ты и как тебя в действительности зовут, а выведать адрес не так уж и сложно... Или хочешь сказать, что после помолвки брата Отиса и нашей на ней встрече, ты ничего не узнавала обо мне? — усмехнулся некромант. — Думаю, мы уже должны быть квиты.

— Мне и в голову не пришло это у кого-то выпрашивать, — растерянно пробормотала и тут же, спохватившись, прикрыла себя руками, вспоминая, что стою в одной ночной рубашке. — Чем ты вообще думал?! В поместье отец до сих пор держит многочисленную охрану после покушения на мою жизнь, к тому же, я в таком виде...

— Я достаточно видел девушек в ночнушках, как, впрочем, и без, — словно невзначай окинул меня взглядом Идвин. — В такое время нет смысла думать о подобной ерунде. А охрану стоит выгнать взащей, я прошел сюда без какого-либо труда, воспользовавшись зельем для отвода глаз.

Я взбешенно фыркнула.

Его образ действительно плыл перед глазами, и сфокусироваться было не так-то и просто. Вернис же раздери этого некроманта...

— Сумасшедший... — пробормотала, быстро накидывая шаль. — Так что-то случилось? Почему ты вот так пришел ко мне? Мы уговорились в следующий раз встретиться на кладбище...

— Некогда ждать, мало времени, — отрезал Идвин. — Я должен тебе... кое-что показать. Объяснять долго, проще сразу перенестись по моему порталному камню.

— Показать?.. Голоса вновь что-то натворили? Энтон Корре не тот, за кого себя выдает?..

— Оба варианта вполне вероятны, но я здесь по иной причине. Поверь, это важно, — в интонации Идвина появилась мольба, и я вскинула брови.

— Раз так... Хорошо. Показать так показать. Только мне нужно переодеться....

Я было метнулась к шкафу, но, помедлив, обернулась к молодому человеку. Тот стоял на том же самом месте, с деланным увлечением разглядывая шторы.

— Ты не мог бы выйти? — проговорила с нажимом, кивая на дверь своего кабинета.

— Конечно, — встрепенулся некромант. — Так бы сразу и сказала.

Захотелось дать Идвину по шее. Но, впрочем, в деликатности у него всегда были существенные проблемы.

Ждал некромант недолго. Я оделась удивительно быстро для человека, которому нужно возиться со множеством застежек и крючков, присутствующих в костюме для конных прогулок. Однако этого времени ему хватило, чтобы изучить мое рабочее место для алхимии. Когда я вошла, он с любопытством осматривал перегонный аппарат, который мне еще давно подарил отец.

— Готова, — быстро поговорила, поправляя наспех сделанную косу. — Пойдем, я еще надеюсь выспаться этой ночью.

— Редкая вещица, — не слыша меня, проговорил Идвин. — Неужели работает на рудиновом сердечнике?..

— На нем самом...

— Потрясающе. Большая редкость, наверняка, твой отец достал его из лаборатории вашего «Светоча».

— Ты большой поклонник алхимии?

Одно дело сделать на коленке простое зелье для отвода глаз, другое — разбираться в тонкостях.

— Я учился на факультете алхимии... это моя маленькая страсть, — рука Идвина с какой-то нежностью скользнула по боку перегонного аппарата. — Тебе повезло. Многие бы отдал за такой, так просто столь специфичную вещицу не достать. Надеюсь, ты используешь воду хотя бы пятой очистки, будет жаль загубить такое чудо.

— За кого ты меня принимаешь, — усмехнулась я. — Как минимум седьмой. Если он тебе так приглянулся, я могу что-нибудь придумать и добыть точно такой же.

Некромант засветился, словно ребенок, которому пообещали подарить долгожданную игрушку на ночь перелома года. Его чувства я понять могла, сама едва ли до потолка не прыгала, когда отец притащил перегонный аппарат на мое день рождение.

Однако затем Идвин помрачнел.

— Бекка будет в ярости, — вздохнул он. — Она не переносит, когда в доме появляется новое алхимическое приспособление. В укрытие я столь ценную вещь нести побоюсь, лачуга может не выдержать сильной непогоды.

— Бекка?..

— Моя жена. Она считает, что вне работы мое свободное время должно всецело принадлежать ей. Думаю, это все больше от скуки. Своих занятий у нее, увы, нет, не считая редкого чтения дамских романов.

— Брак, что поделать, дело такое, — ответила я, неопределенно пожав плечами и в действительности мало представляя, о чем говорю.

Мои родители не имеют таких проблем. У них есть как личные увлечения, так и общие дела, от которых они получают искреннее удовольствие. Надеюсь, отец никогда и нигде не отзывался в подобном ключе о маменьке...

Конечно, видела я в нашем кругу и далеко не самые счастливые примеры замужества. С одной стороны, это легко списать на то, что в высшем свете брак — дело двух семей, желающих породниться, а не отдельно взятых молодых людей. О личных симпатиях часто забывают, как о чем-то незначительном. Однако, глядя на семьи прислуги, я

убеждаюсь, что свободный выбор супруга не гарантирует взаимного уважения и любви.

Поэтому каждый должен принимать те правила игры, которые диктует его положение.

Я вдруг едва ли не рассмеялась вслух. Вот как я начала рассуждать, став избранницей Отиса, в которого так сильно влюблена, ведь даже наличие Ферре не помогло мне его разлюбить. И окажись на месте младшего Батриса кто-либо другой, в моей голове зрели бы размышления совершенно иного толка.

И как же меня тешила одна мысль, в которой было сложно признаться даже самой себе... Мысль, что, если окажется возможным пережить все выпавшее на мою долю, и не выдать себя, справиться со всеми трудностями, возможно, мы с Отисом действительно когда-нибудь сможем обрести то счастье, которое мои родители нашли друг в друге.

Поняв, что повисла долгая тишина, я быстро сказала:

— Ты, все-таки, молод. Думаю, вы просто притирайтесь друг к другу, и когда-нибудь Бекка оценит все твои увлечения и способности. То есть... — резко смутилась, осознав, что только что наговорила. — Почти все.

Идвин криво улыбнулся, словно я со всей силы наступила каблуком на больную мозоль.

— Не будем задерживаться, нас ожидают. — Отстраненно сказал он и протянул ко мне руку.

Прежде чем я задала вопрос, мир ушел из-под ног.

***

— Никогда больше так не делай! — с легкой хрипотой вырвалось у меня.

— Что не так? — непонимающе спросил некромант.

Вокруг сгушался мрак. Скачущий, наспех сотворенный светоч освещал бесконечные ветви, покрытые ранней, еще совсем новорожденной листвой. Пахло сыростью и влагой. После теплой спальни здесь, казалось, так холодно, что я ожидала увидеть облачко пара, вырывающееся изо рта.

— Больше не обманывай меня, — откликнулась я. — Посмотреть на что-то и встретиться с кем-то — совершенно разные вещи.

— Не подумай ничего такого, в мыслях не было. А одно не исключает другого, в чем ты скоро убедишься...

— Давай уже прямо. Что это за место такое, куда ты хочешь меня отвести?

— С точки зрения географии? Мы не сильно далеко от земель одного из удаленных храмов Брианны, — пожал плечами некромант. — На самом деле, это та еще глушь.

— Да чтоб тебя, — в сердцах я едва не пнула лежащую под ногами корягу.

Затем замерла и прислушалась к своим ощущениям.

— Ты притащил меня на очередной кладбище?.. — совсем рядом ощущалось большое сосредоточение мертвой энергии, но я видела вокруг лишь темные стволы деревьев, уходящие далеко ввысь. — Надеюсь, здесь нет призраков вампиров или разъяренной банши, я не стала пить зелье виденья. Да ты и не предупредил, знаешь ли...

— Никаких призраков, все здешние мертвые давно упокоены. Да и будь это не так, мертвецы все равно не смогли бы вырваться наружу, — будничным тоном сообщил мне Идвин. — Скажу честно, не сильно горел желанием идти сюда. Совсем рядом священные земли богини жизни, где таким как мы находится опасно, наши силы там слишком подавлены. Но эта девушка... как бы сказать. С легкой придурью. И последние недели две она обитает тут.

— Девушка? Кто она?

— Ее зовут Анни. Она... отшельница. Пойдем, все узнаешь на месте.

Я фыркнула, но судя по лицу некроманта, более я не смогла бы выудить из него по делу ни слова.

Оставалось лишь следовать за молодым человеком, лавируя между тесно раскинувшимися деревьями и продираясь сквозь бурелом.

Светоч плыл перед нами на расстояние вытянутой руки, но вскоре он начал перебиваться другим странным свечением, которое шло откуда-то впереди. Подобное я уже видела, и когда мы подошли ближе, я уже почти угадывала, что это приблизительно может быть такое, но в действительности и представить себе не могла, с чем именно столкнусь.

Обычный лес резко кончился, сменяясь целой рощей тенеку.

Невысокие и мощные деревья, вроде тех, которые встречались на кладбище, с чуть светящейся листвой, мерцающей в ночной темноте. Это походила на волшебный лес из сказки, если не знать, чем именно питаются корни этой красоты. Я никогда не видела столько тенеку сразу, а присутствие их в таком количестве могло говорить только об одном — под землей покоится множество останков.

Впрочем, я и так чувствовала их. Мертвенная сила, бьющая из-под земли, проходила от ног до головы и мерно пульсировала, как неестественно медленное сердцебиение.

— Откуда их здесь столько? — только и смогла вымолвить я, чуть покачнувшись и

касаясь сероватого ствола рукой.

— Помнишь ту битву, под самый конец тысячелетней войны, когда было восстание некромантов? После которой начались гонения? Это то самое место. Здесь навек захоронено то, что осталось от поднявшихся мертвецов и подчинивших их носителей темного дара. Несколько десятков самых могущественных друидов того времени вырастили множество тенеку, чтобы освятить это место.

Дыханье на мгновение перехватило. Я посмотрела под ноги. Меж корнями деревьев виднелась рыхлая влажная земля, черная и жирная, такая, на которой можно собрать не один обильный урожай.

Мы двинулись дальше. Свет листвы окрашивал кожу в мягкий голубоватый цвет. Одни тенеку сменялись другими, и в какой-то момент я решила, что мы ходим по кругу.

Но вскоре впереди показалось особенно крупное дерево, которое мы не видели раньше. Его густая крона над головой полностью скрыла небо, а корни, впившиеся в землю, оказались толщиной с мою ногу.

На корнях, причудливо и неестественно изгибающихся в нечто, напоминающее мне то ли гнездо, то ли странной формы трон, скрестив и поджав под себя ноги, с закрытыми глазами сидела девушка едва ли старше меня.

Ее светлые волосы давно не видели расчески и сбились в длинные патлы. Одежда скорее напоминала обноски, цвет истасканной ткани угадывался с большим трудом. Грубые подошвы босых ног говорили о том, что незнакомка давно пренебрегает обувью как чем-то совершенно лишним.

Запястья и щиколотки девушки обвивали многочисленные малахитовые бусы. Лоб расчерчивали полосы темно-зеленой полу-стершейся краски, складывающиеся в растительные узоры, чередующиеся с неизвестными мне рунами.

Едва мы приблизились на расстояние пары шагов, незнакомка вдруг вскочила на ноги и резво протянула мне ладонь, распахнув большие желто-зеленые глаза.

Я ошарашенно посмотрела на руку, затем, поняв, что от меня хотят, неуверенно ее пожала, чувствуя, как на пальцы налипает подсохшая земля.

— Я Анни. Так ты — та самая Клэр, прекрасная и талантливая некромантка? — голосок Анни напоминал щебетание назойливых птиц.

Идвин слегка покраснел, недовольно поджав губы.

— Очень рада с тобой, наконец, познакомиться! — продолжила девушка. — Идвин о тебе столько всего рассказывал...

Я только и смогла что открыть рот. Надо же, а о самой Анни я впервые услышала только полчаса назад.

— Мы пришли по делу, — тут же встрял некромант, стремясь прервать восторженный поток слов девушки.

— Точно, — Анни хлопнула себя по лбу. — Дай-ка, посмотрю на браслет.

Не спрашивая, девушка деловито схватила меня за руку и придирчиво уставилась на обручальную змейку.

— Сильно давит? — участливо спросила она. — Не самое приятное украшение для кого-то вроде тебя. Энергия жизни приносит дискомфорт носителю темного дара, если ее не стабилизировать и не подстроить...К тому же, твоя магия будет только слабеть, если с этим ничего не сделать.

Я резко отдернулась, вырываясь из хватки Анни:

— Что происходит?.. Кто ты вообще такая?

— Идвин тебе не сказал?.. Я друид. — Анни горделиво откинула мешающую ей прядь и

подбоченилась. — Я могу даже снять такую штуку, если на то будет твоё желание.

— Не надо ничего снимать! — Я искренне опешила. — И вообще, разве так просто снять обручальный браслет?

В моих глазах эта девчушка не имела ничего общего с привычными мне служителями Брианны. Да кто она такая, чтобы заявлять подобные вещи?

— А разве кто-то сказал, что это просто, — Анни оглянулась, словно ожидая увидеть кого-то ещё, и непосредственно пожала плечами. — Но я могу. Я многое могу. Я — глас богини, её проводник.

Я как бы понимающе кивнула, с укором покосившись на некроманта. Ясно. Эта девушка действительно с придурью, если не серьёзно поехала головой.

— А богиня не против, что ты водишь дружбу с кем-то вроде нас? — после коротких раздумий вдруг язвительно вырвалось у меня и я тут же прикусила язык.

Анни заливисто расхохоталась:

— А ты ещё и смешная, — едва ли не утирая слезы, проговорила она. — Почему это я не могу дружить с тем, с кем захочу? Тем более при чём тут сама Брианна? Или ты имеешь в виду церковь?.. О, сейчас служители храмов богини как никогда далеки от сути самой жизни и уже ничего не понимают. Разве возможно рождение сочных злаков без плодородной почвы, которую даёт нам существование смерти? Разве Брианна не жена Крелорса, источника тёмного дара? О чём вообще тут можно говорить, если церковники совсем обезумели и даже запретили должным образом проводить главный праздник богини...

— Должным образом?..

— Она имеет в виду древние традиции... — тихо пояснил Идвин и затем, вздохнув, добавил. — Пляски и таинство религиозных оргий. Она говорит об этом.

— Эти глупые люди нарядили женственный стан богини в монашескую рясу, — презрительно кивнула Анни. — Брианна покровительствует не только законному браку и ограничениям во имя неё, но и также всему, что несёт с собой жизнь и инстинкты, заложенные богиней в человека, которого она сотворила. Ей чужды глупые навязанные догматы. И Брианна больше не говорит с церковниками. Да даже обычные шлюхи и те интереснее богине, чем нынешние служители её церкви!..

Девушка вновь расхохоталась. Её слова звучали жутким богохульством, и не будь я некромантом, что делало меня в собственных глазах слишком далекой от церкви, то не удержалась бы от возмущения.

— Как вы вообще познакомились? — после паузы непонимающе спросила я.

Взбалмошная Анни и сдержанный Идвин казались существами из разных миров.

— Твой друг однажды получил по шее от одной вспыльчивой банши, — доверительным тоном сообщила мне Анни, прежде чем Идвин открыл рот. — В ту ночь сама богиня привела меня к нему, чтобы бедный парень не отошел к её мужу раньше назначенного срока. Целительство от источника самой жизни может быть губительно от рук неумелого друида для носителя тёмного дара, но я легко справилась с этой задачкой. Жизнь и смерть друг другу не враги, если ты действительно принимаешь цикл рождения и смерти.

— Анни умеет творить чудеса, — тихо сказал некромант. — Она на многое способна, несмотря на столь юный возраст для друида.

— Так мы будем снимать браслет или нет? — снова деловито на меня посмотрела Анни. — Или же ограничимся балансировкой энергии?..

— Снимать?.. Я не собираюсь его сейчас снимать! — запротестовала я, инстинктивно одергивая на запястье рукав.

— Ну, как знаешь, — повела плечиком девушка и кивнула на сплетенное из корней импровизированное кресло. — Садись, а то от магии по голове вдарит.

Она пошевелила пальчиками, и корни дернулись, приподнимаясь выше. Я недоверчиво и с легкой брезгливостью окинула взглядом перепачканное влажной землей предложенное место, и все-таки села, надеясь, что штанах не останется мокрых пятен, а все происходящее не окажется ловушкой.

Анни откинула назад длинные грязные пряди и, склонившись, прикоснулась к металлу змейки. От девушки тянуло потом, и чем-то терпко древесным, словно набрал полный рот вяжущей на зубах смолы.

Ловкие гибкие пальцы перебирали токи энергии, как умелый музыкант настраивает струны хорошо знакомого инструмента. Меня вдарило в жар, а затем — в озноб. Голову слегка повело, а потом вдруг стало так легко, что я на мгновение испугалась, что браслет все-таки сняли.

Но змейка до сих пор оставалась на запястье. Более не она давила на руку, энергия жизни по-прежнему циркулировала в ней, но теперь текла по ограниченному кругу, благодаря чему не соприкасалась с моей аурой.

— Спасибо огромное, Анни, — искренне сказала я, — Так намного лучше...

— Ты уверена, что не хочешь избавиться от этого бремени? — спросил стоящий рядом и все это время молча наблюдающий за манипуляциями друидки Идвин. — Хорошенько подумай. Сейчас отличный момент, в этом особенном месте Анни без труда снимет обручальный браслет, черпая энергию от тенеку...

— Давай оставим эти разговоры, — отчеканила я.

— Я поправила энергетику артефакта, но это не длительный эффект, ведь его изначально заряжала не я, — сказала Анни. — Если тебе угрожает какая-то опасность, самое правильное, как и говорит Идвин, избавиться от этой игрушки.

— А надолго этого хватит? — уточнила, чувствуя, как радость от приобретенной легкости скорострительно тает.

— День, может два.

Я уже не смогла сдержать вздоха разочарования:

— Этот явно срок не стоил того, чтобы идти сюда... Такая вылазка из дома может дорого обойтись...

— Я так и думал, что ты отвергнешь предложение избавиться от браслета. Мы заранее обсудили это с Анни, и у нас есть план. Раз нужна постоянная балансировка, то Анни будет рядом с тобой, — сказал Идвин. — Чтобы всегда была возможность поработать с браслетом.

— Но... это вряд ли возможно... — ошеломленно произнесла я.

— Идвин говорит, у тебя полным-полно прислуги, человеком больше, человеком меньше... Знаешь, я давненько не спала на простынях и не ела горячего барашка. До твоей свадьбы я могу изобразить горничную или что-то вроде того.

Я потеряла дар речи. Анни тем временем почесала зудевшую от отсутствия регулярного мытья голову.

— Я подготовил рекомендацию от имени своей жены, — быстро сказал некромант. — С такой бумагой Анни должны взять в твой дом, а после ты выскажешь желание сделать ее личной служанкой.

— Вы хоть понимаете, что мне предлагаете? — спросила охрипшим голосом. — Анни, ничего такого не подумай, но моя маменька, увидев тебя, скорее упадет в обморок, чем решиться взять в наш дом. К тому же, ты друид, а не камердинер!

— Я достаточно многогранная личность, — развеселилась девушка. Ее явно приводила в восторг представившаяся возможность пожить под крышей, — Мой отец и мать работали в поместье одного графа. Я помогала им, пока о себе не дали знать мои способности, и меня не забрали в школу при храме Брианны. Из которой пару лет назад я самовольно ушла... Поверь, моей богине авантюры нравятся не меньше, чем мне, и она будет покровительствовать нам и не даст попасть впросак. Будь спокойна.

Я смогла только выдавить улыбку. Предложение Идвина и Анни казалось безумным, но отчего-то даже начинало веселить. Да и место Вайны освободилось, и все складывалось так, словно воплощался план каких-то высших сил, или же...

— Идвин, а ты случайно не знал, что я не так давно... отказалась от услуг своей личной служанки? — тихо спросила, вглядываясь в лицо некроманта и пытаюсь уловить малейший намек, доказывающий самые недобрые подозрения.

— Что? — легко приподнятая бровь и непонимание. — Что ты имеешь в виду?

— Неважно, — ответила я. Рассказывать эту историю не хотелось, слишком тяжело говорить о доносе Вайны вслух. Впрочем, были и другие темы для разговора. — Я думаю, я не могу отказаться от предложения о такой помощи. На связь со мной вышли Голоса смерти. Они прислали приглашение на встречу у северного кладбища в следующую полночь. Я хочу быть в полной готовности в случае чего дать отпор и при этом не тяготиться браслетом.

Идвин отступил на шаг, отбрасывая мешающие обзору волосы.

— Серьезно?.. И ты, Клэр, конечно же, решила идти?.. Вернис побери Энтон, который тебя в это втянул... Ты же не отправишься туда одна?

— Думаю, Энтон что-нибудь придумает. Голоса смерти не идиоты, они заметят неумелую слежку. Корре же наверняка знает...

— Просто напоминаю, что его люди не смогли незаметно за тобой проследить...

— Верно, но меня они могли недооценить. Здесь же речь идет совсем о другом.

— Похоже, ты оправдываешь Корре. С чего ты взяла, что Энтону стоит верить? Даже если то, что мы услышали, правда, он явно говорит не все, что знает, и не до конца с нами честен.

Я вспомнила записную книгу по некромантии, почерк в которой совпадал с почерком Корре. Идвин прав, как не крути, но Энтон — единственная стоящая зацепка, чтобы размотать клубок, заключающий в себе спасение для Извичей.

Некромант заметил выражение моего лица.

— Как знаешь, Клэр. Но помани мои слова, встреча с Голосами смерти не кончится ничем хорошим.

Где-то вдалеке заволновалось воронье. Я смотрела на серьезного Идвина, чье лицо будто выточили из камня, и понимала, что полностью с ним согласна, но не в силах ничего изменить.

Встреча с Голосами не кончится хорошо. Но я в действительности слабо верила, что все что со мной происходит в принципе может завершиться благополучно. Так что же мне терять?..

***

Сразу узнать Анни я не смогла. Волосы она остригла на половину, а то что осталось, каким-то чудом привела в сносный вид и даже накрутила во вьющиеся крупные локоны, что сделало ее похожей на куклу. Без узоров на лице, в опрятном платье без множества ритуальных амулетов она производила впечатление крайне миловидной невинной девушки с чуть припухлыми чувственными губами и немного застенчивым взглядом, в котором я, впрочем, то и дело ловила восторженную от осознания происходящего смешинку.

— У Анни чудесные рекомендации, не девушка, а диво. И чего она только не умеет, кроме уборки и требуемого ухода за миледи. И шить, и петь, и стричь, что угодно, — делилась со мной маменька, прежде чем представить мне мою служанку. — А я подумала, что новое лицо у нас в доме не повредит. Не справится, приставим к тебе другую.

То, что маменька сразу решила сделать Анни моей личной прислугой, было только на руку и я согласно кивала, показывая полное одобрение.

— Надеюсь, у нее есть и чувство вкуса, — проговорила я. — Сегодня хочу поехать по магазинам, купить новое платье и развеяться. Может, даже встречусь с Элиной, нужно многое обсудить. Дядя Отиса желает провести наши свадьбы в один день единым торжеством...

— Старший Батрис мне сказал, — понизила голос маменька, останавливаясь в коридоре и оглядываясь, — Что вашу свадьбу почтит визитом сам государь...

— Это большая честь для нашей семьи, — сказала я со всем требуемым почтением и гоня дурное предчувствие.

— Поэтому организация должна быть не просто хороша, превосходна, — подхватила эту мысль маменька.

Видимо, хлопоты о свадьбе затмили ее осторожность, раз она решилась взять новую прислугу в то же самое утро, как Анни пришла в наш дом. Перед таким событием мне требовалась постоянная помощь, а Вайна так внезапно исчезла из поместья со всеми своими вещами...

Заново при маме познакомившись с Анни и задав обычные вопросы, которые следует задавать в подобном случае, я приказала готовить карету, чтобы отправиться в город.

Едва мы с Анни оказались внутри, и лошади, понукаемые кучером, тронулись, девушка неприлично развалилась на подушках напротив и расхохоталась:

— Вот же умора...

— Сколько масла ты потратила на волосы? — с любопытством спросила я, вспоминая ее колтуны.

— Извела две бутылки, а потом прибегла к магии. Органика податлива не только для... таких как ты, — Анни подмигнула. — С браслетом все хорошо? Не давит?

— Пока что да, — меня слегка нервировала легкость, с которой друид упоминала о темном даре. — Я сама скажу, как почувствую, что что-то не так... А ты действительно умеешь все то, что написано в рекомендациях?

Анни фыркнула, оттягивая тугой воротник платья пальцами с аккуратно подстриженными и очищенными от грязи ногтями:

— А ты собираешься заставить меня шить себе наволочки, распевая баллады? Как жестоко с твоей стороны...

— Не я, но маменька...

— Не волнуйся, — махнула рукой Анни. — Я не врала, когда говорила, что у меня много талантов. Надо будет, и сошью, и сделаю тебе прическу, и спляшу, дабы господа не

заскучали.

Она вновь заливисто расхохоталась. Я улыбнулась, зараженная ее весельем.

Мы вышли у парка, где я и распорядилась нас ожидать. Анни, приняв скромный вид и даже стеснительно потупив голову, последовала за мной на расстоянии пары шагов.

Покупать платья или рассматривать украшения я сегодня не собиралась. Встреча с Элиной также была хитростью, чтобы маменька не увязалась за мной, я же планировала совершенно иное.

Неспешно пройдя по парку, мы вышли к торговой улочке и скользнули в узкий переулок. Пахло залежавшимся мусором и мочой.

— Осторожно пройди сквозь квартал до конца и выйди ближе к порталному камню. Я появлюсь там, а пока что мне нужно отлучиться, — я нащупала в кармане амулет, который дал мне Энтон.

— Это куда?.. — потянула Анни. — Тебе лучше взять меня с собой, вдвоем безопаснее.

— Я не могу, правда.... И там мне ничего не угрожает.

Я отступила на пару шагов и активировала порталный амулет, растворяясь в облаке темных искр. Последнее, что я увидела перед телепортацией, было озабоченное лицо Анни.

***

Знакомый сладковатый запах гниения роз. Мастер теней, сидящий у деревьев около порталного камня и тщательно точивший клинок, подскочил, не рассчитывая на незваных гостей.

— Доброго дня, мне нужно увидеть Энтона, — торопливо сказала я. — Есть важная новость.

Мужчина кивнул, убираю холодное оружие.

— Хорошо, миледи. Но придется подождать, господин занят. Это недолго, а пока прошу за мной.

При свете дня дом производил еще более удручающее впечатление. Солнце беспощадно пекло облезлый фасад, доски лестницы, ведущей внутрь, шерились провалами.

— И чем занят милорд? — спросила я, стараясь не оступиться.

— У него важные гости, — нехотя буркнул маг.

— Из Объединенных республик? Кто-то из вашего сообщества?

— Этот визит не имеет отношения к делам некромантов, — ответил мужчина, забываясь и ощупывая языком гнилые зубы. — Если господин Корре пожелает, он сам все вам расскажет.

В той гостиной, где мы в прошлый раз сидели у камина, расположилась Галлея. Она лежала на изящной кушетке, закинув ноги в сапогах на высокую спинку и свесившись головой вниз. Ее рыжие волосы огненной медью рассыпались по полу, а тонкие пальцы от скуки вычерчивали витиеватые знаки в воздухе, не доводя фигуры до конца, чтобы магия, заложённая в символы, не сработала. Когда я вошла, драург лениво мне кивнула и с новым ожесточением вернулась к своему занятию.

— Господин до сих пор занят? — спросил маг теней.

— Ага, — ответила мертвячка. — Уже третий час.

Она украдкой покосилась на меня, и ненароком почти довела очередной символ до конца, что едва не подожгло занавеску.

— Вернисова топка кишками наружу, — процедила Галлея и замахала рукой, развеивая знак над головой. — Эйгус, будь добр, займи нашу гостью в любом другом месте.

Прежде чем маг теней ответил, дверь, ведущая в одну из комнат, смежных с гостиной, скрипнула и отворилась. Галлея мигом встала и подобралась. Потянуло незнакомым запахом, отдающим в легкую горечь.

В гостиную прошел молодежавый мужчина с хищным крючковатым носом, но в целом, приятной наружности. За ним, чуть наклонив голову, следовала девушка, и ее появление сразу завладело всем моим вниманием, настолько непривычным для наших краев оказалась ее внешность.

Неуловимая странность во всем овале лица, отсутствие привычной резкости форм. Миндалевидный разрез глаз почти без складки верхнего века, темная радужка полностью сливалась со зрачком. Длинные черные волосы струились по тонкой девичьей спине, гладкие и блестящие, невероятно прямые.

И пусть незнакомка и пренебрегала прической, необходимой в обществе, одета она была в красное модное платье с красивыми атласными лентами.

Пока я с любопытством ее разглядывала, то вдруг поняла, что что-то мозолит глаз, отличается от обычной картинке. Я моргнула, сосредотачиваясь.

У этих двоих оказалась плотная тонкая аура...

Вампиры.

Под тяжелым взором мужчины я присела, растягивая на губах приветственную улыбку. А когда поднялась, в комнату уже вошел Энтон.

— Кларисса, не ждал тебя так скоро, — сказал он. — Есть какие-то новости?

— Да, но вижу, я не вовремя?..

Вампир-мужчина почти сразу потерял ко мне интерес, а вампирша, напротив, придирчиво рассматривала меня ровно с тем же упорством, как и я ранее ее.

И это не взгляд женщины к женщине, заинтересовавшейся чужой укладкой. Что-то холодное и расчетливое, оценивающим далеко не ширину талии или стоимость кружева. Она словно смотрела насквозь и видела то, что людям даже с магическими способностями увидеть недоступно. По спине пробежали мурашки.

— Что ты, дорогая, я всегда тебе рад, но придется подождать еще немного. Галлея, господу желают внести плату, но флакон разбился. Принеси нам запасной.

— Разбился?.. — недоверчиво спросила Галлея, но тот же сникла, увидев, как Энтон нахмурился. — Сейчас, мой господин.

Она вышла и быстро вернулась, держа в руках уже знакомый мне флакон. Такой же был у Корре в ту страшную ночь, когда на меня напали.

Вампир требовательно протянул руку, и сосуд перешел к нему. Темноволосая девушка вытащила притаившийся в складках ее пышного платья кинжал и спокойным жестом, словно не делала ничего необычного, резанула по своему запястью.

Темная жидкость полилась в флакон. Вампирша с силой сжимала и разжимала пальцы, заставляя кровь течь быстрее. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она убрала руку и лизнула порез. Судя по всему, такая кровопотеря никак не повлияла на ее самочувствие.

Что же такого Энтон дает вампирам взамен?..

— Надеюсь, вы, господин Корре, закончите вовремя, — вампир передал драургу наполненный кровью стеклянный затемненный сосуд.

— Конечно. Галлея, будь добра, убери кровь в холодильный шкаф. Господу, был рад иметь с вами дело, — Энтон на мгновение склонил голову. — Кларисса, прошу ко мне.

Кивнула и поспешила как можно скорее избавиться от общества вампиров.

Я прошла в большой просторный кабинет, совмещенный со спальней, как это бывало принято в очень старых домах. Первое, что бросалось в глаза и удивляло, так это то, что все стены заполняли картины, висящие в два-три ряда. В основном это были портреты самых разных господ, среди которых, впрочем, я не увидела ни одного знакомого лица.

В дальнем конце располагалась большая застеленная кровать с бархатным балдахином насыщенного бордового цвета. На узорчатых столбах по углам стыдливими ключьями висела паутина, до которой не дотянулись руки того, кто попытался навести подобие порядка.

Неподалеку стояли старинные шкафчики, столик со множеством разноцветных склянок и зеркало. Левее находился письменный стол, пыльный и пустой, не считая небольшой медной чаши с пеплом, видимо, представляющим из себя остатки любой корреспонденции в этом доме.

Середину же комнаты занимал мольберт с недоделанной работой. Горьковатый запах стал сильнее, чем в гостиной, и я только сейчас поняла, что так пахнет масло.

Несмотря на то, что картина пока была не завершена, с нее на меня, словно живые, взирали те два вампира, которых принимал в покоях Энтон. Напротив мольберта было кресло, в котором восседал вампир во время позирования, и за которым на картине

стояла его спутница.

— Так вы... вы художник? — после короткого молчания потрясенно вымолвила я.

— Каждый имеет право на свое хобби, — пожал плечами Корре. — Я с юности пишу картины, и вампиры как никто другой разбираются в искусстве и ценят прекрасное. Вампирскую кровь сложно раздобыть, и от подобных заказов я не смог отказаться на время пребывания в Рулеви. Увы, здесь Галлея не может полноценно питаться, не привлекая к себе избыточного внимания, эта кровь же позволяет надолго удерживать тело драурга в хорошем состоянии. Да и раны она затягивает превосходно...

— Невероятно, — я позволила себе рассмеяться. — Я могла подумать о вас что угодно, когда увидела флакон с кровью, но никак не это...

Я прошла по спальне, с любопытством разглядывая картины. Я мало понимала в живописи, но их реализм потрясал. Казалось, изображенные на полотнах вот-вот вздохнут или поправят выбившийся шейный платок. Ничего подобного ранее мне видеть не доводилось.

— Как вы только это делаете?.. Какой талант...

— Многие годы тренировок и ничего более, — ответил Корре. — За столько лет и безрукий бы смог научиться чему-то подобному.

— И сколько же лет вы пишете картины?

— Хм, где-то лет триста, не меньше.

Я обернулась, открыв рот. Энтон смотрел на меня абсолютно серьезно, странно улыбаясь и чуть прикусывая уголок губ.

— Вы отлично сохранились, я бы не дала вам и сотни, — пробормотала, лихорадочно соображая, что же все это значит.

Такое долголетие... достичь его можно было самыми разными путями, но мало кому это удавалось из смертных, и они никогда не спешили делиться своими секретами. Зато были другие способы, которые никак не подразумевали то, что воспользовавшийся ими может оставаться в живых в полном смысле этого слова.

— Вы не вампир, — утвердительно сказала я, чуть отступая.

— Конечно нет, моя дорогая.

— Так вы все же... драург?..

Энтон рассмеялся, обнажая ровные зубы.

— Естественно, вы могли подумать об этом. Нет, Кларисса, я не живой мертвец. Знаешь ли, когда достигаешь определенного уровня могущества, появляется возможность влиять на собственное старение. В Рулеви в наше время слишком мало столь сильных магов, которые на это способны. Нам же, некромантам, порой даже проще влиять на свое тело, пропитанное магией смерти, над которым мы властны... Кстати, хорошо, что мы заговорили об этом. Есть кое-что, что может быть вам полезным. Извичи пусть и не способны видеть призраков без помощи зелья, но при их потенциале сила не могла компенсироваться во что-то иное... есть одна интересная особенность, о которой я так и не успел рассказать...

Я хотела верить Энтону, но отчего-то не могла, и уже почти не слушала его.

Между нами с самого начала пролегла незримая тень недомолвок, которая то густела, то светлела, но продолжала существовать и не могла так просто исчезнуть, пока все не встанет на свои места. Пока Корре не объяснит, что же ему нужно от меня и почему... почему его почерк так невероятно схож с почерком моего предка.

В голове промелькнули рисунки из записного блокнота. Их хозяин определенно имел те же таланты, которыми обладал Энтон...

— Вы же сами из рода Извичей, не так ли, господин Корре? — тихо спросила я.

Энтон замер, на секунду опешив. Затем ухмыльнулся, словно его, как мальчишку, поймали на какой-то дерзкой, переходящие все границы приличий выходке.

— Да, я Извич, — сказал он после долгой паузы. — Был им рожден и всегда им буду. Мое настоящее имя Ивентон Извич, хотя уже последнюю сотню лет мне ближе имя Энтон, аналог его звучания из Объединенных республик. Но... как ты поняла?..

— Я нашла записную книгу по некромантии. Почерк в нее идентичен вашему.

— Потрясающе, — громко расхохотался Энтон.

Он прошелся по комнате, деланно разглядывая свои картины. С его лица не сходило странное, почти безумное выражение.

— Судьба — странная штука, Кларисса. Я рад, что мои записи попали в нужные руки. Что ж, если вы уже об этом знаете, значит, мы можем поговорить обо всем прямо.

— Так вы пришли к моему отцу, потому что через женитьбу желали вернуть себе семейное поместье? — мой голос упал, колени задрожали.

— Верно. К сожалению, к тому времени мы пока не были знакомы, и я не успел убедиться, что вы являетесь не меньшим сокровищем, чем родовое гнездо нашего великого рода. — Энтон повернулся ко мне, и от его пристального взгляда стало не по себе.

— Но как же ваша миссия сообщества некромантов из Объединенных республик?..

— Одно другому не мешало. Я вызвался взяться за это дело, потому что уже давно планировал возвращение на родину. Если мы переломим ситуацию, то я останусь здесь, чтобы объединить оставшихся в Рулеви некромантов.

— Так вы, зная про наше родство, все равно... поцеловали меня?..

— Кларисса! С момента моего рождения уже минуло несколько поколений. Если мы родственники, то очень дальние, к тому же... Вы же знаете, что у некромантов есть некоторые проблемы с деторождением?

— Проблемы?..

— Энергия мертвых имеет свойство дурно влиять на репродуктивность. Самые могущественные некроманты редко способны иметь детей, да и у слабых со временем возникнут некоторые трудности. И из-за этого наши способности не могут передаваться от родителя к ребенку, носители темного дара рождаются у близких родственников некромантов, которые сами, чаще всего, даром не обладают. Жаль, что ваша мать не смогла родить вам брата или сестру, род, увы, скорее всего прервется, если Брианна не явит чудо. Я веду к тому, что мы не прямые родственники, моя дорогая, и вряд ли, даже имея одну кровь, явим на свет детей. Поэтому, нет никаких препятствий, которые бы могли встать на пути к созданию... нашего союза. Конечно, если ты сама этого пожелаешь.

Я сделала несколько шагов и рухнула в кресло, стоящее напротив мольберта.

— Я должна... должна подумать обо всем этом, — тихо ответила я.

Энтон Корре подошел и взял меня за руку.

— Надеюсь, наши родственные узы только укрепят наши взаимоотношения. Во имя семьи Извичей, мы должны держаться друг друга. — Его губы коснулись моих пальцев, и у меня не было сил вырвать ладонь. — Помни, что не стоит принимать скоропалительных решений на столь сильных чувствах, которые сейчас, должно быть, раздирают тебя на части.

Говоря про сильные чувства, Корре не ошибался.

Хотелось скорее выбежать из разваливающегося дома, служившего убежищем для

Энтон и его подручных, и никогда больше не возвращаться. Стало так брезгливо, что, если бы меня окунули в купель с освященной жрецами водой, она бы все равно не смыла этого гадливого ощущения.

Но я не могла так уйти. Все зашло слишком далеко, чтобы сворачивать в середине предначертанного мне пути.

— К Вернису принятие решений и к Вернису наш род, — тихо ответила, облизывая пересохшие губы. — Я полная дура, раз начала весь этот разговор именно в этот момент.

Убрала руку из цепких пальцев и встала.

— Я обдумую все услышанное позже. Сейчас... сейчас это неважно, будь вы мне хоть не предком, а потомком, поправшего все законы бытия. Голоса смерти связались со мной. Я встречу с ними, и мне нужна ваша поддержка в предстоящую ночь и желание прийти на помощь, если дело окончательно примет дурной поворот. Другое меня не волнует.

— Уже связались? Так рано?.. Что ж, я полностью к твоим услугам, — полушутливо поклонился Корре, но его глаза потемнели. — Я и мои люди придумаем, как обезопасить тебя в эту встречу. И раз события развиваются так скоро, то ты точно должна узнать кое-что еще.

— Вы шутите... — я едва не застонала. — Чем вы еще вознамерились довести меня до сердечного удара?..

— Нам лучше выйти в сад, — не слушая меня, ответил Энтон.

Ручка двери скрипнула под его рукой, и я на ватных ногах последовала за некромантом, моля богов о том, чтобы очередной сюрприз оказался приятнее, чем предыдущий.

Сад нисколько не изменился за время моего краткого отсутствия. Его темное очарование уже не трогало, а тяжелый запах цветов, и живых, и гниющих, лишь раздражал. Я перешагнула через опавшие прямо на дорожку ветви розового куста и спросила:

— Может, хватит потрясений на сегодня? В чем дело, господин Корре?..

— Кларисса, отбрось уже окончательно весь этот официоз, мы не чужие друг другу люди, — ответил Энтон, и я с трудом сдержалась, чтобы не скривиться. — Я покажу тебе то, что можем только мы, истинные Извичи. Небольшой подарок за некоторые слабости нашего рода от матушки-природы или самого Крелорса, в зависимости от твоих взглядов на происхождение нам подобных. Благодаря этому чудесному дару или, может, просто случайной мутации кого-то из прародителей, мне удалось прожить несколько дольше, чем другим, и надеюсь, эта способность поможет мне наслаждаться своим существованием и далее.

Некромант уверенно свернул с дорожки и двинулся в низкие заросли роз.

— Делать это просто. Как дышать. Главное, понимать, что ты хочешь. Тем более, ты же уже достаточно контролируешь энергии, не так ли?..

Я, не решившись последовать за ним в кустарник, не успела ответить, когда Корре улыбнулся и достал нож.

Секунда, и Энтон с размаху вогнал его в свое плечо. Я изумленно застыла, разинув рот и не понимая, что происходит.

Корре выдернул лезвие, в одно движение стер с него кровь и отряхнул пальцы. На ткани расплывалось багровое пятно, но о боли мужчины говорила лишь капля пота, выступившая на лбу, и напряженная поза.

— Вы сошли с ума?! — выдавила я. — Что вы такое делаете?!

— Не подходи, — глухо ответил Корре и поднял вверх здоровую руку.

Я увидела знакомое легкое зеленоватое свечение и испуганно отступила, готовясь принять волну темной разлагающей энергии от вконец обезумевшего некроманта.

Но вместо этого ощутила ток сил не от него, а навстречу самому Энтону. Цветы вокруг дрогнули и наклонились, словно движимые незримым ветром, закружившемся вокруг Корре. Цветочные лепестки задрожали, и несколько их десятков оторвалось от головок, чернея и скукоживаясь в воздухе. Едва различимые искорки энергии жизни, мерцающая, потекли к некроманту и, уже темнея, устремлялись к его плечу.

Через несколько секунд Корре стоял в центре почерневшего, абсолютно правильного круга иссохших роз. Поза Энтон перестала быть напряженной и он, ничуть не стесняясь, неспешно расстегнул камзол, затем верхние пуговицы рубашки и, наконец, оттянул белую ткань вбок.

На его коже не осталось и следа от удара ножом.

— Мы можем восстанавливать свое тело, Кларисса. Как драурги едят плоть для регенерации, нам достаточно использовать что-то живое, чтобы залатать раны или восстановить истощенные органы. Правда, эти розы пропитаны энергией жизни, поэтому их хватило на лечение, обычно требуется... больше. Может подойти большое дерево, а лучше — животное, чем глубже повреждение, тем больше жизни нужно... выпить. Даже драур, существо скорее мертвое... его жизнь вполне сможет тебя спасти, если ты решишься ее забрать. В действительности любая энергия, ведомая силой некроманта, отравляется прикосновением смерти и становится пригодной для нужд носителя темного дара. С опытом ты поймешь, что насколько это очевидно и как просто можно использовать в своих целях.

Я некоторое время молча смотрела на него, переваривая услышанное. Затем с трудом разомкнула губы:

— Я встречаюсь с Голосами на перекресток у северного от поместья кладбища в грядущую полночь. Надеюсь на вашу поддержку.

Затем развернулась и, поддерживая мешающие юбки, быстро пошла прочь, в направлении, где был порталный камень.

— Ты в порядке?..

Несмотря на участливую интонацию, по Анни нельзя было сказать, что она действительно переживала. В одной руке она удерживала огромного сахарного петушка, в другой — пышный рогалик. На щеке угадывались остатки сахарной пудры от предыдущих лакомств, которыми себя побаловала друидка.

— Что? — девушка перехватила мой взгляд. — Я пытаюсь наверстать упущенное. Свежие ягоды и другая дрянь — это, конечно, здорово, но только в первый месяц отшельничества. Как же мне не хватало выпечки... выпечки и горячего жаркого! С лучком и молодой картошечкой...

— Жаркого? Разве друиды не должны избегать мяса?.. — озадачилась я, впервые задумавшись над этим фактом.

— Брианна мудра! — Торжественно подняла палец Анни, — И кроме огромное количества различающихся существ она создала разные виды пищевых цепей, если ты, конечно, понимаешь к чему я веду...

— Ну, я читала трактаты по натурфилософии и в курсе, что такое пищевые цепи...

— И друид должен зреть в корень и понимать замысел богини. А ее замысел не состоял в том, чтобы мы всю жизнь поедали одни корешки, — пожалала плечами девушка и кинула остатки рогалика в рот.

— И не поспоришь, — согласилась я.

Взгляд на жизнь Анни взорвал бы голову любому другому служителю Брианны, но

любой другой слугитель Брианны не стал бы помогать некромантам, и не в моих интересах отстаивать существующее учение богини жизни.

— Кстати, у меня уже кончился аванс, — облизывая пальцы, сообщила мне друидка. — И я считаю, что за мои способности мне стоит докинуть в месяц полсотни золотых.

— Полсотни золотых и все, что может приготовить наша кухарка, — с готовностью откликнулась я и полезла в кошелек.

Глаза Анни азартно заблестели, и мне стало тревожно за наши запасы продовольствия.

— Так все прошло успешно? — спросила девушка, спрятав в карман свою прибавку. — Ты не подумай, я не никуда не лезу, но Идвин так обеспокоен за твою жизнь... Послушать его, так опасности поджидают тебя на каждом шагу.

— Он утрирует, — ответила я. — Все хорошо. Единственное, чем я тебя обременю, так это проверкой браслета. Если помнишь, я встречаюсь с Голосами.

— Пойти с тобой? — Анни продолжала смаковать сахарного петушка, словно речь шла о какой-то безделице.

— На встречу я прибуду с виду одна, но у меня будет поддержка. Слишком много людей брать опасно, Голоса могут заметить, что что-то не так.

— Жаль... — с тоской протянула Анни.

Я не сдержала смешок. Похожу, друидка вообще ничего не боится.

***

Северное от поместья кладбище было дальше чем то, на котором мы встречались с Идвином. Я около часа гнала Опал по пустым дорогам, прежде чем увидела большие каменные ворота с выгравированными лицами скорбных дриад, любимец Брианны.

Это было одно из самых старых захоронений под столицей. Древнее только кладбище в самой Эрге, которое охранялось едва ли меньше, чем дворец государя.

Я привязала Опал и устремилась внутрь.

В темноте, едва разгоняемой светочем, мерещилось, что на меня смотрят лики со старинных надгробий.

Энергия мертвых не мерцала здесь так ярко, как на нашем с Идвином кладбище, но вибрировала сильнее, до легкого гудения в ногах, словно основные могилы находились очень глубоко, и были заложены в несколько слоев. Возможно, под землей проложены катакомбы, в которых хоронили усопших, множество залов и ходов, заполненных останками...

Я поежилась и развернулась. Встреча назначена на перекрестке, а до полуночи оставались считанные минуты.

Я не ощущала чье-либо присутствие. Даже если Энтон со своими людьми уже прибыл, я не могла это проверить. В любом случае, я почувствовала себя совсем одной.

Перекресток освещала луна. Ее тонкий серп зиял щелью в небе, затмевающим свет звезд. Облака шли по небу рваным широким темным контуром, и, если потоки ветра наверху окажутся достаточно сильными, уже скоро мне вновь придется воспользоваться светочем.

Я простояла на дороге всего несколько мгновений, когда ощутила взгляд, ударивший между лопаток. Развернулась и дрогнула, поняв, что меньше чем в двух шагах от меня застыли две фигуры, облаченные в черный. Как они столь бесшумно и быстро приблизились ко мне, оставалось лишь гадать.

Капюшоны Голоса смерти откинули одновременно.

— Мы рады тебе, дочь смерти, — два женских бархатистых голоса переплелись в один.

Их лица выглядели невероятно похоже, и я поняла, что передо мной близнецы. Две красивые женщины со светлыми волосами, вьющимися крупными кудрями, их различал лишь застарелый шрам, пересекающий глаз одной из них. Темнота радужки и мертвенная энергия, идущая от этого глаза, говорили о том, что для его сохранения, скорее всего, использовалась некромантия.

— Меня зовут Эмили, а мою сестру по крови — Элли, — женщина с покалеченным глазом кивнула на свою спутницу. — О тебе же мы знаем все: твое имя, высокое происхождение и наличие темного наследия, которым тебя одарил Крелорс. И мы знаем, каково это, быть одними в столь враждебном мире.

— С нами тебе не надо скрывать свою истинную сущность, — сказала Элли. — То, что случилось с тем мужчиной, конюхом, которого ты покалечила, случилось по воле нашего бога, источника темного дара. Мы — его глаза и руки в этом мире. Все что мы делаем, мы совершаем под его благословением.

— Если ты хоть сколько-то винишь себя, то забудь об этом дурном чувстве, — подхватила ее сестра.

— Я не виню себя, — ответила я. — Этот человек получил то, что заслуживал. Единственное, о чем я должна печалиться, так это о том, что не заставила его замолчать навсегда, и этим едва не подставилась под удар Инквизиции.

Женщины улыбнулись, и я поняла, что мой ответ был подобран правильно.

— Однако, если бы не это, наша встреча бы не состоялась, — развела руками как на

проповеди Эмили.

Живой глаз ее при этом тоже улыбался, а темный оставался недвижимым.

— Долго находиться на дороге небезопасно, — Элли на мгновение повернула голову вбок, прислушиваясь. — Незваные гости никогда не приходят вовремя, а то, что нам предстоит обсудить, не предназначено для чужих ушей. Нам стоит пройти в один из наших храмов.

— Телепортация? — насторожилась я.

Куда меня могут занести эти две женщины, я могла только гадать.

— Нет, это недалеко, — Эмили повернулась и указала на старинной кладбище.

Я вспомнила свои ощущения про катакомбы и едва заметно сглотнула.

— Не бойся. Клянусь, мы не причиним тебе зла.

В эти слова было сложно поверить, ведь у тех, кто стоял передо мной, были свои представления о добре и зле.

— Я впервые вас вижу, — сказала я. — И я не знаю, что вы от меня хотите, и какие цели преследует ваше сообщество...

Эмили слабо улыбнулась:

— Мы помогаем выжить себе подобным. Сила в единстве. Саз мы знаем о случае с тем конюхом, то это знает и Инквизиция, которая после твоей помолвки с Отисом Батрисом оказалась к тебе так близко. И разоблачение лишь вопрос времени... Но мы поможем. Научим контролировать свой дар и не выдать себя. При необходимости дадим кров, обеспечим защитой.

— И все это безвозмездно?..

— Мы лишь рассчитываем на ответную посильную помощь во имя некромантов Рулеви. Поверь, мы не потребуем чего-то, на что ты будешь не способна. Так ты идешь?

Я медленно кивнула.

Шаг сестер был почти не слышим, так мягко ступали их ноги, обутые в тканевые туфли. Мои же сапоги скрипели на гравии, усыпаншем дорогу, и этот раздражающий звук только усиливал нервное напряжение, которое сковывало движения.

Некромантки прекрасно ориентировались. Мы лавировали между надгробиями и склепами, проходя множество поворотов, которым я быстро потеряла счет.

— Так здесь есть храм Крелорса? — прервала я тишину, которая уже давила на уши. — Неужели Инквизиция о нем не знает? Это кладбище достаточно старое, чтобы предположить, что тут могут быть святилища бога смерти.

— Инквизиция знает о нем, как и о множестве других мест, которые бывают нам нужны. Но у нее недостаточно людей, чтобы следить за всеми ними. К тому же, они верят, что замки, которые они установили, нельзя обойти.

Мы остановились перед входом в один из склепов, ничем не отличающегося от других. Высокие каменные двери пересекали выгравированные защитные руны, от которых веяло дремлющей силой. Поверх красной полустертой краской угадывался знак Инквизиции.

Пока я рассматривала руны, мне пришла в голову вполне закономерная мысль. Если инквизиторы знают о храме, почему они его не уничтожили, а лишь закрыли?..

Близнецы не обратили внимания на запечатанную дверь. Одна из них легко топнула ногой, и из-под тканевой туфли пробежали фиолетовые всполохи, на мгновение подсветившие брусчатку незнакомыми мне символами, вспыхнувшими и тут же погасшими. Морок, наложенный на камень, исчез, и рядом с нами оказался люк.

Он распахнулся с едва уловимым скрежетом. За ним вниз уходила каменная лестница со стертymi ступенями. Светоч, сотворенный Эмили, устремился внутрь и почти затерялся в густом мраке. Я сделала несколько вдохов, чтобы унять бьющееся сердце и шагнула вслед за некромантками.

Люк за нашими спинами закрылся сам собой. Я тут же взмолилась богам, чтобы Корре не бросил меня и сумел его открыть.

Дрожащий свет озарил множество ниш по бокам от лестницы и подсветил старые желтые кости. Глазницы черепов бессмысленно таращились на нас черными провалами, а в оскале зубов настойчиво мерещилась насмешка. Я отвела взгляд и постаралась смотреть больше себе под ноги, чем по сторонам.

Лестница закончилась в подземном зале, стены которого также заполняли кости, упокоенные в нишах. Впереди было несколько проходов, и сестры уверенно повели меня в один из них.

— Что ты думаешь по поводу необходимости скрываться всем, подобным нам? — спросила Эмили. — Мы в безопасности только под землей, среди костей. Не находишь ли ты это несправедливым?

— Конечно, нахожу.

— Ты бы хотела это изменить?

— Разве это возможно?..

Мы вышли в просторный круглый зал, и я замерла, с легким трепетом разглядывая увиденное.

В центре стояла двухметровая статуя бога смерти, облаченного в плащ. Из-под капюшона выглядывало грубо очерченное лицо, смотревшее без выражения куда-то вперед, за наши спины.

В одной руке Крелорс держал фонарь, призванный вести души через мрак загробного мира, в другой сжимал тонкий серп, которым он неуклонно собирал регулярную жатву. Поясом богу служило массивное ожерелье из черепов, тщательно выточенных мастером, посох за его спиной являлся скрепленными берцовыми костями. На постаменте бог смерти стоял босиком в знак того, что все мирское ему чуждо.

Нигде и намека на пыль. Алтарь перед статуей темнел от засохшей крови, ее тошнотворный запах я не могла ни с чем перепутать. Некроманты не забыли это место. Они продолжали приносить своему богу жертвы, пока вся остальная Рулевия пыталась вычеркнуть из памяти существование культа Крелорса как такового, стирая все, что было с ним связано.

Сестры молча поклонились изваянию бога, и я последовала их примеру.

— Это священное место не терпит лжи, — сказала Эмили, кивая на статую. — И да будет Крелорс свидетелем того, что все что мы совершаем, мы делаем лишь во благо носителей темного дара.

— Аминь, — опустила голову Элли.

— Кларисса, мы давно искали способ стать ближе к Инквизиции и главе этого государства. Как известно, снести голову змее есть самый верный способ ее умертвить.

И когда наши планы едва не рухнули, в трудную минуту для Голосов Смерти Крелорс послал нам тебя. Молодое дитя с темным даром, которого должна принять к себе семья ненавистного инквизитора. Как не укрепиться в своей вере, когда происходит нечто подобное?.. Теперь в твоих руках судьбы тысячи некромантов.

— Но что я должна сделать? Что я могу?.. — резонно спросила я. — Я умею не так много, и брак с Отисом для меня огромная опасность, ведь едва его дядя поймет, кто я...

— ...тебя сожгут, — закончила за меня Элли.

Ее глаза торжественно сияли, словно то, что сейчас происходит, действительно невероятно важно.

— Но этого не случится, — поспешно проговорила Эмили. — Ты будешь осторожна и не выдашь себя. И когда наступит нужный момент, ты станешь нашей рукой, которая нанесет самый главный удар.

— Удар?.. — я не понимала, к чему ведут эти пространственные речи.

— Кларисса, сестра по дару смерти, так ты пройдешь по этому пути с нами? — спросила некромантка, блеснув мертвым глазом. — Будешь ли ты биться за свою свободу? За братьев и сестер своих?

Я смешалась под ее тяжелым взглядом, но заставила себя проговорить:

— Едва я узнала, что за силами обладаю, я мечтала, чтобы клеймо с таких как я, было навсегда снято. Я сделаю все, что будет в моих силах.

Близняшки синхронно удовлетворенно кивнули.

— Так что от меня требуется?

— Ты убьешь государя, — просто сказала Эмили.

Повисла звенящая тишина. Я едва не рассмеялась, затем вдруг резко поняла, что это никакая не шутка.

— Я? Государя? Но его охрана...

— Мы нападём в день твоей свадьбы. На защиту государя встанет множество магов, и нам нужен тот, кто будет рядом с ним, от кого он и его охрана не станет ждать подвоха. Когда ты окажешься рядом, то прикончишь его магией смерти. Он погибнет от той силы, которую так боится. Когда он умрет, Инквизиция окажется деморализована, и наши шансы расквитаться с ней значительно вырастут. На свадебном обряде будет весь их совет, и мы, наконец, с корнем вырвем этот мерзкий сорняк.

— Но... но хватит ли моей силы? — дрогнувшим голосом спросила я. — Наверняка, государь носит специальные защитные амулеты, а я только начала учиться...

— Силы тебе хватит, мы позаботимся об этом. Дитя, — черты Эмили вдруг смягчились. — Помни, что все что мы делаем, мы делаем во благо.

Я открыла рот, чтобы спросить, что все это значит, когда воздух озарил быстро выведенный рукой Элли знак, и мое тело сковало.

— Молодой некромант может не справиться со столь серьезной задачей. Мы не имеем права рисковать. Поэтому сегодня тебе придется умереть, чтобы возродиться и как другу завершить эту важную миссию.

Я хотела закричать, но крик застрял в горле. Отчаяние захлестнуло с такой силой, что я в первые мгновения не смогла даже сделать вдох.

Из хода позади нас раздались неровные глухие шаги и скрип суставов. Легкое зловоние, достигшее носа, и ледяное покальвание по коже предупредили о том, что приближается нежить. Онемение не дало мне возможности обернуться и увидеть, что происходит. Неужели Энтон, наконец, вспомнил о своем обещании?..

Но близнецы не выказали никакого удивления, и я поняла, что приближающиеся мертвые — их слуги.

Костлявые пальцы больно впились в руки, и меня потащили к центру зала. Перед глазами пронеслось безглазое лицо мертвеца, и спина ощутила холод камня алтарной плиты. Где же помощь? Почему нет ни Энтон, ни его людей? Неужели меня действительно оставили на растерзание Голосам?..

Фигура Крелорса теперь высилась прямо надо мной, фонарь на цепи покачнулся, задетый неловкой нежитью. Холодное лицо статуи все также безучастно смотрело куда-

то мимо, игнорируя возню под своими ногами. Возникло странное чувство, будто бог уже давно покинул это место и оставил всякие мысли и о деяниях носителей темного дара, и о том, что с ними происходит. И что ему уже очень давно нет дела ни до кровавых жертв во имя него, ни до совершаемых молитв.

Зеленоватое свечение окрасило кожу в мертвенный цвет. Я смогла искоса разглядеть очертание магического круга вокруг алтаря и зашептавших заклинание сестер. Одна из них извлекла припрятанный за поясом кинжал, затем достала холщенной мешочек и осыпала лезвие темным порошком. Вторая вытащила пузырек, открывшийся с громким противным звуком.

Вокруг меня кольцом сомкнулась невидимая глазу сила, источающая хлад, подобный хладу баньши.

— Для полного и безоговорочного повиновения новорожденного драурга сердце извлекается с последним ударом, — тихо сказала одна из некроманток, сжимающая флакон. — Яд получившей жизнь после смерти змеи запустит изменения тела за семь ударов сердца, но убьет только на восьмом. Не ошибись.

— Я делаю раба из драурга впервые, но вполне умею считать, — скривилась другая, нарушая весь пафос обряда. — Волнуйся больше о том, как нам сообщить братьям и сестрам, что во имя высшей цели пришлось переступить запреты предков на подчинение себе подобных.

— Да укажет нам путь Крелорс...

Я не смогла более смотреть на происходящее и подняла глаза вверх.

В метрах пяти над нами нависал каменный балкон, лестница к которому незаметно вилась по стене. Светоч и магический круг кидали причудливой тени, и вдруг померещилось, что там, за перилами, кто-то есть.

Но почему этот кто-то просто смотрит и ничего не делает?..

Я старалась взглянуть, чтобы подтвердить или опровергнуть свои подозрения, но лицо склонившейся Эмили загородило балкон. Близко блеснул пузырек.

— Прими смерть, дабы...

Внезапный оглушительный взрыв прервал ее тираду. В голове нестерпимо зазвенело. Некромантка охнула и отступила, выронив яд из рук и закрыв уши.

Топот. Новый взрыв и женский крик.

Меня с силой подняли с алтаря. Я с изумлением увидела растрепанные темные кудри и знакомое запыленное лицо.

Магический ток, и онемение спало, давая открыть рот:

— Идвин?... Идвин, что ты...

— Бежим, — коротко бросил он, потянув меня за руку.

Я оглянулась и увидела, что одна из близняшек лежала навзничь. На обгоревшем плаще еще играли искры, камень под телом почернел от сажи. Нежить, что помогала некроманткам, превратилась в дрожащую кучу, голова мертвеца укатилась куда-то вбок.

Эмили стояла рядом. Уже отошедшая от удара, словно онемев, она смотрела широко распахнутыми глазами на Идвина.

— Ты... так это ты... — дрогнувшим голосом сказала она, и под ее пальцами полыхнуло зеленью. — Ты как ты посмел... твой двоюродный дед клялся на крови, что ты никогда не пойдешь против нас!

Идвин резко достал руку из кармана, и в воздух полетела наполненная чем-то серебристым склянка. Я в панике отвернулась.

Грянул новый взрыв, едва не взорвавший мои барабанные перепонки. Фонарь Крелорса жалобно скрипнул и рухнул вниз, с грохотом разбиваясь о мраморную плиту. Мимо лица пронеслись вырванные куски камня.

Судя по яростному реву за моей спиной, Эмили все-таки осталась жива, если конечно, она вообще была живой.

— Наверх. Нужно наверх, там выход, — с трудом расслышала сквозь звон в ушах.

Меня потянули на ступени, и я, не думая ни о чем, бросилась вперед. За спиной раздался новый взрыв от еще одной склянки Идвина. Воздух дрожал от сотворенного некромантом щита. Я не чувствовала под собой ног.

Мы почти достигли балкона, как на последний ступеньке я запнулась, мир ушел вбок, и я рухнула животом вперед на открывшуюся узкую площадку. Боль ударила в солнечное сплетение и из глаз хлынули слезы.

С трудом вздохнула, стараясь подняться. Пальцы вслепую напоролась на острые камни давно полуразрушенных каменных перил балкона. Я выругалась и оперлась на руку Идвина.

— Быстрее, Клэр, быстрее! — взмолился он.

Я кивнула, сжимая зубы и вдруг заметила в перилах лоскут темно-зеленой ткани, которая показалась до боли знакомой. Ведомая до конца неосознаваемым порывом, я схватила ее и сунула в карман.

Мы понеслись вперед по темным туннелям, глотая затхлый воздух подземелья. Идвин тащил меня за руку, уверенно выбирая нужный путь, когда дорога в очередной раз разделялась на несколько ходов. Его светоч едва мерцал впереди, изредка пропадая во мраке, чтобы не служить маяком для возможных преследователей, и я едва не отбила ноги о не вовремя подворачивающиеся камни или внезапно возникающие ступени.

В голове стоял звенящий гул. Из-за непривычно быстрого бега во рту возник отвратительный привкус железа, но ноги послушно несли дальше, едва я вспоминала, что со мной только что пытались сотворить.

Мы бежали, казалось, целую вечность, когда щеку пощекотал слабый свежий ветерок. Светоч тут же потух, и я смогла разглядеть кусок звездного неба, увеличивающийся с каждым нашим шагом. Из последних сил мы вылетели наружу, и едва не запутались в низких зарослях дикого кустарника. Сбоку зацокали сверчки, где-то вдалеке заняла птица.

Я рухнула прямо возле провала в земле, из которого мы вышли, игнорируя впившиеся в одежду колючки. Идти дальше не было сил. Сердце колотилось, железный привкус во рту стал окончательно нестерпим.

Идвин быстро провел рукой по воздуху, словно что-то проверяя, затем наклонился и схватил меня за плечо. Я покорно прикрыла глаза, когда почувствовала, как нас осыпали искры телепортации, и земля ушла из-под ног.

***

— В подземелье под кладбищем телепортироваться невозможно, но, хвала богам, заклинание Инквизиции уже достаточно старое, чтобы не распространяться на пространство около выходов. Иначе бы нам, возможно, пришлось еще долго пробираться через заросли кустарника, что здорово бы нас затормозило.

Голос Идвина долетал как будто издалека. Я с трудом разбираю его слова и лишь через некоторое время осмысляю, о чем он говорит.

Телепортация... Надо же, пока мы неслись под землей, я даже не вспоминала о порталных амулетах. Я вообще не могла ни о чем думать, кроме как о том, что должна как можно быстрее перебирать ногами.

— Если преследование и имело место, мы, наверное, запутали его... — медленно ответила я. — Откуда ты так хорошо знаешь те катакомбы? Ты отлично ориентировался в бесконечном лабиринте коридоров, да еще и в полутьме...

Встать с земли я так и не сумела, и Идвин просто сел рядом, тяжело дыша. Марафон дался нелегко и ему. Если бы прямо сейчас из-за угла на нас вылетели бы Голоса смерти, вряд ли мы смогли бы двинуться с места.

На заданный вопрос некромант отвечать не спешил. Мы молча сидели плечом к плечу около порталного камня в пустом городском парке где-то в центре Эрги. Рядом высился большой гранитный фонтан, разбивающий тишину монотонным журчанием воды.

— Ты знал этих сестер, так ведь? — негромко спросила я.

Идвин помедлил, но кинул. Было бы глупо отрицать очевидное, врать, что Эмили его, видимо, с кем-то перепутала.

Знакомство с некромантками из Голосов смерти, отличное знание подземных катакомб, куда они меня привели, то странное обещание двоюродного деда Идвина, о котором обмолвилась Эмили...

Я чувствовала себя полной идиоткой. Некромант с самого начала знал о существовании Голосов смерти, более того, даже был с ними знаком, и ни единого слова не сказал об этом мне. Превосходно делал вид, что понятия не имеет, о чем толкует Корре...

Все вокруг ведут какую-то свою игру. Я поверила Энтону, и он бросил меня на растерзание Голосам, поверила в искренность Идвина, но и он, как оказалось, никогда не был со мной до конца честен.

Как и тогда, после происшествия с тетушкой, я остро ощутила, что в действительности совсем одна, кто бы не находился со мной рядом.

— Помнишь, я говорил, что меня всему научил брат моей бабки? — тихо сказал некромант, смотря себе под ноги. — Когда я открыл в себе дар, мой двоюродный дед Август был уже очень-очень стар, он не успел обучить меня всему что умел, только тому, что посчитал самым необходимым. Дед все время, почти каждый день с ненормальным упрямством повторял мне: держись как можно дальше от других некромантов, которые встретятся тебе на пути. И он не понаслышке знал, о чем говорил. Август с пятнадцати лет состоял в Голосах смерти. Это сообщество... оно не принесло ему ничего, кроме постоянного риска и бесконечной череды гнусных поступков, за которые он винил себя вплоть до самой кончины. Когда Голоса смерти узнали о моем существовании, дед Август воспользовался всеми своими связями и влиянием, чтобы меня оставили в покое. Он заручился за меня перед главами Голосов, дал клятву на крови, что я никогда не стану вмешиваться в дела сообщества некромантов, и взамен буду жить своей жизнью. И сегодня я нарушил слово деда... Прости, что все так вышло.

— Ты ничего мне не сказал даже тогда, когда мы встретили драуга на кладбище... Вообще ничего... — прошептала я. — Почему?

— Потому что нужно было держаться от них подальше! — Идвин резко поднял на меня

глаза и со всей злости ударил по земле кулаком. — Задумка Корре изначально была безумием. Ты зачем-то решила танцевать под дудку этого Энтона, у которого написано на лице, что он тот еще сукин сын!

— Какого Верниса ты повышаешь на меня голос?! — взбеленилась я. — Ты молчал как в воду опущенный про Голоса, но виноват здесь именно Корре?! Почему ты не сказал ему я понять могу, но мне-то, мне-то почему? Хотя бы перед этой ночью...

— Как ты себе это представляешь?.. Что-то вроде: извини, Клэр, я уверен, что не стоит идти к Голосам, потому что я знаю о их грязных делишках уже много лет, о чем все это время молчал?.. Да и что бы это изменило, кроме того, что ты бы отвернулась от меня, и все равно бы пошла на эту проклятую встречу?! Ты и без моих рассказов о мерзостях, которые они натворили, должна была понимать, что ничем хорошим это не закончится!

— Это не предлог малодушно умолчать о подобном!

— Да, я действительно поступил подло и, как ты говоришь, малодушно, — кивнул Идвин. — Но я хотя бы не бросил тебя там, в храме Крелорса, не дал им совершить непоправимое, когда твой дружок Энтон просто стоял и наблюдал на том балконе за тем, как тебя обращают в драурга!

Я онемела. Затем вытащила дрожащими непослушными пальцами из кармана зеленый лоскут камзола, что нашла в подземных катакомбах.

Видимо, острые края камней разрушенных перил вырвали его, когда грянул первый взрыв, и господин Корре отшатнулся от края балкона...

— Энтон готов идти до конца для осуществления своих целей. Он бы дал обратить тебя, и вряд ли бы его после этого замучила совесть. Вот к чему приводят игры в шпионов, Клэр...

Я отбросила лоскут, словно он был ядовитой змеей. Чуть покачиваясь, встала и медленно отряхнула налипшую грязь с одежды.

— Ты должна послать господина Корре в Вернисову топку, чтобы он больше... — тем временем продолжал распалившийся Идвин.

— Вы оба идете в Вернисову топку, — отчетливо проговаривая каждое слово, сказала я.

Некромант замолк на полуслове и уставился на меня.

— И ты, и Энтон... Я не могу никому из вас доверять. Я благодарна тебе за помощь, но где доказательства того, что ты сделал это не из личных корыстных побуждений? Сколько всего я еще о тебе не знаю?.. Почему ты постоянно пытаешься мне помочь, что тебе действительно от меня нужно?.. Нет, твой дед был прав, Идвин. От некромантов надо держаться как можно дальше. С этого момента я сама по себе, и ты... иди своей дорогой. Обещанную тебе записную книгу по некромантии я передам через Анни. Она же шпионила для тебя, не так ли?..

Лицо Идвина побелело. Его гнев мгновенно ушел, некромант беспомощно открывал и закрывал рот, не в силах что-либо сказать. Я горько усмехнулась.

— Подожди, Клер... Ты все не так поняла... — запоздало полетело в спину, но я уже тронула порталный камень.

Мир рассыпался на искры. Сосущая пустота, по которой я неслась сквозь пространство теперь казалась куда более наполненной, чем та дыра, что засела в груди.

***

Мелькнувшие в темноте тени и испуганное лошадиное ржание, переходящее в взвизгивание и обрывающееся на полу ноте. Станный глухой звук, словно на землю уронили большой тяжелый мешок, под завязку набитый подгнившей картошкой. Пронзающий уши свист металла, резко рассекающего воздух, и густое, обволакивающее с ног до головы чувство только что состоявшейся смерти...

Беспокойный обрывочный сон прервался от прикосновения к плечу. Я вздрогнула и распахнула глаза, откидывая прочь одеяло.

В спальне стояла духота.

— Как и обещала, бужу тебя перед самым уходом, — тихо сказала склонившаяся надо мной Анни.

На ней были тканевые штаны и туника, волосы перехватывала тонкая кожаная полоска с зелеными бусинами и растительным орнаментом.

Я моргнула, собираясь с силами. Тягостное чувство не отпускало. Первые лучи солнца уже играли золотом на парчовых занавесках, что значило, что поместье вскорости начнет просыпаться.

— Идти туда опасно даже сейчас, — пробормотала, садясь на край кровати и отмечая сильно смятое постельное белье. Видимо, я металась во сне. — Лучше бы это сделать мне...

— В темноте соваться туда было куда опаснее, чем сейчас поутру, но в утренние часы тебе стоит бояться не только своих врагов, но и любопытных глаз. — Сказала Анни. — Поэтому Опал заберу я. Лошадь, оставленная ночью у кладбища, не вызовет лишних вопросов, если она принадлежит одному из друидов-послушников, медитировавшего в лесу где-то неподалеку, а не девушке из дворянского рода.

Сейчас она выглядела ровно так, как и должен выглядеть друид храма Брианны, собравшийся по делам в город. Простая и удобная одежда с кроем практически одинаковым для обоих полов, невзрачный плащ, скромный оберег на шее из перьев и малахита. У горожан и жителей пригорода действительно не будет к ней никаких вопросов, но такого не скажешь о прислуге моего семейства, которые точно удивятся занятому хобби моей новой личной служанки.

— Нужно поспешить, — сказала я, скидывая остатки дремы и хватая оставленную у кровати рубашку. — Я провожу тебя, покажу, где есть проход. На главных воротах слишком много охраны.

Анни кивнула. Я натянула все тот же костюм для конных прогулок, который вчера смогла при помощи магии привести в приличный вид. Если меня застанут слуги, скажу, что захотелось прокатиться на заре. И изображу искреннее изумление, когда не обнаружу в стойле любимую лошадь.

Вернуть Опал в поместье мы уже не успевали, поэтому Анни обещала на время передать ее одному хорошему знакомому.

Идти обратно на кладбищу сразу ночью виделось мне самоубийством. И когда Анни, выслушав мой рассказ, захотела сразу забрать Опал, мне пришлось долго уговаривать ее остаться и дождаться рассвета.

Я вернулась домой с полной уверенностью, что у меня хватит сил выставить друидку за порог, и... так и не смогла это сделать. Но я не стала скрывать, что иметь дел с некромантом больше категорически не желаю.

Анни восприняла новости о размолвке спокойно, словно речь шла о существовании какого-то не зависящего от нас явления, как дождь за окном или слишком ветреная погода.

— Наш с тобой уговор вне ваших с Идвином отношений, — дернула плечами она.

Так бы она сказала и если бы действительно пришла сюда с целью шпионить, но с этим я решила разобраться позже. Сейчас меня волновала только судьба Опал, которую необходимо было забрать как можно скорее.

Мы вышли из моих комнат, тихонько прикрыли дверь и на цыпочках устремились вниз. Чувство смерти, посетившее во сне, продолжало давить на горло, и я никак не могла от него отмахнуться.

Чем ниже мы спускались, тем сильнее оно нарастало. Дурные предчувствия сжали сердце, и я ускорила шаг, желая как можно скорее выйти из дома, чтобы свежий воздух помог избавиться от дурноты.

Черный ход был закрыт, но ключи кухарки лежали на своем привычном месте. Едва я вышла, придерживая для Анни дверь, как ощутила мертвенный холод, точно такой же, какой обычно пробирал меня на кладбище.

Я повернулась и зажала рот рукой, чтобы сдержать рвущийся наружу крик.

Больше не было нужды идти за Опал. Она была здесь.

Колени подогнулись, и я рухнула на ступени, отказываясь верить в то, что вижу.

Лошадь поломанной игрушкой лежала на боку, мертвые глаза смотрели блеклым жемчугом. Трава почернела от свернувшейся крови под распоротым брюхом, шея пересекала столь глубокая рана, что голова казалась почти отделенной от тела.

Я чувствовала, как Анни пытается меня поднять. Дыханье сперло, я едва могла вздохнуть. Из горла вырвались короткие хрипы, а глаза заволокло пеленой жгучих слез.

Затем Анни вдруг отпустила мою руку, отступила и исчезла. Я вздрогнула и запоздало уловила приближающийся стук каблучков по дорожке.

Ритмичный звук оборвался, и я обернулась. Наш дворецкий стоял совсем рядом, и я едва смогла узнать перекошенное от ужаса лицо Грауля.

Тонкий вопль разорвал сонную тишину поместья.

***

— Охрана, что стояла на входе, убита, — потерянно сказала Анни, теребя подрагивающей рукой штору и стараясь не смотреть в окно.

Девушка уже переделалась в платье, на которое несколько минут ранее едва не опрокинула поднос с успокоительным, что наказала подать мама. Сама маменька вместе с отцом в гостиной разговаривала со срочно вызванным представителем правопорядка.

Тело Опал, которое, как оказалось, находилось прямо под окнами моей спальни, пока не убрали. Я лежала на кровати, не в состоянии шелохнуться.

— Их всех умертвила некромантия?..

Я уже не боялась произнести это вслух.

— Нет, — качнула головой Анни. — Слуги говорят, что бедняг убили без видимых следов применения магии, только раны от холодного оружия... Все произошло за пару часов до рассвета, одна из девушек на первом этаже примерно в это же время слышала странный шум, но не стала вставать с постели.

— Но это точно сделали Голоса. Больше некому. — Я поджала ноги и обхватила их руками. — Они убили мою Опал. Они убили моих людей. Они были совсем рядом, так близко, что им уже не составило бы проблем убить и меня. Но они не сделали это. Почему?..

Я смахнула вновь проступившие слезы. Только необходимость размышлять, о том, что все это значит, не давала мне впасть в истерику.

— Голосам нет смысла тебя убивать, ты нужна им живой... во всяком случае, в каком-то виде, — Анни нервно улыбнулась, и эта улыбка исказила ее лицо. — А еще, раз уж они проникли сюда, то могли не тратить время на демонстрацию силы, а вновь попытаться обратить тебя в драурга.

— Возможно, весь ритуал занял бы больше времени, чем у них было. Трудно сказать, что руководит этими безумцами, — я закусила губу. — Но смерть Опал — это предупреждение. Они доберутся и до моих близких, если я по-хорошему не подчинюсь их воле.

Анни сделала шаг и осела в кресле. На ее лице не было и кровинки. Я почти физически ощущала боль, которой дышало ее тело от осознания смерти живого существа. Каким бы взглядам не придерживалась Анни, ей, как служительнице Брианны, сложно пережить нечто подобное, встретиться с этим лицом к лицу.

— Теперь Опал пасется на лугах Иного мира, — тихо сказала друидка. — Она стала ближе к великой богине.

— Я знаю, — кивнула, не давая себе ни мгновения на сомнения.

Смерть кого-то значимого делает людей религиознее, хотят они этого или нет. Я всхлипнула.

Винить в произошедшем я могла только себя, как и в том, что каждым своим шагом я, казалось, делала своей семье только хуже.

— После такого охрану в поместье лишь усилят. Было глупо со стороны Голосов делать все это...

— На меня уже совершали покушение, убийство Опал и то, что ее подкинули под мое окно, наверняка спишут на тех же людей. Думаю, Голоса смерти рассчитывают, что я приду сама. Что мне в конечном счете останется делать? Не кидаться же к дяде Отиса с повинной, что я — некромант...

В дверь смежной комнаты постучали, затем до нас донеслась какая-то возня и тихая перепалка.

Анни встала и быстрым шагом прошла в мой кабинет, чтобы выяснить, что происходит. Чуть различимый скрип дверных петель, и я, наконец, смогла что-то расслышать.

— ...Возмутительно! — раздался знакомый голос.

— Прощу прощения, но здесь возмутительно только то, что вы можете опорочить доброе имя молодой девушки, врываясь сюда, — невозмутимо заявил мистер Грауль.

— Вы потеряли разум? Забыли кто стоит перед вами?!

— Господин Батрис, я лишь выполняю работу, за которую семья Извечей изволят мне платить...

— ...Пойди прочь! — предварительно выругавшись, заявил Отис.

Дело для дворецкого принимало дурной оборот. Я, проклиная всех богов, вылезла из кровати и позвала Анни поскорее помочь мне с домашним платьем.

Через несколько минут я и Отис уже сидели в кабинете за небольшим столиком, на который мне обычно подавали чай или кофе. Анни принесла свежие фрукты и чайник с заваренными успокоительными травами, в которых нуждалась как я, так и мой будущий муж. И судя по всему, ему они требовались даже больше, чем мне.

— Ферра Лоурель не отступиться! — заявил он.

Мне оставалось только кивнуть, думая, что лучше бы за всем этим действительно стояла всего лишь бывшая любовница моего жениха, а не организация некромантов-фанатиков.

— Едва я узнал, что произошло, то бросил все дела и отправился к тебе, — продолжил Батрис.

Отис не смог находиться на одном месте. Он встал и начал рассказывать взад-вперед, изредка кидая взбешенные взгляды куда-то в пустоту.

— Надо было сделать это еще раньше... — Батрис на мгновение остановился, и с удвоенной силой пустился делать очередной круг по комнате. — Нельзя было оставить это так...

— О чем ты?.. Сделать что? — перебила его я, мало понимая, к чему ведет мой жених.

— Тебе больше нельзя оставаться здесь без действительно достойной охраны! Твой отец не способен тебя защитить. Подумать только, прямо перед его носом тебе подкладывают под окно распотрошенную лошадь! Немыслимо! Невозможно уложить в голове!

— Убитые были профессионалами своего дела...

— А другие олухи, защищающие поместье, просто проморгали тот момент, когда их братьев по ремеслу резали, как свиней, — фыркнул Батрис, сверкнув глазами. — Нет уж. Все это — уже слишком. Если твоя семья не способна защитить твою жизнь, значит, это сделаю я. Все оставшееся время до свадьбы ты проведешь со мной в свите государя. Более безопасного места придумать невозможно.

— Но моя семья... — мгновенно похолодела я.

— Твой отец уже дал согласие, — тоном, не терпящем возражений, заявил Отис. — Сегодня ты соберешься и поедешь со мной. Можешь взять свою личную прислугу и минимум вещей, нет времени на длительные сборы. Подготовка к свадьбе не требует твоего непосредственного участия, а свадебное платье можно будет сшить и на месте, у портных государя.

— Я... мне кажется, что такие меры осторожности... это лишнее, — пролепетала я.

Я не могла вот так покинуть семью и поместье. Только не сейчас, отъезд и нахождение рядом с государем полностью свяжет мне руки.

Отис сел рядом и взял мою ладонь.

— Кларисса... я сделаю все, чтобы ты была в безопасности, — проникновенно сказал он, заглядывая мне в глаза. — Поверь, я переверну весь мир, чтобы найти и наказать тех, кто хочет причинить тебе зло. А пока мне будет спокойнее, если твою жизнь будут охранять только самые лучшие. Поверь, теперь ты сможешь забыть обо всех этих кошмарах.

Увы, прекратить мои кошмары не было во власти Отиса, как бы он этого не желал.

Я почти не ощутила, как его губы коснулись моих пальцев.

***

— Что же делать... что делать?!

— Выпей еще чаю с травами, — тихо ответила Анни. — Пока остается лишь смириться с тем, что уготовила нам судьба.

Я, игнорируя необходимость вести себя благоразумно, металась по комнате раненой птицей. Все слезы были выплаканы, сидеть на месте оказалось невыносимо, как и участвовать в сборе вещей, которые я возьму с собой.

В итоге всем распорядилась Анни. Она руководила двумя служанками, которые торопливо вынимали одежду из шкафа и складывали их в аккуратные стопки. Собраный ларец с украшениями уже стоял готовый к тому, чтобы его унесли.

— Госпожа... госпожа, — тихо позвала меня друидка, покосившаяся на суетившуюся прислугу. — Какие-то снадобья, алхимические ингредиенты будут нужны вам в вашей поездке?

Я устала на нее, поначалу не понимая услышанных слов, затем медленно кивнула.

— Да. Нужны. Я соберу их сама, чтобы никто ничего не напутал.

Вышла из спальни, плотно закрыв за собой дверь. Смерть Опал и решение Отиса лично заняться моей защитой выбили меня из колеи, и я едва не забыла про зелья виденья. Изготовить их там, на месте, вряд ли представится возможным.

Я сгребла все имеющиеся у меня в ящике пузырьки и запихнула их в одну из пустых шкатулок. Сверху положила тоники и несколько обезболивающих эликсиров, которые использовала, когда у меня болела голова.

Затем, подумав, извлекла записной блокнот по некромантии. Брать его или нет, я пока не решила. Насколько действенны защитные чары записной книги против мастеров своего дела, я знать не могла, но мой враг — сообщество некромантов, а эти записи могут помочь придумать, что делать дальше.

Дверь, ведущая в коридор, распахнулась, и я от неожиданности выронила блокнот.

Шелестя юбками, внутрь прошла маменька. Ее обычно безукоризненная прическа растрепалась, болезненный румянец горел красными пятнами на бледном лице.

— Дорогая... дорогая, как ты?

Не давая мне наклониться, чтобы поднять записи, она крепко меня обняла. Я ощутила с детства знакомый аромат цветочных духов и, чуть всхлипнув и обо всем забыв, прижалась, как маленькая девочка, к ее груди.

Мама гладила меня по голове, и с ее губ успокаивающей музыкой слетали ласковые слова, обволакивающие приятным теплом.

Наконец, она отстранилась, и я утерла слезы.

— Маменька... я так переживаю... вы и отец... — начала я.

Тем временем мама заметила лежащую под ногами распахнутую тетрадь и присела. Ее тонкие пальцы коснулись заполненных конспектами листов, а глаза забегали по строкам.

— Мама, когда я уеду, вы с отцом должны быть осторожны...

— Что это такое, всемилостивые боги?! — прошептала маменька, вставая. — Откуда это у тебя?!

— Что?.. А, это...

— Кларисса, ты хоть знаешь, что будет, если кто-то это увидит?! Что все это значит?! —

смертельно побелев, воскликнула она и яростно зашептала. — Поклянись мне, что это какая-то шутка или... как в нашем доме вообще оказались эти записи? Только не говори мне... не говори, что ты как-то причастна к чему-то подобному! Некромантия — это же величайший грех, Кларисса!..

Она с омерзением потрясла блокнотом.

Я потеряла дар речи, а затем нахлынул всепоглощающий ужас от осознания происходящего.

Записная книга, которая все это время прекрасно маскировала свою сущность, в руках маменьки вдруг каким-то удивительным образом потеряла чудесное свойство притворяться старинной поваренной книгой.

Как это могло случиться?.. Магия, питавшая книгу, иссякла?..

И вдруг мне пришла в голову безумная, совершенно невероятная мысль. Многочисленные болезни маменьки, сложности с беременностями, потери детей... Блокнот в руках Идвина тоже не маскировался под книгу кулинарных рецептов.

Неужели... неужели моя маменька... неужели у нее самой есть темный дар?

Пока я пыталась понять, что все это может значить, мама щелкнула пальцами, и в камине, полыхнув искрами, вспыхнул огонь.

— ...Стой! — запоздало воскликнула я, но блокнот уже полетел в пламя.

Голодные огненные всполохи полностью скрыли черную кожаную обложку. Я отступила на шаг, не в состоянии поверить, что так просто потеряла единственную оставшуюся ниточку к знаниям, которые могли помочь мне спасти свою семью. И которую, к тому же, обещала отдать Идвину, когда весь этот ужас кончится, и мне больше не понадобится обращаться к некромантии.

— Я не могу позволить, чтобы ты себя сама загубила, — маменька потрясла руками так, словно к пальцам с записной книги могло что-то налипнуть. — Как ты могла, Кларисса?! Что с тобой происходит? Я думала, что случившееся с Айседорой мы не сможем пережить, но, хвала богам, крохи твоего дара не стали приговором. Мы не допускали и мысли, что ты сама потянешься к этому... гнилому ремеслу, но теперь вижу, как мы ошиблись!

— Так вы... вы понимали, что у меня есть темный дар? — тихо спросила я.

Весь мой мир в очередной раз перевернулся с ног на голову.

Маменька вдруг сникла и села. Лицо посерело, стало похожим на натянутую маску, под которой она изо всех сил пыталась скрыть бушевавшие в ней чувства.

— После случившегося с Айседорой это невозможно было отрицать. — Лихорадочные слова срывались с губ маменьки, словно она хотела выплеснуть их наружу как можно быстрее, чтобы не передумать и не замолчать. — Не было никаких древних заклинаний на склепе, которые смогли бы упокоить душу оставшего мертвого. Мы с твоим отцом пришли к решению не говорить с тобой об этом, ведь ты была еще ребенком, — маменька до бела сжала подол своей юбки. — Темный дар может проснуться у самых разных людей вне зависимости от наклонностей их души. Раньше... раньше все было иначе, и так уж повернулся злой рок, что и среди моих предков, и предков твоего отца были люди с... подобными способностями. Мы каждый день благодарим богов, что нашей семье этого не припоминают. Но я не понимаю, зачем ты сама потянулась к этому? Многим удавалось жить полной жизнью, имея дар и не применяя его на деле, я и сама...

Маменька резко осеклась. Взглянув в ее лицо, я все поняла.

Она когда-то прошла через это испытание и сделала свой выбор, в котором не сомневалась. Мама действительно верила, что мои способности не могут быть столь велики, чтобы я, ее единственная дочь, поплатилась за отречение от них жизнью. Понимала ли она когда-нибудь до конца, что ее хрупкое здоровье и все что из этого проистекало — действительно результат отказа от темного дара?

Руки маменьки дрожали.

— Брианна не может бросить нуждающихся в ее покровительстве. Она должна была уберегать тебя, как когда-то уберегла и меня. И мы до последнего верили, что правильно воспитали тебя, наше дитя... что ты не можешь стать дурным человеком...

— Но я... я не дурной человек... — начала было я и замолчала.

Когда-то я точно знала, что есть хорошо, а что — плохо, и жить с этим пониманием было легко и просто. Но теперь я постоянно ходила по тонкой грани, которую отвела мне совесть.

Могу ли я называть себя хорошим человеком, помня, как поднимала кости безымянных покойников на кладбище, как убивала людей, как покалечила конюха? Я выдохнула и посмотрела на маменьку.

Она была так хрупка в этом пышном платье, с ее тонкими скулами и большими глазами цвета прозрачного меда.

— Даже если я и стала дурным человеком, то только ради того, чтобы защитить своих близких, — твердо сказала я. — Если бы я могла рассказать тебе все... Мама, попытайся мне поверить, дай возможность доказать, что я...

Пламя, плясавшее в камине, вдруг вспыхнуло белым и исчезло с легким серым дымом.

Маменька вскочила, и мы крадучись, с опаской подошли к углям. На них лежала записная книга, целая и невредимая, будто и не было никакого огня.

Мама медленно поднесла к ней руку, и я не стала этому мешать.

— Она холодная, — с удивлением прошептала она. — Проклятье, как же избавиться от этой напасти?!

— Прошу, мама, послушай меня. Эти записи, они...

Маменька вытащила блокнот и сунула его под подмышку.

— Кларисса, — вкрадчиво и зло сказала она. — Мы с отцом никогда не проявляли к тебе строгости, о чем я уже горько жалею. Не желаю даже слушать, какая кривая дорожка могла подбить твою излишне стремящуюся к сомнительным знаниям голову на подобное. На свете нет ни одной стоящей причины, чтобы честный человек занимался темным ремеслом. В твоем возрасте вполне естественно преувеличивать проблемы и совершать ошибки, но это... ты, что, совсем забыла, кто твой жених?! Ты собираешься окончить жизнь на костре?! Этот дар — дрянь, смерть и мрак! Если бы ты не уезжала, я бы до самой свадьбы заперла бы тебя дома неотлучно от себя. Надеюсь, теперь ты раз и навсегда выкинешь эту... мерзость из своей головы. Иначе можешь считать, что у тебя больше нет матери.

Она перехватила блокнот поудобнее и прикрыла его шалью. Громко хлопнувшая за мамой дверь стала жирной точкой в нашем разговоре.

Остаток сборов прошли смазанным пятном, то ли из-за ссоры с маменькой, то ли из-за колоссальной дозы успокоительного, которым напиичкала меня Анни. Я почти не чувствовала, как она, вынимая из моих пальцев чашку, положила руку на змейку, чтобы отбалансировать браслет, пока мы ненадолго остались одни.

Как там говорят простолюдины, перед смертью воды впрок не напиток? Любая магическая активность подле государя отслеживалась самым тщательным образом, и вряд ли Анни удастся помочь с помолвочным браслетом, когда я буду рядом с Римерием и Отисом.

В то время, когда я переодевалась в дорожный костюм, мне поочередно подали два письма. Отправителем первого значилась Элина, которая, вероятно, хотела обсудить детали предстоящей свадебной церемонии. А второе послание, если бы не

успокоительное, я бы тотчас же сожгла, но апатия не дала прорваться шевельнувшейся злости.

Надо же, Энтон Корре, наконец, вспомнил обо мне. Наверняка, мой родственничек гладко изложил свою чудесную версию произошедшего, где он обеляет себя и находит оправдания тому, что так и не пришел на помощь, пока из меня собирались сделать драурга.

Читать оба этих письма желание отсутствовало, и я, не распечатывая конверты, сунула их в одну из шкатулок, которую затем, среди прочих, отнесли к карете.

К обеду погода испортилась, и по крыше забарабанил дождь, грозящий перейти в ливень. Отис, все это время ждавший меня внизу, заботливо накинул плащ на мои плечи.

Как я и опасалась, маменька прощаться со мной не пожелала, сославшись на сильнейшую мигрень, чем ранила мое сердце. Крепко обняв отца, я вышла из родного дома, спустилась по мраморным ступеням и оглянулась.

Под потемневшим небом краски померкли, до боли знакомые стены, мокрые от дождя, теперь казались серыми, холодными и чужими. Предчувствие, что я еще очень нескоро сюда вернусь, заставило сжаться под плащом. Если бы только я могла повернуть время вспять...

Тонкая белая нить пронзила небо, и через несколько мгновений прогремел гром. Отис потянул меня за локоть, и я покорно пошла вперед, понимая, что не стоит оттягивать неизбежное.

Анни, съезжившаяся, как промокший воробей, последовала за нами и явно едва сдерживалась, чтобы первой не нырнуть в тепло кареты, опережая нерасторопных господ.

— Все к лучшему, — первый прервал молчание Отис. — Кстати, тот маньяк, взбудораживший всю Эргу и ее окрестности, до сих пор не пойман... Нет, к Вернису эту столицу... К Вернису! Нас ждет горячее вино со специями и превосходный ужин. Никакие заботы и страхи более не коснутся моей прелестной невесты.

Я через силу заставила себя улыбнуться.

***

Тяжелые свинцовые тучи застилали небо. Над головой стучали крупные частые капли, разбиваясь о едва видимую магическую преграду, которую заменяла крышу небольшому узкому балкончику, выходящему во внутренний двор замка. В воздухе, пропитанном влагой, чувствовался тот звенящий аромат, который бывает после грозы.

В этом году весна выдалась на редкость дождливой. С того самого дня, как я покинула отчий дом и все полтора месяца, что здесь находилась, ливни с грозами шли каждый день, лишь ненадолго уступая солнцу. Оно проглядывало в прорехи серой пелены, торопливо насыщая теплом мокрую землю, но не успевало даже подсушить разлившиеся лужи.

Солнечные лучи жадно пожирала тучевая гряда, и все начиналось вновь: затяжной обильный ливень, белые всполохи на небе, раскатистый гром и после несколько часов обманчивой тишины.

Чем мрачнее становилась погода снаружи, тем больше казалась неподходящей атмосфера, что поселилась внутри моей новой обители.

Каждый день мы пили вино, за бутылку которого удавился бы и заядлый коллекционер. Вечером оно лилось рекой, и хотя сам государь больше при мне не притрагивался к нему, Отис и Аделина представляли серьезную угрозу сохранности местного винного погреба. Ужин неизменно перерастал в веселый вечер с танцами и разговорами допоздна. Когда беседа иссякала, Отис развлекал нас магическими фокусами или недавно приобретенными диковинками.

Я всегда считала, что моя семья ни в чем себе не отказывала и могла позволить всевозможные изыски, но, как оказалось, ошибалась. Та еда, которую нам подавали к столу, превосходила все гастрономические фантазии. Продукты государю доставляли буквально со всех концов материка, и я впервые в жизни попробовала огромных моллюсков с кислым соком фрукта, больше похожего на ежа чем на плод, рыбу, чью морду природа создала длинной тупой иглой, странные сладкие синие корнеплоды, запеченные на манер картошки.

Официально я пребывала в свите Аделины, и мне даже начали начислять соответствующее жалованье. На деле часть дня я была более чем предоставлена самой себе, и компанию мне составляла лишь Анни, пока государыня посещала ежедневные занятия по музыке. Первое время Аделина брала меня с собой, но увидев, что игра на любом из музыкальных инструментов приносит мне лишь муки, оставила эту затею.

Отис отсутствовал в замке до обеда, с раннего утра выполняя поручения как государя, так и своего дяди. О работе при дамах не говорили, для частных бесед, связанных с делами, мой жених и государь закрывались за плотно закрытыми дверями кабинета.

В стенах замка отсутствовал даже намек на малейшую сырость. Маги поддерживали тепло и сухость, и влага осталась лишь в банях, построенных на нанийский манер: мрамор, мягкая парная и просторная купальня с теплой водой.

Прислуги было много, и Анни большую часть времени откровенно бездельничала. Сбалансировать браслет мы даже не пытались, боясь себя выдать, и он вновь начал давить, превращаясь в тяжелую ношу.

Но я мирилась с этим, воспринимая, как малое зло. Голоса смерти более не давали о себе знать, но я каждый день ждала чего-то, что могло бы разрушить то хрупкое спокойствие, которым меня окружили.

Капли, разбивающиеся о магическую преграду, заворачивали. Я простояла на балкончике, казалось, вечность, прежде чем дверь распахнулась и наружу шагнул Отис.

От него пахло сладким вином и фруктами. Батрис встал на расстоянии вытянутой руки и облокотился о перила. Его серые глаза на фоне темного неба окрасились свинцом.

— Какой тоскливый мрак, — сказал Отис. Гнетущая погода вызывала в нем какую-то щемящую, неподдельную скуку. — Но наши маги стихий говорят, что скоро ливни закончатся. Надеюсь на это, как и на скорейший конец напавшей на тебя печали.

— Я просто затосковала по семье, — с заминкой ответила я. — Никогда не была вдали от родных так долго.

Не врала. Лишь недоговаривала.

С момента моего прибытия мы ни разу не обсуждали покушение и гибель Опал, словно эта тема под негласным запретом. Будто, пока мысли не озвучены вслух, этих событий никогда и не происходило.

— Кларисса, через два дня ты станешь моей супругой. К сожалению, ты и так будешь реже видеть родителей, но таков естественный порядок вещей...

Рука Батриса приблизилась к моему лицу, уже привычным жестом убирая упрямую прядь волос, выбившуюся из прически. Такое простое проявление близости, оно заставляло забыть обо всем ином. Осознавал ли Отис в эти моменты всю полноту своей власти надо мной?..

— Портной сказал, что свадебное платье уже готово. Мне не терпится тебя в нем увидеть.

Я дрогнула. До сих пор в моей голове не укладывалось, что до свадебной церемонии оставались считанные дни. Постоянно пульсирующая мысль, что нужно что-то сделать, чтобы предотвратить грядущую катастрофу, не давала покоя, но я упорно откладывала принятие решения, не в силах что-либо с собой поделать.

Ведь я не думала, что Голоса смерти изменили свои планы даже после того, как я обо всем узнала.

Батрис шагнул ближе и его губы легко коснулись моего лба:

— Да ты совсем продрогла. Пойдем скорее внутрь.

Я с сорвавшимся вздохом взглянула на дверной проем. Ласковый голос Отиса сменился на едва различимую усмешку:

— Или тебе в действительности так сильно надоело застолье, что ты решила сбежать от всех сюда?

— Там душно. Хотела проветрить голову.

— Так мы откроем окна, а здесь ты можешь заболеть.

Отис настойчиво взял меня под локоть, и я почувствовала через ткань платья тепло его разгоряченного плотным ужином тела. Да, я действительно замерзла.

Облокотилась на Отиса, и мы вышли с балкона.

В зале, где редко смолкали разговоры, стояла непривычная тишина.

Спина сидящей Аделины выглядела неестественно прямой. Римерий стоял у стола, заложив руки за спину и хмуря рассматривая кусочек неба, видимый из-за шторы.

— Что-то все не весело, — беззаботно проговорил Отис. — Кларисса, твоя меланхолия оказалась заразительной...

— Для печали есть причины, — оборвал его государь. — Мы только что получили дурные вести.

Я вскинула голову, прямо посмотрев на Римерия. Пальцы сжались так сильно, что ногти впились в кожу.

— Кларисса, дорогая, — тихо сказала Аделина. — Тебе стоит присесть.

— Что... что-то случилось? — мой голос дрожал.

— Сядь, — мягко проговорил Римерий.

Я медленно подошла к своему месту и покорно села. Отис, мгновенно потерявший всю легкость настроения, подошел к государю:

— Так что за вести?..

— Посланец сообщил, что родители Клариссы пропали, — Подала голос Аделина. — Дорогая, нам очень жаль. Вчера они не вернулись с приема домой, и до сих не поступало никаких новостей...

Я слышала слова девушки, но их смысл не желал до меня доходить. Горло полностью пересохло. Рука потянулась к стоящему рядом бокалу и тут же одернулась, когда я вспомнила, что в нем вино.

— Я... я хотела бы побыть у себя, — выдавила, охрипнув.

Государь кивнул, и я встала, чуть шатаясь. Тело лихорадило.

Отис сделал шаг, чтобы последовать за мной, но я жестом его остановила. Меньше всего я хотела слушать чужие сожаления, и мне было не по себе при мысли, что он увидит меня такой.

По коридорам летела, с трудом разбирая дорогу. Распахнула дверь покоев, и едва не сбила с ног Анни. Она сжимала в руках полотенце, видимо, планируя спуститься к баням.

— Клэр?..

Я промчалась мимо, кидаясь к шкапулкам. Их деревянные крышки звонко захлопали, пока я пыталась вспомнить, в какой из них лежит искомое.

Анни плотно закрыла комнату и отложила в сторону полотенце.

— Что случилось?..

— Сейчас...

Распахнула очередную шкапулку и увидела ровный ряд пузырьков. Быстро провела пальцем по надписям и вытащила один из них. Открыла и выпила эликсир залпом, морщась от противного привкуса.

— Не хочу впасть в истерику, — ответила на немой вопрос друидки. — Надоело лить слезы, когда надо быстро принимать взвешенные решения. Смесь успокоительной травы с тоником приведут в чувства...

— С ума сошла... — пробормотала Анни. — Это же вредно для сердца...

— Плевать на сердце. Мои родители пропали, — перебила я.

Рухнула на кушетку и закрыла лицо руками. Глаза больше не щипало, лихорадка постепенно отступала. Рассудок, затуманенный ужасом, очищался от раздирающей паники и боли.

Анни села рядом и коснулась моего плеча рукой. Она ничего не произнесла вслух, но от ее прикосновения стало легче.

Я прямо посмотрела на девушку и произнесла:

— Я должна все рассказать государю. Пока не пострадал кто-то еще. Пока не погибло множество людей...

— Твои родители еще могут быть живы! Подумай, какой смысл им убивать их?..

Я встала. Тело требовало выхода энергии, и я зашагала, нарезая по комнате круги.

— Это самое правильное решение из возможных. Я больше не могу... не могу держать все в себе... Анни, ты не понимаешь...

— Это ты не понимаешь! Пропажа твоих родителей — предупреждение! Предупреждение, что ты ничего не должна предпринимать перед свадьбой!

Я остановилась у стола с открытыми шкатулками. Все их крышки были распахнуты, и свет от светильников играл на гранях камней украшений, на стеклянных боках бутылочек с зельями и эликсирами.

— Мне просто сидеть на месте, сложив руки, и ждать?! Пока родители в руках этих чудовищ?!

Анни сжала косу и закусив губу, уставилась в пол.

Я раздраженно вздохнула и взглянула на стол. В одной из шкатулок, на самом верху, лежали письма, те самые, которые я так и не прочла.

Взяла верхнее и, желая занять руки, оторвала край конверта.

Строки, написанные Элиной, я узнала бы из тысячи, их можно прилагать к учебнику по чистописанию, с такой тщательностью она обыкновенно выводила каждую букву.

Но через несколько мгновений я решительно отказывалась верить тому, что их автора — подруга моего детства, которую я знала с малых лет.

«Несмотря на твои заботы, нашей сестре стало лучше, поэтому твоя совесть перед Голосами чиста. Не все наши намерения могли быть тебе понятны, и я сама не в силах до конца их разделить, моя дорогая подруга, но все они — во благо нам подобных. Напиши, если твердо намерена держать чужие секреты и готова быть со мной в минуту, требующей всей твоей решительности, да хранит нас Крелорс. Мои силы, увы, в подметки не годятся твоим, и даже смена естества вряд бы решила эту проблему, чего мне остается лишь стыдиться, но что не делает меня не достойным членом братства. И если это письмо останется без ответа, то нам придется перейти к действиям. Знай, я буду верить в тебя до конца. Я приложу все силы, чтобы непоправимое случилось лишь в том случае, если ты встанешь между нами и желаемым. По-прежнему горячо любящая тебя Э.»

— Элина... Элина! — яростно выдохнула я.

Пока Анни не понимающе смотрела на меня, я в ключья разорвала письмо и швырнула его на пустой латунный поднос. Элементарное огненное заклинание — и бумага ярко вспыхнула. Огонь жадно пожирал красивые аккуратные буквы, превращал послание в пепел.

— Ты права, Анни, — медленно сказала я. — Я не могу сказать правду. Все что я делала, было ради того, чтобы родителей не коснулись несчастья, и видят боги, я сделала все что могла и потерпела поражение. Да, Голоса смерти прекрасно знают, что нужно, чтобы закрыть мне рот, и я буду молчать. Так пусть они сами выдадут себя, пусть покажут свое истинное лицо людям. А я позабочусь о том, чтобы этот день стал их последним. Ты со мной, Анни?

Друидка кивнула. Ее лицо, прежде растерянное и удрученное, вдруг расцвело странной полубезумной улыбкой:

— Сама богиня привела меня туда, где мне и нужно находиться.

***

— Прости. Я знаю, требовалось отложить церемонию. Твои родители... Я уверен, с ними все будет хорошо, — Отис неловко кашлянул. — Однако в свете их пропажи, это не лучшее время для празднеств. Я так сожалею, но мой дядя остался непреклонен, столько сил и средств уже потрачено, и гости...

Эти речи текли сквозь меня, не задевая ничего внутри. Чувства к Отису несколько не потухли, но вокруг образовался плотный кокон, защищающий от всего, что могло бы ранить.

Умом я понимала, что младший Батрис, подобно не самому умелому канатоходцу, изо всех сил пытался балансировать между мнением дяди и собственным, слишком часто наклоняясь в сторону первого. И что при этом все идет как должно, и грядущее — неминуемо.

Это была наша последняя встреча перед свадебной церемонией. Поцеловав мне руку, младший Батрис направился вниз, к карете, чтобы провести последнюю ночь в своем семейном имении с дядей и братом, — ожидалось, что после заключения брака мы с Отисом будем жить отдельно от всех наших родственников в заранее подготовленном доме.

Проводив жениха, я отправилась в баню. Там меня уже ждали несколько служанок, готовых приступить ко всем полагающимся процедурам.

Мое хорошенько распаренное тело с усердием намяли и несколько раз окунули в ледяную купель. Кожу тщательнейшим образом отполировали солеными скрабами, обдали терпкими благоухающими настойками трав. После этих мытарств, призванных очистить меня как телесно, так и духовно, тем самым подготовив к завтрашнему дню, я едва держалась на ногах.

Пусть тело и пребывало в расслаблении, я все же, по возвращению к себе, приняла хорошую дозу снотворное из-за опасений, что не смогу уснуть. И виной тому были не только мои мысли и нервное напряжение.

Змейка постоянно напоминала о себе. Тянула руку и вдавливала в покрывало, словно весила несколько килограмм. Прежде чем уйти, Анни коснулась всегда прохладного металла и покачала головой. Видеть ее озабоченное лицо я была не в силах, поэтому натянула одеяло повыше и отвернулась.

Утром при пробуждении уловила запах уже принесенного завтрака. Мой излюбленный кофе с молоком, вареное яйцо и кружевные блины, щедро политые медом, все, чтобы я набралась побольше сил. И хотя ароматы еды вызывали лишь комок в горле и легкую тошноту, пришлось заставить себя поесть. Последний кусочек блинов я запивала зельем виденья, стараясь не дышать, чтобы меня не вывернуло на изнанку.

Придворные маги стихий, вопреки обыкновению, оказались точны в прогнозах погоды. Комнату заливал яркий солнечный свет, из окна сияло чистое, пронзительно голубое небо.

Платье невесты алым пятном выделялось в светлом убранстве спальни. После завтрака меня впихнули в тугий корсет, натянули наряд и шорох пышных юбок закружил голову. Рубиновое кольцо показалось ледяным к коже. Его застежка щелкнула, и затем весь мир окрасился в красный, — на лицо накинута тончайшую фату, чей цвет мне сейчас напоминал свежевypущенную кровь.

— Красавица! Просто красавица! — восхищенно цокнула языком вошедшая Аделина О'Мери. Она была обворожительна в своем чудесном изумрудном платье, к которому приколола пару маленьких головок белых лилий.

Государыня протянула букет багровых роз, обрамленных темно-зелеными листьями и украшенными блестящими стразами. Я послушно взяла цветы, нехотя вспоминая сад Энтоня. Эти розы, сезон цветения которых еще не настал, наверняка были выращены в

королевских теплицах и не имели никакого отношения к Корре, но перед глазами настойчиво стояли подгнивающие красные бутоны, рассыпающиеся при малейшем касании.

Свадебный обряд обыкновенно проводили в храме Брианны, но аристократия предпочитала вызывать священников богини в собственные поместья или какие-то особенные места, где проводили выездную церемонию. Так было и в нашем случае.

По воле государя мы с Отисом, как и его брат с Элиной, должны были скрепить клятвой наши союзы в дворцовом парке. Такой чести удостоивались далеко немногие придворные, к тому же, львиную часть приготовлений оплатили из государственной казны, а к украшению привлекли придворных магов и друидов главного храма Брианны.

Теперь в саду красовалось множество ледяных नेताющих фигур прекрасных полубоженных дев и юношей. Кристаллы льда парили над великолепными изваяниями, в танце складываясь в причудливом узоре. Лед обвивал изящный остролистый плющ, покрытый небольшими пахучими бутонами.

Садовые цветы, казалось, совсем позабыли, что срок цветения для большинства из них еще нескоро. Среди пышной сочной травы яркими пятнами выделялись чудесные багровые астерии, высокие лиловые гиацинты, желтые и белые хризантемы, астры, огромные райские зевы и многие другие, чьи названия я не могла вспомнить.

Воду в фонтанах опрометчиво заменили на шампанское. Его запах густым покрывалом стелился по широким дорожкам и с ходу пьянил уже приехавших гостей. Дамы, надышавшихся игристым воздухом, фривольно посмеивались и кокетничали, мужчины, снисходительно прощающие им эти глупости, выглядели расслабленно и весело.

Женщины и девушки в роскошных платьях сами напоминали диковинные цветы. Они затмевали собой даже распушивших хвосты павлинов, которые, будучи привычными к людям, вальяжно ходили туда-сюда, не обращая ровным счетом никакого внимания на господ.

Все это великолепие я видела из небольшого шатра, куда направилась сразу, едва кареты привезла меня на место. Сам дворец я так и не рассмотрела, меня провели в сад тайными тропами, чтобы никто не успел увидеть невесту.

Элина тоже уже прибыла, ее шатер стоял на другом конце сада. Я радовалась, что нас разместили отдельно. Вряд ли я смогла бы, как и прежде, болтать с ней о всяких глупых пустяках и делиться сердечными переживаниями.

Анни, как и все слуги, надела простую белую тунику. Ее единственным украшением, отмечающим девушку, как мою личную прислужницу, был венок с красным остролистом. Вплоть до самой церемонии, она оставалась моим единственным компаньоном. Если бы не маги-стражи у входа, она бы облегчила мою ношу и сбалансировала энергию браслета, но делать это до сих пор было слишком рискованно.

Напевая что-то под нос, Анни налила в бокал подслащенной воды и протянула его мне. На поверхности плавала пара розовых лепестков.

— Идвин здесь, — буднично сказала она, едва я сделала глоток.

Поперхнулась, с трудом удерживая бокал в пальцах.

— Что он тут делает? — пробормотала, вытирая губы салфеткой.

— Здесь собралось все дворянство, что только было в Эрге, и все те из рулевской знати, кто смог приехать издалека. — Усмехнулась Анни, — Идвин же тоже из ваших, благородных, забыла?

Я залпом выпила всю оставшуюся воду.

— Идвин пришел бы в любом случае, он не мог иначе, — с непонятной мне грустью продолжила девушка. — Но не думай об этом. Мой совет — избавься от змейки прежде, чем случится нечто, что может потребовать нашего вмешательства.

Я постаралась не думать над словом «вмешательство». Где-то в глубине души я еще надеялась, что Голоса отказались от своего плана.

— И как же мне избавиться от змейки?..

— В смысле как? Выйти замуж, конечно же. Пролить в священную чашу немного своей и Отиса крови. Не за этим ли мы здесь, в конце концов, собрались?..

Она тихо рассмеялась. Казалось, предстоящее ничуть ее не пугало. Это приводило в легкое замешательство, и я, решившись, спросила:

— Анни... Ты все говоришь о богине, о том, что... слышишь ее. Ты знаешь, что будет дальше?

Я сама не верила, что задавала этот вопрос. Все что говорила Анни про богиню, я старалась пропускать мимо ушей. Девушка имела множество прекрасных качеств, за которые я успела ее полюбить, поэтому я попросту игнорировала все странности, списывая их на нелепые причуды.

Девушка медленно повернулась. Ее светлые волосы подсветило заглянувшее в шатер солнце, обрамляя миловидное лицо, сейчас показавшееся неестественно красивым.

— Будет, что должно, — серьезный тон друидки жестко контрастировал с предыдущим приступом веселья. — Колесо цикла нельзя остановить, и рано или поздно оно двинется, проворачиваемое механизмами жизни и смерти. Оно и так слишком долго простояло на месте.

Я похолодела. Не это я хотела услышать, но время нельзя отмотать назад. Я вновь взглянула на Анни, надеясь в это раз усмотреть в ней признаки полубезумной чудачки, но глаза друидки, словно два холодных камня, смотрели слишком тяжело, словно сквозь них на меня взирало нечто, что куда старше и мудрее самой Анни.

Если Крелорс, оскорбившись, и оставил людей, то Брианне, похоже, еще есть дело до смертных, вдруг подумалось мне и я нервно рассмеялась. Я никогда не замечала за собой подобную склонность к религиозности.

Наше с Анни уединение прервала одна из прислужниц. Она заглянула внутрь и жестом пригласила выйти.

Едва я сделала шаг из шатра, то все предыдущие мысли мигом вылетели из головы. Я должна была предположить нечто подобное, но в итоге, оказалась не готова к такому повороту событий.

Теперь, когда отец был похищен и не мог меня проводить к священной чаше, его роль решил взять на себя сам государь.

Римерий улыбнулся, и я, с трудом сбрасывая оторопь, взяла его под руку. Хорогга над его плечом не было, что, задумавшись я, могло бы показаться мне достаточно странным, ведь ослабление государя в этот день было на руку Голосам, но пребывая в смешанных чувствах, я почти не обратила на это внимание.

***

На возвышении в центре сада для церемонии соорудили прелестную беседку с резными высокими колоннами, на которые по воле друидов напозла виноградная лоза. По бокам от ступеней навверх цвели красные розы, точно такие же, как были в моем букете. Над лепестками витали красноватые магические искры, воплощенные лишь ради для красоты.

Места вдоль расстеленной белой дорожки, ведущей к беседке, были плотно заняты людьми. Ближе всего к ступеням размещались места для самых высших родов и придворных, и чем дальше располагались гости, тем ниже они имели положение, хотя любой из присутствующих мог похвастаться действительно благородными корнями. Здесь собралась вся элита, все сливки Рулеви.

Дорожка оказалась достаточно широка, чтобы по ней могли пройти и шестеро человек в ряд, не задевая друг друга.

Когда мы с государем подошли к ее краю, все присутствующие встали. Элина и ее отец уже ждали нас, пока не ступая на белую ткань. Лицо девушки едва можно было рассмотреть из-за красной фаты, опущенной на лицо.

Я кивнула старой подруге, когда мы достаточно приблизились. Мне было тяжело стоять с ней рядом, я не могла и не хотела ничего говорить.

Повисло молчание, и меня спасли музыканты, взявшие громкую торжественную ноту. Мы, наконец, двинулись по дорожке, и я видела в кровавом мареве своей вуали край камзола отца Элины, волнение которого выдавал неровный шаг.

Следом за нами, держа в руках корзины, пошли две красивых девушки, которых я ранее видела среди магов, охраняющих государя. Они разбрасывали розовые лепестки в толпу.

Стража стояла у беседки, парами вдоль дорожки. Наверняка, маги государя были и среди гостей, одетые в праздничные одеяния, чтобы слиться с толпой.

Женихи уже ожидали нас. Я мельком взглянула на Мортена Батриса, отмечая, что молодой человек действительно хорош, и затем перевела взгляд на Отиса.

Тот стоял, широко улыбаясь. Ему невероятно шел его белый свадебный костюм, где красным пятном у сердца алела приколотая роза. Глаза цвета стали лучились теплотой и восхищением, с которым он, не отрываясь, смотрел на меня.

Если бы только можно было взять его за руку и сбежать, сбежать как можно дальше, дать клятвы в каком-нибудь забытом богами маленьком храме Брианны, где всего один священник, и жить, не разлучаясь, вдали от ненавистой столицы, от проклятых Голосов, от Инквизиции...

Государь передал меня Отису, чьи пальцы тут же сжали мои. Я оглянулась. Совсем рядом от беседки восседал Арнейм в богато расшитых нарядных одеждах. Неподалеку, несколько особняком от остальных, стояло несколько мужчин и женщин, в чьей осанке сквозила чванливая заносчивость людей, считающих себя лучше остальных, что, впрочем, не было уж такой редкостью среди собравшегося общества.

Вероятно, это и были другие верховные инквизиторы, люди, имеющие право принимать ключевые решения, касающиеся судеб некромантов Рулеви. Я поспешно отвела глаза.

Наши пары взошли на возвышение одновременно. Перед нами стояли две большие священные чаши с золотым орнаментом по краям. Их наполняла принесенная вода из бьющих в главном храме Брианны ключей.

Музыка стихла и повисла тишина. Служитель, убеленными сединами глубокий старик, кашлянул и произнес неожиданно молодым и хорошо поставленным голосом:

— Великая богиня, мать мира! Да услышат уши твои, да увидят глаза твои! Собрались дети от источника, что подарила ты всем ранее и ныне живущим, дабы благословить узы,

которыми возжелали соединить свои сердца те, что стоят перед нами...

Речь священника с каждым словом сливался в монотонный напев, обволакивающий и погружающий в то состояние, когда ты начинаешь чувствовать звенящее спокойствие и обманчивую близость к богам.

— ...Да свяжет кровь нерушимым союзом двух в одно, дабы продолжить род и жить в благословении матери!

Отис отпустил мои пальцы, и мы подняли руки с браслетами над чашей. То же самое сделали и Элина с Мортеном.

Дурное предчувствие, которое меня не покидало, едва я оказалось здесь, и которое имело под собой все основания быть, усилилось. Я взглянула на Элину, силясь понять выражение ее лица, но смогла рассмотреть лишь широкую улыбку из-под алой вуали.

Священнослужитель с торжественным видом извлек из складок темно-зеленого одеяния небольшой аккуратный стилет, и шаркающей походкой приблизился к Мортену и его невесте.

Лезвие одним взмахом мазнуло по кончикам пальцев пары, и через несколько секунд я со своего места увидела две большие красные капли, наливающиеся на разрезах кожи.

Настала наша очередь. Священник делал несколько шагов, казалось, целую вечность.

Я почти не чувствовала боли, когда лезвие рассекло подушечку указательного пальца, но все равно инстинктивно отвернулась, краем глаза замечая, что змейки на руках Элины и Мортена, прежде напоминавшие диковинные украшения, сонно разинули пасти. Они, с трудом скидывая онемение, серебряными потоками двинулись к крови, каждая желая переползти на соседнюю руку. Их манила именно та кровь, которой они успели напиться во время помолвки.

Когда ожившие браслеты были уже близки к своей цели, капли, налившиеся красными ягодами, сорвались с пальцев и упали в чашу.

На глазах ускоряясь, металлические змейки скользнули следом. Они глухо ударились о дно, и с этим ударом сила жизни ушла в воду, покидая металл.

Священник зачерпнул содержимое чаши небольшой пиалой и протянул ей Мортену. Тот с готовностью сделал глоток и передал пиалу Элине. Она очень медленно поднесла ей к губам и отчего-то совсем не спешила пить.

Энергия жизни в воде на время ослабит ее дар, и так угнетенный долгим ношением браслета, вдруг поняла я.

Я перевела взгляд на свою руку, на которой уже чувствовала неприятное движение зачарованного металла. Капля моей крови, большая и алая, наконец, устремилась вниз, а за ней руку Отиса покинул его живой браслет. Кровь же моего возлюбленного никак не желала покидать кончика его пальца.

Я оглянулась на Элину. Та по-прежнему держала пиалу у губ, и Мортен смотрел на нее с явным недоумением.

Принятое решение холодным ознобом понеслось по позвонкам. Я резко повернулась к Отису, схватила его за запястье и с силой опустила руку ничего не понимающего жениха в воду.

— Да что ты делаешь... — ошарашено прошептал он.

Хвост змейки царапнул кожу, и ее узкое тело натянутой стрелой вспоролу воду. Я выдохнула, почти не веря тому, как же стало легко и хорошо.

В этот момент раздался звук битого стекла. Затем чуть различимое шипение, и пространство вокруг начал стремительно заполнять фиолетовый удушливый дым.

Где-то внизу, в возникшем мареве, поддаваясь панике, закричали. Мортен, чей силуэт

я еще могла рассмотреть, отшатнулся и ненароком опрокинул священную чашу. Та ударилась об пол, гулко раскалываясь на части. Священнослужитель взвизгнул и запоздало отскочил, подбирая полы одеяния.

Я стянула мешающую фату и отбросила в сторону. Голоса смерти остались верны своим планам...

Государь должен быть где-то внизу, но Отис, прежде чем я шагнула, схватил мою руку.

Несколько мгновений он смотрел на меня, и туман скрадывал выражение его лица.

— Уходи, уходи немедленно, с той стороны есть проход...

Отис подтолкнул меня к дальнему углу беседки, сам развернулся и растворился в плотном фиолетовом дыме.

Я растерянно моргнула. Около чаш теперь оставалась лишь я одна, когда и куда успели уйти остальные, я могла только гадать.

Замешкалась, на мгновение допуская слабовольные мысли о том, что еще есть шанс просто сбежать. Крики внизу усилились, раздался звон металла, кто-то упал и четко пахло гнилью. В фиолетовой дымке россыпью вспыхнули зеленоватые огоньки некромантской магии, а следом зажглись огненные шары, разбивающиеся о магические щиты. Я со злостью оторвала верхнюю, самую пышную часть юбок, которая только мешала, и устремилась вслед за Отисом.

В движении дышалось с трудом. Пары забивали легкие, не давая глубоко вдохнуть. Наверняка использовалось алхимическое зелье, и я надеялась лишь на то, что оно не было ядовитым.

Сбежала со ступенек, и мимо меня тут же пролетело, падая и вскользь задевая лицо широким рукавом, чье-то тело. Царил хаос и неразбериха, от пронзительных криков закладывало уши. Разноцветные юбки дам, перекошенные ужасом лица, черные плащи стражи, — все смешалось в единой пляске безумия.

Вдалеке я услышала голос, похожий на голос государя, и рванула туда, уворачиваясь от пробегающих мимо. Справа пронеслась, едва не обжигая мое плечо, струя огня. Я наклонилась, закрываясь руками, и ускорила, моля всех богов, чтобы меня случайно не убили свои же.

Искать кого-то в таком мареве бесполезно, ни единого ориентира. Я наталкивалась на обезумевших от страха людей, разом забывших о собственной гордости. Стража, магизащитники и те, кто напал на всех нас, появлялись рядом и исчезали слишком быстро, не давая себя рассмотреть.

Налетевший ветер едва не сбил с ног. Заклинания магов стихий в плетении бывают слишком долгими, но обладают впечатляющей мощью.

Беспощадные, невероятно сильные потоки воздуха, нарастающие с каждым мигмом, пытались выдуть туман, но тот лишь клубился на месте, сдерживаемый заключенной в нем магией. Я припала к ближайшей скамейке, где ранее сидели гости, и вцепилась в нее, чувствуя, как рассыпается высокая прическа, и как ветер хлестко играет с распустившимися волосами.

— Клэр... Клэр!

Чьи-то руки обхватили меня, защищая от ветра, и развернули к себе.

Идвин стоял передо мной, и по его телу пульсировало защитное заклинание, уменьшающее воздействие разбушевавшейся стихии. Часть голубоватых искр перешла на меня, и я почувствовала приятное покалывание. Лицо перестал ожесточенно бить ветер, а волосы теперь лишь слегка шевелились, словно я находилась под водой.

Я еще злилась на некроманта, но безумно обрадовалась его появлению. Однако вместо того, чтобы сообщить ему об этом, сказала:

— Спасибо, Идвин... а где твоя жена?..

Он не мог прийти на такое торжество без супруги, но сейчас некромант оказался совсем один.

— ...У нее небольшое отравление, — после паузы слабо откликнулся Идвин. — Не без моей помощи, конечно же, но это был единственный способ удержать ее дома. Ты бы видела ее платье, над которым она с месяц хлопотала. Пышное, как торт... В любом другом случае она бы ни за что не пропустила свадьбу во дворце...

Его лицо на мгновение пренебрежительно скривилось.

— Где государь?.. — опомнилась я. — Ты видел?..

Идвин отрицательно покачал головой.

— Все случилось слишком быстро, но, уверен, сейчас его есть кому защитить...

— Элина... если Элина с ним, она убьет его! Ее не в чем не станут подозревать, она сможет подобраться к нему слишком близко!

— Элина?..

— Элина! Она из Голосов!

Некромант смешался, плохо понимая, о чем я толкую. Я раздраженно цокнула языком:

— Пойдем же! Мы должны их найти!

Стихия заставила простых людей жаться к земле, но никак не повлияла на ход развернувшегося сражения.

Увешанные амулетами стражи не дрогнули под напором ветра и продолжали бой с противником, давая возможность боевым магам нападать из-за их спины.

Голоса смерти... несколько людей в плащах, которые пришли с туманом, мешались с мужчинами и женщинами, разряженными в красивые платья. Среди нашей знати оказалось не так уж и мало тех, кого Инквизиция давно должна была сжечь.

Фиолетовый туман теперь был зеленым из-за бесконечных вспышек. Стражники падали, прижимая гниющие конечности, покрываясь зловонными пятнами. Кроме магии, Голоса превосходно орудовали оружием, и зелень гнили быстро мешалась с кровью.

Нам удалось проскользнуть мимо нескольких групп сражающихся незамеченными. Мы пригнулись и нырнули за одну из завалившихся скамей, чтобы затем перебежками двинуться дальше, но остановились.

За скамьей, под защитой широкой доски, оказалась Элина. Она, вопреки всем моим опасениям, просто сидела на месте, оцепеневшим взглядом смотря вдаль, и лишь через несколько мгновений я поняла причину, почему она задержалась здесь, а не отправилась дальше.

Вдоль скамьи недвижно лежал Мортен, его голова покоилась на коленях девушки.

Он был жив. Лишь потерял сознания, и слабое дыханье вздымало грудь. Около виска молодого человека адела кровь, заливающая платье Элины. Бордовые загустевшие пятна едва выделялись на красной ткани.

— Кларисса! — выдохнула Элина, увидев нас. — Кларисса!..

Ее глаза заполняли слезы, хрупкие плечи дрожали. Меньше всего она походила на коварную хитроумную убийцу, которому было поручено лишить жизни главу государства.

Повинуясь порыву, я села рядом и взяла ее за руку. Прежде чем я спросила, что именно произошло с Мортеном, Элина сказала:

— Кларисса, ты же... ты же не будешь выполнять волю Голосов?..

Ее голос вибрировал от подступающей истерики.

— Не буду, — Ответила честно.

— Тогда... тогда позаботься о нем, его ранили... А мне... мне нужно идти...

Девушка была не в себе. Она с дрожью, но очень бережно опустила голову и плечи Мортена с колен на землю.

— Элина... ты же еще не применяла здесь некромантию? Не показывала темный дар?
— вкрадчиво спросила я.

Пусть даже Элина и была частью Голосов смерти, но мое сердце разрывалось, когда я видела ее такой.

Девушка кивнула.

— Так ты все-таки с нами?.. — ее лицо просветлело. — Я знала, что ты за наше правое дело! Дорогая, мы...

Я украдкой подала знак Идвину, который тем временем уже стоял за спиной Элины.

Через мгновение та покачнулась и точно бы рухнула вперед лицом, если бы некромант вовремя не удержал ее за плечи. Разум девушки, и так затуманенный ее состоянием, оказался крайне податлив для сонного заклятья.

Мы положили ее рядом с почти состоявшимся супругом.

— Не хочу, чтобы про дар и причастность к происходящему Элины кто-то узнал. Когда все кончится, она сможет вернуться к нормальной жизни, не ломая ее на корню глупыми необдуманными поступками...

Внезапно грянула белая вспышка, раскалывая туман на множество клоков. Разрозненное марево задрожало и стало медленно таять. Мы, не сговариваясь, присели ниже и прижались к широкой доске.

— Вот вы где...

Я вздрогнула и обернулась. К моему облегчению, сзади подкралась Анни, а не кто-то из Голосов. Ее уже далеко не белое платье-тога оказалось разорвано, волосы взлохмачены, и веноч удерживался лишь каким-то чудом.

— Хвала богине, вы в порядке, — продолжила друидка, оказавшись под защитой перевернутой скамьи. — Это какое-то безумие, Голоса смерти словно решили избавиться не только от главы государства, но и от всего цвета аристократии Рулеви.

— Ты знаешь, много погибших? — спросила я дрогнувшим голосом.

— Большую часть простых людей удалось вывести, — ответила Анни. — Кое-кто из магов и прислуги занимались этим, пока с Голосами сражались остальные.

Туман тем временем почти полностью растаял, медленно, но неуклонно обнажая картину происходящего.

Не так далеко, всего метрах в двадцати от нас вибрировал небольшой купол, едва различимый из-за бившихся насмерть. Под куполом стояли государь и Аделина, испуганно вцепившаяся в супруга. Среди сопротивляющихся магов я увидела Отиса, который тут же затерялся в мешанине людей.

Глаза рябило от магических вспышек. У многих из нападающих я видела раны, плохо совместимые с жизнью, но это не мешало им двигаться, как не в чем не бывало, выдавая в них высшую нежить.

Я хотела встать, но Идвин остановил меня:

— Подожди, Клэр. Здесь собрались самые опытные бойцы, которые служат государю, что мы можем сделать, кроме как выдать свои способности?..

Мне нечего было ему ответить.

— А вот и инквизиторы... — присвистнула Анни.

Мимо нас, не замечая, пронеслись уже знакомые фигуры глав Инквизиции.

Нет, они не были разленившимися управленцами, которые умели отдавать приказы, но разучились сражаться. Мечи в их руках были испачканы свежей кровью, лица, сосредоточенные на цели, горели тем ледяным огнем, который бывает присущ опытным убийцам.

За начальством Инквизиции спешила группа людей, и пара лиц показалась мне знакома еще с того лагеря в лесу, где сжигали нежить.

С появлением инквизиторов, ход битвы, казалось, переломился. Сверкнули призрачные цепи, полетели сковывающие молнии, и некроманты, заседавшие на магов государя, один за одним падали на землю, лишаясь жизни.

Драурги взревели, обнажая заострившиеся зубы. Они, взъярившись, потеряли всякий человеческий вид и принялись уже в открытую разрывать на куски тех, до кого дотянулись, словно дикие бешеные звери, орудуя мощными челюстями и выпущенными когтями. Мышцы нежити, набухшие от напряжения, разрывали по швам их дорогие камзолы и платья. От вида крови и выпущенных багровых кишок закружилась голова.

— Давай уйдем, — прошептал Идвин. — Это не наша битва...

— Мы не можем уйти, все только начинается, — откликнулась друидка. — Все только начинается...

Ее взгляд сейчас напоминал взгляд хищной птицы, скулы, казалось, заострились. Венки в волосах набух от силы жизни и дали несколько побегов, глубоко заплетающихся в волосы.

— Анни, что с тобой... — пробормотала я.

Та молчала, и я вернулась к наблюдению за битвой.

Арнейм двигался удивительно хорошо для человека своих лет. С его пальцев срывались сокрушительные заклинания, а меч быстро находил цель. Расправившись с очередным некромантом, он развернулся и нос к носу встретился с двумя женщинами, которых я уже хорошо знала.

Сестры-близнецы, Эмили и Элли. Они двигались куда быстрее обычного человека, хотя последняя и слегка прихрамывала.

Все трое закружились в сумасшедшем танце смерти, где волны гнили пролетали в миллиметре от Арнейма, а сестры искусно избегали пламени и парализующих молний, вылетающих из колец на пальцах Инквизитора. Перемещаясь по всему полю боя, они расталкивали, сжигали и разлагали тех несчастных, кто не успел вовремя увернуться, постепенно завладевая всеобщим вниманием.

Внезапно танец прервался. Одна из сестер, увернувшись от разряда, уверенно вылетела прямо на клинок Арнейма, и меч вошел в ее тело по самую рукоять.

Инквизитор победно оскалился. Дернул руку, но оружие, вопреки его ожиданиям, не двинулось.

В запястье Главного инквизитора мертвой хваткой были вцеплены пальцы некромантки. Из рта нитью стекала кровь, и Элли улыбалась.

С победным криком вторая сестра, Эмили, подлетела к замешкавшемуся мужчине и с размаху всадила клинок прямо в сердце Арнейма.

Тот дернулся. Отпустил рукоять меча, который более не удерживала пронзенная

некромантка, и выплюнул слюну, насыщенную кровью. Эмили в движение вытащила из Арнейма меч, и всадила вновь, заставляя стойкого инквизитора сделать шаг назад. Затем еще раз и еще, теряя всякий контроль.

Наконец, раздался звук упавшего тела.

Но это был не Арнейм. Это была ранее пронзенная им Элли, которая, видимо, так и не была обращена в драугра.

А Главный инквизитор продолжил стоять на ногах. Его лицо поддержала кривая улыбка, и он вдруг расхохотался. Эмили, побледневшая, отступила назад и опустила меч. Ее руки дрожали.

Смех Арнейма длился, казалось, целую вечность, и лица всех присутствующих поочередно искажались от осознания того, что все это значит.

— Сукин ты сын! — крикнула я и встала.

На меня никто не обратил внимания. Потрясение охватило и защитников государя, и Голоса смерти. Лишь главы Инквизиции странно переглядывались друг с другом мрачными взглядами, не сулившими ничего хорошего.

— Арнейм, как все это понимать?! — громко вскричал государь.

Его супруга давно в ужасе сползла на колени.

— Какая незадача, — громко сказал Арнейм. — Похоже, сегодня сложить свои головы придется не только горстке глупцов, называющих себя Голосами смерти и захотевших убить государя, но и почти всем защитникам Его Величества. Более того, придется объявить честному люду, что спасти Римерия Третьего от ужасных злодеев у нас, к великому сожалению, не вышло. Другими словами, нам придется...

— Убрать всех свидетелей, — громко отчеканила одна из глав Инквизиции и подняла руки.

Вокруг тонких женских пальцев зажглись знакомые зеленоватые огоньки, и первая разлагающая волна обрушилась на оцепеневших рядовых членов Инквизиции, которые, судя по всему, понятия не имели, что из себя представляют те, кто ими управлял.

Больше сидеть в укрытии я не могла. Игнорируя оклики Идвина, я ломанулась вперед. За мной, не говоря ни слова, устремилась Анни.

Силы глав Инквизиции потрясали. Верховные инквизиторы, используя некромантию, с легкостью превращали драугров Голосов смерти в шметки гнили, без единого сомнения приканчивали рядовых инквизиторов, приемы которых знали до малейших деталей. Сопrotивление деморализованных магов и воинов государя пресекались на корню.

Это не битва. Это — отвратительная бойня.

Арнейм, игнорируя застывшую Эмили, развернулся и зашагал по направлению к государю. Я, не обращая ни на кого внимания, побежала прямо за ним.

Я догнала Главу Инквизиции тогда, когда он приблизился к магической преграде. Источником ее оказался амулет-печатка Римерия, от которой исходили едва заметные волны.

— Я верил тебе, — тихо сказал государь. — Я знал тебя с самого детства...

— Дядя... — Отис, покрытый сажей и чужой кровью, пробился к Арнейму одновременно со мной. — Скажи, что все это какое-то нелепое недоразумение... что это какой-то хитрый ход... Или же просто убей меня!

Пальцы Арнейма быстро мазнули в воздухе знак онемения, но Отис даже не попытался сопротивляться.

— Нет, ты, племянничек, нужен мне живым. Пропавший без вести для всех остальных, ты займешься продолжением нашего рода. Ты лишь неудавшейся ребенок моего такого

же бесталанного брата без темного дара, но в твоих жилах течет кровь, которая способна передать это сокровище потомкам. О, а вот и твоя милая женушка...

Арнейм повернулся ко мне и удивленно хохотнул:

— Что ты птичка, сюда прилетела? Еще один обрубок великого рода, способный лишь на то, чтобы дать жизнь кому-то более ценному.

Он не видел во мне угрозы, и мое присутствие его лишь веселило.

— Вы — чудовище... зачем вам все это?! — в сердцах воскликнула я. — Почему вы продолжали охоту на некромантов, в то время как сами были одним из них?!

— Прелестное и отчасти наивное любопытство... Речь лишь о контроле, дитя мое, лишь о контроле, — снисходительно ответил Арнейм. — Но к чему мне рассказывать тебе о тех вещах, в которых ты ничего не смыслишь...

Он потерял ко мне остаток интереса. Щелкнул пальцами, и над плечом государя возник хорогг.

Так вот кто в действительности подсадил духа, чтобы тот следил за Римерием и влиял на него, как, вероятно, и на множество других значимых людей государства!

Духа, которого могли увидеть только некроманты. Отсюда и охота на магов смерти, и затворнический образ жизни государя, наверняка внушенный по желанию глав Инквизиции...

Как же давно этот фарс происходит? Не с самого ли начала гонений носителей темного дара?..

— Ты все поняла верно, — сказала Анни.

Я обернулась.

Она стояла за моей спиной. Вновь через глаза друидки взирал некто, кто могущественнее любого из людей.

Меня охватила лютая злоба, перерастающая в безумие. Не в силах ничего поделать с собой, я воскликнула:

— Всемиловитая мать! Если это все же ты, то объясни... объясни, какого Верниса ты все это время просто наблюдала? Почему не вмешалась, почему...

Мою тираду прервал крик. Я повернулась к государю и увидела, что тот рухнул на колени. Хорогг с бешенством стремительно поглощал его жизненные силы, от которых питалось кольцо-артефакт. Преграда, отделявшая Римерия от Арнейма, дрогнула и исчезла.

— Стой! — крикнула я, бросилась вперед и схватила инквизитора за плечо.

Тот раздраженно дернулся, резко повернулся ко мне и нечеловеческой хваткой впился в мое горло, отрывая от земли.

— Мелкая тварь, не путайся под ногами сильных мира сего... — зашипел он.

Невероятная ярость, клокочущая темный сгустком в моей груди, забурлила. Я, не в состоянии продохнуть, со злостью вцепилась в его руку. И дала полную волю силе смерти.

Полыхнула зелень, волной накрывая Арнейма. Вся моя боль, вся моя ненависть обрушилась на инквизитора. Он, не ожидая ничего подобного от мелкой девчонки, даже не пытался защититься.

Его рука, стремительно разлагаясь, ослабила хватку, и я рухнула вниз.

Непереносимый запах гнили проник в ноздри. Я подняла слезящиеся глаза и увидела лишь бесформенную кучу того, что когда-то было инквизитором. Хорогг, зависший над

государем, медленно растворялся в воздухе, покидая носителя, связь с которым, поддерживаемая прежде Арнеймом, исчезла.

Римерий, стоя на коленях, смотрел на меня во все глаза. Отис, крупно дрожа, что-то тихо шептал под нос, переводя взгляд с меня на останки, и с останков на меня.

— То, что должно было случиться, исполнилось, — тихо сказала Анни. Стоящие рядом непонимающе повернули головы к ней. — А теперь смерть должна уйти. Да осветится земля.

Она резко опустилась, припадая ладонью к траве. Многочисленные побеги в ее волосах чуть шевелились, и не думая прекращать расти.

Поляну окатил теплый воздух, и от земли сладко пахло жизнью. Мне стало не по себе, слишком тяжело, слишком тошно.

Я не понимала, как все это могло помочь, но главы инквизиции, которые до этого были увлечены истреблением всего живого и неживого, изумленно вскрикнули.

Некромантия больше не работала. Зелень гнили погасла, как бы они не махали руками и какие заклинания бы не пытались воспроизвести.

— Клэр, — меня дернули за руку. — Клэр, мы должны уходить...

Это был Идвин. Судя по его помятому виду и подтекам крови на скуле, ему не удалось догнать нас без происшествий.

— Бежим... бежим, пока все не пришли в себя...

Я кивнула и поднялась.

От Анни шел зеленоватый столб, уходящий прямо в небо. Ее волосы, полные побегов и распускающихся бутонов, поднялись вверх, по коже заскользили зеленоватые узоры. Через маленькое хрупкое тело текла божественная мощь. На траве стремительно прорастали цветы, вокруг лежащих еще живых людей закрутились маленькие зеленоватые искорки, латающие раны. Сгустки гнили медленно утекали в почву, чтобы вернуться в цикл жизни и смерти.

Идвин вновь подтолкнул меня, и мы кинулись прочь, расталкивая застывших людей и перепрыгивая через лежащих.

Справа мелькнул еще один бегущий человек. Им оказалась Эмили, которая тоже поняла, что нужно уходить. Ее примеру довольно быстро последовали как выжившие Голоса смерти, так и верховные инквизиторы.

— Задержать! — скомандовал кто-то. — Не дайте никому уйти!

Идвин крепче вцепился в мою руку.

— Тебе же ничего не грозит, ты не использовал некромантию! — крикнула ему я, — Просто оставь меня! Не подставляйся!

— Дура, — беззлобно откликнулся он, даже не собираясь меня отпустить.

Земля напитывалась энергией жизни недостаточно быстро, чтобы сразу захватить пространство всего сада, и едва мы вышли из растущего круга, созданного Анни, резко стало легче, что означало, что мои способности вновь при мне.

— Есть амулет телепортации? — спросила, пытаюсь отдышаться.

— На дворцовой территории их невозможно использовать, он защищен от переноса, — буркнул Идвин. — Если бы это было не так, все было бы куда проще, знаешь ли!

Мы, наконец, вылетели из сада, миновали пару хозяйственных построек, перемахнули через ограду и оказались возле городского парка. Рядом не было ни души, видимо, его закрыли на время торжеств для безопасности государева двора.

— Все, хватит с нас всего этого, — Идвин кинулся рыться в карманах.

Мимо нас, не замечая, пронеслась Эмили, а за ней несколько магов государя. Вздрогнув, я заметила среди них Отиса, крайне бледного, но уже достаточно пришедшего в себя. Через несколько секунд из-за деревьев раздались пронзительные крики.

Я не могла остаться в стороне. Вырвала руку у замешкавшегося Идвина и кинулась туда, между деревьями. Идвин ругнулся в адрес всех богов и бросился за мной.

Открывшаяся картина ввела в ступор. Возле небольшого фонтанчика стоял господин Корре собственной персоной в окружении двух верных подчиненных. На его плече покоилась Эмили, чьи руки безвольно висели вдоль спины Энтона. На траве неподвижно лежало трое магов, среди которых я не увидела Отиса.

— Кларисса! — обрадованно воскликнул Корре. — Кларисса, могу лишь выразить глубочайшее восхищение! Не знаю, как ты смогла все это проверить, но идея притащить с собой просветленного друида оказалась превосходна. А кончина Арнейма?.. Дорогая, это прекрасно!

Галлея глубоко вздохнула. Она, как и мастер теней, явно хотела убраться отсюда как можно скорее.

— А ты, как обычно, за всем наблюдал со стороны? — зло выдавила я.

Я абсолютно не разделяла восторгов господина Корре.

— Видишь ли, я не имею права себя выдать, моя дорогая. Мне предстоит еще очень много работы, чтобы разобраться с остатками Голосов смерти, а для этого я должен сохранять некое инкогнито. В далекой перспективе это необходимо для восстановления доброго имени некромантов, хотя после всего случившегося я уже мало верю, что это вообще возможно... Подумать только, все это время Главой Инквизиции был друг!.. Кстати, ты получила мое письмо? Как же я ждал от тебя хотя бы маленькой весточки!

— Да, я читала его. И не нашла там ничего, кроме жалких оправданий.

— Вижу, ты не настроена на приятную беседу... Жаль, но что поделать, возможно, со временем, ты поймешь, как важны в нашем мире кровные связи, и вспомнишь обо мне...

— Вы, что же, родственники?.. Вернис тогда побери такие кровные связи, — тихо проговорил опешивший Идвин.

Корре деланно вздохнул, затем, словно вспомнив, легонько хлопнул себя по лбу.

— Кстати, твой неудавшийся женишок в паре метрах отсюда, и он истекает кровью. Нет, не подумай, я бы не стал протыкать его ножом. Красавица Эмили сама смогла за себя постоять до нашего прихода... И теперь я буду иметь возможность премило поболтать с ней о том о сем.

Я лихорадочно огляделась, чувствуя, как сердце ухает вниз. Корре тем временем поправил чуть сползшее тело некромантки на плече и добавил:

— Время лечит, Кларисса. Мы еще обязательно увидимся. Отис лежит где-то там, у тебя как раз есть время с ним попрощаться.

Он махнул рукой в сторону, и через пару мгновений его с пленницей и подручными подхватили искры телепортации.

— Клэр... — пробормотал Идвин. — Если все так, как говорит Корре, то что мы...

Но я не слушала его. Ноги сами понесли вперед.

Отис действительно лежал в том направлении, куда указал Корре, всего в метрах трех от нас, среди зарослей полевых цветов.

Облокотившись на ствол старого дерева, он зажимал рану в груди, кровь из которой уже пропитала его белый свадебный фрак. Младший Батрис поднял на меня глаза, и его

лицо свело от боли. Отис явно хотел что-то сказать, но из горла вырывались лишь хрипы.

Я рухнула рядом, чувствуя, как глаза предательски защипало. Ладони свело дрожью, когда я дотронулась до груди любимого. Он вновь захрипел, и я поднесла палец к его губам.

— Пожалуйста, не говори, — тихо, с трудом сдерживая рыдания, сказала я. — Береги силы.

Я чувствовала сквозь ткань, как из него медленно, но уверенно вытекает сама жизнь. Хлад смерти буквально дышал в затылок. Еще немного, и будет слишком поздно, чтобы предпринимать что-либо.

— Не умирай, — всхлипнула. — Только не умирай...

— Мы не можем ему помочь, — тихо сказал Идвин.

Ему явно было больно смотреть на меня, иступленно глотающую слезы около Отиса.

Я глубоко вздохнула, не давая себе окончательно впасть в панику. Отис не дожидется лекарей и просто умрет на моих руках, если мы попытаемся перенести его к Анни. Что же я могу сделать...

В голове мелькнула странная мысль. Повернулась к Идвину и взяла его за руку, даже не замечая, как пачкаю того кровью.

— Пожалуйста, ради меня, уходи отсюда. Со мной все будет хорошо, но... я могу ошибиться, и задеть тебя...

Идвин непонимающе взглянул на меня:

— О чем ты вообще говоришь...

— Молю, просто иди. Иди же, у меня почти нет времени! Пожалуйста...

— Я уйду, — после паузы тихо ответил некромант. — Только пообещай, что с тобой все будет хорошо.

Кивнула. Тогда Идвин наклонился, и его губы коснулись моего лба. Я удивленно скинула брови, не ожидая подобной нежности. Некромант тем временем сунул руку в карман и растворился в облаке искр.

Но у меня не было времени размышлять о поведении Идвина. Я сглотнула пересохшим горлом, и вновь положила дрожащие ладони на грудь Отиса.

— Живи. Просто живи...

Теперь все зависело только от меня.

Вздохнула, стараясь прочувствовать множество ниточек жизненной силы, пульсирующих вокруг. Каждую звонкую травинку, каждый покачивающийся на ветру цветок, гулкое биение сущности дерева, гоняющее сок внутри толстого ствола... Они существовали в едином ритме, сливались в одну бесконечно прекрасную симфонию, воспевающую радость бытия.

Мысленно прикоснулась к этим нитям, невольно поражаясь их красотой. И резко, безжалостно рванула на себя.

Нити натянулись до упора и неожиданно легко лопнули.

Вокруг медленно, но верно набирая обороты, завертелся водоворот силы. Он с жадностью вытягивал, забирал то, что мне никогда не принадлежало. Это было неправильно, это могло быть ошибкой, но я тянула, что есть силы, и забирала не мое.

Трава под ногами стремительно чернела. Цветы поникли и тут же сжухлись, превращаясь в безжизненную темнеющую солому.

В меня могучим потоком потекла сила жизни. Она обжигала нутро, была совсем чуждой мне, но тело словно само понимало, что ему с ней делать, едва она оказывалась внутри. Мелкие порезы на ладонях начали затягивать на глазах.

— Нет, нет.... Это не мне... не надо...

Я сцепила зубы, останавливая процесс регенерации, стараясь накопить как можно больше. Ветер трепал волосы, поднимал вверх пыль и тлен от умирающих растений. Ствол дерева, на котором полулежал Отис, затрещал, ссыхаясь.

Но и этого мало. Я тянула еще и еще, чувствуя, что пожар внутри может выжечь меня саму. Ветер бушевал, рвал, раскидывал и подхватывал вновь сухие ветви, безжизненные листья...

Невыносимо. Я зажмурилась и пронзительно закричала от боли.

Набрала еще чуть-чуть и, наконец, направила накопленную энергию в ладони, все до капли отдавая Отису. Внутри жгло и горело, я чувствовала, что переборщила, что почти сама умираю, не справившись с таким количеством опасной для некроманта силы... Я уже не была собой, я была потоком, который тек в тело молодого мужчины.

Мое сознание едва не покинуло меня. Еще несколько секунд я сидела, смутно понимая кто я, и где нахожусь. Затем подняла голову и огляделась.

Парк вокруг нас напоминал оживший кошмар. Жизнь покинула его, то, что осталось от травы рассыпалось от малейшего прикосновения. Деревья, высокие, но серые, сухие, сбросили всю листву, превратившуюся в тлен. Как же много я отняла...

Отис кашлянул.

Я вздрогнула, наконец, вспоминая, что именно произошло, и зачем я все это сделала, и поспешно отвела ладони. Рана исчезла.

Отис был жив. Спасен.

Я с искренним облегчением прижалась к его груди, чувствуя биение сердца и мерное дыхание. По щекам покатались слезы, но теперь это уже были слезы счастья.

Все позади. Теперь все будет хорошо. Теперь мы сможем...

— Лучше бы ты дала мне умереть, — услышала я тихие злые слова Отиса. — Нет хуже участи, чем быть спасенным чудовищем вроде тебя.

Взметнула голову и наткнулась на ненавидящий взгляд. Не верила, что это сказал он, но выражение лица Отиса говорило лучше любых слов.

Я онемела. Медленно, встала, почти не чувствуя ног. Меня шатало, перед глазами прыгали мушки.

Сделала шаг, и мир вокруг беспомощно провалился в темную всепоглощающую бездну.

***

Тишину, пропитавшую спертый, холодный воздух, прорезал лишь редкий звук далекого падения капель воды.

Кап. Кап.

От этого невыносимого капанья, повторенного множество раз, казалось, я скоро свихнусь, хотя в первые часы моего пребывания в этом месте я даже не замечала его.

В каменном мешке, в котором я пришла в себя, не было окон, и я не имела ни малейшего понятия, день сейчас или ночь. Из-за невозможности увидеть движение солнца и луны, я не могла знать, сколько прошло времени с тех пор, как я потеряла сознание подле Отиса, и сколько уже здесь нахожусь. Несколько десятков часов? Пару суток?

Дважды я забывалась сном на подбитом соломой матрасе, лежащем прямо на голом полу камеры. Очень хотелось принять душ, но из удобств присутствовала лишь дырка в дальнем углу.

Стальная дверь, единственная ниточка к остальному миру, кроме узкого проема прямо под потолком, через который поступал воздух, была заперта и защищена чарами. Впрочем, будь она не испещрена защитными рунами, поделаться бы с ней я все равно ничего не могла.

Руки сковывали железные браслеты, позволяющие сотворить лишь блеклый светоч.

Я пыталась расчесать пальцами спутавшиеся пряди волос, отмечая несколько колтунов, сбившихся на затылке. Шикарное свадебное платье, ныне порванное и грязное, виделось усмешкой горькой судьбы, последним отголоском былого благополучия. Я искренне ненавидела его до последнего блестящего камушка из шитья на груди.

В голове до сих пор звучал голос Отиса.

«Нет хуже участи, чем быть спасенным чудовищем вроде тебя».

Что ж, чудовища действительно должны сидеть в клетках.

Голод давно просверлил черную дыру в животе. Дважды, пока я спала, у двери появлялся поднос с кувшином воды и тарелка с кашеобразным содержимым, которое прежде я бы даже не решилась понюхать, но сейчас жадно заталкивала в себя до последней ложки.

Участь моя предельно ясна. Наличие темного дара у Клариссы Извич, единственной наследницы благородного рода, бесспорно, а значит, ее мог ждать лишь костер.

Я думала, что голодная смерть лучше сожжения заживо, но не могла заставить себя отказаться от отвратительной похлебки. Смутная надежда на чудесное спасение постоянно питала меня где-то на подкорке, но чем дольше я сидела в полутемной камере, тем меньше ее оставалось. Она таяла, подобно туманной дымке поутру, оставляя лишь холод.

Я крутила в голове обрывочные воспоминания и мысленно жевала жвачку, вроде той, смоляной, которую перемалывают крепкими желтыми зубами простолюдины. Она состояла из предположений и размышлений, как могла бы сложиться моя жизнь, реши я никогда не применять темный дар.

Что вообще я смогла сделать благодаря ему? Спасла ли я кому-то жизнь? Стоило ли это того?

Мои родители похищены, Отис возненавидел меня. Я оказалась в тесной камере и жду вынесения приговора о смертной казни. Был ли хоть какой-то смысл во всем том, через что мне пришлось пройти и провести своих близких?

Голые стены наверняка являлись безмолвными свидетелями не только моих слез.

Когда они иссякали, я легла на матрас и бездумно смотрела в потолок, ожидая, когда же все это, наконец, кончится.

И боги вняли моему желанию.

Несмазанные петли двери протяжно заскрипели, и она распахнулась.

— На выход... миледи.

Высокий чуть полноватый мужчина, страж, был в полном военном одеянии, не имеющим отличительных знаков Инквизиции, но я не обманывалась. После всего случившегося ее роль вполне могли подхватить и другие, и мне было уже без разницы, кому непосредственно подчиняется мой тюремщик.

Я встала, чувствуя, как качает от усталости. У свадебных туфель сбились каблуки, что еще больше придавало неровность походке.

Меня повели по длинному коридору, освещенному редкими магическими светильниками. Страж шел сзади, что позволяло ему видеть каждое мое движение, но я даже не думала предпринимать попытку побега. Впереди стоял лишь полумрак, из которого, казалось, вообще никогда не существовало выхода.

Мы сделали такое многочисленное число поворотов, что вскоре я перестала понимать, как далеко отдалилась от камеры. Двери вдоль стены коридора ничем не отличались друг от друга.

Мы остановились у одной из них, и тюремщик толкнул ее. В глаза ударил теплый желтый свет и я, жмурясь, сделала шаг вперед. Дверь закрыли с громким хлопком.

Когда глаза привыкли к яркому освещению, я инстинктивно попятилась.

В небольшой комнате, освещенной множеством свечей, посередине стоял добротный стол. За ним с противоположной от меня стороны сидел сам государь.

Римерий был одет во все черное, видимо, в знак траура из-за всего случившегося. Легкие синяки под глазами говорили о том, что у него не выдалось возможности выпасты и отдохнуть, но в целом, сказывалось благотворное влияние отсутствия хорогга. Лицо, уже не такое осунувшееся, красил полнокровный румянец.

— Садись, Кларисса, — без приветствий сказал Римерий. — Нам предстоит долгий разговор.

Он смотрел на меня со странной смесью сожаления и опасения, как смотрят на, казалось, хорошо знакомого человека, который совершили нечто, что полностью разрушило сложившееся о нем представление. В его взгляде так же сквозила и легкая, едва читаемая жалость.

Слишком уж отличалась покачивающаяся грязная девчонка в лохмотьях от той полной собственного достоинства девушки, которую он помнил.

Я, запоздало вспомнив о приличиях, присела в поклоне, чувствуя себя нелепо, затем прошла вперед и опустилась на стул.

— Не ожидала, что лично вы будете меня допрашивать, — честно сказала, разомкнув пересушенные губы.

— Допрашивать?.. Скорее, я пришел поговорить, — Римерий тяжело вздохнул. — Все полетело в мир Иной в день вашей свадьбы, и то, что виделось истиной, оказалось лишь клубком перепутанных змей, жалящих друг друга, в котором невозможно отделить истину от лжи.

Я кивнула. Я очень хорошо понимала, о чем он говорит. И сама давно перестала различать, где друг, а где враг, и есть ли принципиальная разница между ними.

— Что с Отисом? — спросила я, пользуясь образовавшейся паузой.

Этот вопрос мучал меня больше, чем уготованная мне судьба.

— Жив, твоими стараниями. Не знаю, что именно ты сделала, но мой друг не покинул наш бренный мир. Однако... Лекари говорят, что никогда не сталкивались с чем-то подобным. Физически он исцелен, но его аура нестабильна, магические способности ослабли, тело лишилось былой выносливости... Слишком много некромантской энергетики, ему еще предстоит пройти курс реабилитации, и он не скоро вернется к своим обязанностям. Возможно, он уже не доживет до глубокой старости. В любом случае, это лучше, чем смерть. Я благодарен тебе за его спасение.

Я почувствовала, как горячий ком подкатился к горлу, как защипало в глазах, но не дала этим чувствам волю, глубоко вздохнув.

— А мои родители? Их нашли?

Государь уклончиво качнул головой:

— Я должен тебе сказать кое-что еще. Отис разорвал все брачные клятвы, данные на крови. Вы так и не испили освященной воды, к тому же, ты оказалась некромантом и уже только из-за этого проблем с расторжением брака у Отиса не возникло.

Кивнула. Иного я и не ждала, хотя услышанное и больно резануло. Обхватила себя руками, стараясь сдержать предательскую дрожь.

— Все перевернулось с ног на голову. — Устало продолжил Римерий. — Арнейм, в чей преданности я никогда не сомневался, оказался служителем зла, как и другие верховные инквизиторы. Кроме того, среди прочей знати их так же нашлось немало. В их числе и...

Я подняла голову, закусив губу:

— И я.

— И ты, уже бывшая невеста моего близкого друга.

Повисло молчание. Сердце бешено билось, стало дурно, и я положила руки на столешницу, чтобы, если сознание покинет меня, упасть не затылком об пол, а завалиться вперед.

— Сколько всего мне пришлось выслушать за последние два дня. Сколько безумных объяснений, теорий заговора, всякой нелепой чуши... И я до сих пор так и не смог понять, что в то время, пока Арнейм по его словам очищал земли Рулеви от нечисти, действительно происходило вокруг меня. Я говорил с... Анни. Девушкой, которую сейчас зовут не иначе, как Глас Брианны.

— Что с ней?.. Где она сейчас?..

— В Главном храме. Ей оказали все полагающиеся почести. Теперь она будет служить богине там... Так вот, я лично пришел к новоявленному Гласу Брианны и задавал вопросы, но богиня... молчит. Эта девушка... она сказала, не может дать мне ответов. Что не знает их, хотя, по ее же словам, ответить мне должен именно человек, не боги. И что странно... она отправила меня к тебе. Кларисса — ключ, сказала она. Я не понимаю, что все это значит, как и не понимаю, почему именно твоя служанка оказалась божественным проводником Брианны. Это... сводит с ума.

— И все-таки, Анни безумна, — хрипло рассмеялась я.

Государь покачал головой. Кажется, он тоже об этом думал.

— Так значит, теперь вы будете задавать волнующие вас вопросы мне? — уточнила я.

— Пожалуй, я хочу знать все.

— Все?..

— Расскажи мне обо всем. С самого начала и по порядку. Все, что знаешь, не упуская ни одной детали. Как так вышло, что ты, молодая девушка из дворянского рода, связалась с отвратительным темным ремеслом. Что толкнуло тебя на это, что ты знаешь о Голосах и их мотивах, что знаешь о реальных деяниях Инквизиции, в общем, все, что

может хоть как-то прояснить мне картину случившегося и дать возможность понять тех, кто... подобен тебя.

Я вновь рассмеялась, чувствуя, что и сама близка к сумасшествию. Я давно вела себя вопреки всякому этикету, но к чему все эти условности, если ты вскоре будешь казнен.

— С самого начала? Этот рассказ будет долгим...

— Нам некуда спешить, — государь всплеснул рукой, обводя стены комнаты.

Я отбросила мешающиеся спутанные пряди. Если государь так желает... я расскажу. Да и пока я буду вести свой рассказ, этим хотя бы немного отдалю момент, когда мне придется взойти на костер.

— Что ж... С начала, значит, с начала. — Я позволила себе чуть откинуться на стуле, чтобы устроиться поудобнее. Тело охватила обманчивая легкость. — Итак, первым восставшим мертвецом в моей жизни стала родная тетка, Айседора Орул, в девичестве Извич. Я запомнила ее, как улыбчивую круглощекую толстушку...

***

Я говорила несколько часов, прерываясь лишь на короткую трапезу, о которой распорядился государь, заметив, что я едва не падаю от голода. Проглоченное мясо с гарниром легли тяжелым комком, который я запила добрым вином, смакуя каждый глоток как в последний раз, и мое повествование продолжилось.

Государь не перебивал. По его лицу скользили то едва сдерживаемое удивление, то недоумение, то злость, а пару раз мне показалось, что на губах мелькнула улыбка.

Под конец я чувствовала себя полностью опустошенной. Римерий молчал. Понять, о чем он думает, было невозможно. Он не сказал ни слова по поводу рассказанного мной.

Это пугало.

Мы посидели в долгой, затянувшейся тишине, а затем государь встал, попрощался и вышел. Через минуту меня окликнул страж. Пора было возвращаться.

Но вопреки моим ожиданиям, меня привели не в тот тесный каменный мешок, в котором я сидела прежде, а в сухую теплую комнату с настоящей кроватью и уборной. На покрывале лежало простое серое платье и чистое исподнее.

Это давало надежду. Перво-наперво я вымылась, а после сразу легла спать, с восхищением ощущая свежесть постельного белья.

Но радовалась я недолго. После сна принесли сносный простой завтрак и даже пару книг, прошло время, и я пообедала. Новый прием пищи, снова сон. Ко мне больше не стучался страж, и к очередному сну я уходила с очередной порцией тревожных дум.

Так минуло несколько дней. Дурные мысли наваливались с новой силой. Я знала государя не так хорошо, чтобы быть уверенной, что рассказанное ему облегчит мою участь. Временный комфорт мог быть лишь наградой за откровенность, не более того.

Я дочитывала одну из принесенных книг, когда в замочной скважине двери камеры повернулся ключ.

Взволнованно встала, и тут же осела.

Вошедший оказался тем же тюремщиком, который забирал меня к государю. В его руке висел пустой мешок.

— Доброго вечера, миледи. Это вам следует одеть на голову. Со всем уважением, но если вы не сделаете это добровольно...

— Сделаю, — поспешно сказала, не желая терять те крохи гордости, которые были мне позволены.

Значит, суд уже провели без моего личного присутствия. Вот и все.

Дрожащими руками я натянула холщевый мешок, чувствуя, как он пахнет соломой. Меня взяли за плечо и потянули. Ноги не желали идти, но я приложила всю силу воли, чтобы не заставлять себя тащить.

Идти в полной темноте оказалось сложнее, чем я думала. Голова чуть кружилась, когда меня разворачивали на поворотах или останавливали перед ступенями. Пока мы шли, я неспешно размышляла, где именно меня будут казнить.

На городской площади? Или в связи с таким большим количеством выявленных некромантов из благородных семей, государь не пожелал устраивать из этого представление, и распорядился о тихих казнях без лишних глаз?

Внутри зияла пустота. Я прежде думала, что случись со мной подобное, непременно буду рыдать, просить о милосердии или сопротивляться, но вместо этого лишь шагала вперед, принимая свою участь. Нет, я не была сломлена или раздавлена, но внутри стояло четкое осознание, что все это время я вне своего желания стремилась именно к такому итогу.

Брианна говорила что-то про колесо. Может, жизнь и смерть каким-то чудом и войдут в равновесие, может, неуспокоенные души вернуться к богине, но мы, мелкие винтики в этом огромном механизме, легко ломаемся и так же легко заменяемся в зависимости от прихоти богов.

Какая-то из очередных дверей распахнулась, и я почувствовала свежий воздух. Пахло травой и легкой сыростью после дождя. Под каблуками застучал мощный камень, затем меня остановили и вдруг сдернули мешок.

Я успела рассмотреть распахивающуюся дверцу кареты, а затем меня посадили, и я по инерции шагнула внутрь.

Первым я увидела напряженное лицо Идвина. Я охнула, забываясь, и кинулась некроманту на шею, моля богов, что не сошла с ума, и вижу реальность, а не большую галлюцинацию, созданную собственным ослабевшем разумом.

— Это ты... — прошептала я. — Всемиловитые боги...

Затем словно обдало ледяной водой. Если он здесь, неужели... неужели и он?..

— Кларисса, садись уже скорее, — раздался знакомый голос, и я обернулась.

Напротив Идвина сидел сам государь. Я обомлела и покорно опустила на подушки рядом с некромантом. Тот так и не выпустил меня из объятий, но я не обратила на это внимание, полностью сбита с толку происходящим.

Карета тронулась. Римерий тщательно задернул занавески.

— Что происходит? — спросила я.

— Мы недолго прокатимся вместе, а затем карета повезет вас в ближайший порт, — откликнулся государь. — А там с моей грамотой вы можете сесть на любой корабль и отправится в любое приглянувшееся вам место, будь это Объединенные республики или даже Долмийские острова.

Я потеряла дар речи.

— И прошу прощение за фокус с мешком, — после короткой паузы добавил Римерий. — То, что мы делаем... не совсем законно. Ни один рулевский суд не оправдал бы тебя, Кларисса, а давать личное помилование в такое время я просто не могу. Бардак творится повсюду, двор кипит, и не дай богиня завтра-после завтра вспыхнет восстание. Пока мы будем улаживать все дела и наводить порядок, может пройти не один год. Столько тебе придется просидеть в тюрьме, ожидая помилования, если ты останешься в Рулеви. Поэтому единственный выход — уехать отсюда. Хотя бы на время.

— А Идвин... откуда ты здесь? — беспомощно пробормотала я. — Я многое рассказала, но я даже не знаю твоего настоящего имени, как же так?.. И зачем тебе уезжать, если ты ничем не раскрыл себя и...

Некромант смутился.

— Этот ловкий молодой человек за несколько дней всеми правдами и неправдами успел сделаться тюремным алхимиком, и наверняка устроил бы много шума, не вычисли его странную деятельность охрана. Я быстро понял, кто это. А когда он подумал, что мои люди решили его задержать, то показал свой темный дар, оживив пару раритетных скелетов в собственном поместье.

— Бекка оказалась свидетельницей всего это происшествя, — откликнулся Идвин. — Она тут же побежала в храм Брианны, прося о скором разрыве между ней и исчадием тьмы в роли меня. Более меня здесь ничего не держит. Наконец-то, я смогу покинуть Эргу и начать все с начала.

— А твоя семья?.. Они же могут пострадать...

— Общество бурлит. Выявлено столько носителей темного дара, что этим уже сложно кого-то действительно удивить, слишком много семей очернено. — Ответил государь. —

И твои родители... Когда их лечение будет закончено, им не придется всех сторонится.

— Они живы?! — воскликнула я.

— Да, — кивнул Идвин. — После свадьбы я нашел Элину, и она указала на то место, где их держали. Когда государевы люди ворвалась туда, там не было ни одного некроманта, все Голоса смерти ушли. Судя по всему, над твоими родителями довели оставленные охранные духи, но после кончины поставивших их некромантов, вероятно погибших на свадьбе, эти цепи разрушились. Поверь, твои отец и мать в полном порядке, не считая общей слабости и легкого обезвоживания.

— Ты так говоришь, словно сам видел их...

— Видел. И говорил с ними. Они уже знают о том, что случилось на свадьбе. Я лично обещал твоей матери, что вытащу тебя, и она кое-что передала...

Он потянулся к сумке и извлек знакомый блокнот.

— Твои родители любят тебя, Кларисса. Все что они делали, они делали лишь из желания тебе помочь.

Я прижала записную книгу к груди. Слезы текли по щекам, оставляя влажные дорожки. Затем, вспомнив, я протянула блокнот обратно Идвину.

— Он твой... наша сделка...

Некромант покачал головой:

— Я хочу, чтобы эта книга осталась у тебя. Пусть в нашем путешествии это будет напоминанием о твоей семье.

Я смахнула набежавшие слезы, изо всех сил стараясь окончательно не разрыдаться.

— Просто чтобы вы знали, чтобы расставить все точки... Я по-прежнему не вижу в вашей некромантии ничего светлого и чистого, — тихо сказал государь. — Мертвецы, манипуляции с душами, разложение... Это слишком далеко от милостивой богини. Но мир устроен действительно сложнее, чем мы привыкли себе представлять. Мою семью обманывали долгие годы, и пострадало множество невинных. И сколько душ по всей Рулевии нуждаются в упокоении, подумать страшно... Я надеюсь, вы еще вернетесь тогда, когда мы все будем готовы громко заявить о своих ошибках. А меня... меня ждет много работы.

Карета затормозила.

Я, повинувшись безумному порыву, двинулась вперед и обняла Римерия.

— Спасибо вам... Спасибо вам за все...

— Берегите себя, — коротко ответил он.

Когда дверца захлопнулась, и лошади вновь тронулись, мы остались с Идвином одни.

Я так много хотела ему сказать. Что благодарна за все, что он сделал. Что не представляю, что стало бы со мной, если бы я не встретила его, человека, который всецело смог меня понять, который ради меня рисковал своей жизнью...

Внутри ворочался целый клубок запутанных чувств, но отчего-то я ощущала себя невероятно счастливой от того, что сижу в этой карете именно рядом с ним.

— Клэр... — прошептал Идвин.

— Да?.. — тихо откликнулась я.

— Клэр, прошу... не покидай меня больше. Не покидай никогда...

Он наклонился, и теплое дыхание защекотало кожу. Все преграды, прежде отделяющие нас друг от друга, оказались окончательно и бесповоротно сломаны.

И я сама поддалась вперед, лоя губы Идвина своими. И всецело отдалась нашему
первом поцелую, теряя и находя себя в тугом кольце рук некроманта.

А кучер тем временем гнал лошадей, уносивших нас все дальше и дальше от проклятой
Эрги. Впереди нас ждало море. Впереди было будущее.